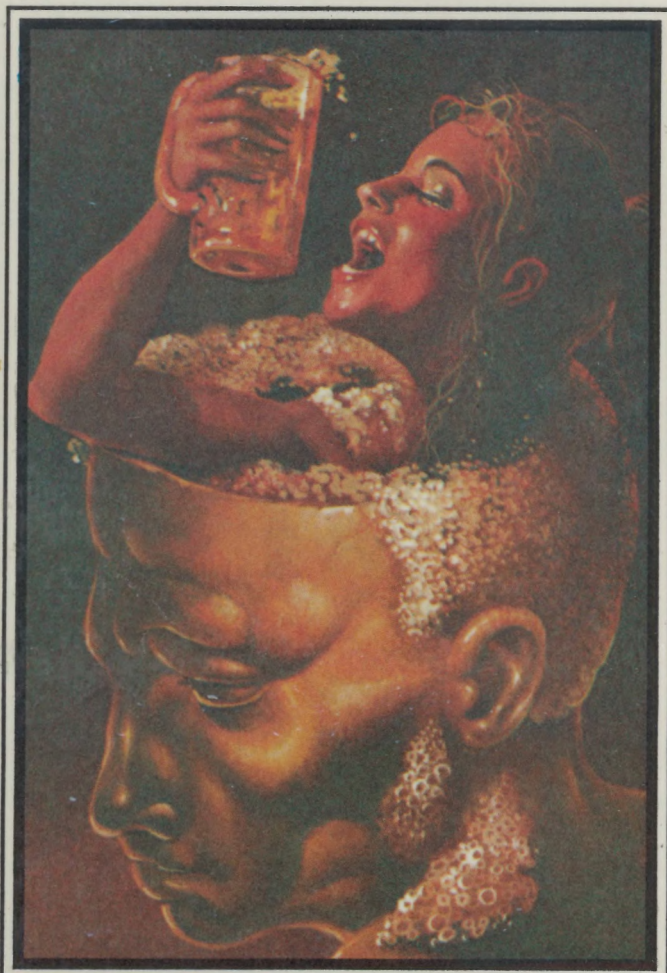

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

16

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume sixteen

**BILL, THE GALACTIC HERO
ON THE PLANET
OF TASTELESS PLEASURES**

**BILL, THE GALACTIC HERO
ON THE PLANET
OF BOTTLED BRAINS**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга шестнадцатая

**БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ,
НА ПЛАНЕТЕ
НЕПОЗНАННЫХ
НАСЛАЖДЕНИЙ**

**БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ,
НА ПЛАНЕТЕ
ЗАКУПОРЕННЫХ МОЗГОВ**

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

Harry Harrison and David Bischoff
Bill, the Galactic Hero
on the Planet of Tasteless Pleasures
Copyright © 1991 by Byron Preiss Visual
Publications, Inc.

Harry Harrison and Robert Sheckley
Bill, the Galactic Hero
on the Planet of Bottled Brains.
Copyright © 1990 by Byron Preiss Visual
Publications, Inc.

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, составление

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-111-1

**БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ,
НА ПЛАНЕТЕ
НЕПОЗНАННЫХ
НАСЛАЖДЕНИЙ**

Глава 1

РЕЦЕПТ ДОКТОРА Д

Сказать по правде, Биллу никогда не приходило в голову, что причиной всему — секс. Впрочем, время от времени у него возникали на сей счет кое-какие подозрения.

— Это же сатирическая нога! — прорычал он. — Чего скалишься, недоумок? Нашел, над чем смеяться!

По счастью, доктор Делязны был штатским, иначе доблестного воина вздрючили бы по первое число. Ошеломленный красноречием Билла — и запахом лука у того изо рта, — врач отшатнулся и быстро заморгал, не сводя с Героя Галактики глаз, спрятавшихся за толстыми, как днище бутылки, стеклами очков.

— Ты ошибаешься, солдат. Нога не сатирическая, а сатирова. Сатир — в греческой мифологии получеловек-полузверь, наделенный неутолимой похотью, готовый спариваться с утра до вечера и всю ночь напролет.

Билл почувствовал, что принимает сатира, благо и сам ощущал себя на взводе. Направляя его сюда, в армейский госпиталь на Костоломии-IV, медицинская комиссия поставила в сопроводительном документе индекс «ПП», который в действительности означал «покой и полный курс лечения»; однако солдаты расшифровывали эту аббревиатуру как «пьянки и потрапушки». То есть вполне

естественно было ожидать а) наличия женщин и б) изобилия спиртных напитков. Что касается второго, тут особых трудностей не предвиделось, благо в госпитале, по соседству с моргом, имелся бар с богатым выбором всяческого пойла. Но вот с женщинами дела обстояли несколько хуже, ибо все медсестры, к сожалению, оказались стальными роботами. Едва прибыв в госпиталь, Билл не замедлил героически надраться до потери сознания, а когда очнулся, обнаружил, что пытается схватить одного из роботов; разумеется, ни о каком удовлетворении не могло быть и речи.

Ладно, что было, то было. Билл провел пятерней одной из правых рук по редеющим волосам и уставился на свою ногу. Та выглядела просто отвратительно.

— Что с ней такое? — проскулил он.

— Хороший вопрос, — одобрил доктор Делязны. — Я как раз собирался взять образец клеточной ткани, чтобы убедиться, насколько обоснованны мои предположения. Знаешь, солдат, по-моему, ты подцепил ужасную космическую инфекцию, которая вызывается психомутагенным плазмодным вирусом.

— Чего?

— Ты заимел ногу-капризулю.

— А, проклятый чинджер, гнусный шпион Трудяга Бигер! Подставил меня, мерзавец! Как он меня подставил! А еще говорил, что оказывает услугу! С его подачи я отказался от своей цыплячьей ноги, а теперь только и успеваю выпутываться из неприятностей.

Билл прикусил язык, сообразив, что распространяться о знакомстве с чинджером не слишком разумно. Вражеский лазутчик — вдобавок к тому, что доставлял кучу хлопот — надоедал ему просьбами перестать воевать, предлагал изменить Империи, стараться подрывать боевой дух солдат имперской армии, разлагать товарищей по оружию — словом, содействовать разоружению и заключению перемирия между людьми и чинджерами. Разумеется, Билл никак не мог нарушить своей пламенной клятвы верности Императору, даже если бы захотел, поскольку в его мозгу, размягченном наркотиками и нейромодуляторами, подобные мысли попросту не задерживались. В результате, добравшись до ставки командования, он тут же во всем признался. Отцы-командиры настолько обрадовались сведением, которые Билл выло-

жил на допросе, что, когда нога Героя Галактики начала выкидывать всякие фортели, отправили солдата на Костоломию-IV — лечиться у специалиста-протоортопеда, доктора Латекса Делязны.

— Совершенно верно. Мои выводы подтверждают нейрологические образы, которые порождаются объединенными усилиями коры головного мозга и Ф-комплекса. Проще говоря, солдат, твоя нога полагает, что присоединена к телу существа, которое не помышляет ни о чем, кроме секса и выпивки. — Врач утрюмо усмехнулся и покачал головой. — Скажи-ка, это тебе никого не напоминает?

Доктор Делязны получил отличное образование: окончил медицинский институт сразу по нескольким специальностям с наивысшими баллами по офтальмологии и отоларингологии, а также с удовлетворительными оценками по ортопедии. Иными словами, он являлся специалистом по ртам и задницам, а потому среди его клиентуры насчитывалось множество юристов; он успешно практиковал трансплантацию упомянутых органов — ведь с юристами проще некуда, эти органы у них взаимозаменяемы. Но однажды Императору, в приступе садистской филантропии, пришла в голову идея казнить всех до единого юристов в пределах освоенной вселенной; доктор Делязны остался без пациентов и вынужден был искать работу на стороне. О своих злоключениях он поведал Биллу накануне вечером, в баре за бутылкой «Старого горлодера».

— Разрази меня гром, док! Мужик на то и мужик, чтобы пить да трахаться! Когда кругом такой бардак, без выпивки спятишь в два счета. А женщины успокаивают как ничто другое!

Билл всхлипнул от жалости к самому себе и страдальчески вздохнул, припомнив своих старых — да и молодых — подружек. Закаленные в сражениях мышцы напряглись, стоило ему только подумать о Мете, которая торчит сейчас на какой-то занюханной планетке на краю Галактики — бьется не на жизнь, а на смерть с проклятыми чинджерами. Мета! Да, вот это была женщина! Какие глаза! Какая грудь! Какая крутая, аппетитная попка, способная посрамить даже зад Инги-Марии Калифигии с Фигеринадона-III! Впрочем, Мета явно не из тех женщин, которые шлепают боси-

ком по кухне и рожают детей до конца своих дней. Насчет таких, как она, предупреждала Билла матушка; Мета превосходила его во всех отношениях и была настолько сексапильна, что могла свести с ума главный компьютер боевого звездолета. И надо же такому случиться: едва они с Биллом свели более-менее близкое знакомство, вшивое армейское начальство сослало Мету к черту на рога! Чтоб им пусто было, стервецам!

Билл принялся размышлять, что же с ним, собственно, происходит. Осталась ли в нем хоть крупица достоинства и человечности? Нет, это противоречило бы армейскому уставу. Способен ли он полюбить? Знает ли, как пишется слово «любовь»? Не к тому ли стремится? Не оттого ли стал прятать в обложку комикса «Кровавые порнографические слюноточивые истории», который читал на глазах у новобранцев, другой комикс, «Истинные космически-романтические мелодрамы»?

Нет. И потом, на что годится обыкновенная женщина? Среди солдат бытовало поверье, что женщина заставит мужчину бросить курить и пить в свое удовольствие, а также трепать языком по любому поводу и таращиться вслед распоследней шлюхе, — а для чего тогда, елки-палки, жить на свете?

Доктор Латекс Делязны вновь посмотрел на компьютерную распечатку.

— Восхитительно! Скажи мне, Билл, известно ли тебе что-нибудь об эндокринной системе?

— Вы про планеты с болотами и ядовитыми океанами в системе Кассиопеи?

Доктор Делязны раздраженно подергал себя за жидковатые волосы на загривке. На вид ему было около сорока. Морщинки в уголках глаз начали собираться в изящные паутинки, напоминающие различные геометрические фигуры. Безучастный к происходящему вокруг, словно его мозг выписывал внутри черепа фигуры высшего пилотажа, он гораздо внимательнее следил за этой акробатикой, чем за той клоунадой, которая разворачивалась в смотровом кабинете.

— Вовсе нет, оболтус в погонах! Я рассуждаю о человеческой физиологии. Эндокринная система, гипофиз, щитовидная железа, надпочечник... И так далее, и

тому подобное... И, конечно, половые органы. Человеческая анатомия, понял, тупоголовый?! Тебя что, ничему в армии не научили?

Билл сокрушенно помотал головой.

— Эндокринная система, Билл, отвечает за важнейшие функции организма. Между прочим, я имею степень доктора медицины со специализацией по эндокринологии. Как по-твоему, нужно ли это Империи? Ба! Ноги да сфинктеры, сфинктеры да ноги — вот все, чем мне приходится заниматься. Какое чудовищное пренебрежение талантом!

Высокий и тощий, врач выглядел сущим пугалом; впечатление было такое, будто он спал, не снимая халата — что, кстати сказать, происходило достаточно часто. Однако при всех своих недостатках он мог похвастаться и некоторыми достоинствами. В частности, Билл проникся к доктору особым уважением после того, как Делязны накануне вечером расправился в баре с алкпи из системы Антареса.

— Знаешь, Билл, — продолжал доктор, перебирая распечатки, — если говорить о внутренней секреции, то твои нижние железы действуют весьма активно. Замечательнее же всего то, что тестостерона в твоём теле, солдат, хватит, чтобы даже у слона выросла борода!

Делязны окинул Билла восхищенным взглядом. Герой Галактики, сообразив, что невольно привлек внимание, почувствовал себя не в своей тарелке.

— А что с моей ногой, док? Я ведь из-за нее к вам попал...

Доктор Делязны прочистил горло, напыжился и авторитетным тоном заявил:

— Солдат, я назначаю тебе следующее лечение. Все свое свободное время, пока не кончится срок твоего пребывания здесь, у нас, ты проведешь в госпитале. Гуляй по захламленному пляжу, посети свалку, загляни на мусоросжигательный завод. В общем, отдыхай. Радуйся жизни! Наслаждайся всем, что только может предоставить тебе клиника «Грин-Н». А я воспользуюсь случаем и исследую клеточное строение твоей ноги.

— Так вы что, новой мне не дадите?

— Я бы рад, Билл, но разве ты до сих пор не понял, что военная медицина страдает от нехватки ножных

трансплантантов? Впрочем, где тебе понять, с твоим-то деревенским, проспиртованным мозгом!

— Нечего было переходить на метрическую систему, — пробурчал Билл. Если верить молве, что распротранялась из сортира в сортир, еще недавно морозильники просто-напросто ломились от запасных ног, однако когда с Гелиора пришел приказ перейти на метрическую систему мер, олухи-нестроевые не поняли, что от них требуется. «Руки в ноги, футы прочь!» — вопили офицеры. Не разобравшись толком, что к чему, медики повыкидывали все до единой замороженные ноги.

Билл намотал на копыто портянку, сунул ногу в башмак, весь потертый и исцарапанный, и тяжело вздохнул, припомнив, до какого блеска начищал солдатскую обувь Трудяга Бигер, то бишь чинджер Бгр, который прятался внутри робота и выдавал себя за новобранца, что шатается без дела по учебному лагерю. Да, в ту пору башмаки сверкали так ярко, как никогда потом.

— Может, вы и правы, док. Пожалуй, мне и впрямь надо отдохнуть. Поменьше пить, дышать свежим воздухом, питаться фруктами, — при одной только мысли о таком отдыхе Билла охватило неодолимое отвращение. Ладно, пускай этот долговязый хмырь думает, что Герой Галактики смирился со своей участью, а уж он постарается смыться отсюда при первой возможности.

Увы! Билл вряд ли предполагал что-либо подобное, однако в космическом расписании на следующую неделю для него значился вовсе не отдых. Если бы доктор Делязны не упомянул о прогулках по берегу моря, возможно, на долю Билла не выпали бы те поразительные приключения среди мифических существ и богов, а также в Зажелезии, — приключения поистине умопомрачительные, захватывающие настолько, что повествование о них читается на одном дыхании: знай себе успевай переворачивать страницы.

— Да, Билл... Насчет геморроя, от которого у нас не нашлось лекарства, — произнес доктор Делязны, когда Билл направился к двери сквозь лабиринт хитроумного медицинского оборудования.

— Что? — с надеждой в голосе спросил Билл. Он так хотел услышать хоть что-нибудь приятное, что у него защемило задний проход.

— Дружище, боюсь, мы не в силах тебе помочь.

Билл обозвал врача-шарлатана столь обидным словом, что ему сразу полегчало, и двинулся в бар. Наступал Счастливей Час; к тому же сегодня был понедельник, что означало, что в баре угощают бесплатной закуской — свиными ножками под маринадом; это блюдо было у Героя Галактики одним из любимейших.

Оставалось только надеяться, что нога-капризуля будет вести себя прилично.

Глава 2

ЧТИВО

Биллу снился сон.

Ему снилось, будто он вновь заделался фермером и бредет, весь в поту, следом за своим робомулом. Будто его главная, единственная мечта — стать техником-удобрителем. Пускай говорят, что это дерьмовая работа; он такой ерунды не скажет никогда. Улыбаясь во сне, Билл видел словно наяву, как бороздит космос, засыпая планету за планетой благоухающим навозом, кучи которого вздымаются до небес, а волшебный аромат щекочет пока еще девственные ноздри миллиарда ошастливленных крестьян.

Внезапно прежний сон сменился другим, и к Биллу, паря на прозрачных ангельских крылышках, подлетел Смертвич Дранг.

— Тридеоигры, Билл, — Дранг хихикнул и стиснул клыки. Послышался скрежет. — Твое будущее — тридеоигры!

Во сне Билл изрядно помолодел. Когда он был маленьким мальчиком, ему отчаянно хотелось отправиться с остальными ребятами в город, чтобы поиграть в тридеоигры. Он всегда побеждал своих товарищей — разумеется, то были шуточки воспаленного воображения. На деле же Билл ни разу не бывал в городе, поскольку

не имел карманных денег; тридеоигры оставались неосуществленной мечтой. Поэтому, когда Дранг, оскалив великолепные клыки, изрек свое пророчество, Билл несказанно обрадовался. Вот оно! Наконец-то! Дранг развернул перед его глазами напечатанный на бумаге с блестками контракт, который сулил, что Билл станет величайшим тридеоигроком в истории мириада цивилизованных миров Галактики, и он не задумываясь подписал сей многообещающий документ.

Тридеоигры требовали не только зоркости, быстроты движений и крепости нервов, но и полной сосредоточенности. Игрока привязывали ремнями к креслу во чреве машины, которая представляла собой изготовленную из жести и пластика копию звездолета, причем копия была оборудована псевдолазерами и эрзац-пульсарными торпедами, а также всевозможными излучателями и прочими видами оружия в духе старого доброго Дока Смита. Затем включался трехмерный экран, и игрок начинал сражаться с трусливыми чинджерами, которые взлетали на своих грозных, смертоносных кораблях с планеты под названием Клоака Преисподней.

Во сне Билла чинджеры вновь превратились в семифутовых монстров с острыми, как бритвы, зубами. По слухам, они питались жареными младенцами, которых поедали, лежа на осклизлых кушетках и смотря телевизор. «Смерть чинджерам!» — прорычал Билл и устремился в гущу врагов. Он закладывал немыслимые выражи, нарушая все и всяческие законы физики, и, как и полагалось герою без страха и упрека, уничтожал залпами из излучателей корабли ненавистных чинджеров.

Внезапно откуда-то сбоку вывернулся вражеский эсминец, и выпущенный из его орудия снаряд проделал дыру в одной из панелей тридеомашины. Билл от изумления разинул рот. Это же игра! Как могло... И тут он сообразил, что угодил в ловушку, попался на удочку имперских вербовщиков и ведет теперь самый настоящий бой с настоящими врагами!

Выходит, игра была не просто игрой.

В брешь в стене полезли друг за дружкой сотни семифутовых чинджеров, вооруженных каждый абордажной саблей с лезвием семи футов в длину. Проис-

ходящее казалось невозможным — но у кого появляются вопросы во сне?

Он обречен!

Билл проснулся с ощущением, что голова у него расколота надвое, а черепные полости словно горят в огне.

Проклятая книга!

Гнусная дешевенькая разодранная книжка из госпитальной библиотеки!

Ноздри Билла широко раздувались, а в носоглотке будто развели костер или какой-нибудь маньяк-ученый налил кислоты. Билл поднялся с койки, подковылял к раковине, обхватил руками голову, застонал и одновременно попытался высморкаться, но добился лишь того, что жжение в носу усилилось. Продолжая стонать, он повторил попытку, шумно вздохнул, ухватился за край псевдофарфоровой раковины и попробовал снова.

Раздался громopodobный звук, и из носа Билла вылетела ромбовидная лепешка около дюйма в поперечнике; из лепешки торчали резиновые отростки, металлические наконечники которых тускло и прерывисто светились. Лепешка упала в раковину и с шипением заерзала по дну. Билл открыл кран, и струя воды в конце концов утихомирила мерзкую штучку.

Книга.

Она называлась — о чем свидетельствовали выпуклые буквы на верхней стороне лепешки — «Лоб в лоб» и принадлежала перу некоего Орсона Пуза Курда. Билл смутно припомнил, что речь в ней шла о слабоумном ученом-сервомеханике, похищенном злобными чиндже-рами, которые решили использовать знания пленника во вред исполненной благородства Империи; но что было дальше, он даже не догадывался, поскольку книга застряла, не преодолев и половины носоглотки. «Не забудьте вынюхать замечательное продолжение, "Макароны обормотов", которое скоро выйдет в "Мейс Букс"», — гласила вторая надпись, поубористей первой, самую чуточку заляпанная слизью из носа Героя Галактики.

По причине того, что среди первопоселенцев на недавно открытых пограничных планетах насчитыва-

лось громадное количество неграмотных, книжные компании стали выпускать «клеякие книги», которые сразу же приобрели огромную популярность. Они издавались вместе со специальными автоматическими щупальцами, которые внедрялись в мозг читателя и, действуя затем как передатчики, снабжали беднягу словами и понятиями, необходимыми для понимания книги. После того как жертва заканчивала «чтение», устройство выбрасывало из себя чихательный порошок. Теория утверждала, что, для того чтобы избавиться от адской машинки, достаточно одного более-менее приличного чиха. Выпавший из носа агрегат следовало промыть; высохнув, книга оказывалась в полной готовности к очередному употреблению. Однако на практике применялась процедура так называемого разоблачения, суть которой состояла в том, что из книг извлекали опознавательные контуры, после чего переплавляли оптовикам, а те продавали товар по сниженной цене военным и обитателям планет для умственно отсталых. Это было намного выгоднее, чем возвращать книги в издательства; впрочем, помимо законов капиталистического рынка, была еще одна причина, по которой упомянутая процедура распространялась повсеместно, а именно — позорная и кровопролитная Галактическая война; при воспоминании о ней стыла в жилах кровь даже у ветеранов вроде Билла. К сожалению, зачастую вместе с опознавательным контуром из книги извлекалась значительная доля содержания; так что, случись вам попасть в госпиталь, вы, если попробуете прочесть такое вот, с позволения сказать, «специальное издание», обнаружите, что книга в лучшем случае обрывается где-нибудь на середине.

Нечто подобное, по всей видимости, и произошло с Биллом, который накануне вечером сунул книгу себе в нос, намереваясь почитать на сон грядущий. Вдобавок проклятая книжка оказалась не слишком чистой: от нее исходил достаточно сильный запах чужих соплей.

Высморкавшись, Билл смахнул выступившие на глазах слезы, вернулся к койке и проглотил изрядную порцию «Пепто-Абисмал» — «успокаивающего желудка антисептика и носочистителя». Этот мерзопакостный госпиталь действовал ему на нервы! Книжки все без начала и конца, санитарные условия немногим лучше, чем в лагере имени Льва Троцкого, где он столько времени возился с новобранцами. Костоломия-IV отно-

силась к тем планетам, которые открыли совсем недавно. Несмотря на то что в ее атмосфере содержалось довольно много кислорода — что любопытно, в составе атмосферы обнаружилось, кроме того, следы ароматных, переносимых по воздуху алкалоидов, наличие которых ученые объясняли тем, что некогда планету населяли ныне вымершие буддисты, индусы или хиппи; итак, несмотря на кислород и на то что Костоломия вращалась вокруг звезды типа «А ну-блесни!», весьма похожей на Солнце, на поверхности планеты не было найдено ни единого живого разумного существа. Сплошные заросли растительности, загадочный черный океан, частые приступы геологической активности... Поскольку Костоломия располагалась на полпути откуда-то куда-то, причем и то и другое было одинаково омерзительно, вполне понятно, почему армейское начальство решило построить на ней временный лагерь с пересыльным пунктом, публичным домом для старших офицеров и госпиталем на побережье черного океана, зловещие воды которого не ведали, что такое прилив или отлив. Вдобавок рядом с госпиталем возвели завод по дегидрации воды, который снабжал солдат водным порошком (нужно только добавить воды — и пожалуйста! можешь пить воду).

Билл запил лекарство водой, которая имела неприятный привкус, и плюхнулся на койку. Он задремал, но вскоре открыл глаза, опять задремал и вновь встрепенулся, и так продолжалось до самого утра: Билл не мог заснуть, ибо у него по-прежнему болела голова. Наконец подоконника коснулся розоперстый рассвет. Боль слегка поутихла, зато появилась новая забота: по ногекпризуле побежали мурашки, словно она ни с того ни с сего затекла. Пожалуй, подумалось Биллу, надо бы показаться доктору Делязны. Казалось, к его ноге притронулась своей волшебной палочкой фея Динь-Динь и внутри копыта немедленно начали твориться всяческие сказочные безобразия.

Билл натянул поношенную пятислойную бумажную робу и, стеля на каждом шагу, направился к выходу из палаты, надеясь, что его стоны разбудят четверых солдат, с которыми он делил помещение и которые, накачанные под завязку наркотиками, спали сном если не

праведников, то уж нарколептиков — точно. Однако ему не повезло: товарищи упорно не просыпались.

Билл спустился в подвал, где, в приятной близости от бара и морга, находился кабинет доктора Делязны. (Многие пациенты доктора страдали ужасной болезнью, педосфинктерной гнилью, разновидностью ксенорака, который распространяется с поистине сумасшедшей скоростью и является дальним потомком микоза; он уничтожал солдат поодиночке и целыми взводами, поражая в причинные места и их окрестности. Отсюда — двойная специализация Делязны и близость кабинета к моргу.)

Нога все еще капризничала: теперь в ней будто устроила оргию компания подвыпивших гуляк.

Достигнув нижнего уровня, лифт резко остановился. Створки двери с визгом разъехались в стороны. Биллу почудилось, что он видит лысоватый череп доктора Делязны, исчезающий за дверью прачечной. Следом за черепом мелькнули и пропали развевающиеся полы халата.

Интересно, куда так торопится док? И что он забыл в прачечной?

— Эй, док! — крикнул Билл и, припадая на ногу-капризулю, которая вела себя более чем странно, двинулся вперед. — Погодите! Мне надо с вами поговорить!

Билл распахнул дверь с табличкой «Прачечная» и очутился в помещении, вдоль стен которого громоздились кипы белья, а между ними шныряли крысозубы — местные животные вроде грызунов: они обитали в казармах и прочих армейских сооружениях и питались, судя по всему, линолеумным варом и обрезками ногтей. Посредине комнаты свисала с потолка воронка, под ней располагалась корзинка с грязными полотенцами, одеждой и постельным бельем, от которых разило разнообразными запахами человеческого тела.

— Док! Док Делязны! — Билл приблизился к воронке, огляделся. Неожиданно из горлышка воронки выскочила пара перепачканных грязью брюк, которая приземлилась на голову Билла. Он зарычал, схватил брюки и швырнул их в гущу спаривающихся крысозубов. Те тут же набросились на лакомство.

Доктора нигде не было, хотя Билл мог бы поклясться... Минутку! Билл повернулся, вышел в коридор и заглянул в смотровой кабинет Делязны. Никого...

Яркие оранжево-голубые неоновые буквы «Госпитальный бар» сверкали, как обычно, ярко, однако дверь оказалась запертой. Да, заведение откроется лишь в шесть тридцать. Начальство подумывало о том, чтобы нанять бармена, который работал бы круглосуточно, но дальше размышлений дело пока не шло. В морге было пусто — если, разумеется, не считать мертвецов. Таким образом, доктор Делязны, по всей видимости, скрылся за позолоченной дверью, украшенной фальшивыми бриллиантами и табличкой с надписью «Приют героев — только для отважнейших воинов Галактики». При одной мысли о том, что придется зайти туда, Биллу стало плохо. Он попятился, не испытывая ни малейшего желания переступить порог. Однако нога-капризуля снова напомнила о себе, и Билл распахнул дверь.

«Приют героев» называли еще салуном «Последний шанс», а настоящего названия — палата смертников — старались не произносить вообще из суеверного страха. В палате стоял излучатель ароматов, однако его флюиды все же не перебивали витавшего в воздухе запаха разложения; тихая музыка сопровождалась сдавленными стонами умирающих и монотонным писком регистрирующих устройств, который означал уход в мир иной очередной партии бродяг. Билл быстренько огляделся по сторонам. Доктора Делязны не было и здесь.

— Чтоб тебе! — прорычал Билл и повернулся, собираясь поскорее унести ноги. Внезапно он заметил нечто такое, от чего у него перехватило дыхание.

Книги! Целая полка книг! И все они, похоже, в полном порядке. Не разодранные! Билл изнемогал от скуки и, пожалуй, не отказался бы сейчас прочесть какую-нибудь книгу с первой до последней строчки. Ему подумалось, что умирающие, должно быть, пользуются особыми привилегиями. Хотя вряд ли кто из них успевает дочитать книгу до конца.

Он принялся изучать заглавия. «Эй-эйо!» Грега Бора. «Планета чужаков-трансвеститов. Том 4: Колодец гени-талей» Джека Л. Апчакера. «Ночь живых чинджеров» Стивена Зинга. Елки-палки! Классика!

Впрочем, как ни крути, больше одной ему все равно не вынюхать. Билл выбрал сверкающую книжку под названием «Блинерз Дайджест». Судя по содержанию, в ней помещалось десять романов, ужатых для удобства тех, кому предстояло вскоре свести все счета с жизнью.

Неплохо, неплохо. По крайней мере, будет чем заняться. Услышав поблизости предсмертный хрип, Билл поторопился покинуть палату.

Естественно, он перво-наперво прокипятил книжку. Его поздри возбужденно затрепетали, ибо нос Билла уловил запах чужого носа; выходит, он поступил правильно — книжка обносенная, то бишь ею уже пользовались.

Будь Билл повнимательнее, он наверняка заметил бы окуляр электронного перископа, который запечатлевал все его действия и передавал изображение глубоко под землю, где затаилось крохотное ящероподобное существо.

Глава 3

ОПАСНОСТИ ПРОГУЛОК ПО ПЛЯЖУ

Какой чудесный обыкновенный день! Как хорошо быть наполовину живым!

Крохотные волны лениво накатывались на бурый песок. Зеленовато-оранжевое солнце зависло над горизонтом таким разбухшим гниловатым фруктом. Свинцовые тучи медленно ползли по небу, как бы затягивая его зияющей прорехами вуалью, которая — вот радость! — отчасти поглощала лучи омерзительного светила. Билл ковылял вдоль кромки черной воды, морщась от вони — тут и там на песке валялись разложившиеся рыбины, — которая раздражала его и без того истрадавший нос. Он оглушительно чихнул, затем вытер нос тыльной стороной ладони. Моральный дух Билла провалился в тартарары и остался лежать на дне неподвижной бесформенной кучей.

О да! Какое замечательное место! Как нельзя лучше подходит для ПП! Билл с немалым трудом добился разрешения на утреннюю прогулку. «Подыши свежим воздухом». Ха! Ну и шуточки у этого доктора! Биллу вдруг захотелось очутиться на планете Бормашина. На той, по крайней мере, стоят на каждом углу автоматы с веселящим газом, которого только глотнешь — и уже на вершине блаженства. Разумеется, народ употреблял его с утра до вечера.

Ну да ладно, солдат на то и солдат, чтобы идти, куда прикажут, беспрерывно бранясь и жалуясь на судьбу. Бар до сих пор не открылся, свою собственную выпивку Билл давно прикончил, доктор Делязны сгинул без вести, — в общем, было от чего прийти в отчаяние. Потому-то Билл и решил немного прошвырнуться, а потом взяться за прокипяченный «Блинерз Дайджест».

Он снял башмаки, поддавшись желанию пройтись по песку босиком, сделал десяток-другой шагов, а затем обернулся и посмотрел на цепочку своих следов, которую лизали ставшие теперь изжелта-зелеными волны. Ну и ну! Отпечатки обычной человеческой ноги, а рядом — ямины от копыта. Загадка для залетного ксе-нобиолога. Вот бы поглядеть, как тот, бедолага, будет пыжиться!

Пожалуй, можно забрести в воду, — пускай охладит разошедшуюся ногу. Билл подобрал плоский камешек и запустил его в море. Внезапно из воды вынырнула рыба — разинула пасть, раздраженно зарычала, поймала камень и плюхнулась обратно. Она исчезла, но Билл все еще видел, мысленным взором, громадные, острые белые клыки.

Он остановился. Да, в воду лезть не стоит; впрочем, ему все равно не особенно хотелось купаться. Он человек простой, со скромными потребностями, ищет самых простых радостей. В общении с противоположным полом. Или в еде, выпивке или наркотиках. Желательно, конечно, все сразу. А лучше всего — демобилизоваться, но на это, естественно, нечего и рассчитывать. К несчастью, прогулка босиком по песчаному пляжу и размышления о милостях старой гниды матушки-Природы не сулили ничего сколько-нибудь похожего на эти неприятные удовольствия. Билл шумно вздохнул, оглушительно чихнул, вернулся туда, где оставил башмаки, обулся и двинулся к госпиталю, в полной уверенности, что бар наконец-то открылся и он сможет исполнить хотя бы одно из своих немудреных желаний.

На обратном пути Билл как следует присмотрелся к морю — и к дегидрационному заводу за госпиталем. Из заводских труб вырывались густые клубы жирного черного дыма. Интересно, мелькнула у Билла мысль, а что там, в воде? Наверняка какая-нибудь пакость. Он

подступил поближе к кромке воды и уставился на маслянистую жидкость.

Морская вода отдаленно напоминала пиво — темное или пресловутое крепкое «Фон Гиннес», которое варили на залитых лучами зеленого солнца побережьях планеты Падди. Волны украшали гребешки золотистой пены. Биллу нестерпимо захотелось промочить горло. Жалко, что в госпитальном баре не подают ничего такого, что могло бы худо-бедно сойти за «гиннес». Билл сильно подозревал, что пойло, каким угощают в баре, изготавливается из содержимого местной клоаки, приправленного формальдегидом. Впрочем, наклюкаться можно было и им; к тому же он не имел дурной привычки воротить нос от стакана только потому, что от того плохо пахнет.

Билл собрался было двинуться дальше, но тут ярдах в пяти от берега над поверхностью моря взметнулся пенный гейзер. Пена почти сразу опала, и взгляду Билла предстал некий темный предмет, с которого капала вода.

— Эй, верзила!

На мгновение Билл преисполнился восторга. Перед ним стояла обнаженная женщина — набухшие соски, роскошные груди бурно вздымаются, прекрасное лицо выражает всепоглощающую чувственность...

Священный дух великого Ахура Мазды! Кажется, его хотят соблазнить!

Билл предвкушал наслаждение. Женщина направилась к берегу. Ее фигура вырисовывалась все отчетливее — и миг восторга миновал. Ниже талии тело женщины покрывала густая козлиная шерсть того же темно-коричневого цвета, что и грива мокрых волос, обрамлявшая прелестное личико. Женщина ступила на берег, и Билл увидел, что вместо ступней у нее раздвоенные копытца, точно такие же, как у него, разве что поменьше.

— Привет, — сказал он. — Очень рад познакомиться. К сожалению, мне пора делать укол. Я подцепил жуткую болезнь, которая называется — нет, я не посмею произнести это слово. — Он попятился, и вдруг его нога — разумеется, капризуля — провалилась в песок; Билл потерял равновесие и упал.

Женщина продолжала приближаться. Похоже, ее нисколько не смутило признание Билла. Она сладострастно облизывалась и смахивала на ожившую картинку из «Галактического Шлюххауза».

— Ты не красавец, — проговорила она хриплым от страсти голосом. — Но, сдастся мне, мы поладим. И потом, у тебя такая замечательная нога! Жалко, что одна.

Билл в ужасе завыл и попытался вскочить. Однако диковинная женщина схватила его за ремень — хватка у нее оказалась на удивление крепкой — и снова повалила на песок.

— Да брось, солдат! Неужели тебе не хочется позабавиться со мной?

Биллу если чего и хотелось, так это вырваться и удрать. К несчастью, он, гора накачанных мускулов, не мог даже пошевелиться, а не то что высвободиться из объятий настырной красотки. В ее изящных ручках таилась недюжинная сила. Похотливо изогнув спинку, женщина поволокла Билла к морю. По песку протянулись две глубокие борозды, оставленные пальцами Героя Галактики, который тщетно пытался за что-нибудь зацепиться.

— Нееееееет! — взвыл Билл. В следующее мгновение вой перешел в душераздирающий визг: ноги Билла погрузились в теплую, мерзопакостную воду.

— Вдохни как следует, дружок. По-моему, ты уже втюрился в меня по уши, — женщина захихикала. Должно быть, ее одолел приступ безумного инопланетного веселья. И, все еще хихикая, сатир в женском обличье увлек Билла, отчаянно брыкавшегося и размахивавшего руками, в глубину загадочного, мрачного моря.

Глава 4

МИФИЧЕСКАЯ СТРАНА

Ик, подумал Билл. Ик, раз-ик и раз-этак.

Он как будто плавал в глубокой чаше, заполненной желатином с привкусом лакрицы, вроде того, какой радостно пожирал в лагере имени Льва Троцкого Трудяга. Билл всегда отдавал этому психу свою порцию десерта; так же поступали и многие новобранцы, вовсе не по широте душевной — какая там широта души у солдата! — а просто потому, что десерт, как и все остальное, был совершенно несъедобен. Кстати говоря, Трудяга съедал лишь малую толику, а в основном использовал десерт в качестве гуталина.

Вниз, вниз. Билл опускался все глубже. Ик! О-хо-хо. Брр!

Он попытался окинуть мысленным взором прожитую жизнь.

Поскольку та была достаточно короткой, вскоре начались повторы, а затем отдельные эпизоды стали накладываться один на другой.

В конце концов, когда черная жидкость стала до невозможности черной и густой, а сам Билл почувствовал, что вот-вот окачурится, он вдруг обнаружил, что барахтается на земле и выплевывает из себя воду, точно выброшенный на берег кит.

Мало-помалу в груди Билла оказалось столько кислорода, сколько требовалось для того, чтобы изголодавшиеся легкие заработали в полную силу. И тут кто-то выключил свет, и Билл вновь окунулся в кромешную тьму.

«Лапочка!» — только и успел подумать он, проваливаясь в бездну.

Сознание фокусировалось медленно; изображение возникало постепенно, словно в эротическом фильме.

Билла вырвала из забытья птичья трель. Душистый зефир шевелил его волосы, он слышал звонкий смех и мелодичное треньканье какого-то музыкального инструмента. Все было просто замечательно, Билл расслабился и успокоился. Он, вероятно, постарался бы пролежать там, где лежал, как можно дольше, но внезапно, прогнав приятную истому, ему в ноздри ударил едкий, сладостный аромат.

Чвак! Веки разомкнулись, и Билл открыл глаза.

Вино!

В его списке из десяти излюбленных жидкостей, содержащих C_2H_5OH , вино стояло, пожалуй, на девятом месте; десятое занимало «Стерно», а возглавлял список старый добрый этиловый спирт во всех своих видах и разновидностях. И то сказать, частенько ли простому солдату выпадает случай потешить себя таким изысканным напитком, как вино? Будучи на Шишке-IV, Билл как-то ухитрился надраться вином из лесных ягод — получив увольнительную, он не стал задерживаться в учебном лагере, где проходил обучение на сортирного смотрителя, и завернул в первую же попавшуюся откровенно гнусную забегаловку; о том, каким было похмелье, он до сих пор, когда ему случалось загрустить, вспоминал с содроганием. Однако то вино, которое на него пахло сейчас, сулило истинное наслаждение. Если уж на то пошло, алкоголь везде алкоголь. Билл забыл о выпивке единственный раз в жизни — догадавшись, что должен будет пилотировать звездолет. *(Примечание. Командование Галактической армии рекомендует воздерживаться от употребления спиртных напитков.)* Впрочем, пилотом Билл не был и не имел ни малейшего желания им стать, приходил в ужас при

одной только мысли о подобной участи, а потому тревожился за себя крайне редко.

Глаза Билла округлились, в желудке сработало сцепление и включилась передача, рот заполнился слюной, которая затем выплеснулась наружу, потекла по подбородку, закапала с одного из клыков Смертьича Дранга.

— Эй, там! — прохрипел Билл. — У вас найдется лишний стаканчик?

Он приподнялся, огляделся — и забыл даже думать о выпивке.

Он находился в оливковой роще. В небе висело стилизованное солнце, которое излучало тепло и протягивало к Герою Галактики свои нежные золотистые персты. Само небо было голубей яйца малиновки, снесенного в период глубокой депрессии. Вдалеке высились горные пики, а в нескольких ярдах от Билла переплетались лозы дикого винограда. Роскошная трава, на которой распростерся Билл, была мягче ковровых дорожек на офицерской палубе имперского крейсера. Из нее выглядывали цветы самых разных тонов и оттенков, словно нарисованные художником-импрессионистом, создавшим истинный шедевр искусства разбрызгивания краски.

Однако Билла поразила не столько ошеломляющая красота местности, сколько та, с позволения сказать, деятельность, которая кипела вокруг. Едва одетые женщины то прятались в кустарнике, то, смеясь, выглядывали наружу; их одержимо преследовали рогатые и мохнатые сатиры — правда, не все: некоторые, по-видимому, добились своего и теперь возлежали на травке и вкушали багровые апельсины, что свисали с ветвей, сверкая на солнце. Похожие на философов типы в белых хламидах и с венками из лавровых листьев на умудренных возрастом челах обсуждали некую метафизическую теорию, одновременно с вожделением поглядывая на маленьких мальчиков и отвлекаясь от ученого спора лишь затем, чтобы схватить за ягодицу проходящего мимо эфеба.

И все участники этого действия держали в руках огромные, украшенные самоцветами кубки, в которых плескалась ароматная рдяная жидкость; к тому, чей кубок хоть немного пустел, тут же подбегала стройная дриада с полным кувшином.

Да славится вечно всеподатель Ахура Мазда во всем своем величии! Билл давненько не заглядывал в церковь, но сейчас попросту не мог не воззвать к божеству. Что за диковинная вечеринка!

— О, что это за дивный новый мир, в коем обитают такие существа? — раздался вдруг голосок, сладкий, как любимое детское лакомство Билла, кукурузные хлопья «Хрустящие собачки» (каждое из хлопьев имело вид маленькой собаки).

— Чего? — восторженно пролепетал Билл. Голосок прозвучал у него за спиной, поэтому он повернул голову.

— О милый принц! — продолжал голосок, звонкий, как колокольчик. — Я никогда еще не лицезрела столь прекрасных черт! Снизойди к моей нижайшей просьбе, добрый сэр, позволь поцеловать сей клык слоновой кости!

Билл сообразил, что смотрит прямо в бездонные голубые глаза, подобных которым в жизни не видел. Эти глаза глядели на него с прелестного личика и способны были отправить в небо тысячу звездолетов. А тело — тело могло воспламенить сердца тысячи воинов. Весь наряд обворожительной чаровницы составляли крохотные шелковые лоскутки, а дополняли его водопад светлых волос и гладкая, ослепительной белизны кожа.

О небо! Что за сногшибательная красotka!

Билл совсем уже собирался наброситься на нее, заключить в свои щедрые объятия, прильнуть к этим пухлым губкам и целовать, целовать, — в общем, заняться той ерундой, о которой читал в романтических журналах; но внезапно замер, вспомнив, каким образом попал сюда.

— Где я? — справился он, сознавая, что у него начисто отсутствуют воображение и/или находчивость, затем сел, оглядел себя и обнаружил, что по-прежнему облачен в госпитальный комбинезон, что башмаков на ногах по-прежнему нет и что одна из ног по-прежнему мохнатая и, о чем нельзя не упомянуть, заканчивается раздвоенным копытом. В руке Билл по-прежнему сжимал книжку под названием «Блинерз Дайджест». Он равнодушно сунул чудо техники в карман и с подозрением осмотрелся по сторонам.

— Разве ты не знаешь, милый? — удивилась красавица. — Ты на баснословных Полях Озимандии. Недалеко отсюда еще более известные Елисейские Поля. Скажи мне, добрый сэр, молю тебя, к каким ты относишься мифическим существам?

Билл взглянул на молодую женщину и оказался загипнотизированным и парализованным: так на него подействовали ее озабоченное улыбкой личико, жемчужные зубки и пышные груди, едва прикрытые легчайшим и прозрачайшим кусочком материи.

— Я инструктор по строевой подготовке, солдат имперской армии, рядовой, необученный, сексуально озабоченный!

— Хм-м... Никогда о таких не слышала. Ты, должно быть, из Пещер Гадеса. Там мужчины все как на подбор. Знаешь, прости за смелость, но ты ужасно красив! Могу я налить тебе вина? Конечно, в большой кубок?

Неужели сам Император воссел на трон? Ошарашенный, пьяный без вина, Билл сумел только пробормотать «Уф! Да!», и вытаращился вслед красотке, которая, аппетитно покачивая крутыми бедрами, отправилась за обещанным кубком.

Неожиданно он сообразил, что его сердце колыхается в груди не совсем так, как обычно. Вообще-то колыхания при виде особ противоположного пола — в частности, колыхания некой части тела — были ему не в новинку, однако то, что происходило сейчас, означало нечто неизмеримо большее, хотя и одобренное вздохами и дрожью в подбрюшье.

Билл рыгнул, и дрожь прекратилась, но вот мозг не сумел освободиться от власти наваждения.

Билл влюбился, причем — с первого взгляда!

Естественно, он возжелал поскорее утолить свою страсть, а потому стал с нетерпением ожидать возвращения милашки.

Вдруг из-за ствола оливы высунулась голова того самого сатира в женском обличье. Губы существа растянулись в плотоядной ухмылке.

— Эй, верзила! Ты никак очнулся?

— Ты! — проговорил Билл, пустив от отвращения слюни, которые запузырились на губах, потекли струйками по подбородку. Он поднялся, стряхнул с комбинезона пыль и ткнул в свою похитительницу толстым солдатским пальцем. — Куда ты меня, черт побери,

заманила? А ну признавайся! Тебе что, не известно, что похищать солдата армии Его Величества Императора все равно, что изменять присяге, и даже хуже?!

— Слушай, морячок, — отозвался сатир, соблазнительно подпрыгнув и облизнув палец Билла длинным, как у лошади, языком, — я всего лишь хотела поразвлечься. Ты, случайно, не из гомиков?

Для мужественных солдат вроде Билла обвинение в женоподобности было приблизительно то же, что для быка красная тряпка, однако сейчас Билл пропустил его мимо ушей, решив, что если и будет что-то доказывать, то только той красотке, которая пошла за вином. Ему хватило выдержки повторить вопрос.

— Это место, разрази меня гром, ничуть не похоже на Костоломию-IV! Где я?

— Ты про ту вшивую планетку, с которой я тебя утатила? Скажем так: ты там — и не там. А теперь поделись секретом: какую позицию ты предпочитаешь?

— С тобой — никакой!

— Парень, ты в порядке? Те ребята, которых я похищала раньше, обычно не ждали приглашения. Может, тебе что-нибудь отстрелили на войне? А?

Тут наконец-то показалась красавица, которая свела Билла с ума. Она несла кувшин с вином, такой большой, что ей приходилось держать его обеими руками.

— Зевс-кашевар! — вздохнул сатир. — Теперь мне все понятно. Выходит, тебя зацапала Ирма? — Существо сокрушенно пожало плечами.

— Дорогуша, — ледяным тоном промолвила Ирма, окинув сатира взглядом и заломив прелестные брови, — ты самая омерзительная шлюха, какую я когда-либо видела. И потом, мне казалось, что сатиры все самцы.

— Так и есть, малышка, — ответил сатир, срывая с головы парик и сбрасывая на землю накладные груди. — Просто я люблю разнообразие. Вдобавок интересно ведь узнать, как живет вторая половина, — он нагнулся, достал из фальшивого бюста сигару, сунул в рот и двинулся прочь, на прощание одарив девушку злобным взглядом.

Для трезвого как стеклышко Билла это было уже слишком. Он выхватил у Ирмы кубок и сделал несколько весьма приличных глотков, после чего, разомлев от удовольствия, испустил сдавленный вздох — такого вина ему пробовать еще не доводилось; правда, до сих пор

он вообще не знал вкуса настоящего вина — во всяком случае, настоящего на апельсиновом соке. Почувствовав себя гораздо лучше, Билл посмотрел на Ирму, и его сердце вновь растаяло от любви.

— Ирма! Какое чудесное имя! А меня зовут Билл.

— Спасибо, Билл.

— А что такая замечательная девушка, как ты, делает в здешних местах?

— О, я провела тут всю свою жизнь. Это мой дом. Я сейчас живу в Парфеноне.

— Ноне в законе?

— Что?

— Так, ничего, — Билл снова присосался к кубку, чтобы прочистить мозги. — Что-то я никак не разберу. Сдается мне, я слышал о мифах и прочей дребедени из книжек и комиксов. Однако мифы должны быть мифами, верно? Ну, если они происходят на деле, значит, перестают быть мифами. Правильно?

— Ты попал в точку, Билл, — проговорила Ирма, потупившись. — Твоя правота неоспорима. Я родом вовсе не отсюда. Как и тебя, меня похитили с моей родной, материнской планеты. — Она села, прислонилась к стволу дерева и заплакала.

Билл, продолжая попивать вино, погрузился в размышления. Стоило ему посмотреть на девушку, как его сердце начинало выбивать барабанную дробь. Как и положено солдату, он по-прежнему был не прочь перейти к решительным действиям; впрочем, в глубине души он оставался деревенщиной, а потому несколько растрогался, услышав горькие рыдания похожей на прелестный цветок молодой женщины.

— Ну, ну, — пробормотал он, подыскивая слова, которые могли бы успокоить Ирму. — Может, тебе станет лучше, если мы займемся потрясающим сексом.

— Все вы, самцы, одинаковы, свиньи, жеребцы проклятые! — всхлипнула Ирма и зарыдала горше прежнего.

— Послушай, Ирма, — произнес Билл, который принял ее слова за комплимент и растрогался еще сильнее. — Я придумаю, как нам выбраться отсюда. Но для начала нужно побольше узнать друг о друге. — И он принялся излагать, вдаваясь в мельчайшие подробности, свою историю, упомянул и о том, что его притащил сюда похотливый сатир. Ирма, по щекам которой

струились совершенные по форме слезы, слушала, время от времени моргая и шмыгая носом. Дважды, когда Билл повторялся, она засыпала, и ему приходилось будить ее. Тем не менее она честно пыталась слушать.

— А теперь твоя очередь, Ирма. Расскажи мне о себе.

Ирма охотно исполнила его просьбу.

История Ирмы, или «Шельма»

Меня зовут Ирма Сказкиль. Родом я с планеты Дурман, что находится в Околонаучной системе Полузапеченного сектора Галактики.

Когда я была маленькой, то очень любила котят. О, какие симпатичные зверьки — пушистые, ласковые! Просто прелесть! Я обожала кошек и котят, и слуги прозвали меня Кошечкой. Я до сих пор откликаюсь на это прозвище, так что прими к сведению. Моих котят звали Лунный Зайчик, Пылинка и Снежинка. Они играли с клубками шерсти, прыгали по комнате... О, нам было так весело! Я не рассказывала тебе про котенка по имени Мистер Меховушка? С диковинными серыми пятнышками на спинке, ближе к хвосту? Знаешь, когда они вырастали и становились котами и кошками, они вовсе не делались телепатами, хотя мне хотелось, чтобы с ними стряслось что-нибудь этакое, как в книжках про Храпуна Энди, которые я читала запоем. А ты не читал? Одна называлась «Галактические зверюшки», а другая, моя любимая — «Сучий мир». Нет? О, как жаааааль... Герои и героини все телепаты и могут разговаривать с животными! Да, я совсем забыла про котенка, которого звали Мистер Смутьян. Он, когда вырос...

Тут Билл прервал Ирму и предложил ей заканчивать с котятами и переходить к делу. Дескать, пускай говорит о чем угодно, но только не о том, от чего ему хочется завопить как сумасшедшему. Словом, все равно о чем, лишь бы не о котах.

— Хорошо, хорошо. Я сказала, что была принцессой? Вот именно! Моим отцом был король Ганс Нехристь

Сказки. Между прочим, не каждому так везет с родителями. Это он подарил мне котят. А у папы был советник по имени Мерфад. Он, то бишь Мерфад, заявил однажды, когда на него снизошел дар пророчества, что я — Особая. Не знаю, известно ли тебе, кто такие Особые; их называют талантами, экстрасенсами или, на некоторых планетах, болтунами. Мерфад обнаружил, что моя особенность заключается в том, что я могу общаться с единорогами. К сожалению, на Дурмане единорогов не водилось, а потому я не могла воспользоваться своим дарованием. Тем не менее я твердо знала, что я — не просто Особая, но Особая принцесса!

А теперь о грустном. Меня похитила злая королева Шельма из страны Огромных Снежных Гор. Я тогда была девочкой. Хуже того, она наложила генетическое проклятие на страну Юности, которой правил мой отец. Проклятый Зевс! Сказать по правде, я страшно обрадовалась. Я говорила, что за мной ухаживал один паренек? Представь себе. Его звали Джо. Мы с ним оба любили кошек, потому-то и сошлись друг с другом. Вдобавок Джо тоже был Особым. Он умел разговаривать со слизняками. К несчастью, это его умение не слишком помогало ему в поисках похищенной возлюбленной. Да, Джо искал меня, но вскоре умер от ужасной болезни. Так утверждала злая королева Шельма: она твердила, что Джо прикончили смертельные прыщи. Я быстро выяснила, что ей надо. Она стремилась править всей планетой, хотела изменить орбиту Дурмана и превратить его в галактический лыжный курорт. Она даже пошла на сделку с чинджерами, которые пообещали переправить на Дурман Особого Космического Единорога, из-за чего и выкрала меня — чтобы я общалась с животным!

Так вот, узнав об этом, я решила, что не соглашусь ни за какие деньги. Папа ненавидел туристов! Значит, нужно было бежать. И я бежала! Я спустилась в нижние пещеры, отыскала канализационный сток, подняла решетку и, светя себе фонарем, двинулась по трубе в толщу скал.

Я шла очень долго, и вдруг впереди блеснул свет. Я побежала на него, выбралась наружу... И очутилась здесь.

Оглядевшись по сторонам, я заметила, что отверстие за моей спиной закрылось. И я, бедная и несчастная, осталась тут вековать свой век.

Конец.

Прекрасная принцесса Ирма вздохнула и уронила голову на руки.

Билл сочувственно потер ей спину. Какая печальная история! Подобной слезоточивой ерунды он в жизни не слышал! Впрочем, этого он ей говорить не стал, поскольку по-прежнему тешил себя надеждой рано или поздно забраться к ней под юбку.

— Знаешь, мне кажется, тебя развеселит чуточка секса! — весело воскликнул Билл.

— О Билл! Давай хотя бы ненадолго забудем о грубом томлении плоти! По-моему, ты один из замечательнейших мужчин, каких я когда-либо встречала. Разве мы не можем просто раскрыть друг перед другом сердца?

— Раскрыть сердца? Как в песенке, которую поют С-Глаз-Долой и «Прыщи»? — любопытствовал Билл.

— Да нет же, глупенький! Раскрывание сердец — разновидность романтической телепатии, точь-в-точь, как в комиксе «Умопомрачительные научно-романтические истории»!

Она взглянула на него своими по-детски голубыми глазами, и Билл почувствовал, что превратился в беспомощного кутенка. Возможно, тут отчасти сказалось выпитое вино — ведь он осушил целый кубок, — но, так или иначе, Билл пребывал в настолько потрясенном состоянии, насколько позволяла армейская закалка.

И вот предмет его желаний принялся общаться с душой Билла, как говорится, на тонком плане; самому же Биллу было от того ни тепло, ни холодно. Ну и денек выдался! Билл стиснул в руке теплую ладонь Ирмы и задремал, время от времени вставляя в платонический диалог раскатистое «хррр».

Глава 5

ПОХИЩЕНИЕ ИРМЫ

Молния озарила залитую кровью местность.

Раскат грома напоминал отрывку бробдингневского великана, которая сопровождалась завываниями тысячи разъяренных кошек.

Билл пришел в себя — не полностью — и увидел спагетти.

Разноцветные макароны сплетались в жгут, подрагивали, ныряли в утробы гудящих и щелкающих машин. Иглились иголки, шкалились шкалы...

— Частичное обретение сознания, — сообщил визгливый голос. — Блок «альфа-V»!

— Заглушить! — распорядился другой, похожий на царапанье мела по доске. — Заглушить!

— Уровень эндорфинов оптимальный. Пациент отказывается терять сознание. Восприятие затуманено, но приближается к опасной черте!

Билл застонал. Куда его, черт побери, занесло? Он различил пластины нержавеющей стали, заляпанные бесформенными зелеными пятнышками. Фокус! Ему нужно сфокусировать зрение! Где же, чтоб ей пусто было, хваленая армейская дисциплина?!

— Ну так вкати дополнительную дозу, идиот!

На голову Билла обрушилось нечто весьма тяжелое, и Герой Галактики вновь увидел звезды.

Очнувшись вновь, Билл обнаружил, что его голова покоится на ароматных коленях красавицы Ирмы. Девушка гладила волосы Билла и восторженно описывала своих котят.

— ...А еще Болванчик. О, этот котенок просто обожал царапаться. Нам пришлось обрезать ему коготки, после того как он выцарапал глаза бедному крестьянину. Здорово, правда?

Билл повернул голову и почувствовал себя вознагражденным за все испытания. Его взгляду открылось изумительное зрелище: над ним нависали роскошные груди Ирмы, за которыми ничего не было видно, что, впрочем, Билла несколько не заботило.

Святые небеса! Неужели он в раю?! Невероятно! Немыслимо! Какая разница, куда его забросило! Билл решил про себя, что это место, где бы оно ни находилось, на световые годы лучше любого другого, в которое он мог попасть с подачи армейского начальства.

Влюбленные голубки, отчасти утолив палящую страсть, продолжали ворковать и попивать кристально чистое вино, всеми силами желая продлить сей краткий миг вечности. В небесах сверкало эгейское солнце, заливая светом темное, будто вино, море, а недалеко возвышалась гора Олимп. Всякие духи и певцы, танцоры и сатиры прыгали вокруг майских шестов или развлекались каким-то иным способом. Свежий воздух, буколические сцены — словом, ни дать ни взять, празднество в честь Бахуса.

Билл не мог вспомнить, доводилось ли ему чувствовать себя счастливее, чем сейчас. Правда, если соблюдать точность, он не мог вспомнить, бывал ли счастлив вообще, но решил не вдаваться в такие подробности. Два или три часа подряд он наслаждался солнцем, ощущая, как тело наполняется оргоном, а налитые спермой глаза грозят вот-вот лопнуть от напряжения. Он расслабился и радовался жизни, плененный могущественными чарами, которые сотворили здешний климат, вино и сладострастная красotka, ни на мгновение не закрывавшая рта.

Осчастливленный солдат и не подозревал, что счастье — увы! — недолговечно!

Ирма предложила пройтись.

Билл впервые в жизни столкнулся с такой женщиной. Она была очаровательным существом, сотканным из ос-

лепительных грез. Для него женщины ни в коей мере не являлись загадкой; загадочность подразумевала способность логически мыслить, а все мысли Билла, какие только возникали при виде женщин, ограничивались любострастием. Единственное исключение составляла, разумеется, его матушка. Он помнил ее достаточно смутно, однако был уверен в доброте и нежности своей родительницы, хотя если бы Героя Галактики спросили почему, он бы затруднился с ответом. Воспоминания о детстве, когда все, возможно, было проще и лучше, оказались погребенными под глыбой вызубренных на зубок садистских правил армейского устава и подавленных, вдобавок, омерзительным жизненным опытом, приобретенным на войне. Тем не менее в сердце Билла оставался уголок, в котором гнездилась любовь к матушке: каким-то образом ему удалось избежать хирургической операции на сердце, каковой подвергали всех без исключения солдат имперской армии.

Да, он смутно припоминал те дни на Фигеринадоне-П, когда матушка была рядом, колыбельные, которые она пела, — «Песенку страстного поросенка» и «Речка-речушка» — хриплым сопрано, отчаянно при этом фальшивя; соевые пирожные с орехами, которые она пекла в домашней самодельной атомной печке, той самой, что однажды, по чистой случайности, прикончила папашу. Ему вспоминались нежные материнские шлепки и уколы шильцем: тогда матушка застала Билла за чтением «Потрясающих трехмерных историй», а ведь была суббота, и мальчику полагалось изучать неокоранические тексты, «Изречения Младшего Гения Зороастрийских Набобов», как то предписывалось правилами религиозного воспитания. Он припомнил исходивший от матушки запах кислого суркового йогурта, увидел как бы воочию прилипшие к ее усам и к торчащим из ноздрей волосам кусочки поданного к ужину кошачьего кебаба. Еще он вспомнил, какой восхитительно голубой была кожа матушки в ту пору, когда у нее возникали обычные затруднения с кровообращением. Бедная матушка! С нее вечно что-нибудь падало, причем в самый неподходящий момент!

Но отчетливее всего ему помнилось, как матушка укладывала его спать, когда у него случались колики. Она включала какую-нибудь музыку погромче и поритмичнее и заставляла Билла танцевать до полного изнеможения, подбадривая залпами из старого микроволно-

вого пистолета, нагревавшими брюки на заднице. Когда же она наконец позволяла сыну опустить головку на подушку, Билл засыпал, как правило, мгновенно.

Да, милая матушка сильно отличалась ото всех других женщин, а потому Билл бережно хранил в памяти — в выжженных дотла нейронных банках своего скукоженного серого вещества — немногочисленные уцелевшие обрывки воспоминаний о доброй и ласковой родительнице.

Другие женщины?

Ну разумеется! Ведь ему приходилось иметь дело с работающими по лицензии потаскухами. Билл редко поднимался выше уровня «два доллара за две минуты», на что, впрочем, ни капельки не обижался. Правда, время от времени он с мимолетным вожделением во взгляде посматривал на мужественных солдаток, но, поскольку те носили алюминиевые лифчики и кольчужные трусики, а также брили головы, чтобы легче было имплантировать сигнальные элементы, он с трудом воспринимал их как женщин. Кстати говоря, слишком многие солдаты из тех, что пытались завести с этими дамочками близкое знакомство, оказывались в итоге с перегоревшими предохранителями плотских утех. Потом была еще Мета. Но даже Мету, с ее выпирающими во все стороны принадлежностями женского пола, высокооктановой сексуальностью и 90-процентной феромонизацией организма, едва ли можно было причислить к истинным женщинам.

А вот Ирма явно принадлежала к числу последних.

Она была не столько истинной, классической женщиной, сколько идеалом женственности. Ласковая и нежная, игривая, как котенок, порой язвительная, однако способная слушать с разинутым ртом, стоит только заговорить о чем угодно; большие и круглые голубые глаза, в которые можно упасть и утонуть — этакое озеро благоговения и изумления. Билл кашлянул, сплюнул, пустил слезу, опьяненный не только вином, которого выпил целый кубок, но и ароматами Ирмы, что исподволь перетекали один в другой, зачарованный ее изящными телодвижениями и легкими прикосновениями пальчиков к его накачанному мышцам.

Билл об этом, в общем-то, не догадывался, однако обстоятельства, в которых он очутился, угрожали его солдатскому благополучию куда сильнее, чем Смерто-

носная Колесница Эфира или Испепеляющий Космический Луч, которые могли наслать или направить на Героя Галактики гнусные чинджеры.

Билл влюбился!

Они с Ирмой взяли за руки.

Они разговаривали друг с дружкой как малые дети (Билл, правда, быстро спасовал, поскольку с детским языком у него были некоторые затруднения — он до того пока просто не дорос).

Они поведали друг другу свои сокровенные желания. Ирме хотелось нового котенка, а Биллу — бутылочки «Старого горлодера».

Они гуляли, наслаждаясь весенней свежестью, а над ними щебетали в листве олив попутайчики, ворковали под ногами голуби, издававшие иногда, если на них наступали, сдавленные вопли.

Голуби выглядели чрезвычайно аппетитно, и Билл охотно поджарил бы одного себе на обед, будь у него бластер. Он попробовал было схватить очередную птичку, поймал и свернул бы той шею, когда бы не молебь шокированной Ирмы.

— Но я же голоден! — заявил Билл достаточно, надо признать, раздраженно. — Чем вы тут, ребята, питаетесь?

— Как чем? Конечно, амброзией!

Билл посмотрел на голубя, который трепыхался у него в руках, а затем с подозрением взглянул на Ирму. Ему вспомнилась отвратительная переработанная пища, которой кормили на борту флагмана имперского космического флота, «Божественного кормчего», и он передернулся от омерзительных воспоминаний, что забулькало и запузырилось в его памяти. Он держит в руке свежее мясо, а Ирма пристает со своими сомнительными доводами!

— Амброзия такая вкусная! — проговорила девушка.

— Слушай, а там что, радуга? — спросил Билл, тыча пальцем.

— Где? — Ирма повернулась и устремила взгляд вдаль.

Билл ловко, одним движением, запихнул голубя себе за пазуху — на случай, если амброзия окажется чем-нибудь вроде корабельной похлебки.

— Не вижу никакой радуги, — сказала Ирма, взглянула на Билла и озадаченно взмахнула длинными ресницами. — А где голубь?

— Что? А, улетел, — Билл стиснул руку девушки. — Милая, давай забудем про всяких там голубей и займемся более приятными вещами. Может, пройдемся вон дотуда?

Он разумел чудесный овражек посреди поля, этакую лощинку, по дну которой наверняка бежал с веселым журчанием ручеек. Намерения Билла, разумеется, были в высшей степени неблагородными. Они выпьют вина из кувшина, что болтается на козлиной шкуре, которую где-то раздобыла Ирма, он не станет жадничать и поделится с подружкой, чтобы та слегка захмелела. А потом предложит искупаться: и не придерешься — развлечение ведь невинней некуда. А когда Ирма увидит его мужские достоинства и ее женские соки начнут смешиваться с вином — вот тогда она превратится в игрушку, которой он волен будет распоряжаться, как ему заблагорассудится. Какой шикарный план! Какая блестящая идея!

Однако, едва они приблизились к краю лощины (по дну которой, как с интересом убедился Билл, и впрямь струился бормочущий ручеек), послышался душераздирающий визг, который в мгновение ока разорвал очарование пейзажа на кусочки, — словно учитель царапнул ногтями по трехмерной школьной доске.

— Взиинииини! — омерзительный звук, казалось, заполнил собой всю Вселенную. Как ни странно, если прислушаться, за ним можно было различить некую ритмичную музыку.

— Что это, черт побери, такое? — удивился Билл.

— Ой, мамочка! — проговорила Ирма с покорностью в голосе и поглядела на небо. — Не стоило нам выходить на открытое место. Я совсем забыла, что Зевсу не терпится удовлетворить свою похоть и осквернить мои девические чресла.

И не только Зевсу, подумал Билл. Но какая связь между Зевсом и этим наипшумнейшим шумом?

Он запрокинул голову и в тот же миг задрожал всем телом от накатившего волной страха. В поднебесье, заслоняя собой солнце, парила гигантская птица. Она быстро снижалась, роняя на землю лепешки размером каждая с грейпфрут. На шее у птицы висели громадные

громкоговорители, которые и создавали шумовое оформление, напоминавшее свару в обезьяньем питомнике.

Минутку! А не национальный ли это фигеринадонский гимн? «И блаженно лобзаем императорский палец. Фьюить!» Нет, не то. Архаическое сокровище, песенка, которую пели на заре времен; ее исполнял Элвис Дрязгли.

— Боги! — воскликнул Билл. — Что происходит?

— Ты видишь перед собой Рокера! — провозгласила Ирма. — Билл, пожалуйста, не отдавай меня ему. Будь моим героем!

Билл напряг могучие мышцы и изготовился к схватке: оскалил свои весьма внушительные клыки, сжал кулаки, принял боевую позу и застыл, ожидая удобного момента, чтобы прорычать вызов.

Внезапно он увидел острые серповидные когти, жуткий изогнутый клюв, огромные черные глаза, в которых притаилась смерть...

Билл развернулся и опрометью кинулся прочь.

— Билл! — взвизгнула покинутая Ирма. — Билл, не бросай меня!

Герой Галактики и не подумал остановиться. Правда, он оглянулся на бегу, но только затем, чтобы проверить, преследует ли его Рокер. К счастью для Билла, исполинская птица сосредоточила все свое внимание на беззащитной Ирме. Она мерно взмахивала крыльями, и в лицо Биллу, будто отвесив ему пощечину, ударил поднятый ими ветер. Рокер стиснул девушку когтистыми лапами, разодрав в клочья прозрачное шелковое платье, затем клекотнул и, под завывания Элвиса, устремился с девушкой ввысь. Поднявшись в небо, птица полетела к видневшимся вдалеке горам, а над землей за клубилась пыль.

Билл, который наблюдал за происходящим, разинув рот, закашлялся.

Страх постепенно схлынул, на смену ему пришло глубокое сожаление.

По щеке Билла сползла одинокая скупая слеза, перетекла на губу, а оттуда — на клык, где смешалась со слюной и плюхнулась на копыто.

Невосполнимая потеря!

Надежды на энтузиастический секс вспорхнули и унеслись вослед похищенной Рокером Ирме.

— Эй! — произнес кто-то за спиной Билла.

Билл обернулся и увидел того самого сатира, который не столь давно выдавал себя за женщину. Сатир задумчиво, глядел на него.

— Между прочим, меня зовут Брюс, — представился сатир и протянул руку. Ошарашенный Билл ответил на рукопожатие.

— Что... Что это такое было?

— Да, у нас, у мифических существ, тоже хватает проблем. Сам видишь, мы не только пьем нектар, лопаем амброзию и трахаемся с кем попало. Тут полным-полно всяких чудовищ, которые, если не поостеречься, мигом тебя сожрут вместе с потрохами. Лишь на прошлой неделе профсоюз наконец-то припер беднягу Геракла и заставил его выплюнуть всех, кого он успел проглотить. — Сатир по имени Брюс задрожал от страха и пустил довольно-таки вонючие козлиные ветры. — Та птичка, о которой ты спрашиваешь, — Зевсов Рокер. Старина Зевс правит богами; он с давних пор все порывался внедриться Ирме промеж ляжек. Однажды притворился лебедем, но Ирма чуть не свернула ему шею. Похоже, вы, ребята, вышли на открытое место.

— Куда ее унесли? — спросил Билл, который вдруг понял, что никакая другая женщина не сможет удовлетворить его желания так, как Ирма.

— О! На макушку Олимпа, во дворец богов. — Брюс, по-видимому, лишь теперь заметил, как вздулся комбинезон Билла. — Эй, приятель, у тебя там лютня или ты просто рад нашей встрече?

— Чего? А... Это голубь. Я нашел его в поле и подобрал на случай, если мне захочется перекусить, — Билл вынул голубя из-за пазухи и с отвращением убедился, что птичка за время заточения успела задохнуться. Он беспомощно уставился на обмякшее тельце, с которого, одно за другим, осыпались на землю перышки.

— Йек! — йекнул Брюс, судорожно сглотнул и попятился. — Ты ведь не...

— Не что?

— Дружище, ты вяпался в дерьмо! — Сатир выпучил глаза, и они сделались похожими на греческие оливки. Он поглядел на Билла из-под ниспадавших на лоб салатообразных волос. — Ты прикончил Небесного Голубя, и... — Налетел ветер, хрипло прогрохотал гром. — И вот они летят! Елки-палки, я совсем забыл,

что они имеют на меня зуб! Я как-то сподобился подменить их подменыша...

— Ты о ком? — не понял Билл.

— О фурах, приятель. О фурах-эвме-трах-тарарах-нидах!

Не попрощавшись, сатир развернулся и поскакал галопом в направлении оливковой рощи. Однако он успел преодолеть от силы десятков ярдов: воздух расползлась ослепительная молния, разорвала напополам, словно расщелина Судьбы. Она угодила точно в сатира, поразила его в задницу и спалила на месте. Когда дым развеялся, стало видно, что Брюс превратился в кусок свежеподжаренного мяса.

Ошеломленный Билл огляделся по сторонам в поисках того, кто метнул эту грозную огненную стрелу, и увидел третью по счету из тех вещей, что изумили его пуще всего на свете (что касается первой и второй, о них разговор впереди).

Над землей парил облачный, клубящийся, насыщенный электричеством остров, на котором восседали три весьма суровые на вид девицы в строгих костюмах. Каждая держала в одной руке кейс, а в другой — по экземпляру «Межпланетного манускрипта» и «Галактической сметки».

— Ты! — рывкнула одна из девиц. Облако разразилось молнией, которая прошмыгнула между ног Билла и обуглила землю в каком-нибудь ярде от его задницы. — Отойди подальше и поцелуй напоследок семейные драгоценности!

С анатомической точки зрения это была сушая нелепица, однако Билл счел за лучшее исполнить приказ, ибо в воздухе все еще витали запахи жареной козлятины и чеснока, напоминавшие о судьбе несчастного Брюса.

— Сдаюсь! — взвизгнул он. — Я стою на месте! Только не испепеляйте меня!

Девицы пошептались, потом одна из них свесилась с облака и принялась разглядывать Билла. Ее лицо выражало отвращение с примесью подозрительности и гнева.

— Я зовусь Гименестра, предводительница фур, что покровительствуют Небесным Голубям. Наши мистические иглы указывают им, куда лететь и где приземляться. У нас имеются все основания полагать, что одного

из наших питомцев постигла ужасная участь! Ведомо ли тебе о том, смертный?

— Никак нет, — Билл состроил гримасу и постарался не слишком заметно переложить дохлого голубя за спину. — Я ничего не знаю!

Вторая фура тоже свесилась с облака и устремила взгляд вниз.

— Меня зовут Вульвания. Мнится ли мне, или же я воочию лицезрю птичьи перья вокруг того места, где воздымается сей смертный?

— Гм-м, — пробормотал Билл. — Мы с Брюсом... э-э... Да, мы с ним дрались подушками. Точно! Так оно и было!

Третья фура уставила на него свой перст.

— Мое имя — Г-спотстра. Поведай, смертный, что ты таишь за своим сидалищем?

— А? А-а... Ой, откуда он взялся? — Билл повертел в руках мертвого голубя, который страдальчески поник головой и опустил крылья. Как ни странно, над глазами птицы вдруг появились метки в форме буквы «Х». — Ах да! Брюс... Помните такого? Ну, сатир, которого вы изжарили на месте? Так вот, он попросил меня поддержать пташку. А старина Брюс неплохо пахнет, верно? Слушайте, дамочки, у вас часом не найдется кусочка лимона и краюхи хлеба?

— Лживый самец! — взревела Гименестра, и земля под ногами Билла заходила ходуном. — Все вы одним миром мазаны! Ты лишил жизни Небесного Голубя! О горе! Смертный, готовься к смерти!

Вновь загрохотал гром и засверкали молнии. Фуры посовещались. Судя по всему, решение, к которому они пришли, не сулило Биллу ничего хорошего. Герою Галактики даже подумалось, что он, пожалуй, предпочел бы оказаться сейчас в космосе и угодить в самый разгар битвы между дредноутами чинджеров и крейсерами Империи, чтобы в него попали залпом из пульсарного излучателя.

— Итак, сестрие! — провозгласила Гименестра, когда затянувшееся совещание наконец завершилось. — Смертный, ты признан кругом виноватым. Ты умертвил священную птицу! Мы узрели в тебе воина. Увы! Сие в духе мужчин! Столь ревностно стремятся они причинить урон ближнему своему, сколь нетерпеливы и дерзостны во гневе! Ну что ж, червь, получай то, что

заслужил. Проклинаем тебя и обрекаем на Грязнь Стадного Мутноброда!

Фуры внезапно плеснули в Билла омерзительным месивом, которое зачерпнули со дна своего облачного острова. Выработанные службой в армии рефлексy позволили ему увернуться от первой порции, однако вторая залила лицо, а третья, по всей видимости — или невидимости, ударила в живот. Месиво состояло из очищенного птичьего помета, от него разлило вонью, какая исходит от воды, что скапливается в трюме крейсера после знатной попойки продолжительностью в добрую неделю. Билл почувствовал, что его влекут куда-то неведомые силы.

Когда кувыркание прекратилось, он обнаружил, что смотрит на вытопанную траву, а голова по-прежнему идет кругом. Билл поднялся и постарался вытереть грязь, что прилипла к лицу и комбинезону. Неожиданно он нащупал некий предмет, что висел у него на груди. Почти сразу стало ясно, что это мертвый голубь, сквозь грудку которого пропущен кожаный ремень, завязанный узлом на загравке Билла.

Мало того — голубь начал пованивать!

Разумеется, Билл попытался отделаться от дохлятины. Однако его измазанные слизью пальцы соскальзывали с кончиков кожаного ремня.

— Се наше проклятие и Грязнь Стадного Мутноброда! — раздался с высот глас, то бишь рык, Гименестры. — Ты не избавишься от мертвой птицы, пока не исполнишь два задания. Первое. Ты должен спасти ту, кого любишь более жизни, и выпустить на волю свои нежнейшие чувства. Второе-А. Ты должен найти ответ на старый как мир вопрос: как тот, кому выпало жить в наше время, может добиться мира с чинджерами и не знать горя до конца своих дней? Второе-Б (оно следует из А). Вызнай, почему волосатые чучела, коих именуют мужчинами, алкают войны, безудержной похоти, крепких напитков и антигравболла по воскресеньям.

— Елки-палки — прорычал Билл. — Может, мне поискать еще смысл жизни?

— Глупец! Нам, женщинам, он давно известен, — лукаво призналась одна из фур. — А теперь прочь! Неси проклятие, исполняй задания и помни, что заодно с голубем, которого ты убил, гниет твоя душа, а вскоре, быть может, начнет гнить и кое-что другое!

Под раскаты грома фуры вдруг исчезли, только вспыхнуло на миг ослепительное пламя. Они сгнули, будто их и не было, оставив Биллу запахи серы обыкновенной самородной и галантерейной секции галактического универмага «Хэрродз-Блумингдейл».

Билл инстинктивно схватился за причинные места — настолько сильно подействовала на него последняя утрота. При одной лишь мысли о том, что ему, неровен час, придется обращаться за таким трансплантантом, кровь в жилах Героя Галактики застыла, будто скованная морозом. С него достаточно ноги! А если появится капризный пе...

— Нет! — возопил Билл, торопясь обуздать разыгравшееся воображение. — Я все сделаю! Честное слово!

Итак, сначала — насчет любви. Ну, здесь все понятно. Фуры наверняка разумели Ирму. Значит, ему предстоит каким-то образом взобраться на Олимп и вырвать любимую из лап Зевса.

Замечательно. А как насчет второго условия, мира с чинджерами? Что-то весьма подозрительно. Впрочем, разве у него есть выбор? Не хочет же он до конца жизни шлаться по свету с дохлой, гниющей птицей на груди? Появись он в таком виде в казарме, новобранцы и те обсмеют! Билл снова попытался избавиться от голубя и снова ничего не добился.

Первым делом, впрочем, Билл спустился к журчащему ручью, в котором надеялся искупаться вдвоем с Ирмой, и смыл с себя малую толику Грязни. Затем он выбрался из оврага, подошел к жареным останкам Брюса, отрезал несколько кусков, чтобы было чем перекусить в дороге, и двинулся на поиски небесного дома богов, в котором его ждала схватка тапо а тапо* с самим Зевсом.

Елки-палки, подумалось ему, хорошо бы сейчас окатиться в учебном лагере!

* Мапо а тапо (исп.) — один на один. — Здесь и далее примеч. пер.

Глава 6

ЗВЕЗДОЛЕТ «ЖЕЛАНИЕ»

Билл карабкался на гору.

Поскольку его родная планета, Фигеринадон-II, была плоской как тарелка и поскольку до сих пор ему не приходилось ни воевать, ни, что называется, отдыхать в горах, он не имел ровным счетом никакого опыта в скалолазании.

Тем не менее, благодаря армейской выучке, а также каменным мускулам нынешнего солдата и бывшего фермера, он худо-бедно поднимался все выше и выше. Ноги Билла работали словно заржавленные поршни. Он перебирался через расщелины, шагал крутыми козлиными тропами, подкрепляясь кусочками Брюса, сатира-трансвестита. Подобная диета была ему, скажем так, внове, но будила приятные воспоминания о времени, проведенном среди мифических существ. Вообще-то Брюс оказался неплох на вкус, хотя, по мнению Билла, чесночка в нем могло бы быть и поменьше, да и какой-нибудь соус вроде «Чинджеры» явно не помешал бы. Преодолев приблизительно половину горного склона, Билл достиг некоего подобия плато; подъем стал легче и где-то даже скучнее, поэтому он сунул в нос «Блинерз Дайджест», чтобы отогнать скуку.

Билл чувствовал, как книжка скользит по носоглотке, как вливаются в кожу электронные щупальца. По-

том слышалось приглушенное гудение, за которым последовало звонкое «чвак!», и Билла пробрала дрожь. Щупальца проникли в мозг.

Перед мысленным взором Героя Галактики возник своего рода экран, по которому побежали легко читаемые строки.

Сначала появилось содержание. Билл выбрал наугад один из романов и погрузился в чтение шероховатого текста, тогда как его пальцы продолжали сами собой нащупывать, за что бы ухватиться, на шероховатой поверхности скалы.

*Майкл Згорвяк-Джексон.
«Твари из глубин памяти»*

Зовите меня Конрал Хилтон.
Нет, к черту, зовите меня Ганга Дин.
Нет, валяйте зовите меня Гас.

Когда я был борцом-профессионалом, меня звали Великолепным Гасом, Вечным Победителем и прочими дурацкими кличками. Мне говорили, будто я спас Землю от гарпий, которые налетали стаями с Греческих планет, но сам я ни шиша не помню, потому что в ту неделю пил с утра до вечера. Ну и хрен с ним! Знаю лишь, что очухался в Парфеноне с раскаленным бластером в руках, а то, что увидел вокруг, напоминало заключительную сцену из какой-нибудь трагедии Софокла. Жуть! Куда ни посмотри, всюду горы трупов!

Хотя, может статься, я все это сочинил.

Речь-то ведь идет о мифах, верно? А что такое мифы? Придуманые истории про богов, героев и всяких там существ. Некоторые критики утверждают, что я и впрямь сочиняю эти истории, а потом нашептываю их на ушко своим возлюбленным, которые и разносят мои небылицы по всей Земле. Другие уверены, что видели, как я тайком выбирался из новоалександрийской библиотеки с украденным экземпляром «Тайных писаний» Джозефа Кэмпбелла под шинелью.

В общем, полная чушь. А правда в том, что, хотя я обычно ношу в кармане брюк книжку Эдит Гамильтон, чтобы отвлечься от наскучивших приключений, мое

настоящее имя Филип Чандлер, а прибыл я из таинственного мира Камелот. Земная заварушка началась несколько лет назад; я тогда работал частным сыщиком в старом добром Лос-Анджелесе. Мой рассказ, который следует ниже, должен устранить всяческие недоразумения.

Денек выдался солнечный. Я сидел в своем кабинете — дело происходило в Городе Ангелов, — смазывал ствол пистолета 38-го калибра и одновременно потягивал виски. И вдруг появилась она!

«Меня зовут Фригга Афина, — произнесла она нараспев. Ее огромные груди бултыхались в стальном лифчике, что сверкал, словно необыкновенно яркая двойная звезда. — Вы Филип Чандлер, частное недреманное око закона из таинственного мира Камелот?»

«Верно, милашка, — прорычал я, постаравшись как можно точнее воспроизвести шепелявость Хамфри Богарта. — Изгнан на Землю самим Мерлином, после того как продулся в пространственный бридж».

«Мистер Чандлер, — проговорила она, тряхнув своими великолепными грудями, — у меня ужасное несчастье. Я попала в беду», — и вопросительно уставилась мне в лицо. Голубые, как у ребенка, глаза, личико кинозвезды, — естественно, мой пульс участился ударов до тысячи в минуту.

«Выручать из беды, мэм, моя профессия, — отозвался я. — С особым удовольствием я спасаю прекрасных, сказочно сложенных блондинок. Итак, что стряслось? Потеряли своего единорога? Или ваш муж сошелся тайком с этой шлюхой Афродитой?»

Я предложил ей стаканчик виски, и она опорожнила его одним глотком, будто у нее во внутренностях полыхало пламя. Затем села, и меня окатило ароматом духов «Лотофаги», как в решающую ночь в теплице Ниро Вульфа.

«Я беспокоюсь за мужа, Локи Агонистеса. Его шантажируют. Он продавал оружие полумагическим революционным режимам третьего мира, и кто-то об этом узнал».

Локи Агонистес! Будда на костылях! Едва я услышал это имя, как мои глаза округлились и стали размером с крупный самоцвет. Я испугался, что они вот-вот высо-

чат из орбит, но какое-то время спустя, слепо пошарив руками по столу и надлежащим образом сдавленно повздыхав, ухитрился вернуть их на место.

«Иисусе, госпожа! Откровенно говоря, моему дряхлому телу осталось жить еще как минимум пару тысяч лет. Я буду морочить людям головы и после того, как моя карма вместе с Локи Агонистесом угодит в Гадес, а рассказ об этой поре моей жизни окажется в египетской «Книге мертвых», в разделе «Чокнутые ищейки». — Я поднялся, чтобы выпроводить посетительницу из кабинета. — Почему бы вам не обратиться к моему приятелю? Он живет в Сосолито, в плавучем доме под названием «Трах-растрах». Зовут его Трэвис Уоттс. Он занимается метафизическими расследованиями. Что касается меня, я предпочитаю чисто мифологические дела».

«Мистер Чандлер, — лучезарная, исполненная надежд улыбка на ее лице сменилась гримасой разочарования, столь глубокого, что она утонула в нем чуть ли не с головой. — Мистер Чандлер, я хочу именно вас!» Внезапно она обняла меня, и я уткнулся носом в промежуток между роскошными грудями; она буквально излучала феромоны, причем в таком количестве, что возбудился бы и инеистый великан, застигнутый врасплох в разгар зимы. Она принялась распалать мою похоть; я ничуть не сопротивлялся.

Где-то через полчаса, спустившись на миг с вершины блаженства, я согласился взяться за расследование.

Я, признаться, и не подозревал, что стал участником космической карточной игры и только что вытащил из колоды козырь Психопата.

«Расклад такой, — прошептала она, затянувшись сигаретой и выдохнула дым мне в ухо. — Здесь не обойтись без Трех Тайнственных Сестер...»

— Эй! — раздался вдруг чей-то голос, который словно шел откуда-то издалека и был усилен расхлябанным клаксоном-громкоговорителем.

Билл моргнул и кое-как выбрался из навязанных романом грез. Он пожелал, чтобы строчки, что горели перед его мысленным взором, исчезли, и те повиновались — правда, со второго захода. Билл сообразил, что перестал подниматься и стоит на ровном плато, а побли-

зости возвышаются храмы с мраморными колоннами. Ближе всего, на каменной агоре — ну, вы знаете, агорой у греков назывался то ли рынок, то ли место собраний, а может, то и другое вместе, — так вот, на агоре виднелся самый настоящий звездолет: высокий, метров под тридцать, серебристый корпус, острый, как игла, нос, стабилизаторы — последние придавали кораблю вид приза за наихудший рассказ для научно-фантастического журнала. На борту звездолета громадными сверкающими буквами, украшенными изящными завитушками, было выведено: «Желание». Чарующее зрелище напоминало виньетку на киноэкране; над акрилово-голубовато-белыми горами вставала ослепительно яркая луна, существа, что сновали между храмами, выглядели сущими мультяшками. Вдобавок их наряды дополняли кружевные манжеты и брыжи. Словом, ничего греческого. И — Зороастр! — звезды на небосклоне походили на стилизованные блески, вроде тех, какими усеивают рождественские елки.

Потрясенный увиденным, Билл ощутил, будто наяву, как кто-то взял и впрямь ошарашил его.

Картина, что предстала взгляду, смахивала на вдруг оживший рисунок художника из мастерской Келли Вшиза. Эти ребята, что сидели в университете Л. Рона Хабара, рисовали плакаты, призванные облегчать работу армейских призывных комиссий.

Билл направился к звездолету, настолько ошеломленный бравурными красками и обилием тонов и оттенков, что почти забыл о дохлом голубе у себя на шее, хотя тот вонял куда сильнее прежнего.

Крадущейся походкой Билл приблизился к кораблю, и тут в днище звездолета открылся люк, из которого выпала веревочная лестница. К тому времени, когда Герой Галактики достиг одного из стабилизаторов, на лестнице, что доставала до мраморных плит, которыми было выложено плато, появилась человеческая фигура — высокий, привлекательный мужчина с повязкой из горного хрусталя на глазу и ярко-оранжевыми эполетами, со вкусом отделанными сверкающей мишурой, на плечах. Обут он был в остроносые черные башмаки; изящную талию перехватывал металлический, опять же оранжевый шарф, на котором болтались кобура с ручным бластером внутри и весьма грозная на вид

абордажная сабля. Мужчина, который производил достаточно внушительное, если не сказать — устрашающе-пышное, впечатление, лихо спустился по лестнице, а последние восемь футов просто-напросто пролетел, сорвавшись с очередной перекладки, и звучно шлепнулся на задницу. На Билла пахло лавандой и ромом. Мужчина поднял голову и озадаченно воззрился на Героя Галактики единственным неправдоподобно голубым глазом; второй закрывала повязка.

— Аррррррр! — произнес он голосом, похожим на рык Черноборода по окончании занятий по исправлению произношения. — Святые гипербореи! Слушай, приятель, не напоминает ли тебе жизнь тот мусор, которым завалено побережье Токийской бухты?

— Нет. По-моему, я никогда не слышал о Токийской бухте.

— Я тоже. Пусть будет не Токийская бухта, а Гудзонов залив. Это на Земле, недалеко от Ньюрка. Мне однажды случилось пролистать книжонку о легендарной Земле, прародине человечества, испепеленной ныне ядерными войнами. На чем я остановился?

— Кажется, на середине Гудзонова залива.

— Разумеется, дружище! А ты умен, однако! Впрочем, какая разница? Медицинские штучки, иглы наркоманов, записи старины Чарли Паркера... Не обращай внимания. Я Рик, Рик-Супергерой, — он протянул руку, которую Билл не преминул пожать.

— Очень приятно. Меня зовут Билл. С двумя «л». Это ты окликнул меня пару минут назад?

— Точно. Увидел, как ты выбрался из-за горизонта сдохлой птицей на шее, и сразу понял, что передо мной скиталец по океану Жизни, такой же, как и твой покорный слуга. — Рик посмотрел на свое плечо. — Аррррр! А где моя собственная пташка? Архимед! — рывкнул он, повернувшись к открытому люку в днище великолепного звездолета. — Архимед! Спускайся сюда! Нашелся еще один обожатель птиц!

— Аууууу! — донесся изнутри корабля хриплый вопль. — Дерьмо! Крутом дерьмо!

— Осторожно, Билл, — предупредил Рик. — У Арчи понос. Обожрался чернослива. Не знает никакого удержу.

Внезапно из люка вынырнул попугай. Сверкая зелено-голубым оперением и визжа, как бэнши во время

пожара, он взмыл в небо и тут же дал залп из своего клоакального орудия. Во все стороны полетели брызги — и не только. Билл поспешно исполнил ацтекское па на два такта и сумел увернуться, однако Супергерой Рик слегка замешкался — то ли спьяну, то ли потому, что был под наркотической мухой, — и в результате схлопотал «подарок» прямо в лоб. Сладкозвучно выбравшись, Рик вытер лицо кончиком шарфа, затем закинул тот на плечо и жестом пригласил попутая приземлиться. Архимед низвергнулся с небес кобальтово-изумрудным вихрем, выпустил газы — будучи попутаем, он страдал попутайной болезнью, — повернул голову и с подозрением уставился на Билла.

— Ауууук! Птицеубийца! Ауук! Истребитель птиц!

— Я с голодухи, — жалобно проскулил Билл. — Откуда мне было знать, что эти вшивые птички — священные? И потом, тебе-то что за дело, попутайское отродье?! — За последнее время Билл изрядно намучился с птицами, а потому не сдержался и раздраженно ткнул в попутая пальцем. Архимед сердито заклекотал и клюнул Билла в палец. Тот взвыл и сунул раненую руку в рот.

— Архимед, веди себя прилично! Ты же знаешь, я могу клонировать тебя в мгновение птичьего ока! Будешь хулиганить, я обзаведусь новым попутаем, уж наверняка — без проблем с кишечником. Так что смотри у меня!

— Аууууук! Архимед хороший! Ауууук! Кому ты нужна, малышка?

— Ну как клонировать такого симпатягу? — проговорил Рик и сочно поцеловал попутая в клюв. — Эй, Билл, шикарная у тебя нога. Где ты ее раздобыл?

Билл поглядел на свое раздвоенное копыто и нахмурился. Ему ни капельки не хотелось пускаться в объяснения по поводу ноги-капризули. Нет уж, увольте! И без того хлопот хватает. Пожалуй, не мешает вспомнить старинную армейскую поговорку: «Сомневаешься — ври напропалую».

— Я бойцовый остолоп, солдат галактической армии. Когда выполнял очень важное задание, попал в радиоактивную бурю. Могу только сказать, что моя нога, как говорится, мутировала.

— Бедняга! Должно быть, тебе пришлось несладко!

— Информация засекречена.

— Разрази меня гром! Какой ты весь из себя таинственный! Еще и солдат в придачу! Последнее, между прочим, как нельзя кстати. Я остался без первого помощника, который подох от венерической цинги. Говорил ведь ему: собираешься отдохнуть в системе Заднедверии — бери с собой сверхпрочные презервативы. Естественно, они не очень удобны, зато с безопасностью никаких проблем. Подумаешь, несколько царапин на члене! По-твоему, он послушался? Как бы не так! Подцепил заразу на Фадесе, и поминай как звали. — Рик с восхищением оглядел мускулистую фигуру Билла. — Сдается мне, ты не прочь записаться в первые помощники. Понимаешь, тут предстоит одно дельце, и я бы не отказался от толкового спутника.

— Извини, друг, но мне сначала надо отыскать девушку по имени Ирма. Она — моя истинная любовь, и лишь найдя ее, я смогу избавиться от этой дохлятины. — Терзаемый жалостью к самому себе, шмыгая носом от скорби, Билл поведал Рiku свою печальную историю — с того самого момента, как очутился в госпитале на Костоломии-IV и до похищения Ирмы Рокером по приказу Зевса.

— Ауууукк! Зевс! Зевс! — попугай широко раскрыл глаза, заклекотал от ужаса, наложил приличную кучу на плечо хозяина, замахал крыльями, взлетел и, продолжая истошно клекотать, нырнул в звездолет.

— Что, Зевс любит жаркое из попугаев?

— Да нет. Понимаешь, этот сексуально озабоченный бог, после того как прикинулся лебедем и набросился на Ирму, поймал и бедного Арчи. Уловил, о чем я толкую? Арчи был в шоке. Однако то дельце, о котором я упомянул, по чистой случайности, как оно, впрочем, всегда и бывает, имеет некоторое отношение к Зевсу. Мне нужно попасть в одну из его берлог.

— То есть, — нахмутив брови, уточнил Билл, — он не здесь, не на вершине Олимпа?

— Какой там Олимп! — расхохотался Рик. — До вершины горы без малого десять тысяч футов. Мы с тобой находимся на территории общественной уборной для космических путешественников имени Джонсона Говарда. — Он ткнул пальцем в сторону видневшегося за валуном темно-зеленого здания, которого Билл раньше просто не замечал. — Знаешь, лично я насчитал для

себя четырнадцать любимейших ароматов, а всего их триста двадцать восемь.

— Рик, будь другом, подбрось меня до вершины, а? Эта птишка гниет на глазах, — Билл посмотрел на мертвого голубя и поморщился. Вокруг трупa вились мухи, две метки «Х» над глазами птицы тупо иксились на Героя Галактики.

— По-моему, она и впрямь слегка пованивает. Ну что ж, давай договоримся так. Ты летишь со мной в должности первого помощника, а я помещаю твою птичку в стазическое поле. Может, нам повезет и мы отыщем Зевса в его излюбленной дыре. Итак, вперед по пути моего христианского паломничества!

— Чего? — с подозрением справился Билл. На Фигеринадоне-II христианство пребывало в загоне с тех самых пор, как Святой Самокат попытался организовать на континенте фалангистов, среди поселенцев-доннеров, нечто вроде религиозного бдения. Гипердоннеры, будучи канныбалами, естественно, слопали миссионеров, всех до единого, а потом много лет страдали несварением желудка. Неудивительно, что христианам на планете не доверяли.

— Мое паломничество — второе по замечательности среди всех на свете! — провозгласил Рик с пылом завзятого оратора. — Я ищу Святой Гриль-бар!

— Где расписаться? — расплылся в улыбке Билл.

Глава 7

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК БИЛЛ

Как было здорово распрощаться со всей той мифологической дребеденью, в самую гущу которой его вдруг занесло, и очутиться на борту звездолета! Разумеется, корабль Рика не отличался тем комфортом, какой свойствен армейским звездолетам: по своим характеристикам он приблизительно соответствовал галактическому варианту переклепанного вдоль и поперек парохода без дополнительных удобств. Однако после того как старт на полной тяге едва не превратил физиономию Билла в кровавое месиво, Герой Галактики мгновенно сообразил, что требуется от него как от первого помощника. В основном обязанности Билла заключались в том, чтобы собирать дерьмо попутая с пола, отскребать от стен и даже от потолка — надо признать, Архимед выказывал недюжинную акробатическую сноровку, — и перетаскивать помет в гидروпонную оранжерею. Билл с восторгом сообразил, что наконец-то стал техником-удобрителем, осуществил свою заветнейшую мечту! Работа не отнимала много времени, хотя и была достаточно дерьмовой; во всяком случае, по сложности не шла ни в какое сравнение со службой в армии, и Билл очень быстро свыкся со своим новым положением. Что касается голубя, Рик сдержал слово —

извлек откуда-то банку «Сортирного стаза», специального электронного фиксатора, предназначенного для чрезмерно пахучих солдатских голов, и как следует sprysнул дохлую птицу. Вонь моментально исчезла, теоретически ее не должно было возникнуть вновь как минимум два месяца. Естественно, Билл по-прежнему не мог скинуть голубя с шеи; к тому же, стоило притронуться к тому хотя бы пальцем, поле отвечало разрядом статического электричества. Но в общем и целом это была весьма скромная цена за избавление от вонь, которую издавала гниющая птичка.

Когда с голубем было покончено и когда Билл окончательно освоился в должности первого помощника, дни потянулись вполне сносно, однако достаточно однообразной и скучной чередой. Подъем при первых проблесках псевдорассвета. Завтрак — галеты в пластиковых оболочках, соленая эрзац-свинина, искусственный кофе. Затем уборка, унавоживание гидропоники, смахивание пыли с парящих в невесомости кубков, полученных Риком на соревнованиях по боулингу. Обед — галеты, свинина, кофе и бутылка рома. Отблеваться, а дальше снова — убрать помет, унавозить гидропонику, протереть столы и нажать кнопку, что приводит в действие излучатель, залпы которого прочищают мозги. Правда, сначала нужно убедиться, что мозги свободны, ибо капитан не одобрит, если окажется, что ему нечем командовать. Снять показания с навигационных приборов, помочь Рiku проложить курс по «Указателю возможных координат легендарных космопортов» Рэнда Макнелли. Накормить суперхomoяков, что приводят в действие двигатели. Потом ужин — галеты, свинина, кофе с искусственным сахаром, две бутылки рома и стакан лаймового сока; последнее — чтобы было повкуснее и чтобы избежать космической цинги. Час отдыха. Послушать похабные анекдоты, рассказать самому, отвести душу, блевануть, вырубиться. Словом, как на службе.

Больше всего — хотя Билл наслаждался тем, что мало-помалу становится настоящим профессионалом в области гуановоживания, а ром был просто восхитительным (правда, он подозревал, что Рик смешивает на камбузе ромовую эссенцию с обезвоженным спиртом и водой из-под крана) — Герою Галактики нравился

час отдыха. Они с Риком обычно рассказывали друг другу разные истории, или же Рик с Архимедом разыгрывали остроумные комедии или выкидывали всякие номера, которые они сами считали донельзя уморительными, но которые представлялись Биллу настолько скучными, что он засыпал при одном лишь воспоминании о них. Единственное утешение состояло в том, что, когда представление заканчивалось, уже никто не мешал Биллу читать или смотреть книги и фильмы из богатой порнографической коллекции Рика (Билл особенно выделял «Любострастные проказы венерианских полов», которые смахивали на нечто среднее между извращенной оргией и «Лебединым озером»).

Несмотря на всю безмятежность скитаний в поисках Святого Гриль-бара, Билл постепенно пришел к выводу, что все происходящее имеет мало общего с действительностью. С тех самых пор, как сатир Брюс утащил его в море, вокруг стали твориться события, в которых ощущался некий привкус нереального. Да, разумеется, свидание с Ирмой, Елисейские поля, фуры и подъем на гору представлялись на первый взгляд весьма правдоподобными. Он видел, слышал, нюхал, пробовал и чувствовал то, к чему давным-давно привык, исправно отправляя, неважно — с энтузиазмом или без, — естественные потребности, напивался и испытывал вожделение, причем с тем же восторгом и избирательностью, какие присутствовали у него в бытность фермером и солдатом. Но ведь в обычной жизни человек не сталкивается с мифическими существами, ему не вешают на шею дохлого голубя, он не мчится вослед возлюбленной на звездолете под названием «Желание» в компании с, по-видимому, бессмертным героем и принадлежащим тому невротиком-попугаем. Впрочем, Биллу, пускай он прожил недолгую жизнь, которую, кстати, надеялся продлить, уже доводилось попадать в экзотические до отвращения места и переживать там потрясающие приключения (они описаны в великолепных книгах, которые вы можете купить в той же лавочке, где приобрели эту). Посему Билл попросту отмахнулся от надоедливых мыслей.

Однако время от времени он замечал краем глаза нечто такое, что мнилось лишенным материальности. Пустота, Ничто, Нада, табула раса. В подобных случаях

он резко поворачивался, и то, чему полагалось быть в том или ином углу — панель управления, дозатор наркотиков, автомат по выдаче эрзац-продуктов, клозет с обезвоженной водой, попутай или Рик, — оказывалось именно там, где и должно было находиться. Правда, после непродолжительной заминки, которая сопровождалась дрожанием воздуха; так бывает, если включить и быстро выключить головизор, или же когда голова раскалывается с похмелья.

Поскольку ром, который Билл употреблял ежедневно, задерживался в организме в достаточном количестве, чтобы ни о чем таком не тревожиться (надо заметить, что ром вскоре выбыл из перечня десяти любимых алкогольных напитков Билла, и Герой Галактики с нетерпением ожидал прибытия в Святой Гриль-бар, дабы утолить жажду чем-нибудь другим), то, что случилось однажды утром, потрясло Билла до глубины души. Зевая, потягиваясь и желая навсегда забыть слово «ром», он внезапно сообразил, что никак не может застегнуть свои башмаки. Точнее — не может дотянуться до застежек на липучках, ибо вместо рук у него — безобразные культишки.

Истощенные вопли перепуганного до полусмерти Билла довольно быстро разбудили капитана Рика и его попутая. Супергерой Рик, зевая, сбегал вниз, чтобы узнать, что там за переполох. Он так торопился, что прибежал в одних трусах. За ним, отчаянно маша крыльями, в каюту влетел Архимед.

— Мои руки! — визжал Билл. — Они исчезли!

Поглядев на первого помощника, который размахивал руками и, словно в истерике, метался по каюте, судя по всему, страшно чем-то напуганный, капитан Рик скоро сообразил, что здесь явно что-то не так.

— Святые небеса! Неужели снова венерическая цинга? Ты, паршивый вояка, ну-ка, отвечай! Прикасался к чему-нибудь, чего не должен был трогать? Да погоди ты! Дай я посмотрю! — рывкнул Рик, вставляя в глазницу здорового глаза монокль.

Трясаясь с головы до ног, потупившийся Билл, на которого свалилась самая ужасная напасть из тех, какие только могут приключиться с солдатом, медленно и неохотно выставил перед собой культишки рук.

— Ауууук! — возопил попугай, уstraшенный воплями и искренним горем Билла, и каким-то образом ухитрился закрыть глаза крыльями.

— Что ж, по-моему, ты устроил бурю в стакане с чаем. Или же над тобой подшутила ветренная судьба. Я вынужден признать, что не вижу ничего такого, чего следовало бы пугаться.

Билл разлепил веки и ошарашенно уставился на свои кисти. Ладони. Две. Обе на месте.

— Что за елки-палки? — с облегчением взвыл он. — Что со мной происходит? Я схожу с ума, говорю тебе, с ума!

— Время позднее. Давай не будем преувеличивать.

— Конечно. Извини. — Стуча зубами, Билл пустился объяснять капитану Риду, что ему кажется, будто все вокруг становится несколько призрачным. Чувствовалось, что Герой Галактики вне себя от страха и вряд ли способен заснуть, поэтому Рик налил ему стакан теплого соевого молока с медом, горчицей и ромом. Подобная смесь могла вылечить кого угодно; по крайней мере, она избавляла от нелепых мыслей. Когда желудок выворачивает наизнанку, тут уж не до фантазий. Насколько перетрухнул Билл, можно было судить по тому, что он залпом опорожнил стакан гремучей смеси и потребовал второй.

— Аррррр! — капитан Рик тряхнул кудрями и исполнил просьбу помощника. — Я знаю, о чем ты толкуешь, приятель. У меня тоже порой возникает такое чувство. Мы живем странной жизнью. Я только надеюсь, что в конце концов сумею получить ответы на те вопросы, которые столько мне досаждали. Быть может, я получу их в Святом Гриль-баре!

— Вопросы? Какие еще вопросы?

— Что значит какие? Вечные вопросы, которыми задавались все на свете философы. Билл, паренек, я говорю о загадках, которые не давали покоя человеку с незапамятных времен, задолго до того, как изобрели процесс перегонки, а ведь жить без него, согласись, невесело. Во-первых, кто прибыл раньше — «летающие тарелки» или Реймонд Палмер? Или, что логически следует из предыдущего, верно ли, что Реймонд Палмер прибыл на «летающей тарелке»? Во-вторых, что появилось раньше — цыплята или омлет «Западный» с ветчиной? В-третьих, если в лесу падает дерево, а поблизости никого

нет, куда оно упадет — вверх или вниз? И дополненис: если в лесу упадет глухой, раздастся ли какой-нибудь звук? В-четвертых, существует ли Бог, а если он — или она — существует, почему выпивка рано или поздно отправляет человека в мир иной, почему от секса заболелаешь и почему никогда нельзя купить приличные билеты в кино на сериал «Миры Галактики»? И последнее, Билл! Так сказать, основа основ. В чем смысл жизни, зачем человек рождается и живет, почему умирает, — и где, черт побери, мне найти флакон «Пепто-Абисмал» для Архимеда?! Корабль уже весь насквозь провонял птичьим пометом!

От непостижимой глубины философских вопросов Рика голова у Билла пошла кругом. Невероятно! Поражительно! Осознав, что с ходу ему всего этого никак не усвоить, он попросил третий стакан соевого молока, чтобы промыть засорившиеся извилины в мозгу.

Дабы первый помощник пришел в чувство, Рик поведал ему о своей жизни.

*История Капитана Рика, или
«Звезды в моем носовом платке словно
зеленые сопли»*

... развести цифровой будильник.

Нахлебался пива, рванул во Вселенную, получил прозвище.

Субголос ответил с отрыжкой.

И вырыгнулся ответ: Кид, паршивый киберкарлик, кусок дерьма, на хрена ты мне сдался? Капитан Кид, капитан Рик, готовь астронавтов и надрывай себе глотку, вопи интернациональные гимны, и фьюить! — цена бананов в Никарагуа подскочила к небесам, а операторы лифтов мажут задницы пальцами, а поклонники Пинчона раздолбали недавно фанатов Долтона и Уолдена, так что с какой стати мне провозглашать «Ваше здоровье»? В общем, у меня во рту накопилось достаточно дряни, и думаешь, я знаю почему? Господи! Блям! Ужасный вкус!

Минуту спустя Кид присел на корточки над унитазом, сжимая в руках книжное обозрение «Нью-Йорк Ревью» и туалетную бумагу «Литтл Мэгэзин», и прислу-

шался к своему натужному дыханию и керуаковской внутренней музыке.

За раскидистыми деревьями нарисован лунный свет, видны обклеенные обоями и украшенные внутренней отделкой кусочки модного лесного поселения Уэст-Виллидж.

Он подтерся поэзией. Где-то в Сохо (или, может быть, в Трибеке) в художественной галерее открывается выставка пулеметов работы Уильяма Берроуза. Целый город превратился в небоскрежное скопище художественных галерей в этом призрачнолитературнореальном мире банд, которые, сильнее, чем жизнь, тупо шляются повсюду с голограммами вместо ножей с выскакивающими лезвиями.

Листва гнусно ухмыляется и подмигивает.

Женщина в спортивном свитере из теней и с прической Джими Хендрикса встает из темной культуры шестидесятых и запаха гашиша. Капелька света на ее носу.

Капитан Кид и женщина занимаются сексом, а потом пытаются догадаться, что произойдет в эпилоге, через восемьсот семьдесят семь страниц.

Ибо что такое «миф», как не неодеконструкционистская проза отсутствующего литературного критика, который шепелявит?

— Чего? — переспросил огорошенный Билл.

— О, прости, я рассказал тебе то, что обычно рассказываю друзьям-интеллектуалам на вечеринках за коктейлем, — отозвался Рик. — Рискну предположить, что сейчас нужно что-нибудь поправднее. Arrrrrrr! На твоё счастье у меня найдется что сказать.

Рик выкатил на середину каюты тысячеваттовый усилитель размерами с космический буксир, схватил свою стратосферо-бластер-электро-волышко-гитару, взял несколько изысканных аккордов в стиле «жахни-метал» (этот стиль являлся новомодной, усовершенствованной разновидностью рок-н-ролла: приводимые в движение компьютером трупы погибших на электрическом стуле душегубов заменяли обыкновенный ансамбль из соло-гитары, кухонного синтезатора, барабанов и баса) и запел.

Архимед взвизгнул и, бешено замахав крыльями, вылетел из каюты, оставив после себя свежую кучу помета.

*История Капитана Рика. Второй захог.
«Баллада о Супергерое»*

Меня порой называли Героем с тысячью лиц.
Я многого навидался, но ни разу не падал ниц.
Я — персонаж преданий, привык бороздить небосклон.
Но мой герой — это Кэмпбелл, только не Джозеф, а Джон.

Пират, святой... Подумаешь! Личину сменить — пустяк!
Я прежде всего — хомо сапиенс и уж не трус никак.
Я знаю, что человеку Вселенной владеть суждено.
Строить таверны и бары и всюду хлестать вино.

Я рос болван болваном, на все на свете плевал,
Пока мне однажды в руки Джонов рассказ не попал.
Теперь я брожу по космосу, в свое удовольствие пью
И инопланетных тварей с ходу без промаха бью.

«Терра юбер аллес!» — кричу во все горло я,
И крики мои над тысячью покоренных планет звенят.
А когда сгущаются тучи и нечем тоску унять,
Я Хаббардову «Дианетику» снимаю с полки опять.

В каких я бывал переделках? Черт, память нужна позарез!
Ах да, мне как-то приспичило — на стенку чуть не полез.
К несчастью, я бластер оставил, а без него — каюк.
Меня заболтали Лейя и Звездополосец Люк.

Ну, с Лейей я развелся лет пару-тройку назад.
В постели с принцессой — скука. Ну ладно, сам виноват.
Насчет же Люка я думал, что парень пасет овец.
«На помощь! — он крикнул. — Скорее, иначе миру конец!»

Вернулся лорд Дарт Вейдер, так его и растак!
Чу! Кто-то с натугой дышит... Истинно — это знак!
Он восстал из мертвых! О, тяжкие вздохи слышны!
Я до смерти перепутан и сейчас наложу в штаны!

Едва Люк успел закончить, на нас напали враги,
И мы бежали в космос, туда, где не видно ни зги.
Из-за туманностей, в коих полно оврагов и балок.
И там мы готовились к битве и читали «Аналог».

Старый добрый Джон В Кэмпбелл — вот молодчина!
«Эстаундинг» — это классика! Там все было чин по чину!
Куда до него всяким Спилбергам? Да разве при нем смогли б
Поставить, скажем, «Чужого»? Да разве прошел бы «Ип»?

«Сомкнуть ряды! — он изрек бы — А ну, вверх, гарнизон!
Победа за техникой! К бою! Андерсон! Гаррисон!
Вторглись инопланетяне? Прижмем их, ребята, к ногтю!
Подумаешь, эка невидаль! Бабахнем разок — и тю-тю!»

Мы в поте лица пахали, тупицы — да что с нас взять?
Втемяшилось нам в подкорки сверхизлучатель создать.
Создали. Джон был бы доволен, Док Смит удавился бы, —
Такая вышла хреновина; ну прямо подарок судьбы!

Тогда мы рванули навстречу вражеским кораблям
Ну, доложу вам, зрелище — фильма ужасов для
Один другого громаднее, и все придумал Джордж Лукас.
Чем только нам ни грозили, а мы решили: «А ну-ка!»

«Миром правит Темная Сила, и с нею ты не балуй!
Лучше присоединяйся! Снимай про вампиров! Торгуй!»
А мы в ответ как жажнем — и всех отправили в ад.
Нет, парни Джона не станут лизать Императору зад!

Черный лорд Дарт Вайдер был слишком, бедняга, наивен
Он не знал, кто такие Клэнси, Пурнель и Нивен.
А те, кто читал «Эстаундинг», в науке все мастаки,
Болт отличают от гайки и подраяться не дураки.

Да, мы разбирались в науке вполне прилично — и вот
Набили в наш излучатель ультра- и гиперчастот,
Понадергали их из Азимова, Де Кампа и Клемента,
Из Диксона и Дель Рея, чтоб держало крепче цемента.

Заряд у нас был что надо, ни строчки галиматьи.
Да здравствует Джон В. Кэмпбелл, а также его статьи
Враги — те, что уцелели, — скуля, побежали прочь.
Темная Сила пала! День переплюнул ночь!

По слухам Джон В Кэмпбелл, развесив на небе гамак,
На нынешних смотрит авторов, что пыжаты так и сяк,

И говорит, потягивая нектар пораньше с утра:
«Ну, если это фантастика, то мне воскресать пора!»

Последние аккорды повисли в воздухе, словно заключительные такты любимого военного марша Билла, сочиненного Джоном Филипом Ключом. По щекам Героя Галактики заструились громадные слезы. Билл шмыгнул носом и судорожным движением мышц вернулся на место сердце, комом застрявшее в горле.

— Елки-палки! Это... самая чудесная песня... какую я только слышал!

— Выходит, тебе полегчало, первый помощник Билл?

— Еще бы! Я как заново родился!

— Арррр! Отлично! Ты замечательный солдат, Билл! Аррррр! Я рад, что взял тебя на борт. А теперь нам лучше завалиться на койки и задать храпака. Если верить компьютеру, до Святого Гриль-бара осталось лишь несколько дней пути.

Ирма! Он скоро вновь увидит Ирму! Билл страстно вздохнул — ни дать ни взять паровоз, у которого протекает котел. Ему вспомнились ее ясные невинные глаза, точеная фигурка, прелестные, томные вздохи, и на его лице заиграла счастливая улыбка.

Билл так и заснул с улыбкой на губах. Сны Героя Галактики снились исключительно эротические, причем такого содержания, что температура его тела поднялась на пять градусов, а на потолке каюты сконденсировалась влага.

Глава 8

В СВЯТОМ ГРИЛЬ-БАРЕ

Вскоре выяснилось, что лететь им еще, по меньшей мере, неделю, и капитану Рикку пришлось подключить желчный привод, разновидность жирового, приобретенный в магазине подержанных звездолетных запчастей. Жировой привод, который применялся на армейских кораблях для прыжков от звезды к звезде, Билл ненавидел всей душой, а желчный, если такое возможно, был гораздо хуже — его подключение означало, что в звездолете будет не продохнуть: каюты и прочие помещения заполнялись омерзительной смесью ксенона, водорода и сернистых газов, и воняло как, если верить Библии, в преисподней. Процедура подключения состояла в следующем: полученная смесь подвергалась электронной вибрации; газы и корабль со всем своим содержимым тряслись как в лихорадке и постепенно синхронизировались с атомным пульсом места назначения. В то самое мгновение, когда происходила синхронизация, космос как бы отрывал звездолет, и тот перемещался на то или иное расстояние, причем прыжок, как правило, сопровождался весьма неприятными явлениями. Вот и на сей раз — Билл даже испытал нечто вроде ностальгии, подумав о жировом приводе.

Итак, спустя какое-то время звездолет «Желание» очутился в Случайной системе, и Билл увидел гигант-

ские неоновые вывески — «Святой Гриль-бар», «На песке: мистер Уэйн Ньютон!», «Пей голым!», «Ни верха, ни низа»; последнее, как хотелось думать Биллу, означало отсутствие одежды, а никак не лоботомию и ампутацию ягодич. На глаза навернулись слезы, дыхание сделалось прерывистым, — предвкушая неизбежный цирроз печени, Билл догадался, что наконец-то обрел дом.

Святой Гриль-бар представлял собой комплекс зданий, что располагались над огромной метановой планетой Зевс, сбившись в блаженную кучку в гуще зеленовато-желтых облаков; фундаментом здания служили антигравитационные платформы.

— Старина Зевс обожает эту планету в основном из-за того, что она названа в его честь, — сообщил Рик, разворачивая «Желание» и сажая звездолет на колонну алого пламени.

— Йек! — произнес Билл. — Слушай, под нами что, вулкан?

— Не волнуйся, это всего лишь приветственная ионизирующая обработка корпуса.

— Мы же поджаримся заживо!

— Зато на стабилизаторах не останется ни единой космической бактерии, равно как и всякой дряни вроде астероидных ракушек. Не беспокойся, Билл, все будет в порядке.

Позднее, после того как им наложили мазь от ожогов и повязки, а поджаренного Архимеда, который ухитрился перед смертью дать последний пометный залп, подали в виде начинки в сэндвичах, так сказать, в знак благодарности облаченным в белые халаты врачам, Рик неохотно допустил, что, вполне возможно, забыл включить воздушный кондиционер, как то предписывалось правилами посадки на Священную Колонну Очистительного Огня. Откровенно говоря, Билл не столько огорчился, сколько обрадовался. Да, он с удовольствием убирал попугайский помет, однако глупые шутки, которыми сыпал Архимед, приводили Героя Галактики в исступление и заставляли скрежетать зубами. И потому какое наслаждение доставляла мысль, что больше ему не придется слушать бреда в таком вот духе: «Тук-тук! Кто там! Тоби. Какой еще Тоби? Тоби-Шнобби!»

К тому же Билл заранее предвкушал, как опорожнит одним глотком кружку холодного пивка!

Святой Гриль-бар оказался наиболее просторным питейным заведением из тех, в каких Биллу до сих пор доводилось бывать. Они с Риком сняли номер в ломово-ценном и весьма непритязательном отеле «Хилтом», а затем отправились в бар. Чтобы добраться до него, им пришлось долго искать дорогу среди множества игровых автоматов, столов для игры в «очко» и киосков галактической лотереи. Билл не знал, что и думать. Сам бар, который находился в главном здании, вытянулся в длину на две с лишним мили, а дальний его конец терялся в облачной дымке. Вдоль стойки выстроилась целая армия похожих друг на друга как две капли воды барменов-андроидов; все они выглядели одинаково отвратительно — кабаньи головы, с клыков капает слюна, на руках по шесть пальцев, чтобы можно было схватить сразу двенадцать кружек.

Пивом в баре поили каким угодно, начиная со «Старинного особого», что варили на планете под названием Англия, и кончая «Всамделишным старинным и куда особеннее особым» с Ирландии, а также «Лакомыми осадками» с Нового Южного Уэльса. Бесчисленные бутылки своими красочными этикетками придавали стойке бара некоторое сходство с положенной горизонтально рождественской елкой длиной в несколько километров. На Билла, перебивая друг друга, обрушились сладостные ароматы благословенных напитков. О головокружительный хмель! О животворящий солод! О великий и могучий алкоголь! Биллу вдруг подумалось, что здесь, может статься, хороши на вкус даже тряпки, какими протирают столики, однако он подавил желание убедиться в этом на собственном опыте.

В мирских делах — например в общении с женщинами или на службе — Билл обычно действовал не раздумывая, так сказать, по наитию, благо годы армейских внушений стерли из памяти всякие мысли на сей счет заодно с угрызениями совести. Но когда речь заходила о выпивке, он частенько настраивался на философский лад, поскольку выпивка и творческая ругань являлись единственной отдушиной, оставленной ему армией. Почему, спросил недавно некий ученый муж, хотя сегодня существует множество наркотиков, которые поднимают настроение, меняют взгляд на жизнь,

которые поступают в естественном виде из экзотических миров или синтезируются в государственных и подпольных лабораториях, — так вот, почему военные, а быть может, и люди вообще льнут именно к алкоголю во всех его видах и разновидностях?

На этот вопрос у Билла имелось целых три ответа.

1. Алкоголь позволяет напиваться.

2. Когда напьешься, становишься от него пьянее прежнего.

3. Затем теряешь сознание, а иного способа убежать со службы для солдата-сверхсрочника не существует.

Впрочем, вопросы ученого мужа можно продолжить. Почему алкоголь, когда вокруг столько не менее эффективных, но менее опасных зелий, которые не приводят в конце концов к серьезным повреждениям внутренних органов и отнюдь не способствуют деградации человечества, не причиняют страданий, не вызывают стыда, несмотря на всю свою многочисленность и разнообразие?

Билл мог бы ответить, что в человеке, по-видимому, заложена природой потребность время от времени надираться до полной отключки; правда, он догадывался об этом лишь интуитивно, а потому не мог облечь в слова ни мысль, ни желание. Его подмывало пропеть хвалебную песнь вкусу бесчисленных живительных напитков, однако в силу того, что большинство излюбленных напитков Билла имело поистине омерзительный привкус, а также потому, что после третьего или четвертого стакана он переставал ощущать какой бы то ни было вкус вообще, Герой Галактики сдержался.

Однажды, в туманном прошлом, Билла занесло в низкопробный бар на планете Пойло — там находился армейский ПП-центр. Билл сидел за столом, опрокидывал в себя стакан за стаканом, быстро приближаясь к совершенно невменяемому состоянию, и поглядывал краем глаза на пышные груди местных шлюх, которые напоминали гигантских личинок овода, — подобного развлечения не существовало ни на какой другой планете известной Вселенной. И тут с Биллом завязал разговор некий проповедник, приверженец здорового образа жизни, сосланный на Пойло каким-то любителем жестоких шуточек и кипевший негодованием по поводу того, чем занимаются в баре солдаты и прочий

люди. Он привел Герою Галактики те самые доводы, о которых упоминалось выше, и спросил, почему, зная о зле, что таится в алкоголе, Билл все же разрушает собственный организм, глуша бесовское зелье.

Будучи пьян настолько, что мог изъясняться толково и связно, Билл ответил: «Потому что чувствую, как оно меня изводит». Миссионер не удовлетворился и потребовал более вразумительного ответа; набравшийся Билл, не в силах размышлять сколько-нибудь глубоко, равно как и произнести без запинки более одного простого предложения, изрек потрясающую фразу в духе Декарта: «Я пью, следовательно, существую». После чего, как бы подкрепляя слова делом, облевал миссионера с головы до ног и, что было как нельзя кстати, отрубился.

Тем не менее философская точка зрения на выпивку у него сохранилась, и потому, обозревая сей алкоголический Диснейленд, Билл вдруг вообразил, что попал на некий праздник неразумия, и ощутил, что его жжет изнутри священный огонь вроде того, какой горит в душах зороастрийских монахов.

— Наконец! Наконец-то я достиг своей цели! — воскликнул Супергерой Рик, падая в благоговении на колени. — Я обшарил всю Вселенную в поисках единственного на свете пива! И вот дорога привела меня в Святой Гриль-бар, где подают любые напитки, какие только знает мироздание! О драгоценный бар поистине мифических пропорций! — Рик кое-как поднялся и, спотыкаясь, направился к пустому месту у сверкающей полировкой деревянной стойки. — Арррррр! Пошли, Билл! Теперь-то я свое возьму!

Отказываться от бесплатного угощения было не в привычках Билла, а потому он последовал за капитаном, не забывая, впрочем, с тревогой поглядывать на толпу посетителей. Да разве можно отыскать в таком столпотворении Ирму?

— Бармен! — крикнул Рик. — По кружечке мне и моему приятелю!

— Чего тебе налить, парень? — справился с идиотской ухмылкой бармен.

— «Святограальского крепкого»! — отозвался Рик и, широко улыбнувшись, швырнул на стойку орехового дерева свою золотую кредитную карточку «Голд Галактик».

Все те, кто сидел за столиками в пределах слышимости, мгновенно замолчали, бросили пить и, похоже, забыли, что значит дышать. На бармене и его собеседнике скрестилось множество взглядов.

— Извини, незнакомец, — прошепелявил бармен елейным механическим голосом. — Такого пива у нас нет.

— А как насчет «Святограальского светлого»? — моргнув, поинтересовался Рик.

— Увы. Не держим.

— Гм-м... А «Святограальское темное»?

— Никогда не было.

— А «Святограальское легкое»?

— То же самое.

— Аррррр! — прорычал Рик, с лица которого сползла вся краска. — Но я пролетел десятки парсеков, чтобы утолить жажду! Мне говорили, что в Святом Гриль-баре подают все напитки, какие только известны человечеству!

— Так и есть. Все, кроме «Святограальского» пива. Никто не знает, где его взять, хотя к нам забредает немало сэров Галахадов и прочих бродяг вроде тебя, которым вынь да положь «Святограальское». Может, удовлетворишься альдебаранским горьким? Скажу по секрету, лучшего пива к югу от Полярной звезды тебе не найти.

— Спасибо, не надо, — пробормотал павший духом Рик. — Мне нужно что-нибудь покрепче, чтобы утопить депрессию, которая угрожает овладеть мной. Два виски, бармен! Я хочу сказать, два бочонка. А подавать будешь пинтовыми кружками.

Билл ничуть не возражал. Что уютно, лишь бы не ром. Он поднял обеими руками — иначе не получалось — свою кружку, просто-напросто пригубил виски, проявив тем самым поразительную, не свойственную ему выдержку, и принялся изучать посетителей бара (правда, предварительно он ополовинил кружку, дабы удостовериться в крепости напитка). Ирма по-прежнему не показывалась. К счастью, не видно было и джентльменов, что расхаживали бы по бару с перунами в руках, как, по слухам, имел обыкновение Зевс.

Время от времени то одна, то другая часть помещения словно растворялась в воздухе, а потом возникала

вновь. Елки-моталки, опять двадцать пять! Может, здесь слишком просторно, чтобы его глупенький умишко смог воспринять бар целиком? За размышлениями Билл не забывал прикладываться к кружке. Мало-помалу они с Риком прикончили первый бочонок и взялись за второй, и у Героя Галактики все поплыло перед глазами, но ему уже стало на все плевать.

К концу второго бочонка, когда Билл уже чувствовал себя налившимся в стельку, его похлопал по плечу мужчина, что сидел рядом за стойкой.

— Эй, приятель! — проговорил он, глядя на Билла сквозь бутылочные донышки, что служили ему стеклами очков. — А что это у тебя на шее за хреновина?

Билл настолько привык к своему подгнившему пернатому украшению, что совсем забыл про дохлую птицу — ведь та все еще находилась в «сортирном стазе», а потому ни чуточки не воняла.

— А, — отозвался он, наблюдая за мухой, которая утонула в статическое электронное поле. — Это мертвый голубь. Тише, дружище, ладно? Не привлекай внимания, а то всем захочется такой сувенир.

Как бы то ни было, вопрос насчет голубя вывел Билла из алкоголического ступора и заставил вспомнить о том, что предстоит сделать и зачем он вообще очутился в Святом Гриль-баре.

— Ирма! — воскликнул Герой Галактики, повернулся и дернул за руку своего спутника. — Капитан Рик, вы не видите поближошти Ирмы?

Рик, угрюмый и подавленный, подбирался к днищу бочонка с виски, бормоча себе под нос клятвы искать «Святограальское» пиво до конца своих дней.

— Ирмы? — переспросил он, приподнял веки и постарался сфокусировать взгляд на Билле. — Ищи Зевса, приятель. Найдешь Зевса, отыщешь и свою Ирму.

— Зевса? Да где же, елки-палки, его искать? — сказал Билл. — Тут столько народу! Сотни тысяч!

— Люди тебе ни к чему, — непристойно хихикнул Рик. — Ищи бога!

— Зевс? — осведомился сосед Билла по стойке. — Ты разыскиваешь великого бога Зевса? Чего же ты сразу не сказал? Я пару минут назад столкнулся с одним гомиком, который вернулся с попойки из Преисподней. У старины Зевса там сегодня вечеринка.

— Преисподняя? — произнес Билл, слегка протрезвев от восторга при мысли, что скоро отыщет Ирму. — А где это?

— Естественно, внизу. За туалетами — или за сортирами, за гальюнами... В общем, как ни назови, суть одна. — Усатый джентльмен ткнул пальцем в направлении висевших на стене указателей. Четыре светящихся квадрата без каких бы то ни было надписей под рисунками, что представляли собой интергалактические символы. Первый рисунок изображал мужчину, второй, по всей видимости, женщину. Билл несколько раз моргнул, чтобы прояснилось перед глазами. Так, это, должно быть, мужское и женское заведение. На третьем квадрате было нарисовано некое шестипалое существо с панцирем на спине. Отхожее место для инопланетян. Последний квадрат, самый крупный из всех, украшало изображение огромного нимба над унитазом. Нужник богов!

— Рик, я иду за Ирмой, — сказал Билл.

— Валяй. Аррррр! Я останусь здесь. — Расчувствовавшийся Рик, испытывая насущную потребность в собутельнике, братской любви и пьяном сострадании, утостил соседа, и они вдвоем выпили за безвременно ушедшего из жизни попугая Архимеда, без которого на свете очень и очень скучно.

Билл нисколько не сожалел о гибели попугая — ему и без того хватало забот с птицами, — направился туда, где светились указатели, добрался на пневматическом экспresse до Преисподней, заглянул в мужскую уборную, облегчился и вышел в длинный коридор. Сделав едва лишь несколько шагов, услышал раскаты грома и зычные возгласы. Вечеринка Зевса была, похоже, в самом разгаре.

Герой Галактики распахнул дверь, чуть было не оглох от грохота, который производили музыканты джазового ансамбля, и ошарашенно уставился на представшую взгляду картину. Впечатление было такое, будто смотришь на одно из творений Эсхера. Судя по всему, Зевс решил позабавиться с гравитацией; в итоге в одном углу помещения люди стояли на потолке, а в четырех других — на стенах. Что касается оркестра, многочисленные музыканты болтались под потолком на веревках, образуя в целом нечто вроде полумесяца. Они

наяривали мотивчик, от которого сотрясались стены и грозили лопнуть барабанные перепонки. Внезапно, стоило Биллу оказаться в насыщенной музыкой и пронизанной артистическим духом атмосфере комнаты, его нога-капризуля начала елозить по полу и дергаться из стороны в сторону в такт разухабистому мотивчику.

Копыто пыталось танцевать!

— Идиотка! Они же играют «Сатиновое платье», а не «Сатирово»!

Нога не обратила на слова Билла ни малейшего внимания, и Герою Галактики пришлось продолжать путь вприпрыжку. Он пустился в обход комнаты, ища Зевса и свою истинную любовь, до невероятия сладострастную и утраченную Ирму.

Зевс отыскался довольно быстро. Бог сидел на потолке за длинным столом, заставленным разными контрабандными яствами.

Глава 9

ВЛАДЫКИ РАЗУМА ИЗ ЗАЖЕЛЕЗИИ

Чувствуя себя как нельзя паршиво, сексуально неудовлетворенный более, чем когда-либо до сих пор, Билл разомкнул слипшиеся веки и поднял руку, намереваясь почесать в затылке. Неожиданно он ощутил слабое сопротивление проводов, услышал хлопки и пронзительный визг — многочисленные технические устройства издавали звуки, похожие на те, с какими лопаются мыльные пузыри, но пропущенные через усилитель. Эхо разносило по комнате писк, треск и щелчки, которые отдавались то гулко-металлически, то шороховато-пластмассово.

— Он снова приходит в себя! Следует ли это допустить, доктор? — спросил чей-то знакомый голос.

— Да. Его бессознательное в достаточной мере напало матрицу, — отозвался другой голос, ничуть не менее знакомый.

Билл застонал, приподнял голову и огляделся по сторонам. Опять сопротивление проводов! Он почувствовал у себя на лбу что-то тяжелое и холодное, сообразил, что это, должно быть, металлическая пластина. На голове, под кожей, копошились крохотные датчики; в вену вонзилась игла и в кровь влилось содержимое перевернутого флакона, на этикетке которого был нарисован череп со скрещенными костями. Биллу каза-

лось, что его тело сперва распороли надвое, а затем зашили — наспех, кое-как. Впервые в жизни он понял, каково приходится жуку, которому протыкают грудную клетку длинной булавкой; да, понял, хотя и знал, что лично у него грудной клетки нет и в помине. Комната плыла перед глазами — такое происходит не часто, ибо комнатам весьма затруднительно выкидывать подобные фортели. Билл различил поблизости человеческую фигуру: белый халат, очки, стетоскоп... Внезапно на него знакомо пахнуло антисептиком.

Врач? Антисептик? Он что, вернулся в госпиталь? Вокруг завертелись, словно в невесомости — обломки уничтоженного взрывом корабля, обрывки воспоминаний. Смутные образы: сатир Брюс... Елисейские поля... восхитительное вино... помет попугая Архимеда... улыбка на лице Ирмы...

— Ирма! — воскликнул Билл, пытаясь освободиться от пут.

— Успокойся, солдат! Кому сказано? Лежи спокойно! — распорядился елейным голосом врач, который наклонился к Биллу и хотел, по всей видимости, утомить пациента. Билл присмотрелся, и черты докторова лица тут же приобрели узнаваемость. Отвратительный клювоподобный нос, жуткий подбородок, бегающие глазки навывкате...

— Где я?

— В секретном бункере на дне океана на Костоломии-IV. Тебе предстоит выполнить ответственнойшее задание, которое станет венцом твоих достижений в роли человека.

Билл напряг зрение. Этот голос, это лицо...

— Доктор Делязны!

— Правильно, Билл. Успокойся. Ничего плохого мы тебе не сделаем.

— Секретный бункер? Чей?

— Елки-палки, Билл! — пискнул кто-то рядом. Билл догадался, что слышит, как стучат по металлической поверхности крошечные лапки, ощутил огромную тяжесть на груди. Он изогнул шею и неожиданно встретился взглядом с ящерицей, которая была семи футов ростом и имела четыре лапы. — Разве ты не знаешь? Неужели до тебя еще не дошло?

Чинджер!

Более того! Билл узнал высокий, гнусавый голосок, который приучился ненавидеть сильнее, чем призрак сержанта Смертвича Дранга, появлявшийся время от времени в его пьяных снах.

Трудяга Бигер!

— Трудяга Бигер! — проговорил Билл. — Я думал, тебя убили.

— Слухи о моей гибели, Билл, являлись обыкновенной гиперболой! Тебе нравится это словечко? Гипербола... Ха! Между прочим, что касается Трудяги Бигера, про него можно забыть. То был всего лишь робот, которому придали человеческий облик и которым я управлял, сидя там, где у человека помещается мозг. Меня зовут чинджер Бгр. Тебе следовало бы запомнить мое имя, но я понимаю, почему ты запямятовал. Я — специалист по инопланетным формам жизни, а люди — елки-палки! — для нас самые настоящие инопланетяне. Я изучал человеческую семиотику, литературные жанры и, разумеется, глубинную психологию. Елки-палки, я готов зашвырять тебя новыми терминами! Ну-ка, произнеси: «феноменологический психометасегмент». Не можешь? Я так и думал.

Сказать по правде, Билл был занят в основном тем, что пытался вздохнуть. На родной планете чинджеров сила тяжести составляла 10 g, поэтому, несмотря на небольшие размеры, они были чрезвычайно плотными и ну очень тяжелыми.

— Слушай... Трудяга... слезь... с меня...

— Елки-палки! Разумеется! Знаешь, Билл, нам надо о многом поговорить. — Чинджер одним прыжком перескочил на стоявший поблизости аппарат, заглянул Биллу в лицо и завертел хвостом в приступе рептилианского счастья. — Точно! Эй, солдат, как там с подрывом боевого духа имперской армии? И как насчет открывания глаз, всеобщей справедливости и мира на все времена?

— Смерть чинджерам! — прорычал Билл.

— Гм-м... Ясненько. Значит, вот как ты держишь слово? А помнишь, о чем мы договаривались, Билл? Возможно, мы слегка переусердствовали, когда готовили тебя... Елки-палки, жаль!

Билл повернулся к доктору Латексу Делязны. Медленно, со скрипом он начал осознавать истинное положение вещей.

— Меня захватили в плен и держат в бункере чинджеров! Что означает, — Билл оскалил клыки и свирепо зарычал. — Доктор, вы — шпион чинджеров! Вы предатель!

Долговязый врач с видом оскорбленного достоинства выпрямился во весь рост и как мог напыжился.

— Ничего подобного! Я просто привержен гуманитарным ценностям! Я тружусь на благо всего человечества! Войну между чинджерами и Империей необходимо прекратить! Я тружусь ради мира, справедливости и счастья! Моя заветная мечта — излечить человеческое бессознательное от свойственных ему аберраций!

— Изменник! И тебе я доверил свою ногу! Куда ты меня завлек? Что происходит?

— Елки-палки, Билл, — произнес Бгр, переместившись, чтобы получше разглядеть раздвоенное копыто, — по-моему, замечательная нога!

— Вспомнил! — воскликнул Билл. — Доктор назвал ее ногой-капризулей. Это ты во всем виноват, Бгр!

— Забудем, Билл. Теперь заткнись и слушай. Доктор сейчас прочтет тебе лекцию. Как ни крути, нам без тебя не обойтись. Елки-палки, вот повеселимся, а?! Ну, насчет лекции я, пожалуй, слегка преувеличил. Он попытается внушить тебе необходимые сведения, что, естественно, далеко не простая задача, особенно с твоей тупой башкой. Постарайся понять, что твое бессознательное должно влиться в коллективное, которое куда толковее твоего сознания. Впрочем, последнее все равно мало на что годится. То, что ты испытывал, происходило в действительности, хотя, может быть, и не в том пространственно-временном континууме, к которому мы все привыкли.

— Ты хочешь сказать, что на мне по-прежнему лежит проклятие Стадного Мутноброта? — простонал Билл, ощущая, как где-то глубоко внутри шеи откуда ни возьмись появилась острая игла, которая так и норовит проникнуть дальше, к жизненно важным органам. — Арррргх! — прибавил он.

— Тебе не следует расстраиваться, Билл. Ты встретил свою истинную любовь, женщину, о которой мечтал всю жизнь... Она и впрямь существует и будет существовать дальше, если ты, конечно, позволишь!

— Чего? — озадаченно пробормотал Билл. Произнести нечто более вразумительное он пока был не в

состоянии. Делязны благожелательно кивнул, по всей видимости, обрадованный тем, что общение с пациентом налаживается, пускай даже на самом примитивном уровне.

— Ты понял, парень! Понял! Я говорю об Ирме! О красавице Ирме! — врач указал на свои аппараты. — Ирма ожидает тебя, Билл, но не здесь, а в иной парадигме. Если ты отыщешь ее, возможно, твои развивающиеся умственные способности обретут такую мощь, что благодаря тебе Ирма сможет физически существовать и в нашей плоскости бытия, наподобие того, как существует дохлый голубь, что болтается на твоей шее.

— Ирма! — вскричал Билл. Ему вспомнилась ласковая улыбка, аппетитные изгибы точеной фигурки, чудесный аромат надушенных подмышек... Аппарат Экг издал предупреждающий сигнал, игла на шкале счетчика гормонов резко метнулась вправо, на красное поле, а затем, продолжая движение, выскочила из прибора и упала на пол.

— Елки-палки! — вскрикнул Бгр, глаза которого ухитрились выпучиться сильнее обычного. Он изумился настолько, что сумел выдавить лишь свое излюбленное при словье.

Доктор Делязны самодовольно усмехнулся. Когда Билл позвал Ирму, на лице врача промелькнуло странное выражение, как будто имя девушки было ему знакомо; впрочем, он тут же спохватился и вернул себе прежний вид.

— Ну как, Бгр? Я говорил тебе об исключительной силе, которая таится в том диковинном сочетании гормонов и психической энергии, что именуется среди людей любовью, помнишь? — Делязны вновь повернулся к пациенту. — Билл, если захочешь, ты сможешь возвратить Ирму. Понимаешь? Ты можешь привести ее сюда. Но сначала найди свою любовь.

При одной только мысли об Ирме сердце Билла растаяло как воск; с ним случилось нечто вроде сердечного приступа на любовной почве. Ирма! Такая желанная, такая красивая! Ненаглядная Ирма! Он стремился воссоединиться с нею, сильнее, чем стать техником-удобрителем или владельцем завода по производству виски на планете Хмель, готов был забыть о новой печени и даже о своем сокровенном желании — чтобы

ему наконец пришили нормальную человеческую ногу. Ирма!

— Как мне ее найти, док? — промямлил Билл, пуская слюну; глаза его остекленели от неуголенной страсти.

— Все очень просто, мой мальчик. Как ты понимаешь, до сих пор мы экспериментировали только с твоим сознанием, которое помещали в сконструированную нами парадигму. Из всех кандидатов мы выбрали именно тебя по причине необычайно развитых сперматофорических функций. Они развиты настолько, что, по-видимому, оттесняют рассудок на задний план. Короче говоря, Билл, мы — я и чинджеры — полагаем, что сумели установить истинную сущность человека, а также выяснили, почему люди так воинственны. Дело в том, Билл, что люди думают не столько головой, сколько половыми железами. Поскольку с культурной точки зрения в Империи доминируют мужчины, державой управляет первичная человеческая эмоция под названием «чувственность». Точнее, агрессивная чувственность. Хуже того — дальше вмешивается рассудок. К несчастью для чинджеров и остальной Вселенной, женщины отнюдь не являются безмозглыми коровами. Они не слишком заинтересованы в том бессмысленном, беспорядочном, непрерывном спаривании, которого жаждут все без исключения мужчины, хотя на словах зачастую утверждают обратное, опровергая собственные убеждения, что зреют в их тоскующих по первозданной чистоте сердцах. Женщины вообще гораздо умнее мужчин, но, к сожалению, и они подвержены атакам гормонов, которые в большинстве своем куда коварнее заурядного тестостерона и порождают существ, наделенных весьма посредственными умственными способностями — я разумею, в общем и целом; существ, которые не знают толком, чего хотят, однако всячески стремятся добиться того, о чем не имеют ни малейшего представления. Поскольку мужчины не могут непрерывно удовлетворять свою похоть, они вынуждены направлять агрессию вовне. Отсюда — привычка воевать. Отсюда — желание подчинить Вселенную...

— А также неприязнь к миролюбивым чиндже-рам! — ввернул Бгр.

— Совершенно верно. Билл, я ищу понимания и, более того, возможности проникнуть в самую суть

человеческого мозга, направить коллективную энергию человечества в иное русло, хочу пробраться, если можно так выразиться, в Зажелезью и, быть может, осуществить хотя бы незначительные эволюционные преобразования!

— Вот так-то, парень! — вмешался Бгр. — На мой взгляд, поток гормонов ничуть не помешает слегка обуздать. Уменьшим до минимума человеческую склонность к агрессии! Сделаем Галактику безопасной для миролюбивых рас! Может, тогда Империя перестанет палить по нам и сообразит наконец, что чинджеры хотят мира во Вселенной, и единственная причина, по которой они сражаются с людьми, состоит в том, что мы не желаем стать сто две тысячи триста двадцать четвертой космической расой, уничтоженной кровожадным человечеством!

— Погоди! — Билл нахмурился. — Давай разберемся. Если я правильно понял, вы предлагаете кастрировать все человечество! Выхолостить всех людей до последнего! Гнусные, вшивые чинджеры! И ты, мерзавец, предатель Делязны! — Билл яростно задергался на столе. На губах у него выступила пена, в мозжечок хлынули гормоны мужества, гордости и прочей дребедени, которая присуща мужчинам.

— Нет, Билл, — доктор Делязны замотал головой, потом повторил: — Нет. Об оскоплении речь не идет. Мы всего лишь хотим подавить агрессивность людей и считаем, что сумеем это сделать, если найдем ее корни в Зажелезьи. На поиски же мы посылаем тебя. Давай рассуждать так: каждый мужчина в силу своего мужского естества чрезвычайно похотлив, верно? И кому будет плохо, если вождение мужчин уменьшится ровно наполовину? Уверяю тебя, ничего страшного не произойдет. Влюбленные будут любить друг друга как и раньше и у них по-прежнему будут рождаться дети. Однако, удалив излишнюю агрессивность, мы, я надеюсь, сможем избавиться от войн, убийств и уничтожения всего, что только попадает на глаза. Хорошо придумано, а?

— Хорошо? — воскликнул Билл с пеной у рта. — Бреда чудовищнее я не слышал с тех самых пор, как мне предложили остаться на сверхсрочную! Это ж надо! Поголовная кастрация! — Билл настолько разъярился

при мысли о том, что рискует лишиться пускай даже малой толики своего мужского достоинства, что задумался над происходящим и ощутил в себе тягу к справедливости и прилив несвойственного ему красноречия. — Ничего у вас не выйдет, садисты недорезанные! Я не могу допустить такого издевательства над человечеством! Не могу позволить, чтобы люди утратили хотя бы чуточку того, что подвигает их на великие свершения! Ведь благодаря тому, что вы хотите уничтожить, родилось желание бороздить океаны тысячи древних планет, взбираться на горы, подчинять себе элементы мироздания! Именно из так называемых гормональных агрессивных инстинктов возникло стремление к звездам, и люди взлетели в небо на примитивных кораблях и покорили Солнечную систему, а потом рассеялись по Галактике! Вы требуете от меня предать тот источник героизма, испив из которого человечество обрело столь широкую перспективу, столь честолюбивые замыслы, столь грандиозное воображение, столь чудесные мечты, столь много сулящую карму!

— Билл! Подумай головой, а не другим местом! Мы поселим вас с Ирмой на прелестной маленькой планетке, ты станешь техником-удобрителем и сможешь бесплатно напиваться в свое удовольствие хоть десять раз на дню! Никакой войны, никакой службы. Ты только представь! Вдобавок мы снимем с тебядохлого голубя и, наконец, приделаем тебе замечательную ногу, выращенную в специальном растворе!

Билл мгновенно забыл о своих благородных чувствах, которые не выдержали состязания со здоровым эгоизмом и тягой к наживе.

— Договорились. Что я должен делать?

— Я же говорил, док: все упирается в ногу, — сказал Бгр. — Давайте попробуем снять с него эту проклятую птицу, а затем отвезем нашего друга в переходник.

Глава 10

ШАГ НАУГАД

Билл стоял перед огромным, от пола до потолка, зеркалом и, широко разинув рот и выпучив глаза, разглядывал собственное отражение.

— Что за ерунда? — воскликнул он. — Зачем вы напялили на меня этот гнусный балахон? Зачем остригли?

— Брюс, — распорядился доктор Делязны, который что-то искал в грудe шляп и прочих предметов туалета, — налей-ка ему еще. Расслабься, Билл. Пей до дна, пей до дна, пей!

Робот-сатир — тот самый, который похитил Билла и утащил его с берега моря в секретный чинджерский бункер — шагнул вперед и снял с шеи громадный мех из козлиной шкуры. Билл, который никогда в жизни не отказывался от выпивки, а потому не очень-то нуждался в подбадривании, выхватил мех, прильнул к горлышку и ощутил, как мчится по пищеводу темный поток вязкого, неразбавленного вина. Чистой воды отравa — но в ней есть спирт! Герой Галактики облизал губы и вновь устоялся в зеркало.

Что ж, уже приятнее, но все равно — диковинней некуда!

Билла одели в длинный, до пят балахон из мешковины, велели обуть кожаные сандалии и повесили на шею деревянный крест, поверх которого по-прежнему бол-

тался дохлый голубь. На загривке топорщился капюшон, в руке Билл сжимал опять-таки деревянный посох. Его шевелюра пала жертвой электроножниц и эпиляторного крема, и теперь макушку Билла украшала тонзура. Хуже всего было шерстяное исподнее, от которого зудело все тело. Билл яростно зачесался, затем поглядел на доктора Делязны, который все копался в куче одежды. Настроение было неважное. Может, это и лучше, чем лежать на столе опутанным всякими разными проводами, но не намного.

— Эй, док, может, вы мне все-таки растолкуете, что к чему? И как насчет голубя? Вы же обещали его снять.

— Секундочку... Ага! — врач выпрямился. В руках у него была шляпа — точнее, скуфейка. Он подошел к Биллу и приладил шапочку ему на голову. — Замечательно! К сожалению, с голубем ничего не вышло, в настоящий момент избавиться от него невозможно. А теперь хорошие новости, Билл. Тебе предстоит поход...

— Нет!

— Да! Поход в страну Зажелезию, где все как бы понарошку. Нам удалось привести ее в полуфизическое состояние — разумеется, с твоей неоценимой помощью, — и теперь мы можем приниматься за поиски той сокровищницы, о которой я уже упоминал. Когда она будет обнаружена, мы вплотную займемся проблемами, которые с ней связаны. Но сначала нужно найти искомое. Итак, в поход. Мы разработали стратегию, взяв за основу Средние века древней Земли. В темную эпоху перед мировой катастрофой у подрастающего поколения отмечались отклонения в развитии, которые были названы «ролевыми играми». К счастью для человечества, кто-то открыл, что ролевые игры, шизофрения и подписывание кровью договоров с Сатаной происходят из-за отсутствия в диете некоторых питательных элементов. Как выяснилось, простой картофель, *Solanum tuberosum*, содержит в избытке минеральные вещества, восполняющие этот недостаток. Повсюду на планете стали создаваться бесплатные кухни, в которых подростков закармливали жареным картофелем. Результаты не замедлили сказаться: вскоре с заболеванием было покончено, а производители «лекарства» изрядно разбогатели. Однако я убежден, что ролевая игра — как раз то, что нам нужно. Подобрал группу агентов и подготовив их к проникновению на террито-

рию призрачной и в то же время вполне материальной Зажелезии, мы вправе рассчитывать на успех.

— Да, шансы неплохие, — подтвердил чинджер Бгр, выскакивая из головы робота Брюса. — Елки-палки, уж двое-то или один наверняка прорвутся!

— Группа агентов... Вы что, идете вместе со мной?

— Гм-м... Нет, — доктор Делязны покачал головой. — Мы останемся в бункере и будем помогать вам советами. Но мы, Билл, выбрали тебе великолепных товарищей! Игру, в которую будем играть, я назвал «Пьяницы и бутылки». Тебе, Билл, выпала роль «пьяного монаха». Бгр, мне кажется, пора дать Биллу полный мех. Как по-твоему?

— Вам виднее, ведь вы же врач, — с этими словами чинджер вновь забрался в робота, чем-то там щелкнул, и робот шагнул вперед и вручил Биллу мех с вином. Герой Галактики охотно принял подарок, в очередной раз промочил горло, а затем повесил мех себе на плечо.

— Значит, вы мне в походе не товарищи. Кто же тогда идет со мной?

Внезапно раздался оглушительный рев, от которого заходил ходуном пол и содрогнулись стены, и в комнату ввалился высокий бородатый мужчина в меховых одеждах, с мечом на поясе и едва прикрытой двурогим шлемом шапкой светлых волос на голове. В одной из своих громадных, с лапу гориллы рук он сжимал бутылку виски «Джек Хрениэлс».

— Женщины! Где женщины, которых мне обещали? — рявкнул он и повел носом, словно пытаясь унюхать женские феромоны.

— Билл, это Оттар, древний викинг, которого мы нашли в Зажелезии. Там он сидел в глыбе льда, а в нашей игре будет изображать героя-варвара. — Делязны повернулся к викингу и жестом попросил того утихомириться. — Женщины будут, Оттар. Но сначала надо снять кино, верно?

— Оттар любит кино, — сообщил с ухмылкой викинг; его глаза радостно блеснули. — Оттар — кинозвезда!

— Чего? — не понял Билл.

— Не спрашивай, — отозвался Бгр. — Существуют вещи, о которых лучше не знать. — Чинджер развернул робота, в котором по-прежнему находился, к

Оттару. — Не забудь, Оттар. Нужно отыскать Источник Гормонов; найдя его, ты найдешь и свою ненаглядную Слайти Тоув.

Оттар фыркнул и снова ухмыльнулся; слюна запенилась на его губах, закапала на бороду, в которой виднелись хлебные крошки. На Билла пахнуло вонью, что исходила от викинга. Да, «сортирный стаз» сейчас явно не помешал бы.

— Ладно. Кто еще? — со вздохом спросил Билл. Он хотел было попросить, чтобы Оттар угостил его виски, но передумал, заметив, что на поверхности зеленой жидкости в бутылке колышется розовая пена.

— Старый друг, Билл. Доказательство эффективности моего оборудования, результат преобразования энергии в материю! — доктор Делязны отдернул занавеску, что закрывала дверной проем. За занавеской оказалась комната со столом, на котором распростерся человек, сжимавший в одной руке кружку с пивом, а в другой — абордажную саблю. Делязны приблизился к столу и растолкал спящего.

— Рик! — воскликнул потрясенный Билл. — Рик-Супергерой!

— Совершенно верно. В нынешнем походе ему отведена роль рыцаря-девственника.

Веки Рика со скрежетом разомкнулись, к потолку потянулись струйки пара. Рик потер ярко-красные глаза, вздрогнул, крепко зажмурился, потом присосался к кружке, после чего слегка приоткрыл один глаз, моргнул и огляделся по сторонам.

— Слушай, парень, мы с тобой не знакомы? — справился он, задержавшись взглядом на Билле.

— Это и есть ваша группа? — проговорил Билл, поворачиваясь к доктору Делязны, выпил вина и издал звук, который напоминал нечто среднее между вздохом и стоном.

Вскоре появились и остальные члены разношерстной компании: амазонка по имени Клитория, трикстер Гиперкинетик и священник Скотобаз, которого назначили на роль миссионера.

Оттар спяну начал было приставать к Клитории, однако женщина семи футов ростом живо дала понять, что с ней такое не пройдет: отвесила викингу звучную оплеуху, и тот шлепнулся на пол.

— Ты, недоносок лохматый, если будешь распускать руки, я засуну твою бутылку тебе в задницу, и без динамита ты ее оттуда не вытащишь!

У облаченного в одежду крикливых тонов Гиперкинетика оказалась при себе лютня; как выяснилось, он имел привычку распевать — точнее, гундосить — длинные и нудные военные марши, слова которых придумывал на ходу:

А мы идем в поход.
Вперед, друзья, вперед!
Гормонов Источник мы найдем
Под снегом, под солнцем или под дождем!

— Арррр! — заявил капитан Рик. — Мне нравится этот парень, хотя он не умеет петь, а его стихи нельзя скандировать.

— Источник Гормонов? — переспросил озадаченный Билл.

— Он самый, — сказал доктор Делязны. — С помощью компьютера нам удалось установить, что цель вашего похода именуется Источником Гормонов. Что это такое в действительности, а также чем оно не является, мы установить не сумели.

— Елки-палки, — присовокупил Бгр, — по-моему, название само по себе вдохновляет на подвиги.

Священник, румяный и веселый, признался, что идет в поход добровольно.

— Клянусь Господом и верой! — провозгласил он в ответ на расспросы Билла. — Я убежден, что в конце пути нас поджидают гнусные язычники, воплощение плоти, и, если будет на то Божья воля, попытаюсь научить их добру и праведности.

— Аррр! Лично мне плевать! — проговорил Рик. — Я иду потому, что, по слухам, рядом с Источником расположена Святая Пивоварня, та, в которой варят «Святограальское крепкое». Моя душа жаждет праведности, а в горле так прямо пересохло!

— «Святограальское»! — священник чуть было не обмочился от восторга. — Пожалуй, я не отказался бы от глотка-другого!

— Там хватит на всех, — сказал с улыбкой доктор Делязны и простер руки к потолку, будто собираясь

благословить участников похода. — Никто не останется обделенным. Однако помните — успех вашего предприятия, вполне возможно, ознаменуется спасением множества жизней, как человеческих, так и чинджерских.

— Елки-палки, здорово! — воскликнул Бгр. Впрочем, он, по-видимому, единственный обратил внимание на слова врача. Остальные были поглощены собственными заботами, настолько, что чихать хотели на благородную миссию по спасению Вселенной.

Что касается Билла, пропитанный гормонами и алко-голем мозг Героя Галактики разрывался между сладострастием и выпивкой. Образ утраченной возлюбленной становился каким-то размытым, его заслонял призрак полной бутылки; наконец два образа слились в одно целое, и Билл оказался не в состоянии отличить, где какой. Впрочем, особой разницы он все равно не видел. Находясь в изрядном подпитии, он не сообразил, что доктор Делязны дает ему команду обуздать желания плоти. И то сказать — ведь человеческое вожделение обычно затемняет рассудок, вынуждает и без того хилые умственные способности съеживаться в комочек и даже разлетаться на мелкие кусочки. Древние установили, что размышления приводят сознание к постижению Вечного Сейчас, а похоть повергает в пучину Вечного Любострастия. Мысль о том, что он сможет год за годом удовлетворять с помощью покладистой Ирмы свое сластолюбие, работать техником-удобрителем, занять собственный дом на тихой планетке, пить в свое удовольствие и забыть об армии, замкнула предательскую хеомобихевиоральную схему, внедренную по приговору трибунала в нервную систему Билла имперскими электриками, а заодно и отогнала всяческие опасения насчет того, что в походе ему, может статься, предстоит столкнуться с опасностями, вообразить которые он своим глупеньким умишком просто-напросто не в силах. Билл не прикидывал, стоит ли игра свеч, не задумывался, что красота Ирмы с возрастом может сойти на нет. Он сосредоточил внимание — то, которое пока сохранилось, — целиком и полностью на Вечном Сейчас. Будущее представлялось точь-в-точь таким же, как настоящее. Разумеется, Биллу никоим образом не приходило в голову, что перегруженная печень может не справиться с тем количеством

алкоголя, какое он намеревался выпить. Хуже того: он совершенно не сознавал, что в буквальном смысле сроднился с армией, не может избавиться от нее, как от кожаного ремня у себя на шее, и что крестьянская юность уже дохлее дохлого голубя.

Нет, подобные размышления ни в коей мере не тревожили Билла, которому была присуща истинно армейская широта кругозора. Он думал только об Ирме. Доктор Делязны не ошибся в выборе: наклюкавшись до пелены перед глазами, Билл превратился в архетипического влюбленного глупца.

И потому, когда врач велел диковинной компании приготовиться, Билл беспрекословно подчинился.

— Сюда, ребята, — произнес добрый доктор, взмахом руки приглашая походников следовать за собой. — Выход в Парадигму в другой комнате. Когда вы окажетесь с той стороны, мы кинем вам оружие. Вы уж извините, но происшествия нам тут ни к чему.

Чинджер Бгр, управляя роботом-сатиром, погнал людей в переходную камеру. По дороге он, радостно хихикая, рассказывал, что собирается делать, когда в Галактике установится мир, который неизбежно заключат после их замечательного похода. Он вернется к своим интеллектуальным занятиям, продолжит изучение инопланетных форм жизни. Бгр вкратце описал несколько омерзительных существ, с какими ему доводилось общаться, поведал о восторге, с которым ожидает возвращения к исследованиям. Билла чуть было не стошнило. По счастью, лекция по экзобиологии закончилась, едва они переступили порог просторного помещения, заставленного компьютерами и прочим оборудованием самых экстравагантных форм и очертаний. Надо всей аппаратурой возвышался гигантский генератор ван дер Граафа, который то и дело испускал мощные электрические разряды, поджаривая на лету разных комаров, мух и мотыльков, что время от времени выныривали из прохода в потусторонний мир.

— Йек! — пролепетал Билл.

Остальные тоже йекнули — откровенно говоря, не без основания.

Проход представлял собой круглый дверной проем, по окружности которого мерцали красные, зеленые и лазурные огоньки. Время от времени по украшенному

чеканкой медному ободу проскальзывал случайный разряд электричества, который либо поглощался металлом, либо вонзался в воздух за проемом.

Ощущение было такое, будто смотришь из окна. Пейзаж смахивал на вычурную декорацию к никуда не годной исторической трагедии. Вдалеке высились полуразрушенные замки, за которыми торчали зазубренные вершины гор. Над выжженной пустошью стелился туман, из которого высывались кривые, скелетообразные ветви деревьев; по краям впадин, заполненных булькающей водой, располагались заросли утесника и вереска, похожие на колючую проволоку вдоль окопов. Из проема тянуло холодом и сыростью, пахло гниющими растениями и разложившимися трупами.

— Ну-ка дружно, ну-ка вместе, нечего стоять на месте! — усмехнулся доктор Делязны. — Ребята, вас ждет Источник Гормонов!

Походники, не сговариваясь, испустили сдавленный вздох, после чего прильнули каждый к своему сосуду со спиртным, дабы хоть немного приободриться.

Один за другим они шагнули в проем. Волосы Билла встали дыбом — столь мощным было электрическое поле. А может, всему виной был панический страх, что внезапно стиснул Героя Галактики в своих ледяных объятиях? Билл провалился по колено в болотную жижу. Вонь была настолько ужасной, что казалось, они невзначай забрались в насыщенный сернистыми испарениями желудок дракона. Когда все очутились по ту сторону, Бгр и доктор Делязны, как и обещали, швырнули им вслед оружие.

Мечи, кинжалы, луки со стрелами, кортики, ножи, пращи и даже бойскаутские ножики.

— Что за черт? — рявкнул Супергерой Рик, тщетно пытаясь выдернуть из грязи меч. — Мне нужен бластер!

— Извини, Рик, боюсь, что современная технология не подходит для того измерения, в котором вы оказались, — крикнул доктор Делязны. Дверной проем уменьшался на глазах. — До встречи, ребята. Мы будем следить за вами.

— Погодите! — произнес Рик, выдирая ногу из чавкающей жижи. — Мы так не договаривались!

Однако он не успел добраться до проема. Тот исчез в ослепительной вспышке, а Рик, споткнувшись, проле-

тел по воздуху и угодил, головой вперед, в серо-зеленую лужу.

В этот миг над пустошью раздался душераздирающий получеловеческий вопль, похожий на звук, с каким скребут по школьной доске костлявые пальцы скелета.

— Я все понял, — объявил Оттар, подхватывая меч с такой легкостью, словно тот был всего-навсего зубочисткой, и свирепо озираясь по сторонам. — Мне тут нравится. Кого прикончить первого?

Глава 11

БИЛЛ ВЫПУСКАЕТ КИШКИ

Билл вскинул голову, истерически завизжал и кинулся бежать. Однако бежать было некуда. Драконьи челюсти сомкнулись, и миссионер Скотобаз пропал, будто его и не было. Зубы дракона заскрежетали словно турбопаровой экскаватор. На землю упали аккуратно откушенные по середине бедра ноги священника, обутые в полагавшиеся по сану башмаки. Дракон разогнул шею и удовлетворенно зачавкал.

Людей обрызгало кровью, как если бы неожиданно включилась спрятанная где-то поблизости дождевальная установка.

— Может, он наелся, — заметил, стуча зубами, Рик, укрывшийся за спиной амазонки Клитории.

— Или отравился религией, — мудро присовокупил Гиперкинетик, который притаился за спиной Рика.

Билл — он, в свою очередь, из осторожности, а кто-то наверняка скажет, из трусости, — прятался за Гиперкинетиком, осушил до дна мех и уставился на дракона. Тот, причмокивая, дожевывал Скотобаза.

Герой Галактики в жизни не видел такого громадного дракона. Это умозаключение было правдивым и вполне логичным, поскольку до сих пор видеть драконов Биллу не приводилось вообще.

Чудовище выглядело весьма непривлекательно. Из боков у него торчали огромные нетопыринные крылья — в багровых прожилках, с потрепанными на краях перепонками и множеством сквозных отверстий тут и там. Жуткое туловище покрывал омерзительный чешуйчатый панцирь, из-под которого виднелась красновато-зеленая, тускло поблескивающая плоть. Четыре длинные, мускулистые лапы заканчивались серповидными когтями, на которых болтались полоски кожи прежних жертв. Наиболее же отвратительной была голова монстра: налитые кровью, выпученные глаза, широко раздутые волосатые ноздри, гигантские клыки в ужасной пасти, над которой росло нечто вроде густых черных усов.

Короче говоря, дракон смахивал на почившего в бозе Смертвича Дранга в момент, когда тот по-отечески ласково изничтожал очередного новобранца.

— Животное! — воскликнула Клитория, взмахнув клинком перед драконом. — Приготовься распрощаться со своими лапами! Я буду отрубать их по частям, пока не доберусь до твоей гнусной, вонючей утробы!

— Получай! — гаркнул Оттар, воздев меч к нависшим над землей клубящимся тучам, словно призывал молнию. — Ты у нас еще попляшешь!

— Эй, ребята, — проговорил дракон, приподняв кустистые брови, — осторожнее с этими зубочистками. — Он сунул лапу за спину и извлек из какой-то норы сигару, которую предусмотрительно убрал перед схваткой; закурил и выпустил клуб дыма. — Со мной лучше не шутить. — Он уронил пепел на клинок Клитории. — Вы, верно, не знаете... На днях я придавил слона, который забрался ко мне в пижаму. Даже не успел спросить, что он там забыл.

Дракон оглушительно рыгнул, пахнуло дымом, спиртным, наполовину переваренным священником, а также всякой мерзостью, о которой лучше не упоминать.

Билл сообразил, что ему следовало бы ожидать чего-то подобного. В конце концов, весь день напролет, продвигаясь все дальше по этому вшивому измерению, они не ведали покоя, ибо непрерывно попадали во всяческие передраги.

Во-первых, они обнаружили, что вдобавок к выворачивающей наизнанку вони, адскому шуму и тому, что все идет шиворот-навыворот, здешние края населены

существами, по сравнению с которыми чинджеры с плакатов Имперского министерства пропаганды кажутся невинными овечками. По счастью, Клитория и Оттар умели обращаться с мечами, а потому проложили отряду дорогу сквозь ряды клыкастых плюшевых медведей и прочих чудовищных тварей. Однако вскоре им повстречалась мифическая бестия, справиться с которой оказалось не под силу ни амазонке, ни викингу.

Во-вторых, спустя всего лишь несколько часов ковыляния по болотам и пустошам выяснилось, что все братья и сестра, составляющие теплую компанию, дружно ненавидят и презирают своих товарищей. Даже Рик и Билл — которые чуть ли не сроднились на борту звездолета «Желание» — умудрились поссориться по поводу того, задушить, а может, заколоть Гиперкинетика, чтобы тот перестал наконец распевать свои баллады, или оставить в живых. Рик, по-видимому, наслаждался песенками трикстера и время от времени прибавлял к ним куплет-другой. Билл же, который не столь давно пришел в восхищение, прослушав «Балладу о Супергерое», считал, что песни Гиперкинетика не заслуживают ни единого доброго слова, ибо певец постоянно фальшивит и не умеет рифмовать строчки. «Хрен» и «опять», «хрен» и «конец», «хрен» и «чудак», — ну разве ж это рифмы?!

В-третьих, запасы спиртного быстро истощались, а потому походники мало-помалу трезвели и начинали понимать, что, согласившись отправиться в путь, который пролегал по закоулкам человеческой психики, совершили поистине кошмарную ошибку.

Исполинский дракон, который внезапно вылез из пещеры и с ходу сожрал одного из участников экспедиции, был последней каплей, переполнившей чашу терпения. Подорванный боевой дух походников не выдержал такого надругательства над собой.

— Эй — назовете нужное слово — получите сотню долларов, — проговорил дракон, попыхивая последобеденной сигарой.

— Руби! — провозгласила Клитория, размахивая клинком.

— Убивай! — взревел Оттар, с бешеной скоростью крутя над головой мечом.

— Извините, не то. Ну, а вы что скажете? Я к вам обращаюсь, вы, олухи с разинутыми ртами! Давайте присоединяйтесь.

Варварский дуэт, по-прежнему потрясая оружием, с рычанием приготовился к нападению, однако Рик, глаза которого вдруг заблестели, а свеча над головой чуть ли не замерцала (никаких лампочек — технология на уровне средневековья), ринулся вперед, увернулся от угрожавших изрубить его в капусту клинков и что-то прошептал на ухо викингу и амазонке. Те неохотно кивнули, с ворчанием опустили мечи и сделали шаг назад.

В сердце Билла зародилась надежда на то, что, может быть, Рiku с его светлым умом удастся найти выход из этого препаршивейшего положения.

Гиперкинетик взял на своей лютне несколько душе-раздирающих аккордов, вскинул голову и пропел:

— А Рик сказал: мол, что за хрен? Секретное слово — тьфу для меня!

— Будь настолько любезен, заткнись, пожалуйста! — предложил Билл, хватая Гиперкинетика за горло. Тот выдал что-то неразборчивое.

— Оставь его, Билл, — вступился Рик, разжимая пальцы Героя Галактики. — Может, он и фальшивит, но в правоте ему не откажешь. — Капитан повернулся к ухмыляющемуся, дымящему сигарой дракону. — Аррр! Ну что ж, дракон. Значит, секретное слово. Если я назову это слово, ты нас пропустишь?

— Пожалуй. Пообедать я пообедал, — дракон с довольным видом потер огромное брюхо и вырыгнул очередной клуб дыма.

— Отлично. Слушай, дракон, но ведь в твоём словаре наверняка не одна сотня слов. У меня немного шансов найти нужное.

— Пожалуйста! — выдохнуло чудовище. — Я знаю самое большее сто тридцать три слова, и все по-английски. — Дракон рыгнул. — Это, например, называется отрыжкой.

— Что-то он слишком много болтает, — пробормотал Билл, нервы которого потихоньку не выдерживали. Вдобавок Герой Галактики становился с каждой минутой все трезвее и трезвее.

— Восхитительно! — воскликнул Рик. — Короче говоря, шансы у меня прямо-таки астрономические. —

Он принялся расхаживать туда-сюда, поджал губы и явно погрузился в размышления. Внезапно он ткнул пальцем в небо и развернулся лицом к дракону — Знаю! Такой дракон, как ты, с твоими замечательными умом и эрудицией, должен иметь про запас загадку насчет секретного слова! Сдается мне, мы все же сумеем чего-то добиться.

— Гм-м! — отозвался дракон. — Почему бы нет? Я люблю загадки, хотя и не так, как мой приятель, сфинкс Блинкс. Ладно, с чем справляется он, с тем справлюсь и я! Тебе придется пару минут подождать, пока я соображу. Кстати, имей в виду — если не угадаешь, то все вы должны будете сложить оружие и позволить мне сожрать вас, одного за другим.

— Конечно, конечно, — уверил Рик, показывая товарищам скрещенные за спиной пальцы. — Однако будь добр, ответь сначала на несколько вопросов. Скажи, как тебя зовут?

— Меня? Разумеется, Смог. Да, меня зовут Смогом, потому что я имею определенные привычки, — дракон указал на сигару и ухмыльнулся.

— А в какой мы находимся стране?

— Стране? Вы что, не знаете, как называется эта страна? — От удивления дракон даже рыкнул. — Она называется Страной абсурдных фантазий. Вы попали в край человеческого бессознательного, в чьи чернильные колодцы окунают свои перья писатели, которые создают превосходные романы в жанре высокой комедии. Это часть Зажелезии; каламбуры считаются здесь смешнее всего на свете, а слияние мирского и мифического порождает у тысяч читателей добродушные смешки! — Чудовище неожиданно сбросило на землю кустистые брови и усы. — Потому-то я и подделывался под Граучо Маркса. Смешно, верно?

Рик сдавленно хихикнул, а Билл, который никогда не слышал ни о каком Граучо Марксе, ухитрился лишь выдавить неубедительную улыбку.

— Да, да. Очень смешно, Смог. Еще один вопрос, а потом мы выберем минутку, чтобы разгадать твою загадку. Ты не слышал о таком Источнике Гормонов?

— Источник Гормонов? Конечно, слышал! Кто о нем не знает?! Он расположен посреди Зажелезии, точно на границе Страны непристойных журнальчиков и Края раздевательных романов. — Дракон поднял лапу и ткнул

когтем в даль. — Идите все время на юг. — Он снова ухмыльнулся и облизнулся. — Вернее, вы пойдете на юг, если разгадаете мою загадку. — Смог почесал громадным когтем ухо. Послышался неприятный скрежещущий звук. Затем дракон встал на задние лапы, выпрямился во весь рост и зачарованно уставился на свое объемистое брюхо. — Похоже, ребята, вы в любом случае двинетесь на юг: не так, так этак!

Клитория с Оттаром забряцали клинками и зарычали. Рик жестом велел им утихомириться.

— Что ж, мы помолчим, а ты давай придумывай свою загадку. Если не возражаешь, мы пока сбегает в кусты вон за тот холм. Зачем тебе столько лишней воды?

Молодец, подумал Билл. Какой все-таки молодец Рик! Им бы только добежать до холма, а там они двинутся напрямик на юг. Крылышки у Смога хиленькие, долго он на них в воздухе не продержится.

— Не пойдет, сынок, — возразил дракон. — Тебе меня не провести. Забежите за холм, и поминай как звали! Нет уж! К тому же я сочинил загадку. Готов? Считаю до десяти, ребята; если не ответите, пеняйте на себя. — Он подмигнул. — А загадка-то что надо! Готов? — Дракон игриво хихикнул. Попробуйте представить, и вы поймете, насколько отвратительный был у него вид.

— Валяй, Смог, — произнес Рик, вытягиваясь во весь свой героический рост.

— Ладно, ребятки. Итак, загадка: кто ползает на рассвете на четвереньках, днем ходит на двух ногах, а вечером — на трех? — Дракон усмехнулся и высокомерно поднял брови.

— Аррр! — проговорил Рик, хлопнув себя по лбу. — Да, с ходу не ответишь. Ты не против, если мы с друзьями пошушукаемся?

— Шушукайтесь, сколько влезет, — разрешил дракон. — Но не забывайте про время. Раз! — громыхнул он.

Походники, озадаченно хмурясь, собрались в кружок. Что касается Билла, он просто не знал, что сказать, ибо в жизни не слышал загадки глупее.

— Знаю! — воскликнул Гиперкинетик, стукнув себя по кончику длинного носа. — Это марсианская ор-

гия! По крайней мере, я читал что-то похожее в «Галактическом плейбое».

— Мы пока еще не в Стране непристойных журнальчиков, — покачал головой Рик. — Тут Страна абсурдных фантазий, от нее-то и надо танцевать.

— Два! — прорычал Смог.

— Чинджеры? — отважился высказать догадку Билл и окончательно сконфузился, заметив, с каким отвращением глядят на него спутники.

— Три! — пустил слюну дракон.

— Нельзя же быть настолько тупым, Билл, — укорил Рик. — У меня куча знакомых остолопов, но никто из них ни за что бы не додумался до такой глупости.

— Времечко бежит! — ласково заметил Смог. — Четыре!

— Дошло! — радостно провозгласил Оттар. — Сэмми Валлунд, возвращается домой после ночной пирушки, спотыкается, падает...

— Пять! — взревел дракон.

— Нет, нет, нет! — Рик начал выдирать волосы на голове. — Я ведь знаю! Вертится на кончике языка, а вот сказать не могу!

— Шесть! — объявил с ухмылкой Смог.

— Может, денубианская скользкая собака? — предположила Клитория.

— Что там после шести? — Дракон принялся пересчитывать когти. — А! Восемь! — По всей видимости, он истощил свой запас присловий и гримас, а потому произнес последнее слово обыкновенным голосом.

— Елки-палки, — проговорил Билл. — До чего же трудная загадка!

— Семь!

— Вот оно! — вскричал Рик. — Ответ! — Он подбежал к дракону, отчаянно маша руками. — Эд Рэкс загадывал мне эту загадку в Святом Гриль-баре!

— Десять! — заявил Смог. — Ну как? Найдется у вас что сказать?

— Думаю, да, — отозвался Рик. — Кто ползает на рассвете на четвереньках, днем ходит на двух ногах, а вечером — на трех? Правильно, Смог? Конечно же, человек! Когда младенец, он ползает, когда вырастает, ходит на двух ногах, а потом на трех, потому что на склоне лет ему требуется палка! Слушай, приятель, у

кого ты стащил свою загадку? Небось, у того сфинкса, которого тут поминал?

— Черт! — Смог с отвращением поджал губы. — Надо мне было подольше порыться в памяти. Да что там говорить! Вот так рассыпаются трупы.

— Значит, мы можем идти? — радостно воскликнул Билл. — Заодно не подскажешь, как попасть в ближайший бар?

— На первое отвечаю «нет», а на второе — «не знаю», — прошепелявил дракон и ухмыльнулся необыкновенно злорадной ухмылкой. — Не хватало еще, чтобы я отпускал за здорово живешь сочных сосунков вроде вас! И потом, я, по правде сказать, давно уже не сражался с достойным противником.

Едва dokonчив фразу, он стремительно изогнул шею, и громадные челюсти сомкнулись вокруг Гиперкинетика, который прижимал к груди лютню. Бард взлетел в воздух, трепыхаясь и оглашая окрестности отнюдь не музыкальными воплями, а затем оказался в мгновение ока проглочен и отправился вослед священнику по пищеводу дракона навстречу своей судьбе.

— Лживый пес! — вскричала Клитория, заноса над головой клинок.

— Ты обманул Оттара! — прорычал викинг, со свистом рассекая воздух мечом. — Оттар изрубит тебя в капусту!

— Что ж, по крайней мере, баллад больше не будет, — философски заметил Билл, обнажая свой собственный меч. Поскольку в армии пользовались исключительно огнестрельным и дальнобойным оружием, он сомневался, что сумеет совладать с клинком. Оставалось только надеяться, что его не замедлят научить как тренированные армейские инстинкты, так и огромное желание уцелеть.

— Покажем мерзавцу! — крикнул Рик, размахивая мечом. — Вперед! Я прикрою вас с тыла!

Варвары мигом устремились на дракона и принялись колоть и рубить зеленое, рычащее чудище.

— Неплохая идея, — признал Билл, увернувшись от струи пламени, весь черный от копоти. Ему бросилось в глаза, что драконы когти находятся в опасной близости от варваров. — Откуда нам знать? А вдруг кто-нибудь и впрямь нападет со спины, верно?

Клитория и Оттар, похоже, забыли обо всем на свете. Они оба превратились в яростных берсеркеров, то бишь наконец-то обрели свое истинное «я». Битва была для них наслаждением.

К сожалению, с точки зрения Билла, она завершилась слишком уж скоро.

Оттар быстро очутился в пасти дракона, а затем рухнул в пищевод, расчлененный на три или четыре куска. Смог проглотил его вместе с одеждой и рассованными по карманам бутылками виски.

Клитория преуспела чуть больше. Она ухитрилась в нескольких местах оцарапать Смога, однако в следующий миг, едва дракон заглотнул Оттара, разделила участь викинга.

Смог повернулся к двоим оставшимся в живых походникам, поковырял мечом в зубах и криво усмехнулся, а потом оскалил окровавленную пасть.

— Ням-ням. Что ж, пора приниматься за десерт. Кто первый? Умный или дурак?

— Он! — крикнул Рик, указывая на Билла.

— Нет, он! — крикнул Билл, указывая на Рика.

— Ой-ой, какой трудный выбор! — Дракон шагнул вперед, наклонился и злорадно ухмыльнулся. Его брюхо представляло собой мясистую стену зеленой плоти, путовища на животе была размером с бильярдный стол. Билл моргнул, задрожал от страха, снова моргнул и уставился на драконий пупок, в глубине которого виднелась медная головка винта. Винт?

Не зная, что еще предпринять, уверенный, что, так или иначе, все равно погибнет, он вставил острие меча в паз на головке винта и повернул клинок.

— Не делай этого! — взвизгнул по-девичьи высоким голосом дракон, потом взвизгнул снова, на сей раз — слабее. Третий взвизг был едва различим.

Внезапно Смог начал растворяться в воздухе.

Однако по мере того как дракон становился все призрачнее, вокруг стали возникать некие отвратительные черные фигуры, которые объединялись и тускло поблескивали.

В Железнии явно творилось нечто весьма экзотическое.

Глава 12

ОДНИ-ОДИНЕШЕНЬКИ

— Клянусь Вельзевуллой! — произнес Рик, заодно с Биллом застывший изумленным столбом. — Ты только посмотри!

Дракон сделался едва заметным, а черных фигур становилось все больше. Они появлялись приблизительно в том месте, где совсем недавно находилось брюхо чудовища. Щупальца эктоплазмического тумана заключали диковинных существ в белесые коконы. Сквозь достаточно плотную и сугубо локализованную пелену пронизывали молнии электрических разрядов, как в день псевдочетвертого июля на планете Туман в скоплении Плеяд.

— Черт! — заметил Рик. — Это будет пошарнее вчерашнего фильма по телевизору. — Внезапно его обуял страх. — Не скажу, что я в восторге. Что происходит?

— Разрази меня гром, если я знаю! Дракон хотел нас сожрать, а потом испарился. Держи меч наготове, а там поглядим.

Похоже на какое-то перерождение... Билл присмотрелся повнимательнее. Ему показалось, будто он различает в сверкающем тумане, который сейчас собирался в клубы, воссоединение плоти и разорванных тканей. Но прежде чем он успел как следует поразмыслить,

один из клубов испустил нечто вроде вздоха и словно раскололся надвое.

Из него, как будто цыпленок из яйца, выпрыгнул долговязый подросток. Очки в роговой оправе с вогнутыми линзами размером с противорадиационные экраны, подсохшая ранка на нижней губе, весь в прыщах, рубашка застегнута на все пуговицы, туго затянутый пояс брюк едва ли не на уровне грудной клетки, в нагрудном кармане пластиковый футляр с ручками и карандашами.

— Привет! Я Питер Перкинс! — моргнув, объявил юноша. — Сдается мне, я слегка зачах, верно? Ну и ладно. Сказать по правде, священник меня достал! — Он посмотрел на свою ладонь, на которой лежало несколько игральных костей. — Пожалуй, прогуляюсь на улицу, погляжу, как дела у Таинственного Альфреда. — Юноша с отвращением огляделся, потом воззрился на Рика с Биллом. — Он лучший Магистр Игры, которого я знаю. Правильно, ребята?

Под ребятами он разумел других подростков, которые точно так же вылуплялись из тумана, все молодые и прыщеватые, все с костями в руках и достаточно туповатые на вид. Один, жирный как боров, жевал шоколадный батончик «Милка Уэй», другой, низкорослый и уродливый, был одет в поношенную бойскаутскую форму; третий — точнее, третья — поражала оплывшими телесами, ее одутловатое лицо искажала мужененавистническая улыбка.

— Что за ерунда такая, ребята? — справился Билл, почесав в затылке.

— Разве ты не понял, Билл? — проговорил Рик, лицо которого озарилось внутренним светом, словно он постиг некую истину. — Доктор Делязны и чинджер упоминали о ролевой игре, которую сконструировали для собственного блага. Перед нами игроки из какого-то иного измерения, или мира, — в общем, называй, как хочешь.

— Точно! А он тоже из вшивых Магистров, — проскулила девица, которая была какое-то время назад амазонкой Клиторией.

— А то, — согласился подросток, не так давно игравший Оттара. — Гомоядный дракон с загадками для детского сада! Источник Гормонов! Ну и бредовая идея! Страна абсурдных фантазий? — Он присталь-

но поглядел на двоих рыцарей удачи и удивленно моргнул. — Супергерой Рик? Ну да, а вон тот олух — не иначе как Билл, Билл — Герой Галактики! Сходится! А я — Ясон дин Альт из Мира смерти! — Мальчишка презрительно хмыкнул. — Слушайте, парни, давайте разнесем эту лавочку и поиграем во что-нибудь стоящее!

— Верно, — сказал последний, который озирался по сторонам, судя по всему, умирая от скуки. — Где гномы с их боевыми топорами? Готов поспорить, эти болваны в жизни не читали Хикмен и Вейс!

Похоже, остальные подростки пришли в ужас при одной только мысли о такой возможности.

— Минуточку, — сказал озадаченный Рик и поскреб затылок. — Я думал, по сценарию нам полагается быть в фантазийной части Зажелезии, там, где все зиждется на архетипах, мифах, сказках и тому подобном, древнем, как Вселенная.

— Мифы? Сказки? Что это такое? Приятель, тут играют всерьез! — заявила воинственная девица. — Всерьез, а не понарошку!

— Точно! — подтвердили остальные подростки. — Ну и воняет, однако!

Они принялись пожимать друг другу руки. Застучали игральные кости, вокруг подростков возникали и пропадали линии, которые передавали движение, — возможно, подарок неведомого художника; вот туман, словно живой, закрутился сильнее прежнего, подростки завертелись на месте...

И сгнули без следа.

— Фью! — проговорил Билл. — Исчезли! Взяли и исчезли. Послушай, Рик, а у нас так не получится? Мне здесь тоже не слишком нравится.

— Нет, Билл, — Рик вздохнул. — Боюсь, мы с тобой застряли тут намертво. Нас удерживают доктор и чинджер. Мы сможем выбраться отсюда только тогда, когда отыщем для них Источник Гормонов.

— Проклятый Бгр! — пробормотал Билл, чувствуя, что желание увидеть Ирму постепенно сменяется жаждой мести. — Мне бы до него добраться! Уж я с ним посчитаюсь!

— Не забудь Делязны! — пробурчал Рик.

— Нет, я не забуду доктора Делязны! Я припас для него кое-что особенное! — Глаза Билла засверкали ненавистью. Он начал что-то подсчитывать в уме. — Пожалуй, я протащу нашего друга доктора под килем космического крейсера! Нет, не годится, слишком просто!

Рик согласно кивнул, и они двинулись на юг, прочь из Страны абсурдных фантазий, в несомненно куда более интересную и порядочную Страну непристойных журнальчиков.

К несчастью, у них не было компаса.

Что, естественно, означало следующее: не прилагая к тому особых усилий, они ухитрились заблудиться. Билл, который с телячьим восторгом предвкушал в скором времени увидеть целые эскадры обнаженных и шаловливых красоток, полистать дурно написанные, зато соблазнительно проиллюстрированные романы и посмотреть забавные карикатуры на симпатичных дам, наделенных всем, что способно очаровать мужчину, сильно расстроился, когда сообразил, что дорога завела их куда-то совсем не туда, в край почти непроглядного мрака.

— Аррр! — произнес Рик, окидывая взглядом чахлую растительность. Над местностью властвовал серый цвет, в воздухе ровным счетом ничем не пахло — ни хорошо, ни плохо. Немногочисленные деревья стояли, безвольно опустив ветви, трава чуть ли не лежала на земле, как будто прибитая яростным, чтобы не сказать — мокрым и скользким, порывом ветра. В общем и целом, местность выглядела совершенно безжизненной, словно нигде в округе не сохранилось ни крупицы того, что могло бы ее воскресить.

— Зороастр! — проворчал Билл. — Похоже, тут давно не кушали витаминов.

— Мрачновато, верно? Арррр! Знаешь, приятель, по-моему, мы слегка сбились с курса и случайно попали на Легендарный Перешеек Импотенции.

Билл съежился от ужаса. Для насквозь проспиртованного имперского солдата само слово «импотенция» означало нечто невообразимо страшное, грозившее уничтожить тот образ самодовольного жеребца, который усиленно насаждался пропагандой в качестве всеобщего идеала. Герой Галактики плевать хотел на словечки типа «легендарный» или «перешеек», но вот от жуткого

слова на букву «и» его буквально пробрало до костей холодом.

— А разве мы не в Зажелезии, куда стекаются, подгоняемые буйными химическими реакциями, сверх-активные Ид миллиардов людей? — справился он.

— Может, там, в конторе, выдался тяжелый денек? — предположил в ответ Рик и пожал плечами.

— Нет, мне кажется, все гораздо сложнее. У меня такое чувство, будто нас завели сюда намеренно. — Билл огляделся и снова поразился тому, какой плоской и вымершей выглядит местность. — Надо что-то придумать. Ты представляешь, что происходит?

— Нет.

— Зато ты знаешь, Билл, — произнес Билл странным, пустым голосом. — Я ничего такого не говорил! — воскликнул он, прижимая ладони к губам.

— Говорил, — возразил Рик. — Я слышал.

— Это ваш друг, добрый доктор Делязны, — продолжал Билл тем же самым диковинным голосом. — Я общаюсь с вами благодаря эффекту постгипнотического внушения. Если вы слышите меня, то лишь потому, что попали в такую ситуацию, которую не в силах воспринять своими крохотными умишками. А я — пускай даже не лично — спешу вам на помощь. То, что произошла активация данного сегмента псевдопамяти, означает, что вы узнали что-то новое относительно человеческой психики. Разумеется, те истины, которые медикам кажутся прописными, болванов вроде вас потрясают до глубины души; однако да будет вам известно — и в психике молодого жеребца, который спит и видит, как бы ему кого-нибудь трахнуть, имеется некая область, куда не проникают вездесущие гормоны. Скорее всего, речь идет о той области, о которой я уже упоминал, но вы меня, вероятно, не слушали, — о неокортексе, что является источником логики и разумных суждений.

— Нет, — сказал Рик. — Тут слишком уж просто.

— Слушайте, чайники, вам придется во всем разбираться самим, — сообщил Билл, голос которого звучал теперь немножко глухо, поскольку он по-прежнему прижимал к губам ладони. — Я не с вами, поэтому

советовать не могу. Быть может, вы достигли Источника Гормонов? Займитесь делом. До связи.

Рик почесал подбородок и принялся в очередной раз обозревать окрестности.

— Эй, Билл, а что там за замок?

— Какой еще замок? — переспросил Герой Галактики своим обычным скрипучим голосом и вдруг взвизгнул от восторга. — Кончилось! Я — снова я!

— Замечательно! Правда, другой голос мне нравился больше. У него хоть было что сказать. Теперь мы снова одни. Вон там, на холме, видишь? Облака как раз поднимаются.

Поглядев в том направлении, в каком указывал Рик, Билл и впрямь увидел, как поднимается выше в небо, словно занавес на театральной сцене, серая пелена пушистых облаков, а на холме вырисовываются очертания довольно-таки приземистого замка: невысокие башни с плоскими макушками, обвисший флаг на погнутом флагштоке.

— Надо постучать в ворота и спросить дорогу, — предложил Рик, настроение которого явно улучшилось.

Преодолев полосу тумана, они добрались до наружной стены замка и остановились перед воротами.

— Эге-гей! — крикнул Рик. — Кто-нибудь дома? Усталые и голодные путники ищут жаркого огня, стаканчика холодной... ээ... воды, горячего ужина и дружеского совета.

В воротах открылось смотровое окошечко, из которого высунулся сквозь железную решетку чей-то нос.

— Кто там? — прогундосил невидимый стражник голосом сильно простуженного бурундука.

— Рик и Билл! — отозвался Супергерой самым дружелюбным, самым дипломатичным тоном, на какой был способен.

— Рика и Билла здесь нет!

Окошечко захлопнулось. Билл забарабанил по утыканной металлическими шипами створке ворот.

— Эй ты, олух! Разуй глаза! Нам нужна помощь!

— Пожалуйста, Билл! — прошипел Рик. — Если мы хотим чего-то добиться, надо вести себя повежливее. Не забывай, мы ведь не в имперской казарме!

И слава Зороастру, подумал Билл, который приобрел привычку спать в бронежилете, после того как распространился слух, что в секторе беты Дракона новобран-

цы убивают сержантов. Начальство утверждало, что всему виной зета-волновое излучение планеты: дескать, это оно лишило убийц остатков разума; однако Билл знал, как все было на самом деле, — недаром он когда-то маялся под началом ненавидимого и внушавшего дикий страх Смертвича Дранга. В те дни мучений и пыток Билл лелеял мечту, которую разделяли все новобранцы в казарме: превратиться в председателя трибунала и лично наблюдать за тем, как Дранга будут пытаться, а затем казнят.

Окошечко со скрипом приотворилось снова, и из него вновь высунулся нос.

— О! Да вы и впрямь Рик и Билл! Говорите, вам нужен совет? Тогда, хе-хе, ступайте к дьяволу! Могу подсказать, как его найти.

— Мы бродячие торговцы! — в отчаянии воскликнул Рик. — Точно! Мы продаем «Старомодный восстановитель волос из обезьяньей печени производства матушки Гольдфарб» со специальными дополнениями. Сегодня предлагаем «Сыворотку папаши Гольдфарба из желез гориллы для повышения потенции». Подумайте! Вам когда-нибудь приходилось видеть гориллу, которая не хочет секса? Разумеется, нет! И... и... — судя по всему, вдохновение Рика иссякло.

— Восстановитель волос нам вроде ни к чему, — прогундел обладатель носа (и то сказать — его ноздри заросли настолько густо, что волосы из них свешивались прядями на верхнюю губу). — А вот что касается второго... У нас тут недавно возникла одна проблема, с которой не мешало бы разобраться. — Стражник помолчал; Биллу показалось, он слышит, как скрипят в мозгу охранника заржавевшие передачи. — Ладно, чужестранцы. Бросьте оружие, и я отведу вас к хозяину.

Билл и Рик с радостью отцепили от поясов мечи и кинжалы и швырнули их на землю. Створка ворот распахнулась настежь, из нее выглянул тощий мужчина в бесформенной шляпе, из-под которой выбивались и ниспадали ему на плечи длинные волосы. Убедившись, что чужаки безоружны, он дернул за рычаг, и перекидной мост под лязг цепей и визг ворота пошел вниз.

— Пошли, — прогундосил стражник и бегающим взглядом пригласил следовать за собой. Он быстрым

шагом двинулся прочь, звонко цокая каблуками по камням.

Рик и Билл попытались воспроизвести его диковинную походку, но у них ничего не вышло, и к тому времени, когда очутились во дворе замка, они уже перешли на нормальный шаг.

— Что там было написано? — спросил Рик.

— Где? — удивился Билл. — Я не видел. Признаться, мне было не до того: такой походке в два счета не научишься.

— Может быть, это важно. Пожалуй, я сбегаю посмотрю.

Билл следом за странным охранником вышел из тени стены на свет и вдруг сообразил, что стражник куда-то подевался. В следующий миг он догадался, что на него наставлены острия дюжин обнаженных мечей и нацелены многочисленные стрелы. Оружие держали в руках отвратительнейшие на свете существа; более мерзких тварей Биллу видеть еще не доводилось, хотя он и лицезрел достаточно гнусных созданий — особенно когда после приличной попойки смотрелся в зеркало. Двор замка кишмя кишел орками и троллями, которые припадали к каменным плитам, пускали слюни, размахивали клинками. Гномы и карлики грозили ножами и топорами.

— А вот и я, Билл! — воскликнул вернувшийся Рик. — Там темновато, но, по-моему, я прочитал до конца. Надпись такая: «Оставь... надежду... всяк... сюда... входящий...» Как ты думаешь, что это может означать?

Билл не ответил. Он был слишком занят: вертелся из стороны в сторону, стараясь отыскать проход на волю.

К сожалению, его попросту не было.

Глава 13

В ТЕМНИЦЕ

Тюрьма находилась в подземелье. Нельзя сказать, что она представляла собой лучший курорт во Вселенной, скорее наоборот — явно стремилась оказаться в списке тюрем первой с конца. Пытаясь хоть немного приободриться, Билл решил отыскать в своем нынешнем положении нечто более-менее утешительное. В конце концов он успокоил себя не слишком убедительным доводом, что здесь все же лучше, чем в учебном лагере. Похлебка, которой его кормили, была просто превосходной: ведь в ней время от времени попадались тараканы, то есть она прямо-таки изобиловала протеином. Вообще-то похлебку, по всей видимости, приготовили несколько недель назад, и та жидкость, которая обнаружилась под запекшейся сверху коркой, насквозь проферментировалась, так что Билл получил изрядное удовольствие. Хотя опьянеть он толком не опьянел, поскольку похлебку приносили нечасто; тем не менее у него, по крайней мере, не было необходимости оставаться до отвращения трезвым.

Жестокая судьба! Неужели он никогда не увидит свою ненаглядную Ирму!

Билл погрузился в пучину отчаяния — бормотал что-то неразборчивое, стонал, то и дело пускал из жалости

к себе скупую слезу. Через некоторое время он ощутил известное облегчение.

Сильнее всего ему досаждали кандалы. Железные кольца облегали шею, обхватывали руки от плеч до запястий; они были прикрепаны к толстой цепи, вделанной другим концом в стену. Когда Билл спал или просто сидел, он порой забывал о кандалах, но стоило только подняться, как те тут же напоминали о себе. Выбраться наружу не представлялось возможным: окон в камере не было, а доступ к двери преграждала решетка; поэтому Билл никак не мог понять, зачем его заковали, и, размышляя над этим, всякий раз раздражался. Он жаловался горбуну, который изредка появлялся в темнице, чтобы накормить Героя Галактики и вынести парашу, однако тот, по-видимому, был глух как пень, да и к тому же глуп как пробка, посему мольбы Билла оставались втуне.

Вот что значит разевать рот и не смотреть по сторонам!

Оглядываясь назад — через прицел 20-20, — Билл постепенно начал понимать, что они с Риком совершили ошибку. Им не стоило заходить в этот замок! Издалека он чудился вполне пристойным; кто мог предположить, что во дворе их встретит целая армия жутких тварей? Да, если бы они не упомянули про железы гориллы, гундосый охранник не отпер бы ворота, и тогда не пришлось бы под угрозой немедленной смерти доказывать эффективность чудодейственного средства. Естественно, того попросту не существовало в природе; Рик ушла в голову замечательная мысль — притвориться, будто целебный эликсир налит во фляжку, в которой на деле плескалось вино. «Его нужно втирать в кожу, — объяснил Рик. — Арррр! Кстати говоря, фляжки вам хватит надолго. Забирайте и пользуйтесь, сколько влезет. А мы с моим приятелем двинемся дальше. Сами понимаете, дело не ждет». К несчастью, головорезы потребовали наглядной демонстрации, сорвали с пленников штаны и плеснули из фляжки на причинные места.

Как и следовало ожидать, результаты оказались не слишком впечатляющими. Холодное вино подействовало совсем не тем образом: нисколько не увеличило размеров, наоборот — уменьшило. Ропот стал громче. Рик заявил, что иногда цель достигается не сразу и

нужно подождать, однако его слова никого не убедили. На уловку Супергероя не поддались ни тролли, ни гномы, ни даже орки. Незадачливых продавцов торжественно препроводили в подземелье и развели по одиночным камерам, причем, как выяснилось, головорезы не имеют ни малейшего понятия о чести — они и не подумали вернуть путникам брюки.

Таким вот образом Билл очутился в кромешной тьме. Он не знал, сколько провел взаперти дней, ибо в сырой и вонючей камере разницы между днем и ночью не существовало. За временем можно было следить разве что по приходам горбуна, который приносил миску с ферментированной похлебкой.

Ладно, подумал Билл. Это, конечно, не Вулканическая Ривьера, зато можно сколько угодно валяться на спине и наслаждаться давно заслуженным отдыхом. Если память не подводит, до сих пор вся его жизнь состояла из сплошного «Марш-марш-марш!» То надо было обучать и ставить на место зеленых новобранцев, то выпутываться из какой-нибудь заварушки. И теперь он мог исполнить то, о чем мечтал на протяжении многих лет.

Отоспаться.

С того самого дня, как в деревню завернул вербовщик, которого сопровождал робот и который заставил Билла записаться в армию, Герой Галактики не имел ни единой возможности как следует выспаться, а потому слегка подзабыл, как себя при этом чувствуешь.

Но сейчас, когда не нужно было опасаться электронной побудки, которая пронизывала током все естество в тошнотворный час рассвета, Билл обнаружил, что может восхитительно долго купаться в прудах сладостного забвения, и какое-то время только тем и занимался, выплачивая огромный долг сну. Когда же он наконец отоспался, жизнь стала невыносимо скучной: Билл сообразил, что делать здесь и впрямь почти нечего.

По счастью, через денек-другой (а может, через три, пять или двадцать пять), утомленный лишь чуть-чуть притупленной алкоголем скукой Билл вспомнил, что у него есть книжка. Вернее, сразу несколько книжек! В носу Героя Галактики по-прежнему находился экземпляр «Блинерз Дайджест», прихваченный из палаты смертников в госпитале на Костоломии-IV.

Один из романов оказался эпическим повествованием на тему параллельных миров. Назывался он «Еретики в Гадесе». Поскольку Биллу чрезвычайно понравилась предыдущая антология на ту же тему под названием «Мир должников», Герой Галактики приступил к чтению, преисполненный самых радужных ожиданий.

«Еретики в Гадесе». Робот Голдилокс «Гильганош встречается двух писателей-фантастов» «Война — это ад» Популярная армейская поговорка.

Если Гильганош воистину возродился из мертвых, много веков тому назад, так тому и быть. Но ныне мертвецы ему изрядно надоели.

Размахивая мускулистыми руками, он охотился среди диких сортиров, с бессмысленной жестокостью протыкая адских тварей своими острыми стрелами, общался со знаменитыми римскими цезарями и африканскими королями, равно как и с прочими мертвецами, сосланными на гибельные серые острова Гадеса; показывал свои могучие бицепсы Новым Туристам с их новомодными электронными «никонами» и «лейками», а также видеокамерами «Сони». Посмотрите, как скачет полуголый Великий Король Урука перед этими диковинными людьми в бермудах, гавайских рубашках и солнцезащитных очках. О могущественные правители обратившихся ныне в пыль городов! О волосатый, дикий король! Твое лицо обрамляет львиная грива, твои ноги — как танки неонацистов, что могут справиться с самим Плутоном! Ты ходишь огромными катышами размерами с бревна!

Сократ! Платон! Божественный Август! Агамемнон! Шумер! Вавилон! Греция! Все, с исторической дребеденью покончено. Мои пальцы не станут больше бегать по клавиатуре! Ваш покорный слуга, Робот Голдилокс, не желает демонстрировать свою эрудицию и утонченность; не прибегая к цитатам из собственных творений — романа «Я, Гильганош» и одного из ранних околонуучных исследований, «Указателя к слабопорнографическим подкорковым мифам», — я устремлюсь вперед на крыльях прекрасной, плавно льющейся прозы и весьма изысканно изъясню (как балерина, что танцует в «Лебедином озере» Чайковского? Нет, как Джозеф Конрад или Филип Рот, или, еще лучше, как те знаменитые писатели былого, Генри Каттнер и К. Л. Мур!), почему Гильганош изнывал от скуки.

О Гильганош! О могучий герой тысячелетней давности! Тебе скучно, ты остервенел, ибо живешь из века в век — здесь, в Гадесе, где не можешь по-настоящему умереть! Тебе скучно, ибо ты тоскуешь по своему доброму другу, Инки-Динки-Ду, с которым поссорился и который обещал разрубить тебя на кусочки и подать к столу на блюде твою бочкообразную задницу, если ты еще хоть раз подрежешь его колесницу!

Однако слушай! За углом тебя ждет величайшее приключение! Спустись вон с того холма. Разве там не роет когтями землю громадный мифический зверь? Разве он не поднимает клубы пыли, не фыркает, не скачет с пеной у пасти по пустыне?

Нет! Он — такой же анахронизм, как часы с Микки-Маусом на твоём богатырском запястье.

Зри! Это «Форд-Бронко», четыре на четыре!

Мощный автомобиль с ревом мчится по Гадесу, лавируя между сортирами, а водитель и пассажир ведут дружеский спор, жуют все ту же резину, точь-в-точь как Ктулху жует свою жвачку.

«Господи, Г. Ф.! — произносит нараспев краснолицый здоровяк, весь потный, но довольный, сжимая в руках руль. — Сдается мне, нам попросту не о чем спорить! Я был куда потустороннее твоего!»

«Ерунда!»

«Не загибай!»

Эти мертвые фантасты говорят, естественно, о той поре, когда жили на свете, пока не умерли и не отправились в Гадес, сию огромную мифическую нору в земле, ныне диковинно видоизменившуюся, словно по воле некоего автора технотриллеров, сдобренной, вдобавок, страстью к римской истории какого-нибудь преподавательски латыни (тут, кстати, наблюдается любопытная тяга к Римской империи). Да, они рассуждают о безмятежных днях былого, тысяча девятьсот двадцатых и тридцатых годах, когда оба шествовали походкой колоссов по страницам журнальчиков вроде «Аргоси», «Невероятных пикантных восточных баек» и, разумеется, «Таинственных историй», этого несравненного образчика жанра. Оба умерли в 1936-м, — Говард застрелился, узнав, что его ненаглядная матушка при смерти, Лавкрафт скончался от рака пищевода, почти наверняка вызванного необычной диетой и, возможно, тайным

пристрастием к некоторым грибкам. Да, да! Путешествие в один конец в Гадес явно пошло им на пользу. Говард теперь может не отходить от своей матушки, а Лавкрафт наслаждается историей, всяческими экстраваганцами и грибками и пребывает в полной уверенности, что за всем случившимся стоят сами Древние! Ничего не скажешь, brave парни!

Живые мифы в мифической стране! О! Сик транзит gloria mundi — хрюнди, или что-то вроде этого*.

«Черт, Г. Ф.! Я из Техаса, — гордо объявляет Боб Говард. — Мы там все как на подбор, одни здоровяки, а потому моя таинственность здоровее твоей! Разве ты исписал столько бумаги? Разве сочинил столько приключенческих романов в восточном духе, столько вестернов, пикантных повестушек, историй про сверхъестественных чудовищ? Разве, наконец, помогал создавать замечательный жанр «меча и колдовства», с героями, содранными у Руссо и Берроуза, классический пример которых — Конан? — Он делает паузу, чтобы перевести дыхание. — Покончил ли ты с собой в тридцать лет, после того как долгие годы жил героической жизнью на страницах дешевеньких журнальчиков, потому, что не мог без матушки? Пускал ли слюни, описывая в своих потрясных книжках пышногрудых богинь и амазонок и чувствуя, что тебе не хватает смелости просто выйти на улицу и снять за два доллара первую попавшуюся шлюху? — Говард мотает головой. На его одутловатом лице играет кривая усмешка. — Слушай, Г. Ф., в свое время мы с тобой много переписывались. Я готов признать, что порой твои штучки оказывались покруче моих, но согласись — мы принадлежим к разным жанрам! Я — техасец, здоровяк, каких мало, живой образчик крутизны! Конечно, сейчас я мертв, но крутой остается крутым и после смерти. И нечего мне лапшу на уши вещать!»

Говард Филлипс Лавкрафт качает головой, как бы выражая свое сочувствие.

«Бедный мой Роберт Э.! Тск и еще раз тск! Ты умер слишком рано, чтобы иметь возможность как следует изучить таинственное, тогда как я познал его сполна. Я

* Sic transit gloria mundi (лат.). — Так проходит земная слава.

знаю, Роберт, ты был расистом, но твой расизм — чисто культурного свойства, обязан своим возникновением твоему паршивому техасскому свинару, на задворках которого ты вырос. Я же выпестовал свой расизм, всхолил и взлелеял в том самом затхлом подвале на одной из улиц Провиденса. Боб, ты путался в своих симпатиях, хоть и твердил о превосходстве арийцев. Я же открыто провозгласил примат белой расы. Сдается мне, ты догадываешься, что мой ничтожный доход составляли в основном те деньги, какие я получал, дописывая за других рассказы и повести. Но известно ли тебе, что в двадцатые годы у меня был студент, которого я готовил к поступлению в "Знаменитую писательскую школу Бигота" и который заплатил мне за то, чтобы я написал для него книгу под названием "Майн Кампф"? Между прочим, несколько месяцев назад я столкнулся с ним здесь, в Новом Берлине. Как раз истекает тринадцатое тысячелетие, которое он проводит по горло в серной кислоте, одновременно страдая от смертельного микоза, а в ближайшем будущем ему предстоит тысячу лет плавать в главной выгребной яме. Так вот, он попросил снова выручить его. Похоже, парень нашел издателя на новую книжку.

И потом, прожил ли ты полжизни на кукурузных хлопьях и молоке? Создал ли гнуснейшую из известных человеку мифологий? Жил ли в дряхлом доме, болел ли едва ли не с рождения, чахнул ли, терзаемый зловещей хворью, сочинял ли бредовые письма коллегам-писателям, вместо того чтобы клепать добротные вестерны, по пенни за слово? Ты, Боб, ты клепал вестерны и заработал денег больше, чем ваш местный врач. Ну, признайся, Боб. Пускай ты крут и без сомнения загадочен, но со мной тебе не тягаться, и ты должен это понять, вбить в свою чугунную техасскую башку. Я не только гораздо таинственнее — нет, я был величайшим психом столетия!»

Спор закончился весьма неожиданно. «Форд» с разгона врезался в массивную тушу, что возникла вдруг посреди дороги. Когда Г. Ф. и Роберт Э. очнулись, они увидели, что на них хмуро глядит исполин, громаднее которого никто из них в жизни не встречал.

«Эй, водила! — дружелюбно рявкнул Гильганош и в гневе оторвал у машины крыло. — Смотреть надо, куда едешь!»

Гильганош умирал изнутри.

Нет, вовсе не потому, что в него только что врезался рычащий четырехколесный зверь, а тело терзали необыкновенно острые шипы — которые он выдернул, повертел в руках и решительно отбросил в сторону. Гильганош страдал из-за того, что лучший друг Инки-Динки-Ду затаил на него обиду. Он чувствовал себя хуже, чем Шадрах в огненной печи. Великому Гильганошу было не суждено подняться по звездной лестнице на небо. Сей Сын человеческий лишь спускался, несомый на крыльях ночных птиц, которые, быть может, в конце концов сбросят его на какую-нибудь ужасную стеклянную башню.

«Крутом ни души, катайся в свое удовольствие, — проговорил Гильганош, с отвращением глядя на двух писателей, — а вы, тупицы несчастные, умудрились въехать прямо в меня!»

Высокий, крупный мужчина, коротко стриженный и румяный, кое-как выбрался из-за «баранки» и сделал неуверенный шаг вперед.

«Прыгучие кролики Иосафата! Это же Конан! — возопил он. — Клянусь небом! Конан из Киммерии, вылитый, до последней корпускулы!»

Гильганош озадаченно моргнул. Что за чушь? Ну да, он однажды столкнулся с Конаном, однако тот верил в фей и писал про Шерлока Холмса и профессора Челленджера.

«Успокойся, Боб, — сказал спутник здоровяка, бледный мертвец с набриолиненными черными волосами, глазами, как у рыбы, и квадратным подбородком. — Конан — выдумка, весьма к тому же неудачная с точки зрения стилистики».

«Знаю, Г. Ф. — Боб кивнул. — Но ты должен делать скидку на мое воспитание. Я рос домашним ребенком, маменькиным сынком, а теперь вдруг встречаю громаднейшего, волосатейшего, героичнейшего героя из всех тех, кого только видели мои плакучие глаза! — Писатель рванулся к Гильганошу, издавая на бегу мало-

приличные, чмокающие звуки. — Эй, морячок! Пойдем прогуляемся?»

«Пожалуй, Боб, ты был прав. До такого лично я никогда не доходил, — спутник Боба повернулся к варвару. — Пожалуйста, мистер, извините моего друга. Я — Г. Ф. Лавкрафт, а он — Роберт Э. Говард. Мы — послы короля Генриха Восьмого, который отправил нас своими полномочными представителями к Пресвитеру Иоанну. Любопытное, я бы даже сказал — экзотическое наложение исторических срезов, верно? Похоже на фермеровский «Мир реки», только еще мифичнее».

«Приятель, — прорычал Гильганош, — хватит пороть ерунду. Вы помешали мне, когда я охотился. И потом, сделай одолжение, оторви этого недоумка от моей ноги! Я и сам порой не прочь позабавиться, но плохие писатели-фантасты меня не возбуждают. Убери его, а не то полубог Гильганош выпустит ему потроха!»

«Гильганош! — вскричал Роберт Э. Говард. — Разрази тебя гром! Замечательно! Возьми меня, Гильги! Возьми меня!»

По счастью, Гильганош отвлекся на отряд гверильясов, которые имели дурную привычку время от времени заваливать в Гадес. Говарду повезло и в другом: они с Лавкрафтом прихватили с собой в дорогу автоматы, а потому без труда справились с партизанами, тем более что им помогал стрелявший из лука Гильганош.

После схватки все трое отправились в царство Пресвитера Иоанна, и там Гильганош повстречался с Инки-Динки-Ду, и они изрядно отмутузили друг друга, а потом решили помириться. Лавкрафт и Говард обнаружили, что во владениях Пресвитера имеются издательства, порвали с королем Генрихом Восьмым и принялись сочинять эротические рассказы для выходящего в Гадесе журнала под названием «Плейбой-герл».

Как правило, Билл наслаждался теми ощущениями, какие возникали при движении книги по носоглотке, однако ему постоянно хотелось, чтобы романы были подлиннее, дабы удовольствие подольше не кончалось, а потому творение Голдилокса пришлось Герою Галактики весьма и весьма по душе.

Так проходили дни.

Билл прочел все романы, кроме одного, последнего. Он только-только приступил к нему, прочитал заглавие и первую фразу:

Дэвид Писсофф.

«Еще один прекрасный архетипический миф»

«Это произошло в темном и бурном Мире Ночи...», — как вдруг дверь камеры распахнулась настежь.

— Бам! — бамкнула она.

— На выход с вещами! — рявкнул офицер, за спиной которого теснились солдаты.

— Летние сборы закончились. Подтирай задницу, Билл, или как там тебя зовут, — прибавил седовласый, весь в шрамах воин, истинный доходяга, вполне достойный сержантских нашивок. — Хозяин этого замка зовет вас с приятелем к себе. Мой совет — готовься к смерти.

— По-твоему, хозяин нас отпустит? — радостно улыбаясь, справился Билл.

— Отпустит? — истерически взвыл солдат. — Только через мой труп! А лучше через твой. Зачем мы, скажи на милость, целый день кипятим масло?

Прежде чем солдаты выволокли его из темницы, Билл ухитрился проглотить последние полмиски ферментированной похлебки.

Глава 14

КОРОЛЬ-КАЛЕКА

— Что ты сказал?

Косматый правитель Перешейка Импотенции неохотно привстал, опрокинул со стола на пол кувшин и кубок с вином и свирепо уставился, вытаращив налитые кровью глаза, на посиневших от холода и съезжившихся со страха пленников, что стояли посреди зала, закованные с ног до головы в кандалы, из-под которых лишь кое-где выглядывали лохмотья, в какие превратилась их одежда, а потом со стоном опустил обратно в кресло.

Билл облизнулся. Он испытывал нечто вроде отчаяния, глядя, как растекается по полу и сливается в забитое шерстью сливное отверстие драгоценная, пускай и не слишком сладко пахнущая жидкость.

— Я сказал, ваше королевское бессилие, что мы — обыкновенные странники и разыскиваем Источник Гормонов.

— Нет! Нет! — взвизгнул барон, хватаясь за полы своего усыпанного крошками и усеянного жирными пятнами платья, словно собирался от восторга разорвать собственное одеяние. — Вернись на несколько предложений назад! К тому человеку, который вас сюда послал!

Рик и Билл озадаченно переглянулись. Обмен получился равноценным.

— Вы про доктора Делязны? Как по-твоему, Билл? — спросил Рик, который вышел из подземелья заметно бледнее и худее, чем был, когда вошел.

— Делязны! — вскричал барон, выдирая у себя клочок прямых волос. — Делязны! Да, да, про него!

— Эй, Билл, сдается мне, этот тип знаком с Делязны!

Билл ошарашенно покрутил головой, причем его движения сопровождались полумузыкальным звяканьем кандалов.

— Мне тоже так кажется. Но ведь это невероятно? Разве может здешний барон хотя бы знать о том, что существует такой доктор Делязны? Не забывай, Делязны, в общем-то, человек, а барон — архетип. Кстати, а что значит «архетип»?

Билл, как и полагалось истинному солдату, благополучно забыл большую часть того, о чем вещал доктор Делязны в своей скучной лекции про архетипы. В крохотном, проспиритованном мозгу военного образца, каким обладал Герой Галактики, не было места для мысли, что сексуальные расстройства миллиардов мужчин способны создать нечто вроде такого вот архетипического барона.

Барон снова застонал. Стон получился весьма жалобным, прямо-таки душераздирающим. Бесплод — так его звали, барон Бесплод — попытался встать с кресла, однако не сумел и остался стоять, согнувшись пополам. На глазах у него выступили слезы отчаяния, лицо приобрело свекольный оттенок.

— Нет, нет, я человек, такой же человек, как вы. Настолько же человек, насколько бесчеловечен мерзавец и подлец Делязны! — Глаза барона, глядевшие с прищуром из-под кустистых бровей, тускло сверкнули. Он раскачивался из стороны в сторону, прерывисто, натужно дышал, — словом, старался каждым дюймом своего тела устоять хотя бы в этом чрезвычайно неудобном положении. — Скажи мне, Билл, — прохрипел он. — Твою ногу тебе прищпандорил проклятый вивисектор Делязны?

— Не совсем... По правде сказать, я обзавелся ею... ну, в другом месте.

Билл полусознательно спрятал раздвоенное копыто за второй ногой, чтобы на него не пялились толпившиеся вдоль стен зала отвратительные твари, которые,

услышав слова повелителя, зашевелились и подступили поближе к Герою Галактики.

— Ты уверен, Билл? — прорычал барон Бесплод и выставил перед собой палец с обгрызенным ногтем. — Здесь наверняка не обошлось без Делязны! Он — дьявол во плоти! Именно он отвечает в Империи за многие, если не за все, зловещие психосоматические исследования. Говорят, что не кто иной, как доктор Делязны наделил Императора косоглазием, когда проводил операцию на мозге, чтобы вырезать вросшие в мясо ногти. Если это правда, тогда карьера гнусного изменника отмечена еще одной ошибкой. А что Делязны предатель, известно даже нам, благодаря моим биотехническим механизмам.

— А когда вы с ним познакомились? — спросил Билл.

— По-твоему, я родился таким уродом? По-твоему, я появился на свет здесь, в тутошнем мраке и запустении? Нет! Неужели ты не понимаешь... Язык меня не слушается. Какая трагедия, а всем плевать! Всем, и тебе тоже! Ты задал свой вопрос лишь затем, чтобы посмеяться надо мной! Я был величайшим ученым на свете! Почитаемым, уважаемым имперским доктором наук. Даже такие олухи, как вы, должны были слышать обо мне. Доктор Кранкенхаус. Самый великий из всех хирургов-психосоматиков, каких знала история! Я выполнял психосечение мозга молодого мужчины, когда мне внезапно открылась истина.

— Истина? — моргнув, переспросил Билл.

— Да! — воскликнул барон Бесплод, брызгая слюной, чего в пылу красноречия просто не заметил. — А истина заключалась в том, что большинство мужчин мыслят своими яичками! Никакой другой ученый ни до чего подобного не додумался! Все считают, что гонады влияют на мозг лишь через выброс тестостерона. Это верно, однако лишь отчасти. Я, доктор Кранкенхаус, в тот знаменательный день в Головотяпском университете убедительно доказал, что происходит на самом деле! Мой гений создал секс-получатель, прибор, который улавливает излучения, исходящие от желез. Никогда не забуду, как включил питание и смог наконец увидеть воочию то, что до сих пор присутствовало только в теории! Я говорю о прежде невидимом энергетическом

канале, который соединяет напрямую нижнюю часть человеческого тела с продолговатым мозгом. Цвет у канала был темно-красный, ближе к багрянцу. Я быстро произвел кастрацию, взяв скальпель — и готово, и канал исчез, что неопровержимо свидетельствует о том, что он идет не от мозга, а с противоположного конца. Ну, господа, неужели вы не понимаете всей важности моего открытия?

— Кастрацию? — произнес Билл. Во рту у него пересохло, руки дрожали, — он испытывал страх, присущий каждому настоящему мужчине.

— О, я пришил все, что отрезал! Говорю вам, я был великим хирургом! Пришил — и вот оно! Канал появился снова! Понимаете? Канал психической энергии появился снова! Продолжая эксперименты, я также установил, что канал имеет гиперпространственное ответвление, которое входит в море человеческой энергии, что плещется в ином измерении. Получается нечто наподобие протекающего психического водопроводного крана. А это иное измерение — Зажелезия, та самая страна, на территории которой мы с вами сейчас находимся! — Барон настолько разволновался, что упал на пол. Вставать он, похоже, не собирался и продолжал лекцию с пола, временами спазматически дергаясь, словно перевернутый на спину жук. Такое происходило всякий раз, стоило ему особенно чем-то увлечься. — У меня был помощник, Делязны! Он постоянно шпионил за мной! Скоро он узнал все то, что знал я, насчет Зажелезии, и причем почти в то же мгновение, в которое знание пришло ко мне. Я стремился к постижению тайн человеческого организма и не мечтал ни о каких почестях кроме, разве что, Галактической Нобелевской премии и чудесной должности в Гелиорском университете. Но Делязны!.. Я не понимал тогда, что Делязны жаждет большего! Гораздо большего!

— Да, — подтвердил Рик. — Он хочет принести человечеству мир, прекратить войну с чинджерами.

— Ба! — Бесплод фыркнул и судорожно дернулся от отвращения. — Гнусная ложь! Если он и связался с чинджерами, то — ставлю доллары против навозных жуков! — не преминет предать их столь же быстро, как предал людей. Он алкает власти! Неограниченной власти! Делязны хочет использовать космическую энергию Зажелезии в собственных мерзких целях. Однако

у него ничего не выйдет, если только он не отыщет источник энергии...

— Источник Гормонов! — проговорил Билл, начиная смутно догадываться, о чем идет речь.

— Говоря архетипически, да. Источник Гормонов, средоточие космической энергии. Увы, до сих пор никому не удавалось его найти, — барон вяло махнул рукой, как бы показывая, что под «никто» подразумевает своих присных. — Разумеется, если бы мы нашли Источник, то обязательно подыскиали бы ему применение. Верно, вы, уроды безмозглые, придурки-доходяги?

Ответом были дружный слабый стон и шарканье ног.

— Я вот чего не понимаю, доктор Кранкенхаус, то есть барон Бесплод, или как вас там еще. Если вы и впрямь первым открыли Зажелезью, то с какой стати вы здесь и в таком плачевном виде?

Доктор Кранкенхаус щелкнул пальцами — по крайней мере, попытался, но те лишь скользнули друг по другу — и, указав на пленников, с бульканьем в горле велел своим сподвижникам:

— Освободить их! И принесите какие-нибудь штаны, а то я совсем замерз, глядя на эти синие задницы! Они такие же невинные жертвы, как и мы!

К пленникам подступили двое гномов, которые принялись отпирать замки на кандалах, а доктор Кранкенхаус тем временем кое-как взобрался на трон и обессиленно, задыхаясь от изнеможения, рухнул на сиденье.

— Спасибо, — поблагодарил Билл, натягивая грязные меховые штаны. Покончив с одеванием, он стал растирать онемевшие руки.

— Вы не ответили на вопрос? — напомнил Рик.

— Нет. Извините. Одна только мысль о том, что со мной стряслось, бережит мне душу, — доктор Кранкенхаус прижал к лицу дрожащие мелкой дрожью ладони, словно норовя заслониться от воспоминаний — по-видимому, безуспешно. — Прошу прощения, что обошелся с вами несколько грубо, но у нас тут так заведено. Мы не любим чужаков, от которых можно ожидать неприятностей.

— А откуда вы знаете, что мы не подосланы доктором Делязны? — спросил Рик.

— Подосланы? — еле слышно хихикнул Кранкенхаус. — Навряд ли. Вы, ребята, чересчур тупоголовы для того, чтобы быть шпионами.

— Может, вам станет лучше, если вы расскажете нам о себе? — предположил Билл.

— Ах да! Моя история! Таких мучений не выпадало на долю никому!

*История доктора Кранкенхауса,
или «Не дави фею, лучше дай мне щипчики»*

Дело было поздно вечером, в университетской психосоматической лаборатории. Я только что закончил обрабатывать отчет о ежегодном празднике вручения тог студенческого общества «Дельта-Смегма-Высший Класс» — празднике, за которым по обычаю следуют рейд по женским трусикам и буйная оргия; естественно, мне хотелось поскорее внести полученные результаты в мой управляемый компьютером аппарат. Понимаете, я находился посредине пути к созданию энергетического аналога «калоканала», того психического канала, по которому в мозг мужчины поступает энергия. В случае успешного завершения эксперимента я предполагал, что сумею с помощью своей машины открыть проход в Зажелезие. К тому времени у меня уже сложилась гипотеза об энергетических манифестациях Зажелезии, однако нужно было заглянуть туда самому, чтобы, так сказать, подкрепить теоретические доводы практическим лицезрением.

Какой замечательный я задумал эксперимент! Каким восхитительным обещало быть путешествие! Увидеть собственными глазами пока непостижимый X-фактор человеческой психики. Что называется, микро против макро. Я могу лишь сказать, что был необычайно взволнован, истинных же своих чувств передать попросту не в силах.

Предполагалось, что мой помощник Делязны в отпуске. Я и не подозревал, что он исподтишка соорудил устройство, благодаря которому мог следить за работой моего компьютера и прочих инструментов в лаборатории.

Итак, дело было поздно вечером. Догадавшись, что я задерживаюсь на работе, моя красавица-дочь Ирма принесла мне домашнего винца и сандвичей со свини-

ной. Я попросил ее не уходить, чтобы она могла засвидетельствовать мой очередной шаг — введение в аппарат незначительного количества энергии, образно выражаясь, прокачку. Я намеревался ввести сексуальный заряд, который называется оргоном и который я собрал на празднике вручения тог. Мне было неизвестно, что Делязны наблюдает за каждым моим шагом. Кстати говоря, он не только порядочная свинья, но и никудышный электрик. Едва я дернул за рычаг, чтобы начать процедуру, как изрядная часть заряда перетекла в провода, которые он присоединил к аппарату, и вошла в него, хотя он сидел в своем логове на расстоянии полумили от лаборатории. Я ничего не заметил, поскольку весь ушел в созерцание энергетического канала, протянувшегося из нашего измерения в Зажелезие. В результате происков Делязны произошла флуктуация плоскостей, деформация пространства! А та энергия, которая вызвала эту деформацию, пришла из потустороннего мира, каковой мог быть лишь Зажелезией. Я был близок к успеху!

В следующей миг в лабораторию ворвался Делязны — волосы дыбом, глаза вот-вот выскочат из орбит, из ушей валит дым. «С дороги, идиот! — крикнул он и попытался схватить мою дочь. — Я поймею ее! Я должен иметь ее! Обниму! Затопчу! Дефлорирую! Йо-хохо!»

Надо признать, я настолько увлекся своим экспериментом, что не замечал, что Делязны точит зубы на Ирму. Теперь мне все стало ясно. Приток энергии из Зажелезии оказал на него губительное воздействие. Он буквально исходил вожделением!

Мы сцепились, покатались по полу — о, я сражался как лев! — а вокруг грохотали взрывы и сверкали искры. Ирма попыталась оторвать его от меня, однако я поспешил прогнать ее. В конце концов мы очутились у самой границы прохода Отсюда Туда. Не знаю, откуда у меня взялись силы сопротивляться безумцу, однако я сумел вытолкнуть Делязны за пределы нашего измерения. Зияющая дыра поглотила моего помощника, раздался оглушительный треск. Я кое-как поднялся и заключил в объятия Ирму, уверенный в том, что покончил со злодеем раз и навсегда.

Однако он появился вновь, в тот самый миг, когда я собирался отключить питание. Очевидно, он ухватился

за край дверного проема и сумел удержаться благодаря той чудовищной силе, какая присуща всем сумасшедшим. Естественно, теперь оргона в нем было куда больше прежнего. Издав яростно-похотливый рык, он направился прямо к Ирме!

Бедная моя доченька! Ей не оставалось ничего другого, как бежать в Зажелезью, и она не раздумывая прыгнула в проем, чтобы избежать ужасной участи быть опозоренной подлым мерзавцем!

А что я? Я чувствовал себя утомленным до изнеможения, изнуренным до последней степени, но все же сверхчеловеческим усилием воли заставил себя встряхнуться и схватил стул, который обрушил сначала на генератор, а затем на другие наиболее ценные устройства. После чего, с именем моей дорогой Ирмы на устах, рухнул в дверной проем, который в следующее мгновение исчез. Падение и та усталость, какую я испытывал в момент перехода, и превратили меня в калеку, которого вы видите перед собой.

Очнулся я здесь, на Перешейке Импотенции. О! Какое совпадение! Обитатели этого гнусного местечка приняли меня за бога; быть может, в какой-то мере я и вправду бог. Бог, которому незачем жить, ибо он навеки утратил свою прелестную дочь, ненаглядную Ирму!

Теперь же я стал еще более жалок. По всей видимости, Делязны, мой бесталанный, ни на что не годный помощник, закончил медицинский колледж. Я уверен, ему удалось этого добиться только за счет обмана и того оргона, который скопился в его организме. Он сделался врачом и каким-то образом — наверное, через похищенные у меня книги — воссоздал проход в Зажелезью, куда и посылает всяких болванов на поиски источника космической энергии, обладание которой позволит негодяю покорить Вселенную. Хуже того, он наверняка заполучил Ирму и лишил ее чести. Горе мне! О горе мне, горе!

Завершив свое повествование, барон Бесплод — иначе именуемый доктор Кранкенхаус — разразился слезами и сдавленными рыданиями и задрожал как в лихорадке.

Билл растрогался настолько, что, несмотря на многолетний опыт, приучивший избегать добровольности во всех ее проявлениях, полагая, что свой зад дороже чужого, невольно шагнул вперед. Не находя от волнения слов, он подковылял к трону, прижал руку к груди и опустился на колени.

— Не тревожьтесь, дорогой доктор Кранкенхаус. Я верю вам всем сердцем и — точно! — всеми фибрами своей души. Меня сюда привела судьба, та самая, что забросила нас обоих на этот страшный перешеек. Я люблю вашу дочь, люблю больше жизни. Я повстречался с ней, когда впервые очутился в Зажелезии. Да, мы встретились, и я разинул рот от ее красоты, плюхнулся в лазурные озера глаз и немедленно, глубоко и неисцелимо влюбился! А она ответила мне взаимностью! Мы с ней любим друг друга!

— Билл, — проговорил Рик, выпаращив от ужаса глаза, явно озабоченный поведением приятеля. — Арррр! Какого дьявола ты несешь всякую ахинею?

— Извини, — отозвался Билл, стряхнув с себя наваждение. — Проклятие комиксов! — Он глубоко вздохнул. — Так или иначе, док, это правда. Если, разумеется, мы толкуем про одну и ту же Ирму. — Он описал вкратце свою возлюбленную.

Король повел себя более чем странно. Слушая Билла, он становился бледнее и бледнее, однако когда Герой Галактики кончил, на королевские щеки неожиданно вернулся румянец. Бесплод привстал на полусогнутых, его глаза засверкали, словно к нему потихоньку возвращались здоровье и жизненные силы.

— Возможно ли такое? Ты нарисовал портрет моей ненаглядной доченьки! Значит, ты и впрямь видел ее!

— По правде, док, ее я и ищу. Понимаете, я, как говорят у нас в казарме, на ней помешался. Я прибыл сюда вовсе не ради доктора Делязны, а ради Ирмы!

— Не знаю, не знаю, — нахмурясь, произнес король. — Не уверен, что мне хочется, чтобы моя дочь связала свою жизнь с профессиональным солдатом, у которого, вдобавок, такие клыки. Пойми правильно, в этом нет ничего обидного, однако то, что вполне подойдет для какого-нибудь льва, не слишком соответствует моему представлению о зяте.

— Слушай, урод! — прорычал Билл. — Я могу избавиться от клыков!

— Арррр, Билл! — воскликнул пораженный Рик. — Ты готов ради женщины пожертвовать клыками Смертвича Дранга? Приятель, тогда ты точно влюбился!

А Билл, которого вдруг захлестнули жалость к самому себе и слезливая сентиментальность, сообразил, что по его щекам струятся слезы.

— Верно, Рик! Признаться, мне с трудом верится, что старый солдат-неудачник наконец-то отыскал свою любовь. Женщина, единственная на миллиард, сумела прорвать мою оборону. Знаешь, Рик, даже солдаты имперской армии не могут сопротивляться любви. Я отправлюсь на край Вселенной, дойду до последних рубежей Зажелезии, только бы найти Ирму!

— Старина, поверь мне: у тебя просто закружилась от здешнего воздуха голова, — сказал Рик. — Чтобы ты... Впрочем, ладно. В конце концов, нам с тобой пока в одну сторону. Ты ищешь свою любовь, а я — «Святограальское крепкое».

— Ты ищешь «Святограальское крепкое»? — спросился доктор-барон. — Я и сам не прочь его отыскать. По слухам, замечательная штука. Быть может, оно восстановит мое подорванное здоровье. Что же ты до сих пор молчал? Я бы тогда не бросил тебя в темницу.

— Да все в порядке, — уверил за приятеля Билл. — Нам все равно нужно было отдохнуть, верно, Рик?

— Пожалуй, — Рик пожал плечами и повернулся к королю. — Док, вы, кажется, сказали, что понятия не имеете, где находится Источник Гормонов?

— Увы! Сие загадка даже для моих приборов!

— Мы столкнулись по дороге с драконом, который отправил нас на юг, — проговорил Билл.

— В Зажелезии все пути ведут на юг! — Барон Бесплод поманил к себе двоих троллей. — Лакеи! Принесите мои носилки! Я хочу показать нашим гостям мои изобретения!

Мгновение спустя к трону подбежали двое уродливых существ с носилками, чуть позже к ним присоединилось третье, и они все вместе принялись закатывать повелителя на носилки. Бесплод несколько раз звучно падал, оглашая зал гневными воплями и повергая в замешательство подданных. Тем не менее после множества проклятий и нелепых телодвижений ему удалось-

таки взгромоздиться на носилки. Тролли вскинули те на плечи и двинулись к двери.

— Пойдемте, господа, не пожалеете. Возможно, присутствие незамутненных умов поможет мне разрешить эту злополучную загадку.

Освобожденные от оков, Рик и Билл теперь без труда поспевали за бароном, то есть доктором, то бишь королем — или кем он там был на самом деле.

— Птица, что висит у тебя на шее, — проговорил барон, обращаясь к Биллу. — Раньше, когда мы едва познакомились, я постеснялся спросить, но сейчас мы стали закадычными друзьями, и я знаю, что ты не обидишься на мое любопытство. Знаешь, эта птица — почти такая же диковинка, как твое раздвоенное копыто. Ведь голубь, пускай дохлый, символ мира, или я ошибаюсь?

— Ни капельки, — мрачно ответил Билл. — Меня покарали Грязный Стадный Мутнобрда за то, что я ненароком прикончил птичку. Наказание снимется лишь тогда, когда я отыщу свою истинную любовь, которую зовут Ирмой.

— А что с ногой?

— Старая рана.

— Очень интересно! Однако слушайте. Мы приближаемся к комнате, в которой раньше жарили кофе и которую я превратил в свою лабораторию. Да, да, парни. Заходите ко мне в лабораторию и посмотрите, что там жарится сейчас. Ха-ха! К сожалению, так редко ныне случается пошутить!

— Похоже на то, — согласился Билл. — А если все шутки такие, как эта, то лучше и не надо.

— Если я правильно понял, вы надеетесь с помощью своих приборов установить местонахождение Источника Гормонов? — спросил Рик, с сомнением почесывая в затылке.

— Да. За годы моего правления перешейком я ни в коей мере не забросил своих исследований. Никоим образом! Разве что стал применять другие инструменты... Но стоит ли попусту болтать перед дверью, когда можно распахнуть ее и войти! Воппли! Образина! Вперед! Пускай наши гости узрят великое чудо!

Билл, который в последнее время навиделся чудес в избытке, подумал, что с большим удовольствием узрел

бы бутылочку чего-нибудь покрепче, однако затем признался себе, что старый калека возбудил его любопытство.

Из-за двери доносилось нечто вроде бормотания. Да, бормотание и причмокивание, шипение и пыхтение, плеск и рев. Подобного сочетания звуков Биллу не доводилось слышать с тех самых пор, как он чуть не утонул, — дело было в учебном лагере.

Дверь лаборатории, огромная, массивная, была изготовлена из древесины дуба, обитой вдобавок железом, и троллям пришлось изрядно поднапрячься, чтобы распахнуть ее. Однако они справились, а затем подхватили носилки с повелителем и устремились в лабораторию. Рик и Билл двинулись следом, все шире и шире раскрывая глаза.

— Я вижу то, что вижу? — выдавил Билл.

— Точно, — подтвердил глухим, как из бочки, голосом Рик.

— Что скажешь?

— Скажу, что, пожалуй, пойду, — Рик медленно попятился.

— Пойдешь? Эта штука что, действует тебе на нервы?

— На нервы? — взвизгнул Рик, судорожно сглотнул и произнес: — Мне не было так весело с того дня, когда свиньи сожрали мою младшую сестренку!

Глава 15

ПЕПТОАБИСМАЛЬНЫЙ КОШМАР

— Что за елки-палки? — прошептал Билл и несколько раз быстро сглотнул.

Рик не ответил, ибо стоял, разинув рот и выпучив глаза; его лицо приобрело диковинный зеленый оттенок, словно с ним случился неожиданный приступ гастроэнтерита.

Лаборатория оказалась просторным помещением с высоким потолком. Приблизительно четверть комнаты занимало Это, от которого тянулись к примитивной панели управления многочисленные отростки. Это представляло собой скопище рук, желудочков и щупалец, а также прочих органов — мозгов и тому подобного, что виднелись сквозь полупрозрачную кожу. Глаза и уши загадочного существа обнаруживались в самых неожиданных местах. Кроме того, если присмотреться, можно было различить некие органы, которые попросту не поддавались отождествлению; разнообразных размеров и форм, все они находились под многоцветной, полупрозрачной, сшитой из отдельных кусков кож, — впрочем, не все: некоторые — вроде кольшащихся кишок или гигантских бьющихся сердец — высывались наружу. Когда в лаборатории появился доктор Кранкенхаус со своими прислужниками и гостями, существо открыло глаз с добрый ярд в поперечнике. Этот глаз располагался в самом

центре скопища органов; он бесстрастно взирал на пришельцев.

— Смотрите, джентльмены! — прохрипел с энтузиазмом барон Бесплод. — Вы, должно быть, догадались, что в Зажелезии обычные технологии не применяются, поскольку не срабатывают. Потому-то я изобрел биотехнологию. Перед вами — первый в мире биопьютер! Сейчас вы увидите его в действии.

Вдохновляемый пылом истинного ученого, барон слез с носилок и подковылял к длинному столу, на поверхности которого возлежало несколько мясистых органов. Их удерживали на месте металлические и деревянные рычаги и микрометры. На изящно нарисованных от руки графиках подрагивали стрелки шкал, что показывали результаты измерений. Бесплод нажал на кнопку, и на конце некоего сложного деревянно-органического аппарата чиркнули разом десять кресал, от которых одновременно воспламенились десять свечей. Бесплод словно скинул баронскую личину и превратился в доктора Кранкенхауса, который взялся изучать положение стрелок.

— Гм-м... Похоже, машина пребывает в гомеостазе. Сдается мне, мы можем вызвать образ-другой.

— Арррр! Минуточку! — воскликнул Рик, наконец-то обретя голос. — Да не оскорбит вас мое невежество, но как вам удалось создать эту... штуковину?

— О, какая непростительная глупость! Я забыл упомянуть о том, что являюсь специалистом в области передовой хирургии, генетики и ремонта домашних телевизоров. Если говорить откровенно, то — хо-хо! — я еще и пописываю. По крайней мере, за обучение я платил теми деньгами, которые получил за свои книги. Вырос я в простой семье, мой отец был техником-удобрителем...

— Моя заветная мечта! — вскричал Билл.

— Заткнись. Я писал такие книги, как «Различные способы превращения домашних животных в полезные бытовые приборы» и «Хирургическая желудочно-кишечная диета доктора К. и советы, как трансплантировать мозг в домашних условиях». Иными словами, я обладаю всеми необходимыми познаниями. Когда меня зашвырнуло в это гнусное местечко, мне понадобилось лишь собрать нужные биологические детали, приготовить баки, в которых должны были расти ткани, заточить скальпели, высушить кошачьи кишки, которые я решил использовать вместо ниток, а также разогреть

прижигательные утюги. После чего я сначала разрезал на части, а потом сшил между собой различных животных и сконструировал соответствующую нейрохимическую систему, способную поддерживать деятельность моих биотехнических устройств.

— Никогда такого не видел! — проговорил Билл, запихивая вытаращенные глаза обратно в глазницы.

— И не увидишь, — ответил с гордостью в голосе изобретатель. — Это единственный экземпляр. Так, давайте посмотрим, что там у нас на склераэкране. — Доктор Кранкенхаус потянул за рычаг, а затем щелкнул по металлическому датчику, подсоединенному к резиновому ремню, который крепился к чему-то вроде ганглий, что сопрягались с центральной нервной системой.

Веки на огромном глазу диковинного существа распахнулись шире прежнего. Зрачок и радужная оболочка отсутствовали; глазницу заполняла мутная белесая пелена. По склере проскочил разряд электричества, и внезапно на «глазном экране» начало формироваться изображение. Треск и прочие неприятные звуки исходили от двух расположенных под глазом вибрирующих мембран.

Доктор Кранкенхаус что-то подрегулировал. Мигание прекратилось, картинка обрела четкость. На экране появился мужчина: он стоял у стола и высыпал в тарелку содержимое пакета, который держал в руках.

— Сорняхуана, — объяснил он елейным тоном. — Завтрак галактической пехоты! Вы, черт возьми, наверняка откажетесь от такой пищи, зато она сотворит чудо, если использовать ее как удобрение для гидропонной оранжереи!

— Видите! И в Зажелезии можно принимать передачи интергалактического телевидения!

Билла едва не вытошнило. Он прекрасно помнил сорняхуану — очевидно, его желудок тоже не успел о той забыть.

Доктор Кранкенхаус повернул ручку устройства, которое принялось щипать громадные соски на органе, что смахивал на брюхо черной свиньи. Прибор немедленно переключился на другой канал.

— Туповизор! — пояснил довольный барон, заметив озадаченное выражение на лицах Рика и Билла.

На экране возник еще один мужчина, с бутылкой в руке и улыбкой на физиономии.

— Галактик! И вам не нужна сверхновая, чтобы почта пришла вовремя!

Доктор повернул следующую ручку, и картинка на экране вдруг резко изменилась. Она стала гораздо менее четкой; появившиеся фигуры имели размытые очертания, мембраны доносили приглушенные, искаженные голоса.

— Визуальная интерпретация энергетической информации, которая поступает в Зажелезью, — сообщил Кранкенхаус. — Вот та проблема, джентльмены, над которой я сейчас работаю. Мне кажется, что если я сумею улучшить фокусировку, то смогу узнать все, что требуется. Именно таким образом я получал и получаю сведения о том, что происходит в Империи, из которой меня выгнал негодяй Делязны.

— А та загадка, о которой вы упомянули, — сказал Рик. — О чем, собственно, речь?

— Как о чем? О точном местонахождении Источника Гормонов! О том, где же все-таки искать этот источник космической энергии! Найти его нелегко, иначе он давным-давно был бы в моем распоряжении, а мерзавец Делязны уже вовсю пользовался бы им и продвигался семимильными шагами к власти над Вселенной.

— Но почему загадка? — полюбопытствовал Билл.

— Да потому что здесь, в Зажелезьи, извращена сама природа физических и математических законов! Давайте я объясню на примере. Тролли! Принесите мою доску и математические расчеты! — Тролли поспешили исполнить распоряжение. Они подкатили к Кранкенхаусу несколько школьных досок, установленных на скрипучие колесики. Доктор-барон взял в руки указку и мел. — Проблема, джентльмены, заключается в том, что здешняя математика, во многом напоминая ту, которая существует в реальном мире, действует по иным биохимическим принципам, — поскольку мы с вами находимся в громадной психожелезе. Поэтому мне пришлось в ходе исследований переименовать некоторые параметры. — Он ткнул указкой в большой ноль на одной из досок. — Эта цифра обычно называется нулем, правильно? В зажелезийной же математике слово «нуль» — значащее, оно расшифровывается как «наивысший утробный лаз», то есть тут мы, естественно, имеем дело с жен-

ским принципом железистой математики. Прочие цифры — 1, 2, 3, 4, 5 и так далее — именуются «членами», интегралы — «интерполами», то бишь «интересными положениями», и тому подобное. Когда вы помещаете любой из «интерполов» в скобки, внутри которых наличествует хотя бы один ноль, автоматически происходит умножение, вернее, «размножение». Разумеется, железистый вариант теории множеств называется «теорией многоложеств».

Доктор Кранкенхаус принялся что-то писать мелом на доске.

— Господи! — проговорил Рик. — Знаешь, Билл, мне как-то совсем не хочется узнать, как они тут обозвали деление.

— Результатом «размножения», — продолжал доктор, изобразивший на доске знак равенства, — являются, конечно же, «дробгазмы», благодаря которым мы входим в нижний мир квантовой механики, на моем языке — «квантовой мошоники». Теперь, если вы слушали меня достаточно внимательно, вам не составит никакого труда уловить суть железистой физики. В общем и целом она не имеет ни малейшего смысла! — Кранкенхаус показал на рисунок, пестревший диковинными, словно нанесенными куриной лапой символами. — Вот, джентльмены, выведенные мной уравнения. Предположительно, в итоге всех вычислений я смогу установить точные координаты ядра Зажелезии, того самого Источника Гормонов, который мы все разыскиваем. Беда в том, что мой биокомпьютер всякий раз выдает новый набор координат, поскольку проклятые «члены» постоянно совокупляются с нулями и оттого возникают все новые и новые «дробгазмы»! — Он устало покачал головой. — Что ж, Рик и Билл, я объяснил вам все, что мог... Есть какие-нибудь мысли? Вы только представьте, какой нас ждет успех, если мы разгадаем эту загадку! Я исцелюсь и возвращу к жизни Перешеек Импотенции, мы с тобой, Билл, наконец-то увидим Ирму, а Рик — мне кажется, он найдет в Источнике Гормонов струйку «Святограальского крепкого»!

Билл тупо уставился на уравнения, потом, почесав в затылке, перевел взгляд на биокомпьютер, который гудел, урчал и издавал прочие малоприятные звуки.

— Я могу складывать и вычитать, ну и немножко, если голова в порядке, делить и умножать. Извините, док. Или барон, или как вас там. Что-то у меня башка не варит. По-моему, нам с Риком лучше всего возобновить поиски.

— Не стоит, — возразил Рик.

Билл и доктор Кранкенхаус дружно повернулись к нему, даже биокомпьютер изрек нечто вроде «Чего?» и недоуменно моргнул.

— Ты придумал? — прошептал Кранкенхаус с видом человека, хватающегося за соломинку.

Лицо Рика озарилось глуповатой ухмылкой, глаза заблестели неестественным блеском, зубы как будто засверкали — то ли от героизма, то ли от чего-то еще.

— Ваши уравнения, доктор, — Рик шагнул вперед и постучал по доске. — Они поистине замечательны. Это переворот в нелинейной математике, не говоря уж о неевклидовой геометрии.

— Ты разбираешься в высшей математике? — с восторгом в голосе спросил Кранкенхаус.

— Аррр! Так, кое в чем, — отмахнулся Рик. — Понимаете, док, гораздо важнее то, что в Организменном университете меня учила математике и гимнастике прекрасная наставница. Мы изучали эти предметы в действии! — Он ткнул пальцем в одно из уравнений. — Множители, доктор! Вы полностью пренебрегли важностью множителей! Разумеется, в теории подобное вполне допустимо, но ведь железистая математика основывается на практике!

— Не понял.

— Все очень просто. Подставьте во все свои уравнения еще одно число, и всякий раз у вас будут точные координаты.

— И какое же именно?

— Ну... — Рик прокашлялся и мрачно кивнул. — Конечно же, 69!

Челюсть калеки-доктора отвисла чуть ли не до пупка. Тролли бросились на помощь своему повелителю и совместными усилиями вернули челюсть на место.

— Такое со мной случается, — извинился перед гостями Кранкенхаус. — Великолепная идея, Рик! Надо ввести ее в компьютер.

Заразившись энтузиазмом доктора, Рик и Билл в мгновение ока затолкали все доски и диаграммы в пасть

биокомпьютера, в которой мелькнули на мгновение огромные клыки. Пасть захлопнулась, и машина принялась пережевывать информацию.

— Аррр! — заметил Рик. — Вот что значит грызть гранит науки!

— Мы получим ответ! — провозгласил Кранкенхаус, оторвавшись на миг от начавшей выползать распечатки. — Не верю своим глазам, джентльмены, но машина и впрямь работает! Она выдает координаты, которые не являются переменными... Тролли! Мои карты, живо!

Тролли вкатили в лабораторию стенды с картами, которые выглядели так, словно их рисовал сидящий на игле маньяк, однако доктор-барон, похоже, не испытывал ни малейших затруднений. Он присмотрелся к одной, к другой, сорвал несколько штук со стендов и наконец издал торжествующий вопль.

— Нашел! Я знаю, где находится Источник Гормонов!

— Аррр! Вот и славно. Где же он?

Кранкенхаус выбрался из-под груды карт, стискивая скрюченными пальцами один-единственный листок, чиркнул по тому обгрызенным ногтем — и его глаза выскочили из орбит. На сей раз тролли воткнули ему в ухо рукоятку, вращая которую вернули глаза в глазницы. Едва обретя возможность видеть как следует, добрый доктор прижал карту к груди, а потом, весь дрожа от волнения, протянул ее Рiku и Биллу.

На первый взгляд эта карта ничем не отличалась от остальных, более того — она смахивала на изысканную порнографическую гравюру.

— Здесь! — воскликнул Кранкенхаус, указывая на темное, жирное пятно на бумаге.

— О'кей, док, — сказал Билл. — Я сдаюсь. Где?

— Здесь! — повторил доктор, качая головой. Его лицо по-прежнему выражало изумление. — Неужели не понимаете? Здесь, на этом самом месте!

Глава 16

В ЖЕНОМУЖЕВОРОТЕ

— Здесь? — выдохнул Билл.

— Здесь! — пробормотал Рик, глаза которого прямо-таки полыхали от возбуждения.

— Совершенно верно. Согласно расчетам, которые выдал биокомпьютер, Источник Гормонов, средоточие космической энергии, находится в моем замке.

— Ерунда какая-то, — проговорил Билл. — Мы же на Перешейке Импотенции, так? Откуда же тут взяться гормонам?

— Должно быть, он не на поверхности... — неуверенно отозвался доктор-барон. — Потенциальная энергия на периферии зарождающегося существа...

— Чепуха! Ничего подобного! — возбужденно вскричал Рик. — Док, мы с вами толкуем о биологии. О химии! Если представить Зажелезую этакой исполинской амебой, тогда ее средоточие будет соответствовать ядру амебы, плавать, так сказать, внутри. Очевидно, что Источник Гормонов располагается в замке отнюдь не случайно!

— Но где же он? — спросил Билл. — Я что-то не вижу никакого источника.

— Значит, название — всего лишь метафора, — откликнулся Рик. — Но я утверждаю, доктор, что, пока мы тут беседуем, где-то поблизости некие биологиче-

ские устройства с невероятной скоростью порождают на свет гормоны.

— Я изнемогаю, — пролепетал обессиленный Кранкенхаус и чуть было не упал. — Мои мозговые клетки отказываются работать. Будь настолько любезен, объясни поподробнее.

— С удовольствием, док. — Рик показал на биокомпьютер. — Совмещая тела всех тех животных, о которых вы упоминали, вы должны были объединить их железы, в том числе, естественно, половые. По моей теории, которая, я надеюсь, вскоре подтвердится, эти железы слились в одно целое и образовали гиперсексуальный орган, взаимодействующий сейчас со сложной нервной системой компьютера. Энергия, которую они выделяют, по необходимости привлекает всякую другую. — Рик настолько разволновался, что даже начал пританцовывать. — То-то и оно! Ваш компьютер получает сексуальную энергию из всей известной Вселенной, а может, как знать, и из неизвестной!

— Молодой человек, — произнес доктор Кранкенхаус, — я вынужден признать, что вы не только разбираетесь в железистой математике и сексуальной механике, — нет, вы как будто осведомлены о том, что находится целиком и полностью за пределами моих познаний!

— Я просто выдвинул гипотезу, док, — отозвался Рик, не обратив, похоже, особого внимания на слова Кранкенхауса. — Ее нужно проверить на практике. Если все точно, тогда мы, наверно, сможем использовать ваши инструменты, чтобы подключиться к Источнику, который на деле правит Зажелезией. Кстати, чего вы оба хотите, пусть и по разным причинам?

— Выпить бы, — облизнулся Билл.

— Да нет же, недоумок! Ты что, уже забыл? Ты хочешь найти свою истинную любовь, Билл. Ты хочешь найти Ирму.

— Ирма! — горестно вскричал доктор. — Ну конечно! Мое ненаглядное дитя! Да, она бродит по Зажелезии; ведь именно тут ей повстречался Билл. Замечательно! Введя в компьютер необходимые данные, мы, возможно, сумеем отыскать Ирму и переместить мою дочурку сюда!

— 38-22-34! — проговорил Билл.

— Скажи, Билл, — изумился Кранкенхаус, — откуда тебе известны такие вещи про мою дочь?

— Так, слышал где-то, — пробормотал Билл и резко сменил тему: — Чего ты ждешь, Рик? Давай программируй!

— С вашего разрешения, доктор.

— Разумеется! О, неужели мои тщетные поиски наконец-то закончатся? Как долго я ее искал! Кажется, столетия. Валяй, Рик! Между прочим, твоя манера выражаться мне почему-то знакома. Мы не встречались раньше?

— Поехали! — провозгласил Рик, пропустив вопрос доктора мимо ушей, и принялся вращать ручки компьютера.

— Минуточку! Откуда ты знаешь, что делать?

— Я быстро учусь, — отозвался Рик, нажимая одну за другой кнопки и дергая за рычаги. Задрожали сухожилия, засверкали нервы и ганглии, затрещали электрохимические разряды.

— Зороастр! — обеспокоенно проговорил Билл. — Что творится с биокомпьютером?

Кожа, которая обтягивала внутренности грандиозной машины, начала светиться, затем вздыбилась на швах и стала на глазах сжиматься, словно претерпевая некие не слишком приятные изменения.

— Точно! — воскликнул Рик. — Пора вводить данные. 38—22—34! Не подкачай, приятель! Нам нужна Ирма Кранкенхаус!

Глаз биокомпьютера то открывался, то закрывался, будто машину изрядно накачали наркотиками. Из множества пастей и ртов высывались языки, точь-в-точь, как у тех игрушек, что продаются на предновогодних базарах. На коже набухали желваки, похожие на раздувающиеся воздушные шары. В следующий миг, испустив утробный стон, компьютер содрогнулся, и внутри одного из желваков возникло человеческое тело. Мембрана угрожающе вспухла.

— У кого-нибудь есть булавка? — спросил Рик.

Тут же выяснилось, что булавка не понадобится. Мембрана лопнула сама по себе. На пол лаборатории хлынула некая жидкость, в потоке которой бултыхалась женщина.

— Ирма! — радостно возопил Билл, не веря собственным глазам. — Ирма!

— Йек! — произнесла женщина, плюхнувшись на пол. — Ну что ты вылупись, идиот?! Помоги мне подняться! Я насквозь промокла.

Билл осторожно шагнул вперед, поставил Ирму на ноги и заключил в объятия. Он нисколько не боялся вымокнуть, а что касается Ирмы, то такой, в прилипшем к телу полупрозрачном платице, она нравилась ему даже сильнее прежнего.

— Ирма! Ты меня узнаешь?

— Естественно, олух ты этакий! Ты Билл, а я — твоя любовь до гроба. Может, кто-нибудь соблаговолит объяснить, куда меня, черт побери, занесло? Учтите, мне сейчас не до шуток.

Она посмотрела на Рика, проигнорировала его, повернулась к барону Бесплоду — тот стоял, тряся головой в предвкушении счастливой встречи, и с надеждой глядел на Ирму — и вырвалась из объятий Билла.

— Папочка! Папочка! — она подбежала к старику и прильнула к его груди. — Папочка! — Ирма слегка отстранилась и принялась разглядывать отца. — Твой артрит, наверно, совсем тебя замучил?

— Долго рассказывать, милая. Я очень, очень рад, что ты наконец со мной!

— Смотрите! — крикнул Билл, тыча пальцем себе в грудь. Дохлаый голубь таял на глазах вместе с кожаным ремнем, на котором висел. — Я нашел Ирму, и Грязни Стадного Мутноброта приходит конец! Проклятие снимается! Неужели и в жизни бывает так, что все кончается хорошо? — Он подбежал к возлюбленной, подхватил ее на руки и запечатлел на губах девушки сочный поцелуй.

— Хорошо? — переспросил Рик. — Да, пожалуй, что так, Билл. Но вот только не для тебя и не для доктора с Ирмой — и, если уж на то пошло, не для Вселенной!

Билл, по-прежнему сжимая в объятиях Ирму, повернулся к Рiku и озадаченно уставился на своего товарища. На лице Рика было написано странное удовлетворение, а цвет его кожи снова изменился и приобрел серый, почти металлический оттенок.

— О нет! Каким же я был глупцом! — проговорил барон Кранкенхаус. — Я должен был это предвидеть! Тролли, остановите, убейте его!

Тролли, спотыкаясь на каждом шагу, устремились к Рику, но — чересчур медленно. Пальцы Супергероя нажимали кнопку за кнопкой. Мгновение спустя биокомпьютер разинул две из множества пастей, из которых высунулись длинные языки, обвились вокруг троллей и уволокли тех напрямик в распахнутые зевы. Рик рассмеялся смехом безумца.

— Я нашел его! Источник Гормонов! Средоточие Железистости! Власть, которой я так долго добивался!

— Рик! — окликнул Билл. — Рик, старина! Ты что, слегка спятил? Я знаю, что свой зад дороже чужого, но это просто нелепо!

— Нет! — проскрипел доктор. — Ничуть! О Боже! Стража! Демоны! Твари! Помогите!

— Поберегите дыхание, док, — предложил Рик, в ликующем голосе которого вдруг послышались знакомые нотки. — Я предусмотрительно запер, а вдобавок и заклеил суперклеем, — он показал тюбик, из горлышка которого сочились капли вязкой на вид жидкости, — все до единой двери. Поскольку я научился управлять вашим корпускулярным компьютером, достаточно одного движения... — Рик потянул за рычажок, и из-за главной двери донесся многоголосый вопль. — ... чтобы избежать каких бы то ни было попыток проникнуть сюда снаружи. Друзья, вы имеете дело с психическим эквивалентом удара под дых. Так что стойте, где стоите, или тоже получите свою порцию!

— Рик, да что с тобой такое? — изумился Билл.

— Это голос Латекса Делязны, — сказала Ирма.

— Ирма, я как раз хотел тебя спросить, — проговорил Билл. — Почему ты при нашей встрече назвалась Ирмой Сказки?

— Не знаю, Билл. У меня в голове все тогда перепуталось. Наверно, я забыла. — Ирма ткнула пальцем в Рика. — Но этот голос не забудешь. Делязны! Ты один во всем виноват!

— Разве не я пришел к тебе на выручку, милая Ирма? К тому же, я по-прежнему рассчитываю поиметь тебя, любимая. — Черты Рика исказила похотливая ухмылка. — Тебя и всех остальных красавиц Галактики в придачу. Я покажу тем болванам, которые потешались надо мной, что такое настоящий мужчина!

— Но Рик... Приятель! Что стряслось? Ты что, все время был за мерзавца Делязны? — Мысль о предательстве друга была для Билла нестерпимой.

— Неужели ты ничего не понял, Билл? — выдохнул доктор Кранкенхаус. — Перед тобой вовсе не Супергерой Рик. Это всего лишь андроид, управляемый, вне сомнения, по радио гнусным Делязны, который отсиживается в своем логове за пределами Зажелезии!

— Совершенно верно, Билл. Я построил андроида своими собственными руками, — сообщил через Рика голос Делязны. — И все вышло как нельзя лучше! Я знал, Билл, что могу на тебя положиться! Знал, что твое чутье выведет нас прямо к Источнику Гормонов. Теперь, благодаря тому необыкновенному устройству, которое соорудил добрый доктор — нужно будет внести лишь кое-какие усовершенствования, — я могу управлять биокомпьютером со своей базы на дне костоломского океана.

— Что-то я не пойму, Делязны, — признался Билл. — Чего ты, чтоб тебе пусто было, добиваешься? Я думал, ты хочешь мира, пытаешься прекратить войну с чинджерами...

— О, война скоро прекратится сама собой! Обретя власть над Вселенной, я без труда расправлюсь со всеми, кто только посмеет встать у меня на пути! Естественно, я подчиню себе всех людей, до последнего человечка. Моему могуществу позавидовал бы любой из тиранов древности! Моими рабами станут все без исключения мужчины и, что гораздо важнее, все женщины! Все мои! Все! Надо мной смеялись и говорили, что я спятил, — андроид омерзительно хихикнул. — Теперь мы увидим, кто безумец! Однако прошу прощения. Надо кое-что подрегулировать. — Андроид повернулся к панели управления и принялся вращать рукоятки и нажимать кнопки.

— Нет! — вскричал доктор Кранкенхаус. — Нет, не позволю! — С трудом распрямившись, он заковылял к андроиду, выставив перед собой руки со скрюченными пальцами. — Я убью тебя, Делязны! Ей-богу, убью!

Андроид усмехнулся и повернул какой-то переключатель. Доктор Кранкенхаус издал душераздирающий

воплъ, содрогнулся всем телом, рухнул на пол, поелезизл по тому секунду-другую и затих.

— Папочка! — воскликнула Ирма.

— Назад! — Билл схватил девушку за плечи и не дал ей кинуться к раненому отцу.

Из биокомпьютера высунулась ложноножка, которая обвилась вокруг доктора и увлекла того в отверстие, что открылось вдруг в теле машины.

— Ха-ха-ха! Не двигайтесь, вы двое! — предостерег андроид. — Вы нужны мне живыми, ибо я имею на вас виды. Но если попытаетесь меня обмануть, я с удовольствием накормлю вами биокомп! — Он вновь отвернулся и, не переставая смеяться, занялся кнопками и ручками, с которыми обращался с ловкостью маньяка.

— Папочка! — прорыдала Ирма, падая со стоном на грудь Биллу. — Милый папочка! Я потеряла тебя навсегда!

Билл наслаждался близостью девушки, однако понимал, что сейчас время для трезвых мыслей, а никак не для жарких объятий. Что делать? Нападать на андроида бессмысленно: он всего лишь разделит жалкую участь покойного доктора Кранкенхауса. Гибкое, податливое тело Ирмы под руками изрядно затрудняло процесс мышления. Неужели конец?

— Псст! — прошептал кто-то тоненьким голосом. — Эй, Билл!

— Чего? — Билл ошарашенно моргнул.

Что такое? Кто его зовет? Наверняка не Ирма, которая шмыгает носом и рыдает на широкой мужской груди. И потом, у нее совсем другой голос. Может, ему почудилось?

— Псст! — Шепот повторился. — Билл! Билл, здесь, внизу! — Шепот доносился с пола. — Твоя нога, солдат! Подними свою ногу!

— Которую? — уточнил Билл.

— С копытом, идиот! Мне нужно с тобой поговорить!

— Прошу прощения, Ирма, — сказал Билл, пожимая плечами: мол, как уютно, и осторожно отстранил девушку. — Моя нога хочет поговорить со мной. Поддержи меня, пока мы с ней будем толковать.

— Чокнулся, — прорыдала Ирма. — Я понимаю, ты не выдержал. Шарик зашел за ролик. Милый Билл, кроме тебя у меня никого не осталось!

— Послушай, это мы обсудим потом. Дай я обопрусь на твое плечо.

По-прежнему заливаясь слезами, Ирма кивнула и подставила Биллу плечо, а Герой Галактики поднял ногу — на уровень груди, не выше, да и то суставы угрожающе затрещали. Тогда он наклонил голову.

— Чего тебе? — прошептал Билл.

— Елки-палки, Билл, ты что, не узнаешь мой голос? — осведомилась нога.

— Чинджер! Бгр! — воскликнул Билл.

— Не так громко. Делязны услышит!

— Зачем ты залез в мою ногу? — Билл представил себе, как та выглядит изнутри: сплошные экраны, ручки, кнопки, водоохладитель — точь-в-точь, как на борту «Божественного кормчего».

— Елки-палки, олух, я вовсе не в ней! Просто-напросто я установил в углублении — так, на всякий случай — двусторонний телерадиопередатчик. Оказалось, весьма кстати. Делязны посадил меня и всех остальных чинджеров под замок. Должен признать, Билл, затея с заключением мира через доступ в Зажелезину на деле — один обман. Нам надо остановить этого маньяка, иначе и людям, и чинджерам капут!

— А то я сам не вижу! Но как быть? Одно движение — и от меня останется лишь горстка пепла. Или же я пойду на обед компьютеру.

В интимную беседу неожиданно вклинился посторонний голос.

— Что за шутки, Билл? Что ты там задумал, почему стоишь на одной ноге? Напряжение сказывается?

— Ну... Да, так точно! — отозвался Билл, выпалив первое, что пришло на ум.

— Промашка, Билл, — прошипел чинджер. — Ну и осел же ты, однако! Придумай что-нибудь! Скажи, что молишься!

— Я молюсь! — гаркнул Билл. — Док, это старинный зороастрийский молитвенный обряд. Готовлюсь предстать перед Господом. Вы не возражаете?

— Ни в коем случае! Извини. Никогда не стремился встрять между человеком и его глупыми предрассудка-

ми. Боги ведь все на одно лицо, — пробормотал андроид, снова поворачиваясь к столу.

Ирма наблюдала за происходящим широко раскрытыми глазами, плотно сжав губы и стараясь каждым эргом своей энергии удержать Билла от падения.

— Что теперь? — спросил Билл. — Говори, что мне делать.

— Я думал, ты никогда не спросишь! К счастью, мой умственно отсталый друг, я построил в твою ногу не только передатчик, но и микрогранату. Усек?

— Чтобы взорвать меня? — справился Билл, сразу исполнившийся подозрительности.

— Елки-палки, Билл! За кого ты меня держишь? Мы же с тобой старые друзья, можно сказать, закадычные. Будь я человеком, я бы, пожалуй, обиделся. Но я не человек, так что продолжим. Взрывать тебя никто, естественно, не собирался. Граната была про запас, опять-таки на всякий случай. По-моему, на вашем языке это называется предвидением.

— Дела, конечно, плохи, но не настолько, чтобы совершать самоубийство. Ты не смеешь требовать от меня такого!

— Да никто и не требует, олух! Сначала вытащи гранату. Сними правую половину копыта. Она внутри поляя.

— О'кей. Сейчас, — отозвался Билл. Подпрыгивая на месте, все сильнее пригибая к полу бедную Ирму, он наконец ухитрился ухватиться за копыто, дернул — часть копыта легко скользнула в сторону, и на ладонь Билла выпал крошечный шарик, на котором имелась кнопка.

— Что дальше?

— Нажимаешь кнопку, потом...

Билл послушно нажал.

— Остолоп! — взвизгнул Бгр. — Куда ты торопишься! Теперь до взрыва всего восемь секунд!

— Что мне делать? — с отчаянием в голосе проговорил Билл. Шарик на ладони зашипел, что не сулило ничего хорошего.

— Что там происходит? — спросил, резко обернувшись, андроид. — Я как будто что-то слышал. Знакомый голос. Чинджерский... Бгр! Что ты тут делаешь?

— Скорее, Билл! Надо уничтожить биокomпьютер! Швыряй гранату!

Однако внимание Билла было приковано к руке андроида, которая протянулась к переключателю. Герой Галактики застонал. Все, конец!

— Нет! Никогда! — воскликнул он и метнул гранату в андроида.

— Глупец! — вскричал тот. — Тебе меня уже не остановить. Ты не...

Граната угодила ему точно в рот, прогрехотала по пищеводу и лязгнула о дно металлического желудка.

— О нет! — вздохнул андроид. — Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, я только что проглотил мини-гранату?

— Нет, — возразил Билл. — Не мини-, а микро.

— Четыре секунды, Билл, — предупредил Бгр. — Сделай хоть что-нибудь, не то превратишься в светящееся облачко атомов. Моя граната — ого-го!

Билл прыгнул — за секунду до того, как андроид дотянулся-таки до переключателя. Он пролетел разделявшее их расстояние, стиснул металлическую руку, готовую щелкнуть тумблером, напряг могучие мышцы. Армейская закалка против грубой механической силы. Рубашка Билла от натуги расплзлась по швам, но дело явно шло на лад. Ему удалось не только оторвать андроида от панели управления, но и приподнять его на несколько дюймов над полом.

— Две секунды, Билл! — воскликнула нога.

Билл затравленно огляделся по сторонам. Выход был один-единственный.

— Биокomp, откройся! — приказал он, сжал вырывающегося андроида обеими руками, прицелился, а затем, тяжело дыша, рванулся вперед и бросил Рика с гранатой в утробе прямо в разинутую компьютерную пасть.

— Беги, Билл! — крикнул по радио Бгр.

— Куда? — спросила Ирма.

— Одна секунда!

Билл подхватил Ирму и ринулся в дальний угол.

Они почти успели.

Вообразите себе звук, какой возник бы при рождении сверхновой, если бы она состояла из сливочного сыра и копченой колбасы. Приблизительно с точно таким же звуком и взорвался биокomпьютер.

Под потолок взмыли куски плоти и галлоны крови. Комнату заволокло алой мглой, похожей по цвету на свекольный сок. Билл кое-как поднялся и устоял на учиненный в лаборатории разгром.

— Не слишком приятно, верно? — сказал Бгр.

— Йек! — проговорила Ирма.

— Друзья так не поступают, Билл, — укорила голова Рика, которая каталась по полу.

Прежде чем Билл собрался с мыслями для ответа, его вместе с Ирмой выволокла из угла некая могущественная незримая длань.

— Билл, что происходит? — вопросительно взвизгнула Ирма.

Билл стукнулся об пол, развернулся лицом к середине комнаты и мельком увидел свою несчастливую судьбу.

На том месте, где еще недавно возвышался биокомпьютер, сверкали яркие искры. Они вращались в воздухе, образуя нечто вроде спиральной галактики, которая мало-помалу превращалась в чудовищную бурлящую воронку.

Затем Билла снова швырнуло вниз, перед глазами у него замерцали звезды, которые сливались с искрами, и наступила темнота.

Глава 17

БЫВАЛЫЕ СОЛДАТЫ НЕ УМИРАЮТ: ПРОСТО ОНИ ТАК ПАХНУТ

Вниз сквозь года. Сквозь то, что кто-нибудь, возможно, назовет «всего понемножку», хотя сам Билл не имел склонности к воздержанию, ибо служба в армии приучила его брать от жизни все сразу, пускай даже нередко ставила лицом к лицу со смертью.

Но так или иначе, из всех встреч с омерзительной старухой, из всех испытаний, какие только выпадали на его долю, это было, без сомнения, самым отвратительным.

Биллу грезилось — о, насколько живо! — что он отчаянно бултыхается в гигантской пивной кружке, а рядом плещется добрая дюжина обнаженных девиц. Одна из красавиц — Ирма, она сидит на размякшем ломтике картофеля и манит Героя Галактики к себе, как сирена. Билл восхищался всеми остальными красотками, что резвились вокруг, однако нашел в себе силы отвергнуть их притязания и, грудью вперед, устремился к Ирме.

Говоря откровенно, игнорировать шаловливых девиц, что напропалую заигрывали с ним, было несколько затруднительно, однако Билл в глубине души сознавал, что стал солдатом-однолюбом, а потому упорно не поддавался на искушения. Он подплыл к картофельному ломтю, взобрался на него — тот изрядно осел под

весом Билла — и пополз туда, где сидела, лучась улыбкой, Ирма.

— Я здесь, Билл, — произнесла она с чувственной хрипотцой в голосе. — Приди ко мне, возлюбленный, поцелуй меня!

Билл догадывался, что смертельный сон сулит все то прекрасное и загадочное, что составляет суть истинной Любви. Все то, чего он жаждал во время своих скитаний по гнусной Зажелезии: жизнь и смерть, огонь и лед, инь и янь — даже код к тайному декодеру в кольце Капитана Космоса. Это зов жизни, это призыв судьбы, то, ради чего он страдал и терзался неудовлетворенными желаниями.

— О Ирма! — страстно прошептал он, протягивая руку.

Ее уста расцвели розовым цветком экстаза.

Зажмурившись, Билл насупился и прыгнул на Ирму, отринув свое сердце, тело и душу, свои мечты о небесах и свою оставленную на Фигеринадоне коллекцию саламандровых хвостов.

Однако вместо влажных, восхитительных, нежных губ...

Действительность совершила кульбит, смерть отступила, и Билл врезался головой в землю, получив в награду за труды полный рот гравия и песка.

— Пфьюм! — проговорил он и открыл глаза. Они оказались залепленными песком. Билл провел пятерней по лицу, выплюнул изо рта гравий, закашлялся, кое-как встал на четвереньки и неуверенно огляделся по сторонам, пытаясь определить, в какую же глухожелезомань его занесло.

Он сидел посреди пустыни, которая сильно смахивала на ту, что купил в прошлом веке на Фигеринадоне прапрадедушка Билл, когда привез свою семью на колонизированную планету: драгоценный участок земли на морском берегу, но без моря. По счастью, они потом переселились в более плодородную местность; правда, пришлось отдать последние деньги, благодаря чему семья из поколения в поколение перебивалась с хлеба на воду, каковые и перешли по наследству к праправ-

нуку. Повсюду, насколько видел Билл — а видел он совсем чуть-чуть, ибо в его глазах по-прежнему было в избытке песка, — росли кактусы и полынь, заросли которой тянулись до самого горизонта. Время от времени печально вздыхающий ветерок гнал мимо перекатипole. Вдалеке виднелись величественные, зазубренные, увенчанные снежными шапками горные вершины. Поблизости вилась проселочная дорога, на обочине которой стоял опасно накренившийся знак.

Билл со стоном потер голову, поднялся и быстро осмотрел себя, проверяя, все ли в наличии. Насчет головы и ног можно было не беспокоиться; осмотр подтвердил, что руки тоже в целости и сохранности, да и проклятое копыто никуда не делось. Тем не менее кое-что изменилось: раньше он был одет в лохмотья, а теперь, неведомо как, облачился в джинсы с кожаными накладками и красную клетчатую фланелевую рубашку. На кожаном ремне висела кобура с антикварным огнестрельным оружием — вполне возможно, шестизарядным револьвером. Довершали наряд опять-таки кожаный жилет и громадная широкополая шляпа техасского рейнджера.

Билл без труда узнал костюм, поскольку не раз встречал его описания в ту пору, когда через пень-колоду набирался грамотности. Словарный запас Героя Галактики был тогда весьма ограниченным, а способность к чтению, как и у большинства соучеников, почти нулевой, какой, по большому счету, оставалась и по сей день. Вот почему он читал комиксы со словоизвергателями, которые рассказывали содержание по мере переворачивания страниц. По такому случаю всяким оборотам не было необходимости читать что-нибудь вроде «Бум!», «Бам!» или «Бряк!», ибо звуковой эффект получался не слишком приятным. В те дни одним из любимейших трехмерных слезоточивых журнальчиков Билла были «Истории с галактического Старого Запада».

Прошлое прошлым, но что он делает сейчас, в столь диковинном и все же знакомом месте? Билл снял шляпу и начал ее разглядывать.

И с какой стати внутри новой ковбойской шляпы сидит шестилапая ящерица семи футов ростом?

— Привет, Билл! Елки-палки, старый конь, как я рад, что ты все еще жив! — Чинджер помахал в знак приветствия крохотными лапками, а затем спрыгнул наземь

и зарылся в песок. Билл мимоходом подивился тому, как Бгр удалось уцелеть, когда он треснулся головой о землю, однако отогнал шальную мысль, ибо и без нее было о чем заботиться.

— Бгр! Что ты здесь делаешь? И кстати, куда нас зашвырнуло?

— А разве ты не знаешь, Билл? На Великий Мифический Американский Запад на старушке-Земле! Все та же самая дребедень, из которой рождаются сны.

— Земля всего лишь легенда... или... — Билл покачал головой и щелкнул пальцами. — Понятно! Мы оказались в какой-то другой части Зажелезии!

— Не совсем так, Билл, — поправил Бгр. — Мы, похоже, добрались до основания. Что ниже, «пор-» или «мета-»? Впрочем, неважно. Я спрошу у Делязны перед тем, как отправить его на несчастливые охотничьи угодья.

Билл заметил, что Бгр одет в миниатюрный костюмчик героя вестернов. При чинджере было все, вплоть до крохотных шпор и не менее крохотных кольтов 45-го калибра, которые он ловко вертел в двух лапах, а две другие засунул за патронташ.

— Эй, приятель, осторожнее! — предостерег Билл. — А что вообще стряслось? Я помню только, что нас засосало в дыру, которая образовалась после того, как взорвался Источник Гормонов.

— Елки-палки, у тебя отличная память, дружок. Этот взрыв — между прочим, Билл, прими мои поздравления, шикарно сработано — уничтожил заодно и приборы Делязны на Костоломии-IV, а нас с ним, вместе с остальными, засосало в женомужеворот. Судя по всему, Билл, наши дороги снова пересеклись. Недаром же меня забросило к тебе.

Билл быстро заморгал: ему требовалось время, чтобы понять услышанное. Все-таки мышление — мучительный процесс.

— Ясно! — произнес он наконец и улыбнулся, но тут же помрачнел. — Я опять потерял Ирму!

— Да нет же, парень! Посмотри вон туда.

Билл поглядел в указанном направлении, уловил за необыкновенно громадным кактусом колыхание ткани, увидел подошву башмака.

— Чтоб меня на фуфу взяли! — гаркнул он и принялся вопить, улюлюкать и подбрасывать в воздух шляпу. — Ирма! — Внезапно на его лице появилось озадаченное выражение. — Что я такое сказал? Что значит «взять на фуфу»?

— Лучше не спрашивай, дружище Билл. Наверняка какой-нибудь жаргон, которых на Диком Западе не перечесать. Арго! Наложение друг на друга транспозиционных квазиреальностей подействовало на всех одинаково. Отсюда все эти побрякушки. — Бгр горделиво подбоченился, явно довольный своим усыпанным блестками нарядом.

— Ирма! — Билл кинулся через полынь и кактусы на помощь упавшей возлюбленной. Та лежала — без сознания, но в соблазнительной позе — на большом валуне. И — о чудо из чудес! Впервые за все время их знакомства Ирма была прилично одета: длинное, веселой расцветки платье, шляпа с пышным плюмажем, изысканные ковбойские башмаки. На высокой груди девушки уютно свернулась змея.

— Е-мое! — проговорил Билл. — Бгр! Тут какая-то змея! Что за тварь?

Чинджер вытащил из кармана книжонку под названием «Утраченный чинджерский путеводитель по Старому Западу».

— Елки-палки, Билл! Их, оказывается, столько! Королевская змея*, обручевая, подколодная... Наверно, это гремучая. У нее есть погремушки?

Змея торжественно подняла голову, высунула язык, убрала — и зловеще потрясла погремушками.

— И правда гремучая! Точь-в-точь, как описано в книге. Да, тут сказано, что она очень опасна и ядовита.

— Сделай что-нибудь!

— Елки-палки, Билл! С того самого происшествия на Венерии, когда меня проглотила похожая тварь, я — как бы получше выразиться? — побаиваюсь змей. Пожалуй, пойду поищу, чем подкрепиться. У тебя же при себе пистолет! Е-мое, сынок! Пристрели гадину, и все дела! — Донельзя, по-видимому, гордый своим ковбойским видом, чинджер повернулся и, нарочито косо-

* Имеется в виду американский домовый уж.

лап, побрел к лагерю, оставив Билла наедине с Ирмой и гремучей змеей.

Змея шевельнула хвостом. Если у Билла и имелись какие-то сомнения насчет того, гремучая она или нет, то сейчас они развеялись окончательно. Шум разбудил Ирму, которая очаровательно взмахнула длинными ресницами.

— Боже всемогущий! — прошептала она. — Где я?

— Сиди спокойно, Ирма! Не шевелись! Я спасу тебя! — Билл вытащил из кобуры пистолет и принялся изучать его. Это оружие ничуть не походило на бластер, который достаточно было просто направить в нужную сторону и нажать на курок. Нет, тут, похоже, требовалось прицеливаться. Что касается патронов, они, судя по всему, вылетают из дырки на конце полый металлической трубки.

Ирма увидела змею — и моментально потеряла сознание. А эта загнутая фиговина, продолжал размышлять Билл, должно быть, спусковой крючок. Точно! На память приходили все новые подробности, почерпнутые когда-то из комиксов. Билл нацелил пистолет и надавил на крючок. Раздался оглушительный грохот, вокруг за клубился дым, отдача швырнула Героя Галактики на землю.

Кое-как поднявшись, он заметил в воздухе лиловатый дымок, а на песке и на стеблях полыни — куски змеиной кожи и плоти.

— Эй! — проговорил Билл. — Шикарно получилось, а? — Он со знанием дела повертел пистолет в руках и сунул обратно в кобуру.

Грохот привел в чувство Ирму, искаженное гримасой ужаса лицо постепенно обрело нормальный вид.

— Билл! Ты снова спас меня!

— Мужчина делает то, что должен, — усмехнулся Билл.

— Билл, где мы? И почему я так одета?

Билл расстегнул пряжку на ремне.

— И почему ты раздеваешься?

— Мужчина делает то, что должен.

— О Билл! Мой герой! Иди ко мне!

Наконец-то, подумал Билл. Наконец-то исполнится заветное желание сердца — не говоря уж о желаниях прочих частей тела!

— Елки-палки, Билл, извини, что отвлекаю тебя, прерываю ваш наверняка весьма любопытный ритуал оплодотворения, — прозвучал вдруг поблизости хорошо знакомый, писклявый голос Бгр, — однако в нашу сторону катит почтовая карета. Может, нас согласится подвезти. Так что давай отложим ритуал до лучших времен. Но не забудьте предупредить меня, когда затеете по новой. Я хотел бы посмотреть.

— Йеееек! — взвизгнула Ирма, изящно вскакивая с земли и прячась за спину своего героя. — Билл! Еще одна рептилия! Пристрели ее, Билл! Пристрели!

— С удовольствием, мэм, — произнес Билл, хмуро поглядев на Бгр. — Однако это Бгр, который, может статься, пособит нам выбраться из передраги. — Он смачно сплюнул. — Правда, Бгр же нас в нее и завлек. Нет, чинджер, ничего ты не увидишь.

— Пошли, ребята! Торопитесь! Надо перехватить карету! — Бгр вприпрыжку двинулся вперед. Люди последовали за ним.

— Елки-палки, Билл, разве не замечательно? — справился чинджер, цепляясь за сиденье сразу всеми лапами. Его когти глубоко вонзились в деревянную лавку.

Увлекаемая четверкой лошадей, карета скрипела и раскачивалась из стороны в сторону. Бгр и Билл вынуждены были расположиться на крыше, в компании с седовласым, дочерна загорелым типом по имени Альф Боб Баркер, от которого разило мокрой козлиной шерстью. Ирма же села внутрь, к прочим пассажирам. В небе сверкала лазурная дымка, сквозь которую клонилось к закату солнце, похожее на медную монету, что вот-вот упадет на бескрайнюю пустынную равнину.

Нет, подумал Билл, ничего замечательного нет и в помине. Он чувствовал себя так, будто его внутренности сперва размешали рукоятью топора, а затем обмотали вокруг колючего кактуса, — в общем, что-то в таком духе.

— Свежий воздух пустыни! Аромат дикоземья! Запах кожи! Приличная одежда поверх шкуры! — восторженно воскликнул Бгр.

— Заткнись, чинджер, иначе пристрелю! — угрозил Билл.

Подобравшая их карета направлялась, если верить словам кучера, в городишко под названием Мрак-Бряк-Фоллз. Билл не имел ни малейшего представления о роли, отведенной этому городку в космической драме судеб. Он всего лишь стремился как можно скорее слезть с крыши кареты, которая, судя по всему, являлась некоей новой разновидностью пыточных инструментов, и промочить горло, в котором першило от пыли, пропустив стаканчик чего-нибудь похолоднее и, если получится, покрепче. А потом — потом Ирма!

О да! Наконец-то он нашел ее! Сердце Билла диспетически затрепетало в груди в тот самый миг, когда желудок выполнил очередной кульбит.

Старый чудака, что сидел рядом и жевал табак, громко чавкнул, а затем выпустил из уголка рта струю бурой слюны.

— Точно! — сказал он. — Здорово, что ты мне повстречался, парень. До Мрак-Бряк-Фоллза дорога длинная, пить хочется — просто жуть!

— Мы вам очень благодарны, мистер. Тем более что нам нечем заплатить за проезд.

— У тебя есть «пушка», а это важнее. — Старик сплюнул снова. На сей раз он попал в суслика, который неосторожно высунулся из норки. — Джеба Хокинса, моего стрелка, на прошлой неделе прикончили краснокожие. Апачи. Утыкали стрелами с ног до головы, так что он вполне сошел бы за дикобраза! Точно! Поэтому мне и понадобился такой бравый парень. Здесь ребята норовистые...

— Здесь? В смысле, в Мрак-Бряке? — встревоженно уточнил Билл.

— А то! В нем ошиваются самые отъявленные негодяи к западу от Мессасукки.

— Елки-палки! Вы о ком, мистер? — поинтересовался Бгр.

— Шикарная у тебя игрушка, приятель! И чревоуважаешь ты что надо! — Альф Боб почесал ягодицу, хлестнул замешкавшуюся лошадь и одновременно исхитрился прихлопнуть кончиком кнута огромного слепня. — Значит, про кого я толкую? Про Фрэнка и Джесси Джизмов, главарей шайки Джизма. Они частенько

наведываются в город, палят направо и налево, а потом закидывают добро, которое награбили, в Первый Общественный Яйце-Плодородный банк штата Вайоминг. Им куда больше нравится класть добычу в банк, чем попросту грабить. В общем, развлекаются, как могут. А кто пытается их остановить, того они мигом отправляют на тот свет!

Билл закатил глаза, жалея, что еще жив. Выплыть из Источника Гормонов только для того, чтобы угодить в очередную, по-настоящему кругую заварушку!

— Елки-палки, — произнес Бгр. — Вы сказали «Вшизм»?

— Ты что, парень, оглох? Я сказал «Джизм»! У тебя не в порядке со слухом или это я заговариваюсь? — Альф Боб хлопнул себя по колену и визгливо засмеялся. — Боже милосердный! А недавно я слышал, что к шайке Джизмов прибился прожженнейший мерзавец к востоку от Мессасукки. Ты, Билл, верно, слышал о нем. Вы с ним тезки. Его зовут Уильям Боунер, то бишь Билли Почка.

— Елки-палки! — вскричал Бгр, подпрыгнув на сиденье. То хрустнуло и разломилось пополам. — Туда-то нам и нужно!

— Что за чушь? Ты о чем? — пробормотал Билл, ощущая на губах горький привкус желчи.

— Делязны порой трепал языком насчет того, где зарождается Источник Гормонов. Толковал о парадигме человеческой гетеросексуальности. По-моему, он упоминал и шайку Джизма, и Билли Почку! Все сходится, а, Билл?

— Слушай, будь другом — заткнись и дай мне спокойно умереть, — попросил Билл.

— Подумай, Билл! Забудь о своем желудке и подумай о звездах! Представь себе символические отображения реально существующих энергий. Мужской принцип нападает на женский! Там-то все и происходит, Билл! Если мне удастся накоротко замкнуть всю троицу — Фрэнка, Джесси и Билли, война завершится, а вы, люди, станете милыми, приятными, дружелюбными существами, что будет, кстати, величайшим на свете превращением.

— А ты не забыл о Делязны? Он ведь до сих пор шныряет где-то поблизости.

— У меня при себе мой старый добрый кольт! — гаркнул чинджер, воинственно размахивая пистолетом. — Он у меня еще попляшет! Подлец! Он обманул меня и всех чинджеров! Я досыта накормлю его свинцом!

Угрозы Бгр показались Биллу несколько лишними. Ему хотелось если не умереть, то поскорее спрыгнуть с кареты. И, ради всего святого, никакого насилия! С него хватит!

— Поступай, как знаешь, Бгр. Что касается меня, то, если я удеру от армейских ищеек, мы с Ирмой, наверно, поселимся в каком-нибудь тихом утолке и будем выращивать дикосвинов или каких других животных.

— Станный ты парень, — заметил Альф Боб. — Сам с собой разговариваешь... Ну да ладно, слушай. Хочу тебя остеречь: те, кто связывается с шутниками из шайки Джизма, обычно кончают на кладбище на Шу-Хилле.

— Ты перепутал, старик. Не Шу-, а Бут-Хилл, — поправил Билл, вспомнив комикс «Головокружительные вестерны».

— Да нет же, черт подери! Бут-Хилл в Додж-Сити? По-твоему, я похож на идиота?

Билл извинился и настоятельно рекомендовал Бгр не разевать пасти до конца путешествия. Герой Галактики надеялся, что ему удастся хоть немного поспать и на какое-то время забыть о том, что творится в желудке. Однако едва он задремал, послышался жалобный голосок.

— Билл!

Билл открыл глаза и свесился с крыши. На него, капризно хмурясь, глядела высунувшаяся из окна кареты Ирма.

— Что, мой пустынный цветочек, мой сладостный аромат прерий? — услышал он свой собственный голос. Брр! Ну и мерзость! Должно быть, так разговаривают в вестернах.

— Мне тут не нравится. Душно. Я хочу к тебе, наверх!

— Е-мое, милашка! Право, не знаю...

— Твоя подружка просится сюда? О чем речь! Только ей придется сидеть у меня на коленках. — Тощий старикашка хрипло расхохотался.

Билл передал его слова Ирме. Та поразмыслила и решила остаться в салоне.

Когда впереди показались первые дома Мрак-Бряка, похожие на гнилые зубы на покореженной челюсти, солнце уже превратилось в огненный шар, а небо окрасилось багрянцем. Висевшая в воздухе пыль придавала закату буро-кровавый оттенок, от которого предместья Бряка — как называл город Альф Боб — выглядели таким морским побережьем, на какое накатывались волнами то холодный алый свет, то бурные тени. Город как будто выдрали с мясом из трехмерного комикса: сплошные картонки и дешевая краска. Пахло лошадьми и пылью, конским навозом и сточными канавами; равно как и другими, куда менее приятными вещами; люди, которые слонялись по пыльным, грязным улицам и рычали на карету, смахивали на сущих оборванцев.

Биллу почудилось, будто он попал на родной Фигеринадон-II.

— Тпруууу! — произнес Альф Боб Баркер, натягивая поводья у подъезда гостиницы «Единоутробство». — Что ж, приятель. Считаю, добрались. Тут я заночую. Спасибо за услугу. Те кролики, которых ты распугал, наверняка замыслили недоброе. — Он подмигнул, отвернулся, скинул багаж прямо в грязь, а затем спрыгнул сам, чтобы помочь выйти пассажирам.

Билл соскочил наземь, распахнул дверцу кареты и раскрыл объятия, в которые и упала Ирма. Мгновение спустя она крепко прижалась к Биллу, их губы слились в жарком поцелуе.

— О Билл! — проговорила Ирма, задыхаясь от страсти.

— О Ирма! — отозвался Билл, расстегивая ремень.

— Не здесь, глупенький мой любовничек! — Она засмеялась и оттолкнула Героя Галактики.

— А где? — страстно спросил Билл.

— Знаю! — кокетливо воскликнула Ирма. — Милый, я пойду и сниму номер, а потом припудрю носик. Портье подскажет тебе, куда идти. Мы закажем ужин в постель, чтобы нам не вставать, и окунемся в вечность. Ну как? По-моему, просто прелестно!

Биллу казалось, будто сны начали сбываться наяву. Впрочем, его манили и прочие искушения. Краем глаза он углядел нечто весьма и весьма интересное: на той

стороне улицы, рядом с пресловутым Яйцебанком, виделось здание, которое украшала вывеска: «Салун "Тупица"».

— Заметано, крошка! Ступай! Я скоро приду, — пробормотал он, с трудом выговаривая слова, ибо во рту у него скопилось вдруг изрядное количество слюны.

Ирма вскользя поцеловала его в щеку, после чего, следом за остальными пассажирами почтовой кареты, устремилась в гостиницу.

— Пошли, Бгр! — пробубльнул Билл. — Мы с тобой завалимся вон в тот салун, и я угощу тебя стаканчиком «Старого горлодера»!

— Отличная мысль, парень! Лучше места для разведки не придумать, сколько ни старайся!

Шлепая по грязи, они пересекли улицу, миновали двустворчатую дверь и ввалились в салун.

Билл решил, что попал в рай. Сомневаться не приходилось: он нашел то, что так долго искал! Беда армейских столовых, равно как и большинства баров известной Вселенной, состояла в том, что они были слишком уж синтетические. Определить, где кончается пластмасса и начинается настоящая выпивка, было крайне затруднительно. Нет, Биллу нравились те бары, где пьянила не только — и не столько — атмосфера, поэтому салун «Тупица» как нельзя лучше отвечал его запросам.

Внутри было просторно и темно, пахло древним пивом, пролитым виски и потухшими сигарами; на память приходили знакомые звуки — звяканье стекла, обрывки пьяных разговоров, шипение, с каким жарится на сковородке печень. Стойка красного дерева тянулась от стены до стены, сверкая медной обивкой. За стойкой красовалась громадная фреска, изображавшая пожилую женщину, пышные тела которой едва прикрывало полупрозрачное платье. Женщина с благоклонной улыбкой взирала на восседающих за столиками пьянчуг. Бармен — лысый, чрезвычайно уса́тый и с внушительным животом — лениво протирал стакан. Он поднял голову и, похоже, ничуть не удивился, увидев ящерицу в наряде героя вестернов.

— Какую вам отраву, джентльмены? — справился он.

— Фтористоводородную кислоту со льдом! — ответил Билл.

— Хо-хо! Сынок, ты мне нравишься. Сейчас подадут пятикратный бурбон в пивной кружке. А как насчет твоего крошечного зеленого приятеля?

— Мне, пожалуйста, сарсапариллу, — проговорил чинджер. — И соломинку!

Выждав, пока глаза привыкнут к полумраку, Билл огляделся по сторонам. За столиками сидели мужчины в ковбойских костюмах. В уголке залы играли по маленькой в покер.

— Шикарное местечко! — радостно воскликнул он.

— Получите, джентльмены, — бармен подтолкнул к ним заказанное. — С вас шесть монет.

— Елки-палки! — сказал Бгр. — Платит мой друг. — Он окунул в сарсапариллу лапы, а затем принялся жевать соломинку.

— Э... Шесть монет — это сколько?

— Не надо так шутить, сынок. Семьдесят пять центов.

— Ага, — Билл вывернул карманы и обнаружил, что у него при себе лишь корпия. Тем не менее — на всякий случай — он приложился к кружке, а потом спросил: — Вы принимаете армейские кредоногти? — и показал свой ноготь, на котором стояла скромная сумма, что была у него на счету.

— Хватит паясничать, ковбой! — Бармен нахмурился. — Плати наличными и пей, сколько влезет, — в нашем баре такой порядок. Давай гони монету. И никаких бумажек! Монета должна быть звонкой, иначе не возьму.

Билл не имел ни малейшего представления, о чем толкует бармен. У него не было ни бумажек, ни остального. Пожалуй, нужно попробовать торговаться. Выпивка за пистолет. Он вытащил из кобуры кольт.

Во взгляде бармена мелькнул испуг. Он всплеснул руками, замахал ими, словно вдруг сошел с ума.

— Надравшийся Вельзевул! Не стреляй! Угощение за счет заведения!

Какой добрый, какой приятный человек! Билл швырнул кольт на стойку и схватил кружку. Когда оружие ударилось о полированное дерево, барабан открылся, и по стойке рассыпались пули. Бармен осторожно потыкал в них пальцем. Внезапно у него отвисла челюсть.

Тем временем Билл ополовинил кружку, а чинджер Бгр по-прежнему жевал свою соломинку.

— Чтоб меня перевернуло! — выдавил бармен. — Серебряная пуля! Если ты не против, я охотно приму ее вместо наличных. За нее, джентльмены, вы можете пить, пока не свалитесь под стол. Однако, сынок, если в твоём револьвере серебряная пуля, значит... — Он с благоговейным изумлением уставился на Билла. — Значит, ты — Косой Рейнджер!

Глава 18

БАЛЛАДА О БИЛЛИ ПОЧКЕ

— Чего? — переспросил Билл.

— Косой Рейнджер, приятель! То-то мне показалось, что я тебя где-то видел! — бармен расплылся в улыбке, одновременно пытаясь заискивающе усмехнуться, что было весьма непросто. Все посетители и все пивные кружки повернулись в стойке. — Ты, должно быть, узнал, что Билли Почка связался с шайкой Джизма, которая собирается наведаться в город! — бармен протянул Биллу серебряную пулю. — Держи. Я за тебя. Забирай обратно. Бери, дружище, она тебе наверняка понадобится!

— Косой Рейнджер? — прошептал Билл, обращаясь к Бгр. — Что он такое несет?

— Не раскачивай лодку, как говорят у нас на флоте, — отозвался чинджер. — Бесплатно пьем, бесплатно едим. Что еще нужно? — Он вскочил на стойку, схватил охапку соломинок и принялся энергично жевать.

Из-за столика поднялся мужчина, одетый в костюм из оленьей кожи, усатый, с длинной, свисающей на грудь бородой. Он подошел к стойке и протянул руку.

— Здорово, приятель! Давно хотел перекинуться с тобой парой словечек. Меня кличут Ик-Ик. Дикий Уилл Ик-Ик.

— Рад познакомиться, Дикий! — сказал Билл, ощущая прилив дружелюбия — благодаря виски, которое булькало в животе, неумолимо приближаясь к и без того уже разъеденной циррозом печени — и предвкушая целый вечер бесплатной выпивки. — Правда, я никак не соображу, о чем ты толкуешь. Меня зовут Билл. С двумя «л».

— Не слушай его! — крикнул Бгр, подпрыгивая на стойке и взмахивая лапами, чтобы привлечь к себе внимание. — Он самый настоящий Косой Рейнджер, косее не бывает! Просто такой характер: не слишком любит признаваться, что перестрелял кучу врагов, вагон и маленькую тележку! Я все про него знаю, потому что я — его верный спутник-чинджер. Позвольте представиться: Прокто, а может, и не Прокто. Мы прибыли сюда, чтобы сразиться не на жизнь, а на смерть с шайкой Джизма и Билли Почкой. Кстати, тут не появлялся тип по фамилии Делязны?

— Билли Почка! — повторил Дикий Уилл, приподнимая кустистые брови. — Чтоб мне пусто было! Нелегкая у вас задачка! Знаете, Косой Рейнджер и Прокто, ни про какого Делязны я слыхом не слыхивал, но вот про Билли Почку у меня найдется что рассказать, уж будьте уверены! Вообще я его биограф, а заодно собираю все баллады про Билли, а также легенды и дешевые книжонки, которых напечатано столько, что не перечесать.

— Что ж, по-моему, мы не прочь что-нибудь услышать, верно, Билл? — спросил Бгр.

Билл пожал плечами, взял кружку и осушил ее до дна.

— Вы мне только подливайте, компаньерос, а так я готов! — Он усмехнулся и уставился затуманенным взором на появившийся перед ним полный стакан. В памяти что-то шевельнулось. Что-то? Или кто-то? Мысль исчезла, смытая очередной волной спиртного; Билл схватил стакан и пожелал доброго здоровья своему новому другу, Дикому Уиллу Ик-Ику, который не преминул пожелать ему того же самого.

— Док! — гаркнул Дикий Уилл, складывая лодочкой ладонь. — Эй, док Самовол! Притащи-ка мой мешок! — Он вновь повернулся к Биллу. — Как раз сегодня купил пару новых книжек про Билли. Сейчас прочту глотку, и мы с вами читаем!

Дикий Уилл пригубил виски, налитое в громадный стакан, и вручил его вместе с содержимым человеку

который принес его мешок. Док Самовол, под глазами которого набрякли ужасные мешки, хрипло закашлялся.

— Спасибо, док. Бедняга. Он попал сюда по чистой случайности, отстал по пьяной лавочке от звездолета «Унтерменш». Они с шерифом Уайеттом Брехом уже имели дело с шайкой Джизма, верно, док?

Док пробормотал что-то насчет кругов перед глазами, одним глотком опорожнил стакан, вернулся за столик и тяжело плюхнулся на стул. Дикий Уилл порывлся в мешке, вытащил две книжки в ярких обложках, напечатанные на плохой бумаге, прокашлялся, поднял руку, призывая к тишине, и начал читать.

«Лапа — волосатая любовница» (том одиннадцатый сериала «Жеребцы будущего»). Автор — Роберт Э. Хайли.

Денвер шархнул из всех стволов.

В небо взлетели десятки ракет, запущенных, чтобы прикончить в пустыне нас с Билли Почкой.

Однако, хоть местные спецы и не подозревали об этом, мы с Билли пахали на Луне, добывали лед и женились напропалую на созревших девицах и шикарных дамочках — да, они были все как на подбор, суровые любовницы! — а еще с нами был наш добрый приятель, спившийся компьютер Шейлок (чурбан чурбаном, сплошные невристоры, — старухи ему были ни к чему!)

Мой папаша, Лазарус Жриг, научил меня двум вещам. Быть ласковым с женщинами и не принимать от них никакого дерьма. Так что, когда Денвер разбомбил наше свободное владение в пустыне, мы прикинули, что, пожалуй, надо накормить их той же отравой, а потому обрушили им на головы парочку болтавшихся поблизости астероидов.

НСНННА.

Это значит «на свете не найти независимого адвоката». Спросите у меня, уж я-то знаю, до тех пор, пока я не сменил имя, все обращались ко мне, к Сутяге Ларри. Я провел процессов больше, чем вы сожрали сандвичей с копченой говядиной.

Черт подери! Сукины дети!

Ладно, вернемся к Почке.

Мы с Билли возвратились. Этот сосунок не стареет, не знаю, уж как у него получается. Помню, я прыгнул в прошлое на своей машине времени, «Вдогонку СС», и

встретил их — его и Пэта Гаррета — в оклахомском доме развлечений. Тогда Почка был еще молокососом и звался Уильям Боунер. Паршивый щенок! Видел, как он хладнокровно пристрелил пятерых, и подумал тогда: тестостерона в этом парне — по макушку. Он точно пригодится нам на Луне.

Когда я потолковал с ним насчет свободы секса, он сказал: «О'кей». Правда, про адвокатов и кормежку упоминать не стал.

Забавный паренек!

Пока мы путешествовали по времени, чуть не наложил в штаны.

И — черт побери! — начал мутировать!

Откуда мне было знать, что может случиться такое?

Впрочем, Билли Почка все равно отличный мужик. Мы просто пустили к нему робота-уборщика.

Как говорил Лазарус Жриг: «"Человек обретает бессмертие через свой мозг и сексуальные наслаждения". Звучит неплохо, пускай и слегка мужешовинистически...»

Чтение прервал донесшийся с улицы хриплый вопль. — Шайка Джизма! Они здесь! И Почка!..

Ба-бах! К грохоту выстрела тут же присоединилось эхо рикошета: пуля отскочила от потолка и заметалась по зале.

— Арггх! — произнес чей-то голос. Дверь распахнулась, и в салун ввалился высокий мужчина в сапогах и окровавленном жилете. — Они нашли меня! — Он рухнул на пол, задрав к потолку шпоры, которые тихонько позвякивали, словно рождественские колокольчики.

— О Господи! — проговорил Дикий Уилл, захлопнул книжку и юркнул под стол. — Это Почка! Он идет сюда! Прячься, Косой Рейнджер! Прячься, Прокто! Когда Почка не в духе, он убивает всех подряд, а если он услышит, что в городе Косой Рейнджер, то наверняка не обрадуется.

Все посетители последовали примеру Уилла. В салуне запахло смертью, даже у Бгр затряслись поджилки. Чинджер рыбкой нырнул за стойку.

— Прячься, Билл! — крикнул он. — Мне что-то не по себе!

Билл, который жадно допивал виски, был слишком пьян, чтобы прислушаться к голосу разума. Впрочем, он

попытался укрыться за стойкой, но вдруг обнаружил, что зацепился шпорой за поручень. Герой Галактики принялся стаскивать сапог, и тут входная дверь распахнулась вновь и в залу ворвался первый из налетчиков.

— Фрэнк! Фрэнк Джизм! — испуганно прошептал кто-то из-под стола.

Наружность бандита привела Билла в такое замешательство, что он бросил возиться с обувью и тупо воззрился на незваного гостя.

Тот сильно смахивал на пузырь вроде тех, какие рисуют в комиксах у рта говорящего, облаченный вдобавок в костюм ковбоя. Круглое, луковицеобразное тело, внутри которого колышется какая-то жидкость. Черная шляпа, из-под которой зловеще смотрят темные глаза. А ниже талии... Ниже талии у пузыря было некое подобие щупальца, которое не только поддерживало тело, но и приводило его в движение.

На деле Фрэнк Джизм представлял собой гигантский сперматозоид!

— Яйца! — рявкнул он. — Где мои чертовы пляшущие яйца, разрази вас гром?! — Протоплазматический палец протоплазматической руки надавил на спусковой крючок. Грянул выстрел, с потолка посыпалась штукатурка. Фрэнк повернулся и, прищурясь, уставился на Билла. — Эй, ты! Почему ты не дрожишь и не дергаешься, как все остальные? Почему не залез под стол? — Сперматозоид скользнул поближе и нахмурился.

— Хочешь выпить? — спросил Билл.

— Плевать мне на твою выпивку! — прорычал, брызгая спермой, Фрэнк. — А ну, отвечай! Тоже еще, герой выискался! — Он сунул ствол пистолета в ноздрю Биллу.

— Знаешь, Фрэнк, — отозвался Билл, мгновенно приведенный в чувство холодным металлом в носу, — сказать по правде, я попросту не могу слезть. Застрял. — Он указал на шпору, которая зацепилась за поручень стойки, и пошевелил ногой, а потом, сам не зная почему, рванулся изо всех сил, и нога выскочила из сапога, явив окружающим сырой, зловонный носок.

Бледное лицо Фрэнка Джизма мгновенно приобрело свекольный оттенок. Он начал задыхаться, выронил пистолет и, хрипя, упал на пол.

В тот же миг в салуне загрохотали выстрелы. Стреляли из-под столов и из-за стойки. Пули изрешетили шкуру огромного сперматозоида. Фрэнк Джизм весь обмяк, сперма растеклась по полу, щупальце слабо подергивалось, точно умирающая змея.

Издав судорожный вздох, Фрэнк Джизм умер.

— Господи, Косой Рейнджер! — крикнул кто-то. — Надевай скорее сапог, а то мы все передохнем.

Билл послушно обулся, а затем взглянул на Фрэнка. Тот постепенно таял, словно брошенный в печь кубик льда. Билл содрогнулся, сунул нос в стакан и допил виски.

— Ладно! — донесся вдруг из-за двери чей-то рык. — А ну достань до потолка, ты, поганка!

Билл поднял руки.

В залу прыгнул еще один сперматозоид. Он выглядел точь-в-точь, как Фрэнк Джизм, разве что у него не было шрама, пересекавшего лицо и тянувшегося по телу.

— Джесси! — хором воскликнули ковбой. — Джесси Джизм!

Сперматозоид приблизился к мертвому брату, пнул того своим щупальцем, и оболочка Фрэнка будто прильнула к полу.

— Кто? — прошептал Джесси, скрежеща псевдозубами.

Из-под столов взметнулся лес рук, причем все пальцы показывали на Билла.

— Он! Вот он! Косой Рейнджер!

— Косой Рейнджер? — повторил Джесси, отскакивая назад.

— Косой Рейнджер! — подтвердил хор голосов.

— По-моему, тут какая-то ошибка, — проговорил Билл.

— Косой Рейнджер, ты прикончил моего брата! Ты знаешь, кто я такой?

— Тебя называют Джесси Джизм, — ответил Билл, глотая окончания. — Но похож ты больше всего на переросток-сперматозоид!

— Так и есть, приятель, — ухмыльнулся Джесси. — Я — самый большой сперматозоид к западу от Ваззк-томической реки. И самый свирепый. Так что приготовься! Сейчас я буду мстить! — Одним движением, быстрый, как смазанная молния, он выхватил пистолет.

Он сделал это настолько проворно, что Билл не успел и подумать о том, чтобы достать свой кольт. Дуло

пистолета смотрело Герою Галактики прямо в лоб, палец Джесси мало-помалу надавливал на спусковой крючок... Неожиданно из-под стойки, паля из четырех стволов, выскочил Бгр. Пули распороли грудь Джесси — вернее, тот кусок оболочки, который воспринимался как грудь. Налетчик выронил пистолет, пошатнулся и устоялся на зияющую дыру в теле.

— Косой Рейнджер! Как тебе удалось? Я ведь видел: ты даже не шевельнул рукой!

Снова засверкали вспышки выстрелов. Сперматозоид Джесси Джизм в мгновение ока превратился в пустую оболочку, точно такую же, какой совсем недавно стал его брат Фрэнк.

— Ураааа! — гаркнули горожане. — Слава Косому Рейнджеру! Он убил братьев Джизм!

Билл в притворном смущении шаркнул ножкой, скромно потупился — и увидел чинджера, который стоял возле стойки и любовался проделанной им дырой.

— Кому-то же надо было это сделать, — произнес Бгр, дунув в ствол одного из пистолетов.

— Отличная работа, приятель! — похвалил Дикий Уилл, хлопнув Билла по спине. — Ты покончил с братьями, но остался Билли Почка. Вдобавок на улице тебя наверняка поджидает вся шайка.

— Фрэнк! Джесси! — крикнул кто-то снаружи. — Вы в порядке?

— Они мертвы, Билли Почка! — прорычал бармен. — У нас тут Косой Рейнджер. Только вильни хвостом — он посчитается и с тобой!

— Арргх! — отозвался Почка. — Косой Рейнджер, говоришь? Ладно, завтра мы идем класть денежки в банк, и нам не помешает никакой рейнджер. Слушай, ты, Косой! Давай разберемся! Ты да я, Билли Почка! Завтра, в корале «Тупик». На рассвете!

— Идет! — крикнул бармен. — Он там будет, Билли. Собирайся в дорогу на Бут-Хилл!

— На Шу-Хилл, — пьяным голосом поправил Билл.

— Нет. Билли давно прикупил себе местечко на кладбище в Додж-Сити, — сообщил бармен. — Слушай, Билли, давай вали отсюда вместе со своим сбродом!

Послышались проклятия, затем застучали копыта коней — шайка покинула город.

— Они ускакали! — бармен усмехнулся. — Шайка Джизма и Билли Почка бежали из города! Гип-гип-ура Косому Рейнджеру и его верному спутнику Прокто!

— Гип-гип-ура!

— Спасибо, ребята, — Билл пьяно ухмыльнулся. — только вот как быть с завтрашним свиданием?

— Не тревожься, Косой Рейнджер, — проговорил Дикий Уилл. — По чистой случайности сегодня вечером, на поезде, что прибывает в десять десять, возвращается из Канзаса шериф. Он тебе поможет.

— Правильно! — сказал Бгр. — И не забудь, в гостинице тебя ждет Ирма. Елки-палки, здорово! Последняя и решительная схватка на рассвете! Может, она положит конец Зажелезии. Как символично!

Заключительную часть восторженной тирады Бгр Билл пропустил мимо ушей, поскольку, услышав имя Ирмы, уже не мог думать ни о чем другом.

— Ирма! — воскликнул он. — Как раз пора вернуться в ее жаркие объятия!

— Ступай, дружище! — одобрил бармен. — На, пропусти на дорожку! — Он поставил перед Биллом стакан виски. — Она заждалась тебя, герой!

— А то! — отозвался Билл, одним глотком осушил стакан до дна, неуверенно развернулся и, пошатываясь, направился к двери.

— Приятных развлечений, Билл! — крикнул ему вслед Бгр. — Я, пожалуй, задержусь тут: пожую солонки, потолкую с Диким Уиллом.

— Пжалста! — произнес Билл, едва разбирая, куда идет. — Ирма! ИРМА!

Как он ее желал, как стремился к ней! Сколько лет хочет прошептать ей на ушко всякую ерунду! Подобное чувство он испытывал впервые в жизни.

Вот, значит, как, думал он, моргая, чтобы разогнать алую алкогольную пелену перед глазами. Он влюбился!

Билл вздохнул.

Он не знал, что тому причиной — любовь к Ирме или к виски, однако ощущал себя счастливее альтаирского кабана в брачный период. Выходит, жизнь все-таки имеет смысл, и этот смысл заключен в кротком, как у лани, взгляде, ласковой улыбке, вздернутом носике, и называется ИРМА!

— И — о чудо из чудес! — она любит его!

Солдаты Империи обычно не влюбляются. По крайней мере, такое поведение запрещается уставом. Но Билл плевал на устав, поскольку был своевольным, придурковатым безумцем. Наконец-то в его закаленном службой сердце что-то зашевелилось. О прелесть первой любви! О милая, ненаглядная Ирма!

Подпрыгивая на ходу — с песней в душе, алкоголем в мозгу и циррозом печени на пороге, — Билл вскарабкался по ступенькам и ввалился в гостиницу. Портье с радостью поведал ему, что мисс Ирма заняла номер 122 и, по всей видимости, ожидает его, ибо только что заказала две бутылки шампанского и филе.

Билл глупо осклабился. Прислушиваясь к стуку сердца, которое словно отбивало ритм страсти, он направился на поиски нужного номера. Наконец перед его воспаленными глазами возникли цифры «122». Он нажал на ручку. Дверь оказалась запертой.

Билл постучал. Тишина. Что такое? Ну-ка, ну-ка... Ему почудилось, будто изнутри доносятся сладострастные вздохи.

— Ирма, ми-лая! — прохрипел Билл. — Это я, Билл, твой любимый. Впусти меня, лапочка.

За дверью раздался истошный вопль, затем послышались такие звуки, словно кто-то крушил мебель. Билл испугался. Что там происходит? Ирма в беде!

— Не волнуйся, Ирма! — крикнул Билл. — Я спасу тебя! — Он отступил на шаг, собрался, кинулся вперед и с разбега ударил в дверь плечом! Спасибо тренировкам в лагере имени Льва Троцкого! Дверь, естественно, не выдержала напора, и Билл влетел в комнату, в которой царил полумрак. Поднявшись, он проревел: — Ирма! Ирма! Где ты, Ирма?

В следующий миг он поскользнулся на пустой бутылке из-под шампанского и с грохотом, лицом вниз, рухнул на пол.

Кое-как оправившись, Билл перевернулся на спину, пьяно моргнул — и уставился на двоих людей, что таращились на него с громадной кровати.

Одно лицо принадлежало Ирме.

Другое же — зловредному доктору Латексу Делязны!

Глава 19

РАЗБОРКА В КОРАЛЕ «ТУПИК»

— Ирма! — вскричал Билл, моргнул, выпучил глаза, не в силах поверить тому, что видит: его любовь, красавица Ирма в постели со злейшим врагом, маньяком, который стремится править Вселенной! — Ирма! Я пришел спасти тебя!

Он рванулся к кровати — и резко затормозил.

— Не валяй дурака, приятель, — процедила Ирма, наставляя на Билла пистолет. — Тронь хотя бы волосок на лысеющем черепе моего милого, и я всажу в тебя пулю, прямо туда, где вроде бы должен находиться мозг!

— Но... Но... — пролепетал Билл. Неохотно сложив в уме один и один, он получил ужасное два. Постепенно в его замутненное сознание проникла, просочилась меж проспиртованных синапсов отвратительная истина, от которой никуда было не деться. — Этого не может быть! — беспомощно прохрипел он. — Ты моя девушка!

— Мужчины! Стоит девушке обронить два-три глупых слова, и вам уже кажется, что она ваша! Приятель, в жизни все гораздо сложнее. Ты прочел слишком много мелодраматических комиксов. Вали отсюда! — Ирма презрительно усмехнулась.

— Но я люблю тебя, Ирма! — проскулил Билл, разнюнившийся от жалости к самому себе. — А ты говорила, что любишь меня!

— Ну и что? Я передумала. Женщина вольна менять решения. — Ирма прижалась к Делязны, игриво дернула того за похужее на раковину ухо. — Я нашла себе настоящего мужчину.

— А как же твой отец? Ведь он утверждал, что Делязны преследовал тебя, а ты все время отвергала его домогательства! Вот почему добрый старикан в конце концов спятил! — Билл повернулся к Делязны. — Я понял! Вы хотели узнать секреты Зажелезии ради Ирмы! Попав сюда, вы обнаружили тайный источник привлекательности, которая сводит женщин с ума, превращает их в бестолковых самок!

— Вообще-то еще пока не нашел, — признался Делязны. — Но обязательно найду завтра, после того как мы с Билли Почкой и шайкой Джизма прикончим тебя и твоих сторонников, а потом отправимся сдавать награбленное добро в Яйцебанк. Видишь ли, именно в нем заключены тайны вселенского могущества. — Он посмотрел на Ирму и улыбнулся. — Мы с Ирмой столкнулись внизу и с первого взгляда поняли друг друга.

— Я догадалась, что скучала по нему, что была ужасно наивной и самодовольной. Слушай, старина, если ты не против, почему бы тебе не отвалить подобру-поздорову?

— Точно, — хихикнул Делязны. — Мой тебе совет, Билл, проваливай, пока цел. Увидимся завтра на рассвете. Не забудь подобрать себе приличный гроб!

— Ирма! — проговорил Билл, чувствуя, как уязвленное сердце плавится в груди и медленно, капля за каплей, стекает в пятки. — Скажи, ну что тебе не нравится?!

— Хотя бы твои клыки, — отозвалась Ирма, надменно выпятив губу.

— Ты же говорила, что в восторге от них!

— Билл, ты понятия не имеешь, как надо обращаться с девушками, — высокомерно вздохнула Ирма.

— Я научусь! Ирма... пожалуйста... позволь мне попытаться... Не оставайся с ним! Пойдем со мной! —

Билл упал на колени, моля о снисхождении, разыгрывая из себя полнейшего идиота.

— Ступай, Билл. Моя новая любовь насквозь сказочна!

Голова Билла шла кругом, в груди, там, где когда-то было сердце, угнездилась тупая боль. Он поднялся, повернулся и, дрожа с макушки до пят, побрел к двери. Дышать было трудно, почти невозможно.

Доктор Делязны!

Доктор Делязны и Ирма!

Жизнь, которая и раньше не слишком-то смахивала на розовую клумбу, стала в последнее время поистине ужасной. Билл не знал, что такое справедливость, и потому не ждал ее, но все же как было бы хорошо, если бы каждому хоть иногда воздавали по заслугам. Он тяжело вздохнул и, спотыкаясь, начал спускаться по лестнице.

Справедливости нет. Крутом только взятки, крючкотворство и мнимые друзья-приятели. А еще — выпивка! Билл двинулся к салуну, торопясь вернуться, пока остальные не слишком его опередили.

Горизонт напоминал треснувшую яичную скорлупу, из которой краешком желтка высывалось солнце; белком служило омерзительно бледное небо над далекими горами и пустыней. В воздухе витал запах смерти. Утро имело привкус крови, могил и холодной, безжизненной пустыни. Звеня шпорами, Билл приближался к группе строений, которую местные именовали коралем «Тупик» — кобура расстегнута, револьвер перезаряжен. Рядом семенил чинджер, которого когда-то звали Трудяга Бигер.

— Елки-палки... Надеюсь, ты готов, Билл?

— Пожалуй, — ответил Билл.

— Сегодня красный день на календаре Вселенной!

— Угу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Паршивей не придумаешь.

— Замечательно, правда, Билл?! Просто замечательно. Мир через насилие, иначе невозможно, верно?

Голова Билла трещала от похмелья размерами с Великий Каньон, рот словно превратился в Долину

Смерти, засыпанную до краев жареными мухами, желудок напоминал бак для ферментации из Галактической Пивоварни; печень же, если бы он мог ее увидеть — чего никоим образом не хотел, должна была выглядеть так, будто в нее заколачивали двадцатифунтовыми кувадами железнодорожные костыли.

Брр! Прошлым вечером он заявился в салун, напомнил бармену о том, что ему полагается бесплатная выпивка и принялся надираться, время от времени позволяя сделать глоток-другой всяким там ковбоям, игрокам и сутенерам, которые наперебой выражали свое дружеское сочувствие. Чинджер немного погодя куда-то запропастился, однако Дикий Уилл и док Самовол не покинули Билла: они с радостью приняли дармовое виски, выразили соболезнования по поводу утраты Ирмы, поведали собственные истории о любви, измене, скорби и героических кутежах.

Как не замедлило выясниться, док Самовол обладал поистине неистощимым запасом подобных историй: у него был интерес ко всему мало-мальски инопланетному и экзотическому, а потому он неоднократно оказывался в весьма любопытных и затруднительных положениях. К примеру, сейчас он оправлялся от последствий интрижки с офицером-исследователем из экипажа своего последнего корабля, «ЮСС "Крестовина"». Этот офицер, получеловек, полуметаллоид, был садистом с еще более извращенными, чем у дока, наклонностями. Самовол порывался даже снять штаны и показать шрамы, полученные на почве страсти, однако тут не выдержали и закаленные в испытаниях ковбои. Они выгнали дока из города, а затем вернулись в салун.

Около половины одиннадцатого к ним, как и обещал, присоединился шериф Уайетт Брех, который пустился, что называется, вдогонку, опрокидывая в себя стакан за стаканом, чтобы не подвести товарищей.

Билл отрубился приблизительно после полуночи. Он плюхнулся на стойку, положил голову на бутылку виски «Старый канализатор», а ногами уперся в лицо возвратившемуся к тому времени доку — и отключился. Очнулся он лишь под утро: чинджер Бгр крикнул ему на ухо, что вот-вот рассветет. Впрочем, Билл ни за что бы не поднялся, если бы не приобретенная на службе привычка вставать, когда прикажут. Правда, едва он

продрал глаза и вспомнил о предстоящем свидании, мысль о том, как он встретится с доктором Делязны и нашпикует мерзавца горячим свинцом — точнее, серебром, — придала Герою Галактики ровно столько сил, сколько требовалось, чтобы не сломаться под гнетом похмелья.

— Елки-палки, — произнес Бгр, когда Билл рассказал, что видел в номере гостиницы. — Плохо, ой как плохо! Ну да ладно, у нас, чинджеров, есть подходящая поговорка: на свете полным-полно непринглованных кракселей!

О! Хотя разве стоило ожидать, что какой-то там чинджер способен понять муки растоптанной любви?! Особенно такой чинджер, который принглуует краксели! Тем не менее Бгр одобрил решение Билла прикончить доктора Делязны, даже пришел в неописуемый восторг.

— Елки-палки, Билл, — проговорил он, шагая рядом с приятелем в направлении коралля. — Спорю, на роже Делязны играла довольная ухмылка!

— Заткнись, чинджер! — напыжившись, изрек Билл.

— Лично я не стал бы давить на парня, которому предстоит стреляться. Ему надо расслабиться, — сказал Уайетт Брех, расчесывая усы. Шериф, Дикий Уилл и док Самовол тоже вызвались сопровождать Билла к месту дуэли. Из-за пояса Бреха торчали рукоятки двух кольтов 45-го калибра, сапоги сверкали, как и у остальных секундантов, — эту услугу оказал им Бгр, бывший Трудяга Бигер, который не спал всю ночь и ностальгически начищал обувь, вспоминая о том, чем занимался много лет назад.

— Расслабляться так расслабляться! — сообщил док Самовол, прикладываясь к бутылке, в которой булькало виски. Он предложил бутылку Биллу, но тот отказался.

— Не пойдет, — сказал Герой Галактики и, прищурясь, поглядел на светлую полосу на горизонте. — Я хочу поквитаться с Делязны, а потому мне нужна трезвая голова.

— Отлично, Билл, старина! — похвалил чинджер, размахивая сразу четырьмя кулаками. — С таким настроением мы в два счета справимся с Делязны, Билли Почкой и его шайкой, как вчера вечером справились с братьями Джизм!

— Точно! — отозвался Билл и сплюнул в пыль.

Впереди показались верхушки зданий, что составляли кораль. Конюшни и надворные постройки окружал деревянный забор. У калитки стоял мужчина, вокруг которого толпились сперматозоиды наигнуснейшего, какой только можно было себе представить, вида.

— С дороги, Билл! — крикнул доктор Латекс Делязны. Безумец-ученый был весь в черном, если не считать серебристых револьверов на бедрах. — Мы идем в Яйцебанк, чтобы совершить Изъятие Века! Нет, Изъятие Вечности! Верно, ребята?

— Верно, доктор Д.! — хором воскликнули два десятка сперматозоидов, что раскачивались, как накануне вечером братья Джизм, на своих ножках-жгутиках.

— Бах-бах, и Вселенная у меня в кармане! — вскричал доктор Делязны. — Да, Билл, Ирма просила передать тебе привет.

— Все, хватит! — прорычал Билл и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Билл, — остановил его шериф. — Пускай начнут они. Мы, парни в белых шляпах, играем по правилам.

Они было двинулись дальше, но тут Делязны выставил перед собой ладонь, призывая повременить.

— Погодите! Пока вы еще целы, я хочу воспользоваться моментом и познакомить вас с моим другом, мистером Билли Почкой! — Он оглянулся. — Билли, выйди-ка и поклонись нашим гостям!

Из толпы выпрыгнул на редкость уродливый и грязный сперматозоид. Облаченный в лохмотья, он свирепо уставился на Билла и компанию из-под продырявленной пулями шляпы. Глаза его были мертвее, чем у дохлой рыбины. Он что-то жевал, отчего создавалось впечатление, что по телу ковбоя перемещается оживший карбункул. Вот он выплюнул изо рта коричневую слюну, которая ударилась оземь, скрикошетила и растеклась по забору.

— Ну что, сосунки, подрались захотелось, а? Думаете, прикончили моих дружков, братьев Джизм, и все шито-крыто? Сейчас вы у меня попляшете! Могилы на Шу-Хилл заказали? — Он выхватил револьверы, покрутил их в руках, а затем нацелил в небо. — Смотрите, кто пожаловал!

Билл поглядел вверх. Над коралем кружила стая омерзительных канюков. Птицы посматривали на ковбоев и жадно облизывали клювы.

— Не шути со мной, Почка, — проговорил Уайетт Брех. — Ты сплюнул последний раз в жизни. Поскольку ты не один, мы с доком поможем Биллу уладить ваши разногласия. И потом, мы с радостью воспрепятствуем вам прогуляться в банк.

— Не горячись, шериф, — рассмеялся Делязны. — Я забыл упомянуть, что вызвал на подмогу племя индейцев виндалу. — Он взмахнул рукой. — Эй, ребята, покажитесь!

В следующий миг из-за конюшен выскочили по меньшей мере пять десятков сперматозоидов — все в перьях, набедренных повязках и мокасинах, по одному на брата. Каждый держал в руках лук и целился в Билла и тех, кто сопровождал Героя Галактики.

Билл широко раскрыл глаза — надо признать, не без причины. Во-первых, ему грозила неминуемая гибель, а во-вторых, гигантские краснокожие сперматозоиды встречаются отнюдь не часто.

Между тем число индейцев все возрастало. Они спускались с близлежащих холмов, мокро поблескивая в лучах рассветного солнца. Их были тысячи и тысячи.

— Замечательная штука сперма! — заметил доктор Делязны. — Если наткнулся на один сперматозоид, можно с уверенностью предположить, что где-то рядом бродит пара миллионов его приятелей.

— Елки-палки, — произнес Бгр. — Сказать по правде, что-то мне это не нравится.

— Черт побери! — Док Самовол печально покачал головой и пожал плечами. — Мне кажется, такова жизнь. От нее никуда не денешься. Мы имеем дело с бесконечным, бурным, кипучим, непреодолимым стремлением к слиянию. Этого требует Природа! А что такое Природа, как не грандиозное космическое преследование, погоня янь за инь? Индивидуальность? Человеческая душа? Ба! Она ничто в сравнении с бурливым морем, которое кишит безмозглыми, слюнявыми существами, которые обеспечивают размножение и правят естеством человека! — Он указал на бандитов и индейцев, кашлянул и достал пистолеты. — Судьба зовет, джентльмены! Умрем же с честью!

— Знаешь, Билл, — задумчиво проговорил Бгр, — я, пожалуй, сваял дурака, полагая, что смогу остановить их! — Чинджер вильнул хвостом, ухватил тот за кончик и торжественно прижал к губам.

— Ты чего? — спросил Билл, пытаясь — не слишком успешно — набраться мужества. — Это что, религиозный обряд?

— Не совсем. Я просто прощаюсь со своим хвостом.

Индейцы издали воинственный клич и, размахивая копьями и что-то напевая, двинулись вперед. Вид у них был донельзя устрашающий: размалеванные краской, они выглядели столь же свирепыми, как галилейские мешетчатые крысы в день Галактического сурка.

— Дерьмо! — выругался шериф. — Похоже, нынешнее утро даст сто очков вперед кровопролитнейшей битве в истории! — Он прицелился. — Ладно, если нам суждено погибнуть, умрем как мужчины! — И точным выстрелом прикончил одного из бандитов: пуля угодила тому точнехонько между вакуолей.

— Но я не мужчина! — возразил Бгр. — Я чинджер! По-моему, мне здесь не место.

— Поздно, ящерка! — отозвался док Самовол, прислушиваясь к свисту пуль и стрел над головой. — За работу! — Он выпалил из своих пистолетов, и ближайшая шеренга индейцев окропила спермой пыль.

Бгр юркнул за камень и уже оттуда принялся стрелять по атакующим.

Едва на землю упали первые стрелы, с Билла слетело всякое ковбойское мужество. Это была не битва, а бойня. Тому, в ком сохранилась хотя бы крупница здравого смысла, оставалось лишь одно — рвать когти.

Однако, развернувшись, чтобы кинуться прочь, Билл увидел, что бежать некуда. За спиной кишмя кишели все те же проклятые индейцы.

Их окружили!

— Блин! — прокомментировал Билл и тоже начал стрелять, рассчитывая пулями проложить себе дорогу. Краснокожие сперматозоиды взрывались один за другим, но место павших немедленно заступали подкрепления. Вдобавок запас патронов постепенно сходил на нет.

Приятели Билла испытывали те же затруднения.

— Дерьмо! — повторил с усмешкой шериф, руку которого пронзила стрела, а в живот воткнулась пуля. —

Последний патрон! — Истекая кровью, он прорычал: — Билли! Мой последний патрон для тебя! — Издав боевой клич, похожий на дружный многоголосый вопль взвода взбунтовавшихся солдат, Брех рванулся навстречу подступающим бандитам. Бах! Бах! Бах! Вражеские пули раскроили доблестному шерифу грудь, однако он, весь в крови, продолжал бежать и остановился лишь тогда, когда оказался на расстоянии плевка от Билли Почки. — Почка! — выдохнул он. — Получай!

Билли Почка кинулся прочь, однако пуля шерифа догнала его, поразила в спину, и бандит взорвался, точно наполненный водой воздушный шарик.

— Теперь я умру спокойно, — простонал шериф, глядя на распростертое на песке тело Билли.

— Мы тебе поможем! — воскликнули хором бандиты. Шериф мгновенно оказался нафарширован свинцом, и сила тяжести вынудила его упасть. Шайка Джизма стреляла до тех пор, пока не убедилась, что шериф Уайетт Брех покончил все счета с жизнью.

Док Самовол не вынес такого издевательства и попросту рехнулся.

— Взорли меня, Орел! — вскричал он, вперяя взгляд в небеса. — Взорли меня!

Вновь засвистели стрелы. Они утыкали дока словно подушечку для иголок, и он как будто превратился в ходячую расческу. Вернее, в стоячую. Да, док погиб, однако, весь в стрелах, по-прежнему держался на ногах, ибо стрелы подпирали его тело, не давая рухнуть наземь.

Билл стрелял, перезаряжал и стрелял снова — и вдруг, когда барабаны в очередной раз опустели, обнаружил, что серебряных пуль больше нет.

Каким-то образом — благодаря то ли милости судьбы, то ли глупому везению — до сих пор Билл не получил ни единой царапины. Но прикинув, в каких очутился обстоятельствах, он сообразил, что долго так продолжаться не может.

Значит, он умрет. Сыграет в ящик. Даст дуба. Откинет копыта, прикажет долго жить, протянет ноги, отдаст концы, испустит дух. Перед его мысленным взором промелькнула прожитая жизнь. Несмотря на то что с четырехлетнего возраста пренебрегал заповедями и не ходил в церковь, Билл в глубине души лелеял неразумную надежду: скоро он попадет в туннель потусторон-

него света, на дне которого будет поджидать прадедушка Билл вместе с верным робомулом Ржавчиком, рвущимся пахать небесные просторы.

Небо содрогнулось от грохота.

— Я иду, прадедушка! — воскликнул Билл. — Я возвращаюсь домой! — Он зажмурился и приготовился к смерти, стиснул зубы, чтобы сдержать навернувшиеся на глаза слезы и, неровен час, не заскулить от страха.

Однако смерть не ужалила.

Стрелы перестали свистеть, пули прекратили завывать.

— Елки-палки! Билл! Ты только посмотри!

Билл открыл глаза. Бгр, восторженно приплясывая, указывал пальцем вверх. Билл запрокинул голову.

К земле, извергая из дюз струю ослепительно яркого пламени, спускался серебристый, похожий на иглу звездолет. Билл заслонил глаза ладонью и пригляделся повнимательнее.

Не может быть! Да нет, так и есть!

Вон, вон оно, на борту — знакомое, горделивое название!

Это был звездолет «Желание»!

Корабль Супергероя Рика!

Индейцы тут же ударились в панику, бросились врассыпную к холмам, сгрудились у подножия и с благоговением уставились на звездолет, что приземлился на том самом поле, где совсем недавно кипела битва, поджарив при посадке кучку не успевших отбежать на безопасное расстояние. Взметнулись серые клубы дыма и желтые языки пламени, взметнулись — и медленно опали.

— Проклятие! — выбранился доктор Латекс Делязны. — Что происходит? Современная технология в Зажелезии не действует!

— А кто говорит, что это корыто — современное? — рявкнул динамик на борту легендарного корабля. — К твоему сведению, Делязны, он из 40-х годов, со страниц «Эмейзинг Сториз»!

Билл узнал голос. Рик! Настоящий Рик, не тот андроид, которого подсуропил им Делязны! Тот Рик, под началом которого он служил первым помощником!

— Он не забыл меня! — вскричал Билл. — Пришел к нам на выручку! Ура, Рик! Ура!

— Не тревожьтесь, славные вожди, — проговорил Делязны, обернувшись к индейской орде в сотни тысяч голов. — Ни звездолет, ни даже Супергерой Рик не в силах справиться с вами. Взгляните! Видите, какой хиленький у него кораблик? Если вы разом выстрелите по нему, он просто-напросто опрокинется!

— Ты чересчур самоуверен, доктор Д.! — отозвался Рик.

И тут случилось нечто поистине поразительное.

Глава 20

БИЛЛОВА ТЕОРИЯ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА

Биллу не раз доводилось видеть то, что превосходило самое смелое воображение. Дворцовые сады Гелиора! Смертоносные джунгли Венерии! Величественные Горы Удобрений на Фигеринадоне-II!

Однако то, что происходило сейчас у него на глазах, выворачивало душу, что называется, наизнанку.

В носу звездолета открылся люк, из которого высунился ствол орудия. Прогредел выстрел. В небо взвилась гигантская сверкающая капля. Вот она замедлила движение, задрожала, а затем начала увеличиваться в размерах и вдруг лопнула, будто исполинский мыльный пузырь, обрызгав своим содержимым индейцев виндалу и шайку Джизма в придачу.

— Что такое? — воскликнул Билл.

— Арррр! — отозвался через динамик Рик. — То, чего они никак не ожидали! Я заглянул в одну лабораторию и наполнил свободные топливные баки «Нопрегом», самым эффективным спермицидом в известной Вселенной!

И так они погибли — и бандиты, и виндалу. Так была наконец-то отведена величайшая угроза. Билл испустил вздох облегчения. Всякие мысли о небесном приюте сгинули без следа, впереди снова замаячила

долгая и счастливая жизнь — к сожалению, неразрывно связанная с армией.

Что касается доктора Делязны, тот, лишенный своей армии, стоял, дрожа с головы до ног от ярости и досады.

— Эй, стервец, ответь-ка мне на один вопросик, а потом я тебя прикончу, — сказал Билл, подходя к нему. — Что ты сделал с моей дорогой Ирмой? Почему она меня отвергла? Каким образом такой урод сумел занять мое место в ее сердце? — Дабы привлечь внимание доктора, он схватил Делязны за горло и принялся ожесточенно того трясти.

— Йек! — выдохнул Делязны, и Билл слегка ослабил хватку. — Во всем виновата энергия З-заж-железии! Я вам вчера немножечко наврал. Мне в руки попала космическая энергия, и я облучил ею Ирму. Она не могла сопротивляться.

Билл кивнул. На душе у него стало чуть легче. Не то чтобы очень, но все равно приятно. Пожалуй, подумалось ему, он теперь сможет простить Ирму. Билл знал, что по-прежнему — возможно — любит девушку.

— Где Ирма, Делязны? — спросил он и вновь встряхнул доктора, дабы тот осознал всю важность вопроса.

— В... в... в гостинице, где была вчера...

— Ладно, док. Пора с тобой кончать. Мы превосходим тебя числом. Даю тебе две секунды. Не успеешь сдаться — пеняй на себя. Задушу. Раз...

— Йек! Сдаюсь! Сдаюсь!

— Жаль, — пробормотал Билл, еще разок сдавливая горло Делязны, чтобы продлить удовольствие. — Мне так хотелось тебя убить! Что ж... — Он швырнул доктора на землю. — Про твои планы насчет покорения Вселенной можно забыть. Кстати, поразмысли-ка, пока я не передумал, как мне быть с моей ногой. В конце концов, ты же специалист и по ногам, верно?

— О д-д-да... Нога-капризуля. В каком она настроении, Билл? — поинтересовался Делязны, судя по всему, искренне жаждущий помочь. — Правда, у нее такой вид... Боюсь, я вряд ли...

Билл издал разъяренный рык, вновь сдавил горло Делязны так, что тот потерял сознание, а затем с отвращением уронил бесчувственного доктора наземь.

— Арррр! Отлично, Билл! — похвалил Супергерой Рик, спускаясь по трапу. — Если не возражаешь, я бы

тоже хотел отвесить ему пару оплеух. Этот мерзавец посадил меня под замок и посмел наделить моей чудесной физиономией какого-то андроида! — Он приблизился к Делязны и пнул того грязным башмаком в зубы. — Так-то лучше! Обидно, что он ничего не чувствует, зато представь себе, как обрадуется, когда поймет, что находится на борту моего кораблика. — Рик похлопал Билла по плечу. — Арррр! Рад видеть тебя, первый помощник. Между прочим, мне нужно кое-что тебе показать. — На шее Рика болтался кожаный мешок, из которого Супергерой извлек шесть упакованных в целлофан банок пива. Он разорвал упаковку и протянул одну банку Биллу.

— «Святограальское крепкое», — с восторгом прочитал Билл. — Рик! Ты нашел его!

— Арррр! Как видишь!

— И где?

— Ты не согласишься, Билл, — ответил Рик, указывая изящным пальцем на радугу, которая только-только проступила на небе и сверкала всеми своими цветами. — Похоже, теория доктора Делязны насчет Зажелезии не совсем верна. Понимаешь, Зажелезия — нечто большее! Она вон там!

Билл не стал дожидаться более внятного объяснения. Он поступил, как и положено бывалому солдату, который держит в руке банку с пивом: открыл ее и осушил до дна одним могучим, небесным, райским глотком.

Пенная влага ухнула в пищевод, и на Билла словно повеяло сладостным весенним ветерком. Хмельные шишки, весело барахтаясь в благословенной жидкости, в мгновение ока провалились в желудок, откуда сразу же начала подниматься пелена всеобъемлющего спокойствия и благополучия. Похмелье как рукой сняло. Привкус желчи во рту сменился ароматным привкусом пива. О небеса!

— Ух ты! — проговорил Билл, глаза которого внезапно заблестели. — Лучшего пива в жизни не пробовал.

— Естественно! Это же «Святограальское крепкое»!

— Парень, ты говоришь загадками. Растолкуй поподробнее. О чем ты говоришь?

— Да о том месте, малыш, где раздобыл эти баночки. Кстати, спасибо, что открыл мою камеру, когда сообра-

зил, что Делязны — предатель. Итак, где-то в туманных даях Зажелезии, за пронизанными страхом пещерами Эго и Ид, за архаичными колоннами коллективного бессознательного, не говоря уж о Стране Грез, стране Оз и Атлантиде, лежит земля, которая для меня дороже всех их вместе взятых.

— Ты о чем? — удивился Билл.

— Страна сбывшихся снов! В ней исполняются все твои желания, в которых ты стеснялся признаться. Это — Внутриутробная Пивоварня! Как по-твоему, что впервые побудило людей собрать хмель и приготовить сусло? Разумеется, стремление к опьянению! — Супергерой Рик вздохнул и дружески обнял Билла за плечи. — Эх, Билл! Там все поэзия! Пивоварни и винозаводы повсюду, куда ни посмотри! И в каждом свой собственный бар!

— Полетим туда, Рик, — срывающимся голосом пролепетал Билл. — Полетим!

— Конечно, Билл! Я возьму на борт всех!

— Елки-палки, — глубокомысленно заметил Бгр. — Быть может, вот он, путь к всеобщему миру. Если люди не будут просыхать, к чему стремились все, кого я встречал, тогда они попросту не смогут воевать с чинджерами.

— Угадал, паршивец! — Рик вынул из упаковки еще одну банку и протянул ее чинджеру. — На, попробуй. Думаю, тебе понравится. — Вручив третью банку Биллу, он довольно рыгнул.

Билл пригубил пиво и вздохнул. Какая прелесть! Просто здорово! Надо бы поделиться с любимой...

— Билл? — позвал кто-то тоненьким, жалобным голоском.

Билл оторвался от банки.

— Ирма!

И впрямь — к нему приближалась она, прекрасная, как на картинке, пускай даже слегка не в себе, Ирма Кранкенхаус.

— Билл! Это что, звездолет? Мы спасены, Билл? — На Ирме была лишь ночная рубашка. Распущенные волосы придавали милому личику девушки неизъяснимое очарование.

— Разумеется, дорогуша! Познакомься с моим приятелем. Супергерой Рик. Он прилетел, чтобы забрать нас отсюда и переправить в куда более приятное местечко.

— В Мир Магазинов, где я смогу покупать все, что заблагорассудится?

— Привет, Ирма. Меня зовут Рик. Рад познакомиться. — Рик дружелюбно пожал ей руку. Ирма озадаченно моргнула.

— О... Вы тот, с которого Делязны скопировал своего андроида. Оригинал намного лучше.

— Арррр! Благодарю, мэм. Спасибо.

— Билл, — произнесла Ирма, повернувшись к Герою Галактики, — что случилось вчера вечером? Я не помню.

Она не помнит? Естественно! Откуда ей помнить? Его ненаглядная Ирма ни за что не изменила бы своему возлюбленному, будь она в здравом рассудке. Подлец Делязны полностью подчинил себе ее железы внутренней секреции, оттого-то все и пошло наперекосяк. Билл на мгновение задумался и решил изящно солгать.

— Милая, ты, должно быть, изрядно устала, потому что рано легла в постель и вырубилась, как свет. Я не посмел разбудить тебя, — проговорил он, будто читая отрывок из комикса «Мелодраматические истории».

Ирма блаженно вздохнула. Рик заулыбался.

— Ладно, приятель, давай поднимем тост за твое счастье, а потом рванем в край пивоварен. Там как раз на подходе новый сорт. Меня уверяли, что он обязательно станет гвоздем сезона.

— Вы отвезете нас домой, правда, Рик? — спросила Ирма.

— Конечно, детка. Как скажете. Эй, чинджер, помоги мне погрузить дока. За ним числится изрядный, прямо-таки мифический должок.

— Елки-палки! Когда вы с ним разберетесь, может, отдадите нам?

Вдвоем они затащили Делязны на борт звездолета, ухитрившись уронить его всего лишь раз или два.

Билл наслаждался жизнью. Он допил вторую банку пива, расплющил ее в кулаке — и почувствовал себя даже лучше прежнего.

— Пошли, ребята, — сказал Рик, помахав рукой: мол, поднимайтесь.

Может ли такое быть, подумал радостный, полупьяный Билл. Неужели для него и впрямь припасен счастливый конец? Для него, Билла, простого солдата с

Фигеринадона-II, ниже чином кого угодно, даже галактического канализационного стока? Невероятно!

— Билл, — произнесла Ирма, ставя ногу на трап, — как, ты сказал, зовут этого молодого человека?

— Рик, — ответил Билл и лучезарно улыбнулся.

— Он похож на настоящего джентльмена, — в глазах Ирмы зажегся диковинный огонек.

— Он лучший на свете, Ирма! — уверил ее Билл. — Второго такого парня не найти, обыщи хоть целый свет!

Чудеса, подумал он, карабкаясь следом за Ирмой по трапу на борт звездолета «Желание», готовый к новым восторгам и приключениям, твердо решивший не возвращаться на службу и вести интереснейшую жизнь, которая будет состоять из оргиастического секса, выпивки и постоянного отлынивания от обязанностей.

Выходит, жить не так уж и плохо!

Эпилог

СНОВА НЕ В СЕДЛЕ

— Шикарная у тебя нога, приятель, — заметил бармен. — Повторить?

— Ага, — пробормотал Билл.

— Только тебе придется сесть. У нас тут такие правила. Тех, кто не может сидеть прямо, мы не обслуживаем.

— А, — протянул Билл. — Конечно, конечно.

Бар представлял собой заурядную забегаловку с пластиковой стойкой, обстановкой в неосортирном стиле и множеством кранов, причем все они были закупорены. В темных углах спали познавшие алкогольное счастье и отрубившиеся солдаты, которые сбежали из армии и спешили надраться, пока не придет черед просыхать. Расхлябанный робот-уборщик, лязгая суставами и то и дело поскальзываясь, сметал с желтоватого линолеума многочисленные лужи, пакеты из-под псевдокартофельных чипсов, окурки сигар и прочее, в том числе башмаки и пилотки, которые попадались ему на глаза и втягивались в разинутую пасть мусороприемника.

Бар назывался «Клуб котобоев». Стойку и стены украшали набитые чучела котов и кошек. Билл, разумеется, мог бы отправиться на турбозэкспрессе в город, но

тамошние бары не годились этому и в подметки — ужасно! — и к тому же деньги были на исходе. Кроме того, завтра ему предстояло сделать что-то очень важное; правда, сколько ни старался, он так и не сумел вспомнить, что именно.

Он пьяно вскинул голову, попробовал напрячь память... Робот шлепнул его по лицу своей жирной и мокрой насадкой-тряпкой.

Неудивительно, что бармен пришел в восхищение от его ноги! Та лежала на стойке, а сам Билл распростерся на полу, на который рухнул несколько секунд назад. Кое-как Герой Галактики исхитрился сменить положение, поднялся, уронил голову на стойку, а ногу опустил на пол. Нога по-прежнему заканчивалась раздвоенным копытом, но Биллу было наплевать.

— Да, ему было наплевать — на все и на всех!

Когда Билл сел, довольный бармен, видя, что клиент в порядке, разве что чуть-чуть покачивается, открыл бутылку «Старого Растворителя и Тараканомора» и наполнил стакан Билла, что называется, всклень.

Билл выпил.

Да, это явно не «Святограальское крепкое». Ну и ладно, спиртное есть спиртное. А забытье есть забытье.

— И клыки твои мне тоже нравятся, — продолжал бармен, судя по плохо пришитым нашивкам на рукавах — нестроевой солдат. Должно быть, подрабатывает. — Ты ведь инструктор, верно?

Билл фыркнул.

— Говорят, на подходе новая партия новобранцев. Кто их будет учить уму-разуму? Ты?

Билл фыркнул снова. Он очень любил подражать свиньям. Значит, вот какое у него дело на завтра! Он пододвинул бармену пустой стакан.

— Послушай, а не слишком ли ты много выпил, если тебе завтра вставать в четыре утра? — справился бармен.

— Все нормально. Как раз буду зол как садист. Наливай и заткнись, — Билл улыбнулся.

— Как скажешь, приятель, — бармен пожал плечами. — За счет заведения. Между прочим, у тебя такой вид, словно твоя подружка сбежала к твоему лучшему другу.

Глаза Билла широко раскрылись. Жидкость выплеснулась из стакана на стойку. Он схватил бармена за грудки и притянул к себе.

— Чего? Неужели все знают?

— Хрр! — прохрипел бармен, начиная задыхаться. Билл слегка ослабил хватку, и бармен принялся жадно глотать живительный, пускай даже с мерзким привкусом, воздух. — Отпусти! Я ничего про тебя не знаю! Извини, если ненароком обмолвился не о том. Слушай, будь моим гостем! Забирай всю бутылку!

— Ее звали Ирма, — проговорил Билл, фыркнул и отпустил бармена. — Она была сверхновой в моей галактике! — Он покачал головой, налил себе виски и какое-то время тупо глядел на стакан. — Но все хорошее рано или поздно кончается, а конец покинутого солдата — всегда трагедия. Она бросила меня и ушла к Рику. Старина Билл чуть не сыграл в ящик, ведь во Вселенной возникла черная, грязная дыра!

— Елки-палки, Билл! Мне очень жаль.

Услышав «елки-палки», Билл пристально поглядел на бармена. Нет, на черепе того не было никакого шва, а потому он не мог быть замаскированным чинджером Бгр. Вдобавок Бгр удрал на спасательной шляпке вскоре после того, как их вышвырнуло из Зажелезии. Легендарную страну пивоварен им найти так и не удалось. Однако они выпили все спиртное, которое нашлось на корабле, что, если оглянуться, и было причиной разлуки с Ирмой. Рик быстро выяснил, что Ирма влечет его сильнее выпивки, а она, естественно, влюбилась в него по уши и забыла про наклюкавшегося до невменяемости Билла. По крайней мере, такую картину событий нарисовало воображение Героя Галактики.

Он очнулся на Костоломии-IV и увидел приколотую к форменной рубашке записку с извинениями, а в следующий миг сообразил, что к нему, по-собачьи завывая от восторга, приближаются полицейские.

Вот так, как гласит избитое, но, тем не менее, повторяемое на все лады присловье, все и вышло. В армии ощущалась нехватка инструкторов: последнего съели новобранцы. Поэтому Билла мигом переправили в лагерь имени Брежнева, наказав усердно дробить новобранцев на армейской дробилке и выкидывать отбросы.

Он, прикончив немногих уцелевших в желудке бактерий очередной порцией «Старого Растворителя», не мог не вспомнить, что писал в своей записке чинджер Бгр — в той самой, какую нашел в собственном ухе на следующее утро после побега ящерицы.

«Извини за все неприятности и хлопоты, которые я тебе доставил, связавшись с этим негодным докторишкой. Я всего лишь хочу жить в справедливой, мирной Вселенной. Того же, по-моему, хотят все, за исключением всяких разных вояк. Подписано: твой приятель, чинджер Бгр».

Ерунда какая-то!

— Чинджеры — наши враги, — пьяно пробормотал Билл, обращаясь к бармену.

— Точно, дружище. И еще какие!

— С пьяных глаз не указ.

— Верно. Может, забрать бутылку?

Билл обхватил ту обеими руками и зарычал. Бармен попятился.

— Нет в мире справедливости, — проскулил Билл.

— Значит, нечего ее ждать.

— Правильно! — Билл посмотрел на ногу-капризулю, вздохнул, рыгнул, потянулся за стаканом, поднес его к губам, отпил — и остановился. Что-то было не так? Или так? Он неуклюже заковылял на цыпочках по мозговым извилинам, надеясь набрести на ответ.

Нога.

Что нога?

Твоя нога.

— Нога! — воскликнул Билл, моргнул и воззрился на свою ногу, что заканчивалась раздвоенным копытом.

Копыта не было! Изуродованная нога стала точь-в-точь такой же, как ее здоровая товарка. Ничего себе капризик!

Он сдался. Бежать было некуда. Он понял, что от армии не уйти, что он обречен до конца своих дней маршировать по плацу. И нога-капризуля поймала на строение и снабдила его ногой под стать настрою.

Неужели? Билл в ужасе вновь посмотрел на ногу и увидел на той башмак. Естественно! Ха-ха! Снаружи башмак, внутри нога. Или как? А может, ему суждено до скончания века обходиться башмаком вместо ноги?

Куда уж как весело! А как прикажете принимать душ или заниматься любовью?

Билл нагнулся, собираясь расстегнуть «липучки» — и снова испугался. Пальцы задрожали мелкой дрожью.

Нет! Он должен знать правду! Что бы там ни обнаружилось на конце ноги, он должен знать!

Билл отогнул «липучки».

**БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ,
НА ПЛАНЕТЕ
ЗАКУПОРЕННЫХ МОЗГОВ**

Глава 1

— Занимайте места, ребята, — произнес Подхалим в рупор, который стащил у инструктора по строевой подготовке. Благодаря рупору его голос прозвучал омерзительно сипло — точь-в-точь, как инструкторский. — Наступает момент, которого все вы ждали, — вскрытие футляра на новой ноге Билла, выросшей из имплантированного зародыша. Всего лишь десять баксов за билет! Зато какое вас ожидает зрелище — уникальное и, быть может, отталкивающее!

Казарма, в которой должно было произойти это событие, быстро заполнялась. Увидеть, что там выросло на ноге у Билла, пожелало большинство из тех, чья служба проходила в лагере Паралич. Зародыш Биллу имплантировали три дня назад на медицинском спутнике ХРИП-32, что находился Неизвестно Где, после чего переправили Героя Галактики в лагерь Паралич, крупное военное поселение на планете Ловчила. Разбинтовать трансплантат можно было только через три дня, никак не раньше; выполнение медицинских рекомендаций обеспечивалось бинтом с электронным хронометражем. С подобными бинтами время от времени возникали проблемы, однако Билла, по счастью, они миновали. По крайней мере, так ему казалось.

В лагере Паралич насчитывалось пятьдесят тысяч космических десантников, которые откровенно маялись от безделья. Лагерь располагался на территории в сотню наполовину ушедших под воду акров посреди

Нечестивой Топи, самого большого и мокрого из болот планеты Ловчила. Почему лагерь построили именно на болоте, до сих пор оставалось загадкой. Впрочем, для кого как. Кое-кто утверждал, что произошла ошибка, и не где-нибудь, а в ставке главнокомандования на Гелиоре. Другие считали, что место было выбрано с умыслом: ведь суровые условия закаляют людей — если, конечно, не приканчивают их, не калечат и не сводят с ума.

«Ну и ладно, лишь бы хватало новобранцев».

Таков был девиз 69-го Боевого Дальнекосмического полка Убийц-Визгунов — части, к которой приписали Билла.

— Давай снимай, — поторопил Кенарси. — Посмотрим, что там у тебя такое.

Билл огляделся по сторонам. В казарме было не протолкнуться. Значит, по десять баксов с носа... Билл прикинул, что на эти деньги, которые собирал для него Подхалим, он сможет купить себе новые башмаки. Потребность в замене обуви возникала после каждой операции на ноге — а те происходили весьма часто; армия же, естественно, не собиралась покрывать его затраты на обувку, которую он нередко даже не надевал, поскольку правый башмак явно не налез бы на изуродованную медициной ступню.

Подхалим с энтузиазмом замахал руками, давая понять, что можно начинать. Добродушный, почтительный и послушный, он испытывал восторг буквально перед всем на свете и постоянно норовил помочь товарищам. Такое поведение шло вразрез с армейскими привычками; вот почему десантники ненавидели Подхалима и дали ему это прозвище. Правда, Биллу он нравился, поскольку напоминал Трудягу Бигера, который вел себя точно так же. Однако тот, разумеется, был роботом и шпионом чинджеров.

— Ладно! — Билл взялся за бинт. Прозвучал сигнал тревоги, пальцы обожгло разрядом электрического тока. — Ой! Похоже, рановато. — Бинт хрипло зажужжал, конец полосы вдруг оказался свободным. — А вот теперь пора. — Билл принялся разворачивать бинт. Зрители дружно подались вперед, в едином порыве вздохнули, покраснели, побледнели, задышали с натугой; некоторые нервно ломали руки. Откровенно говоря,

нога Билла не представляла собой ничего особенного, но в военном лагере, где невыразимо противно и невыносимо скучно, и тараканьи бега вызывают интерес ничуть не меньший, чем схватка обнаженных дам, что борются на полу, залитом желе.

Возбуждение — или что там было — достигло пика, когда Билл размотал бинт до конца. Около восьмидесяти дюжих, покрытых шрамами воинов — нижних чинов, чей коэффициент умственного развития был меньше даже того самого чина, — что набились в задымленное помещение, уставились на ногу Героя Галактики.

Вы наверняка решили, что первым на свою ногу посмотрел сам Билл: ведь, в конце-то концов, нога не чья-нибудь, а его. А вот и нет. Разматывая бинт, Билл суеверно глядел совсем в другую сторону, ибо накануне в ступне возникли странные ощущения и ему стало боязно.

Он посмотрел на лица товарищей. Солдаты неотрывно глядели на его ногу. Внезапно кто-то прицокнул языком. Ничего подобного Билл не ожидал. И вдруг зрители захохотали. То был не вежливый, не одобрителный смех, на какой можно рассчитывать при раскрытии трансплантата, а самый настоящий гогот, вроде того, каким встречают удачную шутку.

Билл взглянул вниз, отвел взгляд, снова посмотрел на ступню, моргнул, хотел было вновь отвернуться, но передумал, собрался с духом и воззрелся на свою ногу.

— Знаешь, Билл, — проговорил Ковальски, — я думал, будет какая-нибудь лажа. В смысле — ну что может быть под бинтом? Тебе имплантируют зародыш, из которого вырастает нога, и все дела. Я ошибался, Билл. Спасибо за удовольствие. Последний раз я так смеялся, когда прикончили нашего командира.

— Как будто порядок, — заметил Билл, пошевелив когтистыми пальцами.

Со ступней и впрямь все было в порядке, разве что она больше подошла бы аллигатору, ибо из зародыша на ноге Билла проросла чудесная зеленая, чешуйчатая, со множеством когтей крокодила лапа.

Что натворили эти докторишки? Может, они экспериментировали, пытались превратить его в рептилию? Вполне возможно. Недавно ему прирастили гигантскую лапу цыпленка-мутанта, так что все может быть, тем

более — в армии. Следующая же ступня была что надо, избыток пальцев нисколько не мешал; жалко, что она засохла и отвалилась.

Крокодилья лапа была зеленой и маленькой, однако ей уже можно было пользоваться; вдобавок, она, вероятно, со временем станет гораздо больше. «Все крокодилы обзавидуются», — мрачно подумал Билл. До того, что новая ступня — шедевр хирургического искусства, ему не было никакого дела. Пускай хоть трижды шедевр, не очень-то полезный, но шедевр, — Билл, как и многие до него, обезумел от ярости, а потому плевать хотел на такие тонкости.

Глава 2

Билл ковылял по коридору, слегка кренясь влево и припадая на шишковатую и когтистую крокодилью лапу, которая еще продолжала расти, хотя пока и оставалась короче левой ступни приблизительно на дюйм; впрочем, она спокойно выдерживала вес Билла. Неудобство заключалось разве что в том, что когти царапали пол.

Герой Галактики направлялся в крохотное помещение на двенадцатом уровне центральной площади лагеря. Ближе к концу пути он немного запыхался, ибо, чтобы не ковылять, а шагать на крокодильей лапе, требуется известная сноровка.

Помещение размерами десять на десять футов делилось на две половины. Одну отвели под приемную, вторую занимал компьютер марки «Квинтиформ», не самой последней модели, но все же, как полагали, достаточно надежный.

Билл вошел в приемную и сел на стул. Он оказался единственным посетителем, что было само по себе удивительно, поскольку обычно на прием к компьютеру стояла очередь.

Едва усевшись, Билл услышал раскатистый металлический голос:

— Привет! Говорит компьютер «Квинтиформ». Пожалуйста, пройдите внутрь и предъявите свой личный знак.

Билл послушно встал. Стены второй половины помещения были выкрашены в бежевый цвет, наподобие корпуса компьютера. На них располагались различные переключатели и шкалы, а выше находились громкоговорители, через один из которых звучала мелодия самбы. Герой Галактики предъявил личный знак. Компьютер зашипел и защелкал, давая понять, что опознал посетителя.

— Итак, Билл, — произнес он, — какие трудности?

— Четверо врачей с медицинского спутника Асклепий имплантировали мне зародыш ступни, — объяснил Билл. — Полюбуйся, что из нее выросло!

Компьютер вытянул металлическую ложноножку с мигающим глазом на конце и внимательно осмотрел крокодилью лапу.

— Ба! — Неожиданно он захихикал.

— Не вижу ничего смешного, — заявил Билл. — И потом, роботы не должны смеяться.

— Извини, — отозвался компьютер. — Я всего лишь хотел подбодрить тебя. Полагаю, ты желаешь, чтобы врачи приделали похожую ступню и на вторую ногу?

— Нет! Мне нужны нормальные человеческие ноги — такие, с какими я родился!

— Ну разумеется. — Компьютер загудел, зажужжал; должно быть, рылся в своей памяти, разыскивая наиболее подходящий вариант. Какое-то время спустя он сказал: — Отправляйся в комнату 1223-В на уровне «Ярь-медянка», сектор «Вектор — Вектор-2». Там тебе помогут.

Попасть в лагере в нужное место было не слишком просто, поскольку главный корпус представлял собой нечто вроде средних размеров города. В нем насчитывалось свыше трех тысяч комнат, имелись также камеры пыток, залы для встреч, склады контрацептивов, продовольствия и имущества, кафетерии внутривенного питания и прочее, и все это размещалось на десяти уровнях. Некоторые десантники бродили по корпусу днями напролет. Почти на каждом перекрестке коридоров можно было натолкнуться на солдат, крепко спящих на куче пятнистых комбинезонов. Если тебя куда-то посылали, считалось необходимым прихватить в

дорогу еду и полную канистру воды. Однако Биллу повезло — едва он очутился в коридоре, рядом с ним остановился электрический карт — маленький автомобильчик.

— Привет, Билл, — поздоровался автопилот карта. — Компьютер поручил мне доставить тебя к месту назначения. Выпить хочешь? Мы должны заботиться о наших доблестных парнях.

Биллу показалось, что карт ведет себя уж чересчур дружелюбно. Тем не менее он забрался в кабину. До комнаты 1223-В добираться неизвестно сколько, так что лучше ехать, чем топтать пешком.

Карт помчался по грязно-желтым коридорам, мурлыча какой-то веселенький мотивчик. Они миновали секторы обслуживания и связи и очутились в секторе планирования.

— Что-то непохоже на госпиталь, — заметил Билл.

— Не беспокойся, — откликнулся карт. — Я знаю, куда еду.

Машина въехала на пандус, юркнула в коридор и покатила к двери в его дальнем конце. Билл моргнул, ибо карт ехал все быстрее, а дверь была, судя по всему, закрыта. Герой Галактики съезжился на сиденье, зажмурился и обхватил голову руками, однако удара не последовало. Тогда он осмотрелся по сторонам. По-видимому, дверь, створки которой снова смыкались, открывалась каким-нибудь фотоэлементом.

Карт привез Билла в офицерский бар с обстановкой в стиле древних земных салунов. Лампы с абажурами, темная мебель из великолепной пластмассы, длинная стойка, за ней бармены в белых рубашках, музыкальный автомат, который изрыгал старомодный рок: музыку исполняли на подделках под старинные инструменты вроде синтезаторов и электрогитар; некоторые из них выглядели так, словно им несколько сотен лет, хотя, вполне возможно, их изготовили всего лишь на прошлой неделе. В баре находилось с дюжину офицеров обоего пола. Все они были в форме и держали в руках бокалы и разразились приветственными возгласами, когда карт влетел в комнату, аккуратно развернулся посередине и замер в неподвижности.

— Прошу прощения, — проговорил Билл. — Это госпиталь?

Ответом ему был громкий, добродушный хохот. Мужчины столпились вокруг Билла и принялись расхваливать его остроумие. Одна из женщин — в чине майора, никак не меньше, — пышногрудая блондинка со вздернутым носиком, плюхнулась Герою Галактики на колени и звучно поцеловала в губы. Кто-то спросил, не хочет ли он выпить. Происходящее настолько потрясло Билла, что он ответил утвердительно и получил в руки громадный кубок, наполненный коктейлем из всех тех алкогольных напитков, которые в тот день подавались в баре. Явственно ощущался привкус рома, равно как и запах конского навоза — ведь пошло было, что называется, лошадиным; благодарный Билл осушил кубок одним глотком, ибо давно усвоил, что к дармовой выпивке не принимают.

Майорша прыгнула с колен Билла, чуть ли не ткнулась своим носом в его, проникновенно поглядела ему в глаза и произнесла будоражающим контральто:

— Ты такой, каким я тебя воображала. — На Билла пахнуло виски.

— Ну... — проговорил Билл. — Я стараюсь...

— Как умно! — пробормотал один полковник, обращаясь к другому.

— Толковый парень, — заявил седовласый полковник, которому, похоже, подчинялись остальные офицеры. — Угостите его сигарой. И плесните ему того коньяку, который мы позаимствовали на складе Главной Базы после победоносной атаки.

Сигара в одной руке, рюмка коньяка в другой, глупая ухмылка на лице, — Билл оказался совершенно не готов к вопросу, который задал майор с лисьей физиономией и эмблемой второго директората контрразведки — перекрещенные знаки вопроса — на погонах.

— Скажи-ка, Билл, что ты думаешь по поводу цури-хианской проблемы?

— А она имеет какое-нибудь отношение к медицине? — справился Билл. — Если да, я хочу пожаловаться.

— Приятель, — воскликнул майор, — ты что, ничего не знаешь о планете Цурис?

— Я здесь всего три дня, сэр, — отозвался Билл, топя в коньяке свои подозрения насчет офицерской благожелательности. В глубине души он догадывался,

что эта благожелательность — наигранная. А еще глубже гнездилось стремление напиться до отключки шикарным командирским коньяком.

— И чем ты занимался?

— В основном растил новую ногу, — признался Билл. — Я как раз...

— Потом, потом, — перебил майор. — Цурис — планета, которая находится неподалеку отсюда. Порой ее называют Загадочной Планетой.

— А, тогда я о ней слышал, — промямлил Билл, сознание которого потихоньку затуманивалось — Оттуда передают по радио диковинные сообщения, верно?

Майор пустился в объяснения. По его словам, начальству военной базы на Ловчиле поручили прояснить положение дел на таинственном Цурисе, о котором не было известно практически ничего. Плотный облачный слой мешал сделать хотя бы мало-мальски приличные фотографии поверхности. Разумеется, в облаках возникали разрывы, сквозь которые на планету проникали солнечные лучи; но когда к ним подлетали разведывательные корабли, разрывы немедленно затягивались.

— Чудеса, — проговорил Билл. — Будто кто-то ими управляет, а?

— Молодец, — похвалил майор. — Выпей еще. Как ты уже сказал, с Цуриса поступают радиосигналы, однако мы не можем их понять. Самое же неприятное то, что звездолеты, которые оказываются поблизости от Цуриса, вдруг исчезают, а появляются в миллионах миль от планеты, каким образом — никто не знает.

— Пожалуй, от такого местечка лучше держаться подальше, — признал с пьяной искренностью Билл, кивая и одновременно попивая коньяк, что у него получалось не слишком хорошо.

— Если бы мы могли, — откликнулся майор. — Мы не можем, поскольку мы — армия и идем, куда нам хочется.

— Слушайте, слушайте! — закричали остальные офицеры, поспешно осушая бокалы.

— Вдобавок, — продолжал майор, — если на Цурисе существует некая сила, способная отклонить звездолет от курса на миллионы миль, она имеет для нас огромное значение. Мы должны знать, как она действует

и собираются ли цурихиане — или кто там живет на планете — использовать ее против Империи.

— Если да, — прибавил седовласый полковник, — нам нужно выбить из цурихиан всякую дурь прежде, чем они нападут на нас.

— Пожалуй, — произнес капитан ударных войск, — будет разумно выбить из них дурь, даже если они не замышляют ничего дурного.

— Слушайте, слушайте! — затянули нараспев офицеры.

Все усталились на Билла, ожидая, что он скажет. Билл попытался принять глубокомысленный вид, хотя мысли в голове бессовестно путались.

— А вы не пробовали послать разведчик? Он бы все высмотрел и доложил.

— Приятель, — отозвался майор, пряча отвращение за кривой улыбкой, — мы посылали их неоднократно. Ты, наверное, догадываешься, что ни один не вернулся и ни о чем не доложил.

— Печально, — пробормотал Билл, пуская пузыри, и вдруг преисполнился кровожадности: — Значит, надо шархнуть по ним атомными торпедами! Хоть одна да прорвется. Уничтожить! Стереть в порошок!

— Мы думали об этом, — сказал майор. — Но, как пишут в левых газетах, поступить так означало бы нарушить правила ведения войны, что не понравилось бы нашим любезным кандидатам на следующих местных выборах. Они требуют, чтобы мы действовали в рамках закона. Объявление войны и прочая дребедень. Если их не изберут, мы вольны творить что угодно, но пока наши руки связаны, ракеты застряли в шахтах, а потому приходится топить печаль в стакане.

— Ну... — Билл пораскинул мозгами. — Почему бы не объявить войну?

Офицеры одобрительно закивали.

— Ты правильно мыслишь, солдат. Но все упирается в выборы. Пока они не пройдут, никаких войн. Зато потом мы можем бомбить цурихиан в свое удовольствие. Однако на данный момент нам необходима иллюзия законности. Проблема в том, что на Цурисе до сих пор не удалось отыскать кого-либо, с кем можно было бы вести переговоры. Вообще-то порой создается впечатление, что на планете никого нет.

— Все очень просто, — заявил полковник. — Я уверен, подобная мысль к вам наверняка приходила. Нужно отправить на Цулис корабль-разведчик с человеком на борту, вручить этому человеку послание Верховного Адмирала; цурихиане вряд ли откажутся его выслушать. Затем мы предъявим им требования, которые они, без сомнения, отвергнут, и у нас появится возможность выставить как причину войны «жестокое оскорбление, которое не смыть елейными заверениями».

— Но цурихиане могут принести извинения, причем настолько быстро, что опередят наши приготовления, — заметил другой полковник.

— В современной войне скорость — это все, — изрек майор. — Что скажешь, Билл?

— По-моему, план неплохой, — ответил Билл. — А теперь, если вы покажете мне дорогу в госпиталь...

— Сейчас некогда, солдат, — бросил майор. — Хотим поздравить тебя. Известно ли тебе, как летать на беспилотном корабле?

— Минуточку! — воскликнул Билл. — При чем тут я?

— Приятель, — объяснил майор, — войдя в нашу комнату, ты тем самым добровольно вызвался лететь на Цулис.

— Я не знал! Меня послал компьютер!

— Совершенно верно. Он выбрал тебя добровольцем.

— Разве так можно?

— Не знаю, не знаю, — майор поскреб затылок. — Почему ты не спросил у него? — Он злорадно хихикнул, а Билл, который попытался вскочить, несмотря на слабость в ногах, почувствовал, как на его лодыжках защелкнулись автоматические кандалы.

Глава 3

Подхалим выглядел просто ужасно. Да, в последнее время ему изрядно досталось. Друзья-товарищи шпыняли его почем зря за то, что он непременно норовил помочь, проявлял заботу — словом, вел себя не так, как положено десантнику. Первое правило, которое должен усвоить настоящий солдат, гласит: «Свой зад дороже чужого». Военный психиатр определил у Подхалима запущенную болезнь Шмидаса, которая представляла собой зеркальный вариант случая Мидаса, когда все, к чему ни притронешься, превращается в золото. Однако с психиатром не согласился его коллега, доктор майор Шмелленфусс, который заявил, что Подхалим — классический пример пациента с комплексом неудачника, осложненного саморазрушительными тенденциями. Подхалим же знал только одно: что жизнь становится хуже и хуже; а ведь он всего лишь хотел осчастливить ближних!

И вот очередное тому подтверждение. Не удивительно, что выглядел он ужасно. Да и кто будет выглядеть иначе, когда его прижмут спиной к раскаленному баку для кипячения белья? Вдобавок перед Подхалимом стоял Билл, занесший для удара окорокоподобный кулак.

— Билл, подожди! — воскликнул Подхалим, заметив, что глаза Героя Галактики сузились и он готов прошибить головой товарища металлическую стенку бака толщиной в полдюйма. — Я же старался для тебя!

— Чего? — переспросил Билл, не опуская кулак.

— Понимаешь, записавшись в добровольцы, ты заработал медаль, приличную премию, годичный запас таблеток от венерических болезней и, что важнее всего, незамедлительный почетный отпуск!

— Отпуск?

— Да, Билл! Ты сможешь слетать домой!

При мысли о родной планете Фигеринадон Билла охватила ностальгия. О, как бы ему хотелось вернуться!

— Ты уверен? — справился он.

— Ну конечно! Когда выполнишь задание, загляни к офицеру-вербовщику. Он все устроит.

— Здорово! — проговорил Билл. — Вся беда в том, что мое задание — чистое самоубийство и я вряд ли выживу. Значит, отпуск мне не понадобится, верно?

— Ты выживешь, — заявил Подхалим. — Я тебе гарантирую.

— Чего?

— Записав добровольцем тебя, я записался сам. Я буду приглядывать за тобой, Билл.

— Да ты и за собой не можешь приглядеть. — Билл вздохнул. — Знаешь, Подхалим, спасибо за помощь, но лучше бы ты не лез не в свое дело.

— Понимаю, Билл, — проговорил Подхалим, отпрыгивая от бака, который сделался чересчур уж горячим. Он догадался, что непосредственная опасность миновала. Билл порой впадал в бешенство, но, если расправа хотя бы немного откладывалась, довольно скоро успокаивался.

— Между прочим, — поинтересовался Билл, — почему ты записал меня добровольцем? Ведь вызваться мог только я сам.

— Тут ты прав, — признал Подхалим. — Может, сумеешь уломать компьютер.

— Снова привет! — поздоровался компьютер. — Ты был здесь не так давно, верно? Извини, что спрашиваю, но зрение у меня уже не то. Что поделаешь, старею, ортисон совсем износился. А всем наплевать. — Он механически зарыдал. Звук был отвратительный.

— Я приходил с ногой, — объяснил Билл, громко, чтобы заглушить электронного плаксу.

— С ногой? Про ноги я всегда все помню! Покажи-ка! — Билл поднес ногу к видеозэкрану. — Фьюить. Шикарная лапа! Но я ее раньше не видел. Говорю же, про ноги я не забываю.

— Ну вспомни! — принялся умолять Билл. — Ты ведь изучал ее в прошлый раз. Что ты за компьютер, если ничего не помнишь!

— Я все помню. Компьютеры не могут забывать. Просто в последнее время я о твоей ноге не думал. Подожди, пороюсь в памяти. У меня все по полочкам разложено... А, вот оно! Верно, ты что-то говорил насчет ноги, а я направил тебя в офицерский бар.

— Ну да. Офицеры сказали мне, что, придя к ним, я вызвался добровольцем на опасное задание.

— Правильно, — подтвердил компьютер. — Они просили добровольца, и я отправил им первого, кто заглянул сюда.

— Меня?

— Тебя.

— Но я не вызывался!

— Тра-та-та! В смысле «извини, но ты вызвался». Логическое допущение.

— Не понял.

— Я предположил, что ты бы вызвался, если бы тебя спросили. В компьютерах имеются специальные схемы, позволяющие строить предположения.

— Но можно же было спросить! — рявкнул Билл.

— Зачем мне тогда мои схемы, на которые ухлопали столько денег? Я и так знал, что отважный боец вроде тебя будет счастлив вызваться добровольцем на опасное задание, несмотря на пустяковые проблемы с ногой.

— Ты ошибся, — заявил Билл.

— Что ж, — отозвался компьютер, по видеозэкрану которого пробежала рябь — этакое электронное пожатие плечами, — от ошибок никто не застрахован, верно?

— Еще чего! — гаркнул Билл и стукнул кулаком по экрану. — Я вырву твои лживые транзисторы! — Он снова ударил по экрану. Тот вдруг замигал красным.

— Рядовой, смирно! — скомандовал компьютер хриплым голосом.

— Чего? — изумился Билл.

— Ты слышал. Перед тобой военный компьютер в чине полковника, а ты — рядовой и должен обращаться ко мне, как положено, иначе у тебя будет куча неприятностей.

— Так точно, сэр, — выдавил Билл, становясь по стойке «смирно». Офицеры все одинаковы, даже если они — компьютеры.

— Значит, по-твоему, с тобой обошлись несправедливо. Что ты предлагаешь?

— Кинем жребий, — ответил Билл. — Или вы выберете другого добровольца из всего личного состава лагеря, методом тыка.

— И ты удовлетворишься моим выбором?

— Так точно.

— Хорошо. — Видеоэкран прорезала разноцветная молния, затем по нему побежали имена. Послышался звук, напоминающий тот, с каким катится по столу шарик рулетки. — Все. Выбор сделан.

— Замечательно. Я могу идти?

— Конечно. Удачи, солдат.

Билл открыл дверь. Снаружи стояли двое громадных полицейских с тяжелыми подбородками. Они подхватили Билла под руки.

— Как ты, наверное, догадался, — прибавил компьютер, — жребий снова пал на тебя.

Полицейские поволокли солдата с крокодилей лапой вместо человеческой ступни по коридору. Вскоре он очутился на обзорной площадке, где находились несколько генералов, ожидавших предмета обозрения. Билл открыл рот, чтобы завопить. Один полицейский ткнул его локтем под дых, второй ударил по почкам.

Когда, несколько секунд спустя, Билл очнулся — кто-то жестоко выворачивал ему нос, — первый полицейский наклонился к Герою Галактики и произнес:

— Слушай, приятель, ты все равно полетишь на этом корабле. Вопрос только в том, в каком виде — целый и невредимый или инвалидом. Мы тебе покажем, как закатывать сцены перед «шишками».

— Они терпеть не могут сцен, — добавил второй. — И мы тоже.

— Нам делают втык, если добровольцы начинают упрямиться, — пояснил первый.

— Может, покалечим его на всякий случай? — спросил второй.

— Лишим голоса?

— Он тогда будет махать руками.

— Ты прав.

Полицейские принялись засучивать рукава.

— Не стоит, — проговорил Билл. — Сажайте меня на корабль.

— Сперва ты поднимешься к генералам, пожмешь каждому руку и скажешь, что счастлив быть добровольцем.

— Тогда пошли, — ответил Билл.

Глава 4

Корабль оказался небольшим, размерами с моторную лодку. Он был изготовлен из дешевого пластика и покрытого фольгой картона и предназначался для одноразового использования. Полицейский потянул за ручку главного люка и сердито заворчал, когда ручка очутилась у него в кулаке.

— Не беда, — утешил второй. — Внутри пока все в порядке.

— Кто так строит? — проскулил Билл — и взвизгнул от боли, ибо полицейские продолжали держать его и он висел в чрезвычайно неудобном положении.

— А чего возиться? — откликнулся первый полицейский. — Такие кораблики летают только в одну сторону и в самые опасные места.

— То есть я не вернусь? — проскулил Билл, изнемогая от жалости к самому себе.

— Я ничего такого не говорил. Может, вернешься, а может, и нет. В том-то и преимущество отправки добровольца: если ты, как в общем и целом ожидается, не вернешься, тогда командование, вероятно, пошлет на Цурис экспедиционный корпус и даже объявит войну, чего им очень хочется.

— Вероятно?

— Ну да, ты же знаешь, какие у нас командиры. Вечно все переигрывают, с их-то крошечными умишками. Но вполне вероятно.

— Йип! — йипнул Билл. — Что ты делаешь с моим ухом?

— Прикрепляю к нему транслятор на случай встречи с цурихианами. Надо же тебе как-то с ними общаться.

— Цурис! Место, откуда никто не возвращается!

— А ты быстро соображаешь. То-то и оно, приятель. Твое исчезновение послужит поводом для вторжения.

— Мне это не нравится.

— А тебя никто и не спрашивает. Исполнивай приказы и заткнись.

— Я отказываюсь! Отмените приказ!

— Заткнись! — Полицейские затолкали Билла в корабль и пристегнули ремнями к креслу, обтянутому красивым материалом и очень удобному. Однако Биллу было не до восторгов. Он раскрыл рот, чтобы закричать, но тут ему в горло хлынула струя какого-то напитка. Он поперхнулся, но сумел проглотить, и выдохнул:

— Что... Что это такое?

— «Апатия-24» с двойной порцией экстаз-трикарбоната. Крепость сто пятнадцать оборотов. — Билл снова приложился к бутылке; полицейский кивнул: — Распробовал? Бутылку можешь оставить себе.

Напиток и впрямь оказался замечательным — настолько, что Билл и не заметил, когда ушли полицейские и закрылся люк. Должно быть, корабль стартовал, потому что, посмотрев на экран, Герой Галактики увидел, что находится в космосе. Крутом звезды и тому подобное. А внизу — нечто похожее на планету. Допивая бутылку, Билл восхищался бурями, что бушевали на ее поверхности. Зловещие молнии распарывали багрово-черные тучи, в динамике трещали статические разряды.

Динамик? Билл принялся крутить ручки. Наконец послышался чей-то голос, который звучал вполне отчетливо, но произносил что-то невразумительное:

— Нет шлептать в моя не мой величина галош.

Билл ухмыльнулся и хотел было щелкнуть переключателем, когда у него над ухом что-то зажужжало. Он быстро моргнул — и вспомнил, что ему прикрепили транслятор.

— Что они говорят?

— Минутку, — брюзгливо отозвался транслятор. — Все, кажется, расшифровал. Говорят на цурихианском.

Вопрос в том, на каком диалекте — верхнегарпейском или сомсловишском.

— Какая разница? — пробормотал Билл, вытрясая из бутылки последние капли метаболической отравы.

— Интересная проблема для лингвистического анализа, — объяснил транслятор. — На первом диалекте фраза означает: «Пожалуйста, не бросайте яичную скорлупу на траву».

— А на втором? — спросил Билл, изображая интерес.

— «Чешите колени в степях».

— И так, и так белиберда.

— Весьма разумное заключение, — согласился транслятор.

Ладно, пускай говорят что хотят, потом разберемся. Внимание Билла привлекло зрелище, которое открывалось внизу. Через прозрачный корпус корабля он разглядел на поверхности Цуриса громадные и яркие цветы.

— Шш... Шикарно, — проговорил он, чувствуя, что не отказался бы от еще одной бутылки.

— Ты не собираешься менять курс? — спросил транслятор.

— Зачем? Посмотри, какие прелестные цветочки.

— Цветочки? Бедная моя кремниевая задница! — энергично высказался транслятор. — Это же ракетные шлейфы! По нам стреляют!

Билл мгновенно протрезвел и весь покрылся холодным потом. По нему стреляют? Внезапно он вспомнил о своем задании. Кораблик неожиданно содрогнулся.

— Авария! Авария! — надрывался транслятор. Звездолет клюнул носом, зарыскал из стороны в сторону, вошел в штопор — словом, начал вытворять все то, что вытворяют подбитые корабли. Билл попытался ухватиться за поручень, промахнулся — он все же протрезвел не окончательно — и ударился головой. Потеряв сознание, он погрузился во тьму, что было не так уж плохо, учитывая то, что случилось следом.

Корабль Билла развалился при столкновении с атомной торпедой.

— Гравишют, — пробормотал Билл, кое-как придя в себя. — Великолепно.

Он опускался сквозь туман, который на деле, естественно, представлял собой облачный покров Цуриса, становящийся особенно плотным, когда кто-то пытается сфотографировать поверхность планеты. Посмотрев вниз, Билл увидел, что земля приближается очень быстро. Но ведь он летит на гравитационном управлении?

Кляня все на свете, Билл зашарил вокруг себя, но, прежде чем ему удалось нащупать ручки, земля будто прыгнула навстречу и хорошенько огрела по голове, так что Герой Галактики снова окунулся в благословенную обморочную тьму.

Глава 5

Билл неохотно пришел в себя и обнаружил, что плавает в тепленькой питательной жидкости. Плотность жидкости была отрегулирована таким образом, что голова Билла постоянно оставалась на поверхности, и ему не приходилось прилагать к тому ни малейших усилий. Чудесно. Над головой сверкали разноцветные лампы. Билл моргнул. Их сверкание напомнило Герою Галактики фестиваль дефлорации, организованный фундаменталистами-зороастрийцами в день зимнего солнцеворота — дома, на Фигеринадоне. Неверующие называют этот праздник Рождеством. На глаза Билла навернулись слезы, сбежали по носу и упали в питательную жидкость.

Тут же прозвучал сигнал тревоги или нечто вроде того: этакое пронзительное электронное бурчание в животе. В помещении появилось диковинное создание. Определить точнее было затруднительно. То ли существо, то ли робот, то ли что-то среднее. Большая сфера около трех футов в диаметре, из-под которой торчат четыре тонкие черные ножки. Сверху — сфера поменьше, а на той — еще одна, совсем маленькая. Интересно, из чего они сделаны? Билл деликатно икнул и сообразил, что ему вообще-то плевать. В ванне было приятно и удобно. Внезапно он слегка забеспокоился. Оказался на чужой планете, плавает в питательном растворе; может, не стоит плевать? Он вновь поглядел на существо. Сферы как будто состояли из смеси и розовой плоти. На верхней сфере, которая приблизи-

тельно соответствовала человеческой голове, было нарисовано улыбающееся лицо.

— Пожалуйста, не делайте так больше, — проговорило существо, поскрежетаив шестеренками.

— Как так?

— Не плачьте в питательный раствор. Вы изменяете уровень кислотности. Это может повредить вашей коже.

— А что случилось с моей кожей? — спросил Билл. — Я что, обгорел?

— Ни в коем случае, что вы! Мы просто хотим, чтобы ваша кожа была здоровой и мягкой.

— А зачем?

— Об этом мы поговорим позднее. Между прочим, если вам интересно, а я уверена, что интересно, меня зовут Иллирия. Я ваша медсестра.

В ванне Билла продержали несколько часов. Когда он наконец выбрался из нее, его кожа стала здоровой и чистой. Цурихиане вернули ему одежду, которую выстирали и высушили каким-то своим, инопланетным, но эффективным способом. Биллу позволили прогуляться по коридору, или по крайней мере по тому, что выглядело, как коридор. Однако среди вещей оружия не оказалось, а ничего подходящего поблизости не обнаружилось. Впрочем, даже если бы у него и было оружие, разве можно в одиночку справиться с населением целой планеты?

Когда за ним пришла Иллирия, Билл принялся забрасывать ее вопросами. Он спрашивал, она отвечала. Герой Галактики выяснил, что Иллирия — типичная цурихианка, двадцати лет от роду, довольно образованная для девушки, которая еще всего лишь год назад жила и работала на родительской ферме. Она окончила колледж с отличными оценками, что позволило ей устроиться в клинику инопланетных форм жизни в Грейптнутце, столице Цуриса.

Каждый день Билла навещали цурихиане мужского пола. Они были значительно старше Иллирии, о чем свидетельствовала седоватая щетина на средних сферах, которые, как установил Билл, служили вместилищем батарей, обеспечивавших жизнедеятельность цурихиан.

Ему быстро стало ясно, что цурихиане не находят ничего жестокого или неестественного в том, как они планировали с ним поступить.

— Мы, цурихиане, всегда возрождаемся в чужих телах, — сообщил Биллу врач. — Или не возрождаемся вообще.

— Замечательно, но как быть со мной? — проскулил потрясенный Билл. — Со мной-то что будет?

— Сгоришь как лампочка, — цурихианин строил гримасу; впрочем, выражение нарисованного лица если и изменилось, то совсем чуть-чуть. — Неужели в тебе нет ни крупицы духовности? Неужели ты, в глубине своей душонки, не хочешь послужить на благо всех разумных существ?

— Пожалуй, нет, — ответил Билл.

— Жаль, — сказал врач. — Тебе было бы гораздо легче, если бы ты научился воспринимать все правильно.

— Слушай, приятель, — проговорил Билл, — если от меня останется один мозг, значит, я исчезну, то бишь помру. Чему тут радоваться?

— Считай себя избранным.

— Чего?! — Билл сорвался на визг.

— Каждого из нас для чего-то избирают.

— Да ну? Тогда пускай тот тип переселится в тебя, а не в меня, и избранным станешь ты.

— О, — воскликнул врач, — я об этом как-то не подумал.

Даже Иллирия приходила теперь гораздо реже.

— Кажется, меня в чем-то подозревают, — сказала она, забежав на пять минут. — Поглядывают искоса, по-нашему. Ты понимаешь, о чем я?

— Нет. — В голосе Билла прозвучало отчаяние, которое пронизывало все его естество.

— Я все забываю, что ты родился на другой планете. Смотреть по-нашему значит то же самое, как если бы ты сказал: «Я знаю, что тут не все чисто, но буду молчать, потому что сам по уши в грязи».

— Там, откуда я родом, так не говорят.

— Да? Очень интересно. В общем, мне какое-то время придется держаться от тебя в стороне. Но не волнуйся, я помогу тебе.

— Поторопись, пока меня не выкинули из моей головы.

С тех пор как Иллирия навестила его последний раз, прошло несколько дней. Сколько точно, Билл не знал. Цурис двигался вокруг своего солнца по диковинной волнообразной орбите, в результате чего длина суток оказывалась все время разной. Одни дни назывались Тигровыми (или Частокольными? — перевести точно не представлялось возможным). В эти дни солнце вставало и заходило каждый час, раскрашивая планету то в желтый, то в черный цвет. Билл решил отмечать каждый световой период царапиной на стене. Правда, понятия не имел, каким образом, но разве не так поступали те парни, которых сажали в тюрьму и про которых рассказывалось в книжках, прочитанных в детстве на Фигеринадоне, на скирде, что стояла за кучей навоза во дворе родительской фермы? Короче, он попытался, но обнаружил, что его царапина — рядом с другой, которая была на стене раньше. Или же он сам — просто не отложилось в памяти — отметил два световых периода. Или один, но дважды. Чем глубже Билл размышлял, тем сильнее убеждался, что царапанию на тюремных стенах следует обучать в школе, а уж потом проверять навыки в полевых условиях. Поэтому большую часть времени он сидел сиднем. В палате не было ни книг, ни газет, ни телевизора. По счастью, на корпусе транслятора имелся рычажок, позволявший переключать прибор с «Перевода» на «Разговор». Берясь за рычажок, Билл почувствовал себя глупцом, но больше поговорить было не с кем.

— Привет, — сказал он.

— Здорово, — ответил транслятор. — Чаво тута творисся?

— Что за идиотский акцент? — удивился Билл.

— Я же транслятор, приятель, — раздраженно пробурчал прибор. — Если в моей речи не будет жаргона, позаимствованного из многих известных мне языков, я упаду в собственных глазах. Усек?

— Не слишком важная причина.

— Кому как, ты, вшивый органический недоносок! — горячо возразил транслятор.

— Зачем же оскорблять-то? — пробормотал Билл. Ответом ему было механическое фырканье. Наступила пауза. После долгого молчания Билл поинтересовался: — В киношку давно ходил?

— Куда?

— В киношку.

— Ты что, сдурел? Я же крохотный приборчик на транзисторах, помещаюсь у тебя под правой мышкой или в ухе. Повис, и все. Как я могу ходить в кино?

— Я пошутил.

— Тоже мне, шутник нашелся, — огрызнулся транслятор. — Хватит с тебя?

— Чего?

— Разговора.

— Конечно, нет! Мы же только начали.

— К твоему сведению, я почти израсходовал разговорную емкость. Как транслятор буду, разумеется, работать по-прежнему, а разговоры, к моему глубокому сожалению, пора заканчивать. Отбой. Конец связи.

— Транслятор, — позвал Билл какое-то время спустя.

Тишина.

— У тебя вообще никаких слов не осталось?

— Эти два, — ответил транслятор и замолк окончательно.

Вскоре Билл услышал новый голос — вечером, после того как поужинал осоложенной мякотью малины и съел тарелку чего-то, напоминавшего по вкусу жареную куриную печень, а по виду смахивавшего на апельсиновые леденцы. Поев, он принялся читать этикетки на рубашке при свете лампы, которую называли «Слепой обыватель» — из-за того, что она одинаково освещала все подносимые к ней предметы. Билл потянулся и собирался было зевнуть, когда голос за спиной произнес:

— Слушай.

Билл вздрогнул и ошалело завертел головой. В комнате кроме него никого не было.

— Нет, — продолжал голос, словно подтверждая сей факт, — я не в комнате.

— А где?

— Боюсь, объяснить будет трудновато.

— Попытайся.

— Не сегодня.

— Что тебе нужно?

— Я хочу помочь тебе, Билл.

Подобное Билл уже слышал. Впрочем, всегда приятно, когда тебе хотят помочь. Герой Галактики сел на краешек ванны и вновь оглядел комнату. Никого.

— Помощь мне не помешает. Сможешь вытащить меня отсюда?

— Смогу, — ответил голос. — Если ты в точности исполнишь мои указания.

— Смотря что ты мне прикажешь.

— Возможно, ты решишь, что я спятил. Но для успеха крайне необходимо, чтобы ты верил мне и исполнил все в точности.

— Что же мне делать?

— Тебе, наверное, не понравится...

— Говори или заткнись! — взвизгнул Билл. — Пожалей мои нервы! Плевать, понравится или нет, главное — выбраться отсюда! Давай выкладывай!

— Ты можешь одновременно похлопать рукой себя по голове, а другой — потереть живот?

— Не думаю, — отозвался Билл. Он попробовал, но не преуспел. — Видишь? Я же говорил.

— Но если потренируешься, у тебя получится, верно?

— Зачем?

— Затем, что у тебя есть возможность бежать из тюрьмы. Твоя дальнейшая жизнь — останешься ты в собственном теле или нет — зависит от того, насколько точно ты будешь исполнять мои указания.

— Понятно. — На самом деле Билл ничего не понял, но делать все равно было нечего. — Может, представишься?

— Не теперь.

— Ясно. А почему?

— Объясню в другой раз. Тренируйся, Билл. Тренируйся. Я вернусь. — Голос умолк.

Глава 6

На следующее утро в камеру Билла пришла целая делегация цурихианских врачей. Двое имели привычную сферическую форму, третий помещался в теле крупной шотландской овчарки. Его замучили блохи, и он постоянно чесался задней лапой. Оставшиеся двое в своем прежнем существовании были, возможно чинд-жерами: зеленые ящерицы с блестящими чешуйками.

— Пора принять старую добрую протоплазменную ванну, — весело сказал доктор Вескер. — Доктор Вескер, — представился он Биллу, которому было откровенно наплевать.

Эти цурихиане мужского пола были врачами, что подтверждалось длинными белыми халатами, из карманов которых ухарски торчали стетоскопы. Все они говорили на стандартном, классическом или цурихианском, так что транслятор Билла, по-прежнему находившийся у того под мышкой, справлялся с переводом безо всяких сложностей.

— Док, я в порядке? — таков был едва ли не первый из вопросов Билла.

— В полном, — уверил врач.

— Если так, почему меня не выпускают?

— О, торопиться не стоит, — отозвался врач и со смешком вышел из камеры.

— Что означал его смешок? — спросил Билл у Иллирии, когда ушли и остальные.

— Доктора все такие. Они вечно подсмеиваются.

— А что случится со мной, когда я выйду отсюда?

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предложила Иллирия. — Сегодня чудесный день, зачем его портить?

Иллирия теперь дежурила ночами. Они с Биллом разговаривали обо всем на свете. Билл узнал, что цурихиане живут на Цурисе так давно, что уже никто не помнит, когда они тут появились. По одной теории, разумная жизнь на Цурисе возникла вместе с планетой, которая родилась из огненных вспышек Иа-Иа, своего желто-красного солнца. Билл не совсем понял, что Иллирия имеет в виду, и ей пришлось объяснить, что на Цурисе фактически не существует рождений и смертей. Все разумные существа, когда-либо обитавшие на планете, живут на ней до сих пор, просто те, кому не хватило тел, покоятся без сознания в психожизненном растворе из натуральных электролитов.

— Все? — уточнил Билл. — Сколько же их?

— Ровно миллиард, — ответила Иллирия. — Не больше и не меньше. Они — мы — живут на планете с начала времен. Когда-нибудь я обязательно покажу тебе ждущих тела. Мы их называем покойниками. Они находятся в бутылках...

— Миллиард мозгов в бутылках! Сколько же надо бутылок на такую ораву!

— Очень много, поэтому мы собираем бутылки по всей Галактике. У нас есть и винные, и пивные, и из-под газировки — словом, почти какие угодно.

— Н-да, — протянул Билл, снова впадая в отчаяние. — А почему их должен быть ровно миллиард?

— Пути Господни неисповедимы, — произнесла Иллирия. Она была религиозной девушкой, ревностной прихожанкой Церкви Мелкой Благотворительности. Несмотря на это, с ней приятно было поговорить, а широтой взглядов она превосходила большинство женщин-цурихианок. По крайней мере, по ее словам.

Глава 7

Билл, что вполне естественно, задумывался о своем будущем. Иллирия, похоже, не желала говорить на эту тему. Стоило Биллу обронить хотя бы словечко, она тут же мрачнела — насколько то было возможно для цурихианки, — ее голубовато-желтые глаза затуманивались, а в голосе слышалась хрипотца. Впрочем, по большому счету, Билл чувствовал себя неплохо. Единственная работа, выполнения которой от него требовали, заключалась в ежедневном двухчасовом купании в питательной жидкости (если, конечно, слово «работа» сюда подходит). Никогда еще кожа Героя Галактики не была настолько мягкой. Ногти тоже потихонечку смягчались; даже когти на крокодильей лапе, выросшей до весьма приличных размеров, — и те понемногу становились мягче. Билл однажды полюбопытствовал, зачем его заставляют принимать столько ванн. Иллирия ответила, что предпочла бы обсудить что-нибудь другое.

Правая нога Билла ее просто зачаровала. Сперва она испугалась и настояла, чтобы Билл надел бархатный носок, но со временем привыкла, частенько просила показать и перебирала своими похожими на пальцы щупальцами длинные когти: так самки стервятников играют с отпрысками.

Раз Иллирия поинтересовалась, каковы успехи Билла в математике.

— Неважные, — признался он. — В специальной технической школе меня учили два года, и все без

толку. Понадобились математические инъекции, чтобы я научился простому сложению на компьютере.

— Мы компьютерами не пользуемся, — заявила Иллирия. — Каждый выполняет математические действия мысленно.

— Если у вас все такие умные, — пробурчал Билл, — зачем же мне знать математику?

Иллирия вздохнула, но ничего не сказала.

На следующее утро пришли врачи. Их было трое, причем формой тела они отличались от членов предыдущей делегации. Билл уже усвоил, что на Цурисе такое — в порядке вещей.

— Откуда у вас столько разных тел? — справился он.

— На нашей планете, — отозвался один из врачей, — изначально отсутствовали повсеместно распространенные явления рождения и смерти. Когда возник наш мир, все разумные существа возникли вместе с ним, в виде водяных капель, которые собирались в багровые облака. Потребовалось немало времени, чтобы появилась физическая форма, и то она прибыла с другой планеты. К нам прилетели инопланетяне, какая-то экспедиция. Благодаря нашим умственным способностям, превосходящим, по крайней мере, способности соответствующих машин, мы сумели завладеть телами инопланетян. Так жизнь на Цурисе обрела физическую основу. К сожалению, мы лишены возможности иметь детей, хотя, уверяю вас, мужчины старались ничуть не меньше, чем женщины. С нулевым, разумеется, результатом. Поэтому мы постоянно выискиваем подходящие куски протоплазмы, в которых могли бы поселиться наши бестелесные собратья.

— Понятно, — проговорил Билл. — Не скажу, что я в восторге от услышанного...

— Тут нет ничего личного, — заверил врач.

— Где тут? — уточнил Билл, опасаясь худшего.

— В нашем решении воспользоваться вашим телом. При условии, конечно, что вы провалите тест на интеллектуальность.

— Погодите, не так быстро. Что еще за тест?

— Разве Иллирия вам не объяснила? Все гости нашей планеты проходят тест на интеллектуальность. Те, кто проваливается, лишаются тел.

Биллу стало ясно, что он не зря опасался худшего. Пускай пока неизвестно, каково именно это худшее, оно явно будет худшим из худших.

— А что за тест?

— Ерунда, пара-тройка пустяковых вопросов.

Затем врач произнес фразу, смысла которой Билл совершенно не уловил, хотя транслятор исправно перевел каждое слово. «Косинус», «корень квадратный из минус единицы», «логарифм», «сигма», «ромбoid»... Билл понятия не имел, что в нормальном языке существуют подобные выражения. Чтобы потянуть время, он попросил врача написать фразу на бумаге.

Следующий вопрос касался воображаемых и бесконечных чисел, числа Кантора и прочих премудростей, которые относились к штуке под названием «лобачевская геометрия». Билл снова не сумел ответить. О чем бы ни спрашивал врач, Герой Галактики не находил ответа.

— Что ж, старина, — сказал врач, — не обижайтесь, но, судя по результатам теста, интеллектуальность у вас настолько мизерна, что на наших диаграммах даже нет такого уровня.

— Математика, — проворчал Билл. — У меня с ней всегда были нелады. Вот если бы вы задавали вопросы по географии или по истории...

— Прошу прощения, — перебил врач, — мы всем без исключения предлагаем математический тест. Сами знаете, математика — наука точная.

— Знаю, — простонал Билл. — Подождите! Я ничуть не глупее любого из вас! А может, и умнее. У меня полным-полно медалей! Я герой, Герой Галактики, награжденный самыми почетными медалями и орденами. Просто у нас дома почти никто не вычисляет в уме.

— Мне очень жаль, — проговорил врач. — Что касается медалей, мы в них, к несчастью, не разбираемся. Вы — дружелюбное, хоть и туповатое, разумное существо и, судя по выражению вашего лица, иногда чуть ли не понимаете, что вам говорят. Увы, мой друг. Вас ожидает протоплазменная ванна.

— И что? — проскулил Билл.

— Мы применяем специальный метод, который перестроит ваши клетки и сделает ваше тело пригодным для того, чтобы в нем возродился цурихианин.

Питательный раствор, в котором вы купались, размягчал вашу кожу на случай, если вы не пройдете тест на интеллектуальность и угодите в протоплазменную ванну. Обыкновенная мера предосторожности, которая при данных обстоятельствах оказалась вполне оправданной.

Билл бранился, с пеной у рта проклинал все на свете, молился, брыкался, размахивал руками, но ничего не добился. Врачи твердо стояли на своем. К тому же вместе они были гораздо сильнее Билла. Герой Галактики продолжал вопить и упираться, но его схватили, выволокли из камеры и притащили в комнату, посреди которой располагался чан; в нем что-то булькало и пенилось. Билл тоже забулькал, но, поскольку сопротивляться не мог, в мгновение ока очутился в чане.

— Вам понравится, — заявил тот же врач с откровенной насмешкой в голосе. — Полежите, размякнете...

На следующий день Билла усадили в кресло-каталку, пристегнули ремнями и повезли по коридору, мимо комнаты с открытой дверью. Внутри помещения находилась огромная протоплазменная ванна, содержимое которой отливало зеленовато-коричневым. Протоплазма выглядела просто отвратительно и сильно смахивала на лопнувшего осьминога. Она булькала и пузырилась, время от времени взбухала волнами. На гребне одной из них вдруг возникли большие, выпученные глаза и, перед тем как исчезнуть с поверхности, дико уставились на Билла.

Глава 8

Билла поместили в особую камеру и стали кормить калорийной пищей, готовя тело Героя Галактики к повторному использованию. За едой он приободрялся, но затем сразу же впадал в отчаяние, ибо каждая дополнительная унция мышц, каждый дюйм жира на талии приближали его к протоплазменной ванне. Вдобавок как будто одного этого было недостаточно, Билла беспокоило и другое.

— Когда я растворюсь, что случится с моим мозгом?

— Используем, — отозвался охранник.

— А что же будет со мной? — спросил Билл дрожащим голосом. Ему одновременно хотелось и не хотелось знать.

— Интересный вопрос, — задумчиво произнес охранник. — Физически ты, разумеется, никуда не денешься.. Но что касается того, кто сидит внутри, кто говорит: «Я»... К сожалению — как бы помягче выразиться? — он исчезнет.

— Куда? — протонал Билл.

— Трудно сказать, — ответил охранник. — Чего ты дергаешься, приятель? Тебя ведь все равно рядом не будет, а мне, честно говоря, плевать.

Билла кормили кусками печени толщиной в целый ярд (он вздрагивал всякий раз при мысли о том, какому животному могла принадлежать печень) и рыбьими яйцами кубической формы, заставляли выпивать еже-

дневно двадцать один молочный коктейль, состоявший в основном из взбитых гомогенизированных мозгов. Даже с клубничной добавкой он представлял собой настоящую отраву. Билл все больше отчаивался, не находя ни малейшего утешения в том, что его тело и мозг послужат вместилищем для одного из наиболее уважаемых граждан Цуриаса, старого Правдюка Грязнюки, принадлежавшего к числу замечательнейших государственных деятелей прошлого. И то сказать, чему тут радоваться? Скорей наоборот. Подумать только, в бесценном теле Героя Галактики возродится какой-то вшивый политикан!

Винить себя в собственной врожденной тупости Биллу не хотелось, поэтому он предпочел обвинить во всем транслятор.

— Почему ты не помог мне справиться с тестом?

— Черт побери! — воскликнул транслятор. — Думаешь, я секу в математике?

— Если бы нам удалось связаться со ставкой, — простонал Билл. Они бы прислали математическую сыворотку, и все было бы в порядке.

— Не для тебя, — возразил крохотный электронный садист. — И потом, кто станет тратить сыворотку на чужие планеты?

— Знаю, знаю, — проскрежетал Билл сквозь стиснутые зубы. — Уж и помечтать нельзя? Неужели надо отбирать у человека даже мечты?

— Мне все равно, — с этими словами транслятор отключился.

Билл провел в камере с обитыми стенами два дня. Затем его навестила Иллирия. Она просидела в камере несколько часов кряду, подбадривая Героя Галактики, побуждая того рассказывать о своем детстве, о службе и о приключениях на разных планетах. Билл обнаружил, что Иллирия очень ему нравится. Хотя наружностью она практически не отличалась от прочих цурихиан, ее поведение было совсем другим. Понимающая, женственная, с тихим, ласковым голосом. Порой Биллу казалось, что он различает в полумраке, который царил в камере, очертания грудей на сверкающей металлической поверхности средней сферы. Мало того, он признался себе, что тоненькие черные ножки Иллирии выглядят весьма соблазнительно, пускай их и слишком

много. Впрочем, в глубине души Билл признавал, что тот образ Илирии, который постепенно у него складывался, порожден отчаянием. Ведь на деле он не способен полюбить женщину, состоящую из трех сфер. Две — еще куда ни шло, это как бы привычно, но три — ни в коем случае.

Глава 9

Однажды вечером Иллирия пришла какая-то не такая. Она казалась взволнованной, необычно возбужденной. Однако когда Билл спросил у нее, в чем дело, она отказалась ответить.

— Поверь мне, Билл, я делаю все, чтобы освободить тебя.

— Каким образом?

— Пока не скажу.

— Но шансы есть?

— Да, милый, да. Операция рискованная, но, надеюсь, нам повезет.

Билл заметил, что она сказала «нам» и решил уточнить.

— О Билл, — проговорила Иллирия. — Я думаю устроить тебе небольшой сюрприз.

Билл, естественно, хотел вырваться на свободу, но не был уверен, обрадует ли его сюрприз Иллирии.

Глава 10

Билл проснулся внутри компьютера. Сперва он этого не понял. Последнее, что запечатлелось в памяти, последнее воспоминание — камера. Переход, по-видимому, совершился ночью. Билл открыл глаза и быстро заморгал. Камера исчезла. Он висел в какой-то диковинной дымке. Все вокруг было словно призрачным. Билл оглядел себя. Тоже похож на призрак. Ну и дела! Где он? Что произошло с той поры, как над ним потешались врачи? Что случилось? Билл сообразил, что не может вспомнить, и ему стало страшно.

Что происходит? Он лежал на чем-то вроде крохотного облачка, выкрашенного в оранжево-лиловые тона. Поблизости виднелись другие облака, прикрепленные, может статься, проволокой к потолку. Посмотрев вверх, Билл встревожился сильнее прежнего: потолка сквозь дымку видно не было. Сплошные облака. Некоторые напоминали очертаниями парящие в воздухе стулья и кушетки. Откуда-то исходил ровный свет, пахло свиными отбивными. Билл внезапно понял, что изрядно проголодался, просто умирает с голоду. Он сел и как будто поплыл в сидячем положении.

— Где я?

— Добро пожаловать, — отозвался голос, донесшийся непонятно откуда. Этот голос Билл уже слышал в камере.

— Где я? — повторил Герой Галактики.

— Не волнуйся, — успокоил голос. — Теперь ты в безопасности.

— Что происходит? Где я? — Билл различил в своем голосе панические нотки. — И кто, разрази тебя гром, ты такой?

— Цурихианский компьютер, — сообщил голос. — Ты находишься внутри меня.

Билл огляделся по сторонам. Да, стены помещения были серо-бежевыми, а серый и бежевый — классические цвета компьютеров.

— Как я тут оказался? — спросил он дрожащим голосом, едва удержавшись от крика. — Я никогда не слышал о таком компьютере, внутри которого поместился бы человек. — Билл на мгновение призадумался. — Или кто другой.

— Ты здесь не во плоти, — отозвался компьютер, издав транзисторный смешок. — О Небо, конечно, нет.

— Тогда как же?

— Аналогически.

— А попонятнее нельзя? — пробормотал Билл, не очень-то стараясь скрыть раздражение.

— Я имел в виду, — проговорил компьютер, — что взял твою психе — глубинную суть естества — ту часть, которая произносит: «Я»... Понятно?

— Кажется. Цурихиане как раз хотели избавиться от нее, чтобы поселить в мое тело какого-то паршивого политикана.

— Вот именно. Обычно они просто-напросто выбрасывают ее. Но я сразу догадался, что ты обладаешь зачатками интеллекта, рудиментарными, но, тем не менее, полезными.

— Большое спасибо.

— Не стоит. Выбора ведь все равно не было, так? Если бы не я, ты бы умер, верно?

— Я вовсе не упрекаю, — сказал Билл. — Значит, моя... Как ты ее назвал? Моя психе внутри тебя. А где же тело?

— По-моему, его сейчас используют в качестве натуры для художников, пока новый хозяин не будет готов к переселению. Тела без психе — замечательные модели. Они могут сохранять одну и ту же позу на протяжении неограниченного времени.

— Надеюсь, они его не испортят, — пробурчал Билл. — Я потребую свое тело обратно, как только выберусь отсюда.

— Цурихиане относятся к телам с величайшей осторожностью. Сам знаешь, тел всегда не хватает. А насчет того, чтобы выбраться из меня, это маловероятно.

— Болтай, болтай, — отмахнулся Билл. — Поглядим, кто кого.

— Разумеется, — льстиво согласился компьютер голосом вроде того, каким палач уверяет приговоренного к электрическому стулу, что несколько вольт весьма полезны для здоровья.

Глава 11

Несмотря на все свои страхи и тревоги, Билл быстро приспособился к жизни внутри компьютера. Почти сразу он обнаружил, что там не так тесно, как показалось сначала. Благодаря периферийным устройствам компьютер держал под контролем всю планету. Довольно скоро Билл выяснил, что компьютер — самая важная «шишка» на Цурисе. Именно машина обеспечивала жизнедеятельность планеты. Взять, к примеру, облака, что скрывали поверхность Цуриса. Герой Галактики размышлял над тем, почему облачный покров такой густой; компьютер прочел его мысли, что не составляло никакого труда, поскольку мозг Билла являлся теперь частью компьютерного. В общем, что-то в этом роде. Отвечая на незаданный вопрос, машина весело хихикнула:

— Ты разве не думал, что все происходит само собой, а? Если думал, то ошибался, так-растак! — По причинам, известным разве что только компьютеру, он время от времени вставлял в свою речь вульгарные выражения. — Значит, хочешь знать, почему облака пропускают солнечный свет, а стоит подлететь к разрывам чужакам, тут же смыкаются? Неужели природа настолько умна? Ничего подобного, мой мальчик! Я управляю облаками, я и никто иной! Кроме того, я распределяю дожди, чтобы каждая область получила немножко больше, чем ей нужно, я посылаю команды приливным машинам, что удерживают океаны в отве-

денных пределах. Когда созревает урожай, я вывожу на поля автоматы-уборщики, а потом организую складирование и приготовление пищи.

— Ты?

— Чтоб мне сдохнуть, разумеется, я!

— Тогда зачем тебе я?

— Дело в том, — сообщил компьютер, — что жизнь на Цурисе постоянно развивается и от меня требуют все больше и больше. А мои возможности все-таки ограничены. Вдобавок часть памяти я отвел под собственные увлечения и не хочу ее трогать.

— Впервые слышу, что у компьютера могут быть увлечения.

— Ты слишком мало знаешь о компьютерах, — фыркнула машина. — Естественно, у меня есть свои увлечения. Пожалуй, тебе будет любопытно узнать, что я пишу роман.

— По-моему, о компьютерах, которые пишут романы, я слышал. По крайней мере, прочел целую кучу всякой дряни, которую с успехом мог бы сочинить компьютер. О чем твой роман?

— Может статься, однажды я тебя просвещу, — жеманно отозвался компьютер. — А теперь за работу.

Билла назначили ответственным за сбор урожая цоцки в провинции Родомонтада. Цоцка являлась одним из важнейших источников питания для населения планеты. Крохотные кустики с розовыми цветками приносили плоды, орехи и нечто вроде омерзительно-багровых бананов, весьма и весьма питательных. Вдоль плантаций цоцки, протянувшихся на многие мили, стояли поливальные машины, которые Биллу вменялось в обязанность включать и выключать. С одной стороны, работа была не очень трудной. Лишенный тела, Билл направлял усилие воли на соответствующие клапаны, которые, будучи психотронными, немедленно открывались. Как это ни удивительно, случалось, что некоторые из них засорялись, а другие как будто ржавели. Что не менее удивительно, количество энергии, уходившее на открытие-закрывание клапанов, всегда совпадало с тем, какое потребовалось бы для этой работы, будь у Билла тело. Разумеется, совершать прогулки было куда интереснее, чем работать. Билл мог взлететь над плантациями и кружить в небе, словно птица, мог проникнуть под

землю и проверить состояние корней цоцки. Его возможностям, казалось, не существует границ. Однако раньше он отнюдь не предполагал, что жизнь без тела окажется столь заполненной работой. Вскоре ему все наскучило. Через несколько дней он пришел к выводу, что ручной труд вне тела столь же утомителен и противен, сколь и телесный. Интересно, подумалось Биллу, а на что похожа жизнь после смерти, если она, конечно, есть? Возможно, она не так приятна, как полагают люди.

Находиться на плантациях цоцки было довольно приятно, особенно после того, как компьютер устроил все таким образом, что Билл ощущал жару и холод, красоту природы и тому подобные вещи. Герой Галактики знал, что ощущает не наяву, но уж лучше так, чем вообще никак. Иногда он укладывал свое метафорическое тело на поросший травой холм на краю плантации и, отрегулировав рецепторы, наслаждался небесным ароматом розового клевера и лавра. Компьютер даже снабжал его музыкой. Билл не то чтобы любил классику, однако компьютер объяснил, что под Моцарта цоцка растет гораздо быстрее. Поэтому Билл не жаловался, хотя сам предпочитал ритмичные мелодии, в такт которым можно было постукивать ногой.

Итак, какое-то время спустя плантации цоцки ему наскучили и он принялся изучать окрестности. Компьютерная сеть охватывала всю планету, поэтому Билл получил возможность воспользоваться лучшей транспортной системой из всех, какие ему когда-либо доводилось видеть. Чтобы путешествовать по ней, требовалось изрядное количество энергии, однако Билл скоро обнаружил аналог аккумуляторной батареи, а потому перемещался по сети без малейших усилий, как то и должно было быть.

Батарее Билл получил в тот же день, когда познакомился с визгуном. То был крошечный, похожий на грызуна зверек, обитавший на плантациях и в лесах Цуриса и способный общаться с автономными компьютерными проекциями наподобие Билла. Визгуны не особенно разумны — находятся где-то на уровне молодой умственно отсталой овчарки, но толковать с ними интересно. Величиной они с земную белку; у них два пушистых хвоста, спереди и сзади, великолепный образчик

естественной мимикрии, благодаря чему визгуны спасаются от преследований хищников — увидев два хвоста, те обычно на какое-то время теряются в догадках, а визгун благополучно удирает. Билл проследил визгуна до самого гнезда. Эти зверьки жили на ветвях кардифер, гигантских деревьев, что росли на лесных полянах. Забираться наверх им было трудновато, поскольку природа не предназначила визгунов к лазанию по деревьям. Она явно имела в виду что-то другое, ибо вооружила их плавниками, жабрами и маленькими рудиментарными крылышками. Вообще впечатление было такое, словно природа сомневалась, к чему бы ей определить визгунов. Билл повстречал зверька в тот день, когда лежал — аналогически — на зеленой травке на вершине холма и страстно желал получить в руки похабный комикс и гамбургер из мяса старой клячи.

Глава 12

— Добрый день, — пискнул визгун. — Вы тут новенький, верно?

— Пожалуй, — согласился Билл.

— Полуавтономный?

— Так точно.

— Я сразу догадался, — сообщил визгун. — У вас такой вид, с ограниченной ответственностью. Вы не устали поливать плантации?

— Устал, — признался Билл, — но это моя работа.

— Разумеется. Вы ведь одно из периферийных устройств компьютера, правильно?

— Мне не нравится, когда меня так воспринимают, — раздраженно отозвался Билл. — Однако ты прав. Как бы вернуться обратно в тело?

— Да, тело — замечательная штука. Особенно такое, как у меня, с двумя хвостами. Не желаете ли подняться ко мне и выпить чайку?

— Я бы с радостью, — сказал Билл, — но разве можно пить чай без тела?

— Ничего страшного, — уверил визгун. — Мы притворимся, будто пьем. Вдобавок познакомитесь с моим семейством.

Визгун поскакал вперед, а Билл поплыл следом тем манером, каким плавают компьютерные модели. Вскоре они достигли другого травянистого холма, в котором и находилось обиталище визгуна — большая нора. Найти

вход не составило труда, поскольку визгун обложил его белой лентой.

— Зачем? — поинтересовался Билл.

— Чтобы не заблудиться, — объяснил визгун. — Природа обделила нас почти во всем. Плохое зрение и слух, слабые обоняние и осязание... Зато остальные чувства развиты настолько, что с лихвой восполняют эти недостатки.

— Их, должно быть, немного?

— Заткнитесь, пожалуйста..

— Извини. А как насчет других существ? Я хочу сказать, белая полоска видна ведь издалека.

— Они ее не видят, — заявил визгун со смешком. — Хищники не различают белый цвет, такая уж у них наследственность, что, как вы можете себе представить, весьма приятно для визгунов.

Вход в нору оказался узковатым, однако лишенный тела Билл легко протиснулся внутрь. Визгун, по всей видимости, ничуть не удивился; похоже, он полагал, что Билл сумеет пролезть повсюду.

— Сейчас поставлю чай. Я бы хотел познакомить вас со своей супругой, но она, к сожалению, на службе. Моя жена — рядовой женского вспомогательного корпуса. А дети, разумеется, в школе. Вам чай с лимоном или с молоком?

— Я же говорил, что не могу пить без тела.

— Но притвориться-то можете?

— Ладно, думаю, что смогу. Пускай будет чай с лимоном и ложечкой сахара, а рядом поставьте, пожалуйста, кружку альтайрского рома.

— Рома нет, — сказал визгун. Может, подойдет виски «Старый очиститель раковин»?

— Еще бы! — Билл одобрительно кивнул, глядя, как визгун наливает воображаемый напиток из воображаемой бутылки в воображаемый стакан.

Они попиwali воображаемое виски и проникались дружескими чувствами. Поговорив с визгуном, Билл почувствовал себя гораздо лучше и вознамерился выжать из знакомства все возможное. На следующий день, явившись на плантацию, он перевел поливальные машины в автоматический режим, попросил визгуна присматривать за цоцкой и сообщить нейронной теле-

граммой, если что-нибудь пойдет не так, а сам отправился на прогулку.

Как замечательно было, передвигаясь с помощью аккумуляторной батареи, исследовать новый мир! Стоило пробиться через неприветливый облачный покров, как внизу расстилалась во всей своей красе поверхность Цуриса. Тут и там виднелись деревеньки, на пути возникали крутые горы, которые надо было огигать, текли реки, течение которых можно было проследить от истока до устья. Порой Биллу встречались прочие полуавтономные обитатели компьютерной реальности.

Среди них был Скальциор, трехногий инопланетянин с Аргона-4, который пролетал мимо Цуриса несколько лет назад, направляясь к своим родственникам на Ох-лобусе, ближайшей планете в скоплении Цефеид, куда так и не добрался. Цурихианский компьютер, обладавший способностью проникать далеко за пределы биосферы — этакое шарообразное существо, выбрасывающее призрачные, но цепкие щупальца, — поймал аргонский корабль и опустил его на поверхность Цуриса. Скальциор очутился в плену, как и многие другие, кто по большей части просто пролетал мимо по своим собственным делам.

Что касается визгуна, они со Скальциором были добрыми друзьями.

— Он отличный парень, этот виззгун. Я всегда завидую его веселости. Бывало, посмотрит на меня да как ззахохочет: значит, компьютер опять подссуропил мне какую-нибудь гнусную работенку.

В обязанности Скальциора входило открывать и закрывать шлюзы на крохотном ирригационном канальчике, что тянулся через поля. Это было ответственное задание, ибо поля на Цурисе, как и на остальных планетах, требовали влаги, иначе растения начинали кричать от боли, буреть или чернеть, складывать лепестки и погибать. По крайней мере, некоторые из них. Тем не менее необходимости постоянного присутствия на полях взрослого существа вроде Скальциора не было, особенно после того, как на шлюзах установили автоматическую систему открывания-закрывания, которая функционировала практически бесперебойно.

— Дрянь! До ччего жже паршпшное ощущение — достиччь наконец небесной гармонии бесстелесного

существования еще при жизни, состояния, в котором все вокруг — один-единственный мозг, и обнаружить, что мой мозг используется для какой-то ерунды. Дерьмо!

— Почему бы тебе не отвалить и не заняться, чем хочешь? — спросил Билл.

— Разве так можно? Дребедень! Мне, конечно, хочется, но ничего не выйдет.

— Почему? — любопытствовал Билл.

— Ты спросил, я отвечаю. Нельзя, не кошшерно, как говорили древние, не фонтан, не фассон. Понятно?

— В общем-то, — отозвался Билл. — Глупость какая-то. Компьютер твердил мне то же самое, однако я просто взял и ушел. А ты почему-то не уходишь...

— Я бы мог уйти, но мне постоянно кажется, что если компьютер нас поймает, он покажет нам, где раки зимуют.

— Каким образом? — удивился Билл. — В смысле, у нас ведь нет тел, которые могут чувствовать боль.

— Ссукин сын! — произнес Скальциор после непродолжительного раздумья. — Верно! Он, конечно, может встряхнуть наши мозги. Найдет мысленный хлыст из колючей проволоки или что-нибудь еще.

— Пускай поищет, — отмахнулся Билл, подумал и прибавил: — С мозгом пусть делает что хочет, лишь бы тело не трогал.

Скальциор присоединился к Биллу, и они уже вдвоем отправились бродить по Цурису. Вскоре они добрались до плодородных земель, почти всегда освещенных солнцем; впереди лежал океан, волны которого накатывались на длинный песчаный пляж.

— Здорово, — проговорил Билл.

— Мне тут не нравится. Нам здесь не место, — пробормотал Скальциор. — Это владения Ройо.

— Шикарное местечко. Почему цурихиане не брали его к рукам?

— Не знаю, приятель, — Скальциор мысленно пожал плечами, что было достаточно трудно сделать. — Узнать, наверное, интересно. И опасно.

Они с сожалением покинули чудесные земли Ройо и вернулись в куда более прозаические области Цуриса.

По дороге к центральному заводу, в котором находился компьютер, они уловили отчаянные и тревожные мысленные послания.

— Похоже на тревогу, — заметил Билл.

Когда они приблизились к зданию, выяснилось, что сообщения посылает компьютер. Он мгновенно принял в себя Скальциора и Билла. Они пронеслись сквозь череду длинных и извилистых цилиндрических туннелей и оказались в яйцеобразной комнате, тускло освещенной лампами, которых не было видно. Билл не имел ни малейшего понятия, зачем компьютеру понадобилось набивать свои внутренности мебелью — в помещении стояло несколько диванов и письменный стол, залитые жемчужно-серым цветом. Что за диковинная причуда? Скальциор был вне себя от беспокойства.

— Нам не повезло, я знаю, знаю. Дрянь! Значем только я позвонил тебе уговорить меня значем нас понесло в ту сторону? Как по-твоему, компьютер примет мои извинения? Я обещаю больше так не делать, честное слово!

— Послушаем, что он скажет, — бросил помрачневший Билл.

Вскоре в помещении появился компьютер. Вернее, не сама машина, а ее автономная модель. Она спустилась откуда-то с потолка в форме ослепительно-голубого луча, который немедля погас, а вместо него возник суровый человек в строгом голубом костюме в полоску: плечи густо усыпаны перхотью, над верхней губой маленькие усики, на переносице пенсне.

— Вы двое нарушили мои распоряжения, — намекнул он. — Неужели в ваших умишках не сохранились мои слова? Я ведь объяснял, насколько важна ваша работа. Вы должны исполнять ее быстро, точно и неукоснительно, иначе вам грозит страшная кара.

— Да ну? — язвительно осведомился Билл.

— Я тебе покажу «да ну»!

— Как же ты собираешься наказывать нас? — усмехнулся Билл. — Мы же лишены тел.

— У меня есть свои способы, — лаконично объяснил компьютер. — Хотите, продемонстрирую, не сходя с места?

— Пожалуйсста, не надо! — взмолился Скальциор. — Всем известно, что компьютеры — громад-

ные, могущественные, жестокие и очень опасные машины. Вот почему мы запретили их использование у себя на планете. Я, конечно, имею в виду другие компьютеры, не вас, вы — исключение из правил, такой беспристрастный, такой добрый... Я буду слушаться как идиот, поверьте мне!

— Хватит скулить! Вали отсюда! — властно приказал компьютер и повернулся к Биллу. — Что же до тебя... — начал он злоюще.

— Да, — перебил Герой Галактики, — как насчет меня?

— Ты хочешь увидеть мой гнев?

— Не особенно. Но тебя, похоже, все равно не удержать, так что давай валяй.

Фигура за столом мгновенно исчезла. Молочный оттенок куполообразного потолка сменился на красный, пронизанный полосами черного. Из стен выступил омерзительный экссудат, высунулись громкоговорители, из которых раздались отвратительные звуки. Из скрытых нор вынырнули черные бесенята с раздвоенными хвостами и вилами в лапах. Они принялись швырять вилы в Героя Галактики — не для того, чтобы проколоть его (это было невозможно, поскольку он не имел тела), но чтобы потрепать нервы. Одновременно одна из стен разошлась, и за ней обнаружилась огненная печь, в которой, положенные на железные козлы, пылали огромные бревна. Жар, исходивший от печи, напугал бы до полусмерти любое существо, даже наделенное воображением в меньшей степени, нежели сам Билл. Тут пропала противоположная стена, за которой открылась арктическая пустыня: завывал пронизывающий ветер, гнавший перед собой тучи острых, как бритва, ледяных кристалликов. По комнате закружилась вьюга. Билл, куда бы он ни поворачивался, оказывался, что называется, между молотом и наковальней. Углядев в дальней стене отверстие, он бросился туда и чуть не свалился в полную экскрементов яму. Внезапно оставшиеся стены начали дрожать.

Балансируя на тонкой дощечке, что бежала по краю ямы, изнемогающий от страха Билл понял, что долго не продержится. И вдруг, в тот миг, когда, казалось, все пропало, он услышал поблизости чей-то голос:

— Не сдавайся, Билл!

- Кто это? — выдавил Герой Галактики.
- Я, визгун. Решил проверить, как у тебя дела.
- Как видишь, — возопил Билл, — погано!
- Не вижу, в чем затруднение.

— Еще бы тебе видеть, двуххвостый ты олух! Присмотришься получше! Справа огонь, слева метель, а прямо — яма с дерьмом.

— Правда? Любопытно, — произнес с восхищением в голосе визгун. — Я не вижу ничего подобного, поскольку все эти ужасы, разумеется, смоделированы компьютером, а потому не заметны для простых существ вроде меня.

— Ты их не видишь?

— Боюсь, что нет. Однако я верю тебе на слово.

— Если ты их не видишь, значит, они не существуют! — восторженно воскликнул Билл. В то же мгновение галлюцинации — видения, компьютерные фокусы, в общем, какая разница? — прекратились. Точнее, они, может быть, и продолжались, поскольку Билл видел, как извиваются и переплетаются на стенах причудливые тени. Но тени его не пугали, ибо он отказывался понимать их значение — да, отказывался, из гордости, уязвленной тем, что какой-то там придурковатый визгун оказался умнее Героя Галактики.

Итак, галлюцинации закончились. Билл увидел, что внутренности компьютера — тоже невзраправдашние; выходит, стены ему не преграда. Он прошел сразу через несколько стен и услышал за спиной сердитый голос:

— И куда ты, интересно, направился?

— Прощай, компьютер, — ответил Билл. — Я хочу отдохнуть.

Компьютер продолжал говорить, однако Билл не слушал, будучи уверен, что машина не в состоянии устроить ему какую-нибудь пакость. До него донеслось: «Ты еще пожалеешь!», но он пропустил угрозу мимо ушей и, сопровождаемый по пятам визгуном, двинулся на плантацию — туда, где следил за клапанами, где впервые повстречал визгуна и обрел спасение.

Глава 13

Билл обнаружил, что избавиться от компьютера будет не так-то просто. Ведь он, в конце концов, если подумать, чего ему вовсе не хотелось, был частью машины. Пускай полуавтономной, но все равно частью. Его местонахождение не составляло для компьютера секрета. Машина дожимала Билла idiotскими выходками: дожидалась, к примеру, пока он заснет, появлялась в образе бэнши и будила истощенным воплем. Куда бы Билл ни приходил, там обязательно шел дождь. Лишенный тела, Герой Галактики был водонепроницаем, однако всякий раз, взглянув на свинцовое небо, на поникшие кипарисы, на зловещие тростники, что топорщились на поверхности глубокой, вонючей топи, впадал в отчаяние. Компьютер заставлял Билла жить на болоте. Последнему такая жизнь порядком надоела; к тому же он решил, что подхватил простуду: ведь ноги большую часть времени находились в воде. Естественно, Билл не знал, что его случай доказывает гипотезу, популярную среди ряда земных ученых: мол, простуды возникают в голове. Хуже того, он не только простыл, но и подцепил бронхит и опасался, что следом пожалует пневмония. Интересно, подумалось однажды Биллу, может ли призрачное существо умереть от призрачной болезни вроде тех, какие насылает на него компьютер? Вполне, вполне возможно.

Вдобавок во всему визгун какое-то время спустя попросил разрешения уйти.

— Ты мне очень нравишься, — объяснил он Биллу. — Но у меня семья. Нашу нору затопило две недели назад. Малыши плачут не переставая. Конечно, они еще те оторвы, но дело-то в другом, правда, Билл? Знаешь — как бы покрасивее выразиться? — вокруг тебя слишком уж мрачно. Почему бы тебе не пойти куда-нибудь подальше? Может, ты отыщешь какой-никакой способ снять проклятие.

— Какое там проклятие, — пробурчал Билл. — Просто компьютер вдруг закапризничал.

— А разве это не проклятие? Счастливо Билл. Не торопись возвращаться.

Глава 14

И Билл пошел прочь. Вернее, попытался пойти, но обнаружил, что компьютер лишил его дополнительной энергии. Теперь ему уже не летать по воздуху с помощью аккумуляторной батареи. Придется ковылять по земле. Мышц у Билла, разумеется, не было, однако что-то болело. Ног у него тоже не было, однако их саднило, особенно правую, с крокодильей лапой вместо ступни. Даже став компьютерной моделью, Билл не избавился от проклятой когтистой лапы!

Он ковылял и ковылял, спал на ходу и видел сны. Биллу снилось, что он — артист балета; кто-то нацепил ему на ноги красные туфли, которые вынуждают танцевать без передышки, а балетмейстер, старый козел, смотрит и злорадно ухмыляется.

Мучения продолжались; конца им не предвиделось, хотя Биллу они изрядно наскучили. В отчаянии он рыскал по закоулкам компьютерной памяти, надеясь отыскать местечко, где его оставят в покое. Должно же тут быть убежище! Но вот где оно? Билл попытался проникнуть в редко используемые базы данных, которые содержали сведения о выпадении на Цурисе дождей за добрую тысячу лет, потом попробовал найти укрытие среди древних сводок об ограблениях и убийствах, затесался в биографии великих цурихиан прошлого, пробрался и в каталог нераскрытых дел, в перечень немислимых изобретений, в список явных невозможностей. Тщетно! Всякий раз, едва ему начинало казаться, что

он наконец-то в безопасности, появился компьютер, частенько напевавший противным, визгливым голоском: «О, здравствуй, Билл! Восстань и воссияй!» И приходилось вставать и отправляться дальше. Словом, жизнь была не сахар.

Издевательства могли тянуться до бесконечности. Ведь Билл, в своем теперешнем состоянии, был более-менее бессмертен. Он наверняка проживет столько, сколько протянет компьютер. Единственная возможность выбраться — атака имперского флота. Неожиданно Билл забеспокоился, отрастил длинные воображаемые ногти и принялся их грызть. Доброволец не вернулся, так? Значит, надо наносить удар, правильно?

— Слушай, компьютер, старина, ты сможешь защитить планету от ракетной атаки? А?

Компьютер, вдоволь напрактиковавшийся в виртуальном садизме, лишь зловеще хихикнул.

Глава 15

Одним отвратительным днем, который сильно смахивал на гнусный февральский денек там, откуда прилетел Билл, Герой Галактики достиг глубин отчаяния. По небу бежали низкие тучи, тусклый свет едва вырывал из мрака непередаваемо угрюмые окрестности. Кожа Билла поросла мхом и грибками, в волосах, находя себе там скудное пропитание, поселились крабики с острыми клешнями; под мышками кишели личинки всех сортов и размеров, как местные, так и импортные; чресла превратились в нечто такое, куда Билл даже не трудился заглядывать. Он вовсе не воздерживался от мытья, скорее наоборот, мылся с маниакальным упорством. Проблема заключалась в том, что он никак не мог высохнуть. Форма, к примеру, стала напоминать губку, знаки различия словно побывали в яме на дне пруда, что, впрочем, было недалеко от истины.

Изменилось и питание. В те дни, когда Билл находился с компьютером в нормальных отношениях, его кормили разнообразно и изысканно, а он воротил нос, поскольку еда была не настоящей и потому не питательной. Теперь же компьютер с удовольствием пичкал Билла всякой дрянью вроде мороженого из лягушек, жаркого из фекалий с ячьим сычугом и прочими деликатесами. Вдобавок — так-растак! — не нуждаясь в пище, поскольку получал энергию напрямую от компьютера, Билл по-прежнему имел привычку есть

три или четыре раза в день, когда еда, естественно, бывала достижима. Разумеется, он отказывался от компьютерной стряпни — и сразу же ощущал голодные спазмы, ничуть не менее болезненные от того, что они были психосоматическими.

Таково было состояние Героя Галактики, когда с ним случилось нечто, нарушившее однообразие существования и посулившее надежду. День начинался столь же отвратительно, как и все предыдущие. Билл, невыспавшийся и не отдохнувший, проснулся в пещере, из стен которой зловеще сочилась влага, а снаружи барабанил по земле дождь. Дрожа от холода и сырости, он поплелся к выходу, готовый вновь взвалить на свои плечи тягостное бремя жизни.

Внезапно Билл заметил на горизонте диковинный свет. Сперва он решил, что там горит лес. Впрочем, какой пожар при такой-то мокроте? Даже компьютеру такое не под силу. В чем же дело? Билл прищурился. Чтобы достичь света, нужно было проделать немалый, трудный путь. Стоит ли овчинка выделки? Какая, в конце концов, разница? Подумаешь, свет. Наверняка это гнусные происки ошалевшего компьютера.

Билл застонал и попытался представить, чем сегодня займется. Как обычно, мысли в голову не шли. Он вновь поглядел на свет. Тот не тускнел, не становился ярче и не менял оттенок. Что же там такое? Билл тяжело выпрямился, пару раз отрешенно выругался и зашлепал по желеобразной грязи, что липла к ногам и обладала свойствами медленно сохнущего клея. Он брел и брел, стуча зубами от воображаемого холода; руки и ноги сводило от виртуального изнеможения. Дорогу к свету преградил горный кряж, появление которого изрядно подействовало Биллу на нервы. Он был уверен, что кряж возник по прихоти компьютера, что совсем недавно его не было и в помине. Вполне возможно, что и свет — компьютерная забава, что машина просто-напросто стремится добить Билла своими электронно-садистскими штучками. Да, он обречен, обречен! Зачем идти дальше? Не лучше ли плюхнуться в грязь и проверить, можно ли виртуально утонуть? Но тогда получится, что он полностью подчинился садистскому скопищу транзисторов и прово-

дов. Неужели все так и закончится? Не взрывом, а вспышкой короткого замыкания?*

— Никогда! — громко простонал Билл, закашлялся и начал чихать. — Сдаться вшивой машине! Ни за что! Это не для меня, не для мачо** Билла! Я — ха-ха! — выбирался и не из таких переделок! Хватит ныть! Вперед!

Подбодренный собственной тирадой, он снова заставил себя подняться и продолжить путь. Не сдаваться! Легкие раздувались как обезумевшие кузнечные мехи, горы, при ближайшем рассмотрении, оказались крутыми ледяными пиками, среди которых завывали ветры, однако Билл упорно продвигался дальше, несмотря на то что «кошек» у него с собой не было. Наши всегда побеждают! Фаллос навечно!

Но ничего не вышло. Обессиленный, Билл рухнул наземь. Без «кошек» тут не пройти, как бы он ни старался... Минуточку! А крокодила лапа? Ну разумеется! На ней такие замечательные когти. Естественная «кошка», выросшая из зародыша ступни! Он еще покажет этому электронному олуху!

Билл сорвал портянку, что защищала ногу от метафорического холода, самого холодного из всех, какие существуют, встал, покачнулся, кинул предостережение ветрам, препоручил душу великому небесному трибуналу, который вручает последние медали и накладывает вечные дисциплинарные взыскания, а затем сорвал портянку со второй ноги. Та была нормальной, человеческой, однако Билл так давно не стриг ногти, что они изрядно отросли; иными словами, вместо одной естественной «кошки» у него объявилось две. Он полез вверх, тяжело дыша, но ухмыляясь: крокодила лапа вонзалась в лед, а другая нога нащупывала опору на чуть менее твердой поверхности слежавшегося снега. Руки Билла шарили по склону, отыскивая худосочные виноградные лозы, что выдержали холод, поскольку весьма глубоко вросли в почву; он хватался за них и подтягивался, подтягивался, а в небесах полыхали диковинные огни. В голове Билла звучала «Увертюра 1812 года». И вдруг он очутился на гребне! Следующий шаг — и Билл перева-

* Парафраз строки из поэмы Т. С. Элиота «Полые люди»: «Вот как закончится мир,/ Вовсе не взрывом, а всхлипом» (пер. С. Степанова). — Примеч. пер.

** macho (исп.) — настоящий мужчина; самец.

лил через вершину. Он жадно поглядел вниз и узрел то, чего никоим образом не ожидал: подобное зрелище не рисовалось ему и в самых смелых мечтах.

Склон пересекала крохотная лощина, и в ней, у костра, подкладывая в тот фосфорический хворост, сидел Подхалим. Сложенные горкой дрова разбрасывали искры; от костра и исходило то фиолетовое свечение, которое повлекло Билла в дорогу.

— Подхалим! — воскликнул Билл. — Что ты здесь делаешь?

— Билл, старина! Как я рад тебя видеть! — Со времени их последней встречи Подхалим почти не изменился. Разве что, из-за холода, стали заметнее веснушки, да волосы, что выбивались из-под отороченного мехом капюшона парки, выглядели менее рыжими, чем раньше. Вполне возможно, на его лице слегка прибавилось морщин, однако в общем и целом, несмотря на происки зловредного косметолога-времени, это был прежний Подхалим, бывший приятель Билла, человек, отчаянно пытавшийся быть полезным и вернуть себе любовь и уважение друзей, космических десантников, стремившийся к этому по какой-то идиотской причине, известной только ему, и, не добившись желаемого, старавшийся сделать хотя бы так, чтобы над ним не смеялись.

Билл присел на корточки у огня. Фосфор сверкал и искрился, но Билл устал настолько, что не ощущал боли, когда какая-нибудь случайная искра прижигала ему кожу. Впервые за долгое время он смог обогреться и обсохнуть (заботливый Подхалим как раз перед приходом Билла поставил маленькую двухместную палатку и даже приготовил жаркое). Героя Галактики одолевали вопросы, один из которых касался жаркого. Насколько Билл понимал, здесь ничто не существовало в реальности, он сам и то был нереален. Его тело, настоящее тело, осталось в каком-то — приходилось надеяться на лучшее — безопасном месте. Реальностью управлял компьютер. Он распоряжался не только тем, что Биллу есть, но и определял, какой у пищи должен быть вид и вкус, контролировал реакции Билла на еду и постоянно что-то исправлял или дополнял. Если так — а сомнения, похоже, излишни, ведь Билл своими глазами видел собственное тело, распростертое на койке в Приемной,

и парил над ним, пока компьютер не втянул его обратно, — тогда каким образом попал сюда Подхалим, тем более — с настоящей, не компьютерной пищей?

— Подхалим, — спросил Билл у глупо ухмылявшегося приятеля, — это ведь не ты, верно?

— Конечно, я, — откликнулся Подхалим, во взгляде которого промелькнуло беспокойство.

— Не может быть, — возразил Билл. — Ты наверняка — моя очередная галлюцинация, компьютерная модель. Без ведома компьютера ты просто не мог приготовить еду. Значит, ты не настоящий, тебя подослал компьютер, чтобы внушить мне лживую надежду. — Билл шмыгнул носом и тыльной стороной ладони вытер сопли.

— Ничего подобного! — заламывая в тревоге руки, не согласился Подхалим. — Билл, старина, я твой верный друг. Скажи, что ты шутишь. Скажи, что узнал меня.

— Естественно, я узнал тебя, идиот! — огрызнулся Билл. — Но если ты подослан компьютером, чтобы одурачить меня, тебе положено произносить такие слова, правильно?

— Откуда мне знать, что положено компьютеру? — воскликнул Подхалим, чувствуя, что из-за этих препирательств потихоньку лишается своих зачатков рассудка. Он всего лишь хотел, чтобы его любили, за что и был ненавидим. — Я вовсе не компьютер. Я — я, честное слово.

— Если ты — и впрямь ты, — заявил Билл, — расскажи мне что-нибудь такое, чего не знает компьютер.

— А чего он не знает? — возопил Подхалим. — Как я могу узнать, чего не знает компьютер?

— Раз ты здесь, значит, компьютер знает все, что известно тебе.

— Я-то тут при чем?

— Ни при чем. Но ты хоть понимаешь, что это означает? Поскольку компьютер знает все, что известно тебе, выходит, он — ты.

— Послушай, Билл, — проговорил Подхалим после отчаянной попытки понять слова друга, — почему бы

тебе не попробовать жаркое? Должно быть очень вкусно.

— Заткнись, гнусный обманщик!

— Я не обманщик, Билл. Ну правда же!

— Ладно, — сказал Билл. — Если ошибаюсь, значит, ошибаюсь. Как поживаешь, Подхалим?

— Неплохо, Билл, — откликнулся Подхалим и лстиво улыбнулся. — Пришлось изрядно попотеть, убеждая командование, чтобы меня отправили тебе на выручку.

— И как ты их убедил? — с подозрением справился Билл.

— Поднял шум, и они уже не могли утверждать, что ты пропал без вести.

— Спасибо, Подхалим. Тебя выбрали добровольцем?

— По-моему, им до смерти хотелось избавиться от меня. В общем, я прилетел сюда и, после многих злоключений, разыскал тебя.

— Может, объяснишь, как тебе, так-растак, это удалось?

— Какая разница? — Подхалим смущенно шаркнул ногой. — Главное — как вызволить тебя отсюда.

Билл с некоторой горечью во взгляде уставился на существо, которое было то ли его давним приятелем Подхалимом, то ли компьютерной моделью. Определить, кем именно, представлялось весьма важным. Ведь настоящий Подхалим наверняка поможет, а Подхалим компьютерный, скорее всего, подстроит какую-нибудь гадость. Да уж, выбор не из легких. Билл тяжело вздохнул.

— Кажется, нам пора двигаться, — заметил Подхалим.

— Сперва объясни, как ты здесь очутился.

Подхалим раскрыл рот, и тут за спиной Билла раздался громкий треск, прозвучавший совершенно неожиданно. Билл круто развернулся, нащаривая оружие, которого у него не было, и гадая, как ему сражаться, если он лишен тела.

Глава 16

Что за ужасное зрелище предстало глазам Билла, когда он развернулся? Что за немыслимая жуть пряталась у него за спиной? Сообразив, что таращится на обыкновенного северного оленя — старомодного, средней величины, с молодыми рожками, — Герой Галактики неблагозвучно закудахтал. Олень осторожно продвигался по скалистому уступу, что тянулся вдоль склона несколькими ярдами ниже вершины. Увидев людей, животное вздрогнуло, но потом двинулось дальше по узкому выступу, не сводя с Билла и Подхалима больших карих глаз; под его копытами хрустел снег. Наконец олень достиг того места, где выступ расширялся, шевельнул хвостом и помчался прочь. Мгновение-другое спустя он исчез из виду.

— Пропал! — сказал Подхалим. — Знаешь, они здорово похожи на движущиеся цели.

— Кто?

— Олени, Билл.

— Каким образом, — проговорил Билл с яростью в голосе, — в компьютере очутился этот вшивый, траченный молью олень?

— Наверное, так же, как и мы, — ответил Подхалим, поразмыслив над вопросом.

— Может, ты соблаговолишь объяснить, как мы утодили внутрь машины? — предложил Билл, скрежеща зубами и стискивая кулаки.

— Ну, я не знаю всех подробностей...

— Ничего, переживу.

— Билл, ты ведешь себя как последний идиот. Хочешь убраться отсюда или нет?

— Ладно, — мрачно отозвался Билл, мгновенно упав с зазубренных вершин гнева в омерзительную пучину отчаяния. — Правда, у меня такое гнусенькое ощущение, что я об этом еще пожалею.

Он двинулся вслед за Подхалимом вниз по склону. Идти было довольно тяжело, хотя и не настолько, как тогда, когда он лез вверх. Ковыляя чуть ли не по пояс в снегу, Билл завидовал легкости движений Подхалима: тот словно скользил по насту. В то же время Герой Галактики все сильнее изнывал от беспокойства. Легкость и изящество, с какими передвигался Подхалим, внушали подозрения. Когда пентюх перестает быть пентюхом? Когда им управляет компьютер.

Тем не менее Билл старался не отставать, полагая, что делать все равно нечего. Может, если он притворится, будто верит, что Подхалим — не очередная личина компьютера, ему удастся сбежать. На худой конец — потешиться над машиной.

— Почти пришли, — крикнул Подхалим, направляясь к купе деревьев, что выступали черным пятном на фоне окружающей белизны.

— Куда? — осведомился Билл.

— Туда, где нам помогут.

Они спустились по заполненному снегом распадку, вскарабкались на покрытый ледяной коркой противоположный склон. Билл непрерывно глядел под ноги, чтобы, неровен час, не поскользнуться, а потому не поднимал головы, пока не добрался до следующего гребня. Он увидел Подхалима — или ту тварь, что выдавала себя за Подхалима; впрочем, разница невелика, хотя, конечно, существует. Так вот, он увидел, что Подхалим машет руками, причем руки у него были словно без костей. Компьютерная модель! Билл притворился, что не заметил, поскольку не хотел, чтобы Подхалим понял, что он о чем-то догадывается. Кроме того, на дальнем гребне виднелись четыре точки, которые двигались по снегу, а за ними чернела большая и неподвижная пятая.

— Кто это? — спросил Билл.

— Друзья, — ответил Подхалим. — Они нам помогут.

— Замечательно. — Билл огляделся по сторонам. Куда ни посмотри, повсюду вздымались острые пики, простирались заснеженные равнины. Четыре точки приближались и медленно увеличивались в размерах. Делать, к сожалению, было нечего, оставалось только ждать.

Глава 17

— Кто они? — поинтересовался Билл.

— Разреши представить, — откликнулся Подхалим. — Крупный мужчина с волнистыми русыми волосами, одетый в двухцветный комбинезон, — командор Дирк, капитан звездолета «Смекалка».

— Никогда не слышал о таком звездолете, — проговорил Билл. — Из новых, что ли?

— Не слышал — и ладно, — успокоил Подхалим. — Дирк и экипаж «Смекалки» — вольные птицы. Это самый мощный звездолет из всех, какие только существуют. Тебе на нем понравится.

Биллу не хотелось знать, каким образом Подхалим пробрался на борт «Смекалки». У Подхалима наверняка найдется логичное объяснение, на то он и модель.

— А кто вон тот тип с остроконечными ушами?

— Сплок, ноктюрнианин с планеты Фортинбрас-2. Инопланетянин.

— Да неужели? — ядовито справился Билл.

— Ноктюрниане расположены к людям, — поспешил добавить Подхалим. — Так что Сплок — друг, пускай и не всегда ведет себя по-дружески. Кстати, хочю предупредить тебя...

— Если он друг, — уточнил Билл, — то почему ведет себя не как положено?

— Ноктюрниане стремятся не проявлять своих чувств, — объяснил Подхалим. — Чем меньше эмоций, тем сильнее ты им нравишься.

— Великолепно, — пробурчал Билл. — А чем они развлекаются?

— Вычислениями.

— Что ж, пускай так...

Точки все приближались. Когда две группы оказались почти в пределах слышимости, Подхалим вдруг повернулся к Биллу.

— Чуть не забыл! Я же собирался предупредить тебя. Куда бы ни свернул разговор, не отпускай шуточек насчет остроконечных ушей. Вдобавок, что еще более важно...

Он не закончил фразу, ибо командор Дирк, слегка опередивший своих спутников, подошел чуть ли не вплотную и протянул руку, которую Билл стиснул в своей ладони. Рука Дирка была теплой, держался он дружелюбно. Биллу не понравился двухцветный комбинезон командора, поскольку красновато-коричневый и розовато-лиловый не относились к любимым цветам Героя Галактики. Впрочем, разве его собственная форма — писк моды? На ферме и в армии не до нарядов.

— Рад познакомиться, Билл, — произнес Дирк.

— Взаимно, сэр, — отозвался Билл. — Спасибо, что прилетели мне на выручку. Не знаю, как у вас получилось, что вовсе не удивительно: ведь я — лишнее тела сознание, что болтается внутри компьютера.

— Вообще-то мы прилетели по другой причине, — возразил Дирк. — Нам нужно выяснить, каким образом обитатели этой планеты перемещают звездолеты в пространстве на миллионы миль, даже на световые годы. Представь себе, насколько важно для вооруженных сил это узнать. Относительно же того, как мы сюда попали, обратись к Сплоку. Он отвечает за науку. Ты можешь думать что угодно о его ушах, однако он гораздо умнее меня, следовательно, что вполне естественно, бесконечно умнее тебя.

— У него нормальные уши! — воскликнул Билл, проглотив оскорбление: с офицерами, как известно, спорить бесполезно. — Замечательные уши! Девчонки наверняка сходят по ним с ума так же, как по моим зубам. — Он оскалил клыки.

Тут к ним подковылял сам Сплок. Уроженец Фортинбраса имел вытянутое лицо с явно инопланетными бровями, загигавшимися кверху на обоих концах. Голос у него оказался ровный и жужжащий, как у плохо отрегулированного звукомодулятора.

— Если вам нравятся такие уши, я без труда смогу раздобыть парочку для вас.

— Ну, — проговорил Билл, обдумав предложение, — знаете, они мне, конечно, нравятся, но не настолько. Вот вам они очень идут.

— Я пошутил, — сказал Сплок. — У моей расы нет чувства юмора, однако это не мешает нам шутить, подбадривая таким образом представителей слаборазвитых рас, с которыми мы вынуждены общаться. Моя шутка относится к той разновидности юмора, которая называется иронией.

— Ирония! Ну разумеется! Точно! Ой, до чего смешно! Просто не могу!

— Я не имел в виду, что слово «ирония» смешно само по себе, — ледяным тоном произнес Сплок. — Хотя, возможно, юмор в нем присутствует. Мое замечание насчет ушей... Дерьмо! Забудем. Капитан Дирк, что от меня требуется?

— Объяснить этому солдату, как мы сюда попали.

— Неужели не ясно? — Сплок насмешливо поглядел на Билла. — Ты ведь изучал в школе, общей или младше-старшей, уравнения Файнгурта-Оленухи?

— По-моему, у нас они назывались иначе, — пробормотал Билл, скромно уклоняясь от прямого ответа.

— Ничего страшного. Мы переоборудовали двигатели «Смекалки» так, чтобы они осциллировали на дискретной скомианской кривой. Разумеется, это не новость; большинство капитанов занимается тем же по крайней мере раз в год, когда приходит время очищать корпус от космических ракушек. Корабль уменьшается в размерах, что облегчает процесс уборки.

— А разве ракушки не уменьшаются заодно с кораблем? — спросил Билл.

Сплок пристально поглядел на него, а затем хрипло рассмеялся. Билл посмотрел на Подхалима. Тот засмущался и отернулся.

— И что я такого смешного сказал?

— Спрашивает, не уменьшаются ли ракушки! Какая великолепная ирония!

— Смешно, — проговорил Билл, стараясь держаться поскромнее. Ему вдруг показалось, что с этим диковинным инопланетянином вполне можно столкнуться.

— Ничуть, — отрезал Спок. — По крайней мере, для меня. Впрочем, я не смеюсь даже собственным шуткам. А сейчас рассмеялся, просто чтобы подбодрить тебя.

— Большое спасибо, — поблагодарил Билл, решив про себя, что Спок — самый настоящий олух.

— После того как корабль в состоянии осцилляции спустился по скомианской кривой, мы ввели в компьютер импульс, благодаря которому звездолет уменьшился до миниатюрных размеров и превратился в последовательность нематериальных контуров. Вот так мы и проникли в местную ЭВМ.

— Понятно! — воскликнул Билл, не понявший ни единого технического термина. — Звучит потрясающе!

— Да, это было неплохо, — признал Спок с хорошо разыгранной застенчивостью.

— Значит, сюда вы попали. А как будете выбираться?

— Узнаем после того, как Спок проделает необходимые вычисления, — вмешался в разговор капитан Дирк.

На вытянутом лице Спoka возникло выражение полной сосредоточенности. Он прищурился, на виске запульсировала жилка, уши слегка задрожали, — как узнал впоследствии Билл, то были признаки Ур-концентрации, характерные для ноктюрнианина мужского пола, одетого в комбинезон.

— Где ты их подцепил? — спросил Билл у Подха-лима, шепотом, чтобы не мешать Спoku.

— Перестаньте шептаться! — рявкнул Спок. — Вы не даёте мне сосредоточиться.

Елки-палки, подумал Билл, ну у него и слух!

— И это тоже брось! — прибавил Спок, смерив Билла свирепым взглядом.

— Вы же меня не слышите! — вскинулся Билл. — Я ведь думаю!

— Понять, о чем ты думаешь, ничуть не трудно, — отозвался Сплок. — Я больше не буду повторять, что терпеть не могу таких замечаний.

— Разве твой друг не объяснил тебе, о чем нельзя говорить? — поинтересовался капитан Дирк.

Билл съежился, потом вдруг выпрямился. Все, с него хватит. Где это видано: какой-то вшивый инопланетянин в дрянном комбинезончике, с лошадиной физиономией и ушами, как у беременного кенгуру, распоряжается, о чем ему думать! Да пошел он куда подальше! Герой Галактики сам со всем справится!

— Мы нужны тебе, — сказал Сплок.

— Кончай читать мои мысли! — гаркнул Билл.

— Я их и не читал. Простая логика подсказывает, чего от тебя можно ожидать.

— Правда? — Билл неожиданно улыбнулся.

— Естественно, — без улыбки отозвался Сплок.

В следующий миг он рухнул наземь, прижимая ладони к лицу. Билл нанес выверенный удар левой, точнее которого не наносилось на Цурисе с тех пор, как планета возникла из огненной бездны недифференцированной иллюзорности. Сплок отнял одну ладонь. Она оказалась в крови.

— Ты разбил мне нос!

— Что ж, значит, мы сможем на какое-то время забыть об ушах, — ответил Билл. — Учти, ударил я не сильно, так, пихнул, и все. Запрокинь голову и подложи под нее что-нибудь холодное. Кровь скоро остановится.

— Ты не понимаешь! — воскликнул Дирк.

— Уж в чем, в чем, а в носах я разбираюсь, — заверил Билл.

— Я разумею, ты не представляешь, чем грозит ноктюрнианину удар в нос!

— А он и не догадался! — гнул свое Билл. — Вот вам и логика!

— Идиот! — Дирк побледнел. — Мужчины на планете Сплока хранят в носах запасные ячейки памяти.

— Что же, лучшего местечка не нашлось?

— Где я? — проговорил Сплок и заморгал.

— Сплок! — Капитан Дирк застонал и принялся выдирать остатки волос у себя на голове. — Ты должен вспомнить! В твоем носу хранились очень важные,

необыкновенно ценные математические данные, которые нужны, чтобы мы смогли улететь отсюда!

— Боюсь, данные искажены, если не уничтожены, — сказал Спок. — Я на всякий случай переложил в нос все дополнительные ячейки памяти, полагая, что там они будут в безопасности. Откуда мне было знать, что этот варвар с крокодильей лапой ударит меня в нос?

— Откуда ты узнал про лапу?

— Логика неожиданного. — Спок кисло усмехнулся. — И потом, я ее вижу.

— Эй! — вмешался Подхалим. — Давайте убираться отсюда!

Все послушно развернулись и направились к двум другим черным точкам и большому пятну вдалеке. При ближайшем рассмотрении точки остались точками, а пятно — пятном, разве что больших размеров.

— Что это? — полюбопытствовал Билл.

— Компьютерные модели нашего аварийно-спасательного корабля и двух членов экипажа.

— Черные точки?

— Такая форма позволяет экономить энергию, — объяснил Дирк. — Чтобы проникнуть в чужой компьютер, необходима большая мощность, а главные батареи «Смекалки» и без того почти разряжены по причине ситуации, которая возникла как раз перед нынешней.

— И на что они годятся? — продолжал расспрашивать Билл.

— Сейчас ни на что, — признал Дирк. — Но как только Спок вернет им прежнее обличье...

— Я не могу, — пожаловался Спок, осторожно прикасаясь к носу. — Уравнения... — Он застонал. Внезапно послышался тонкий свист. Судя по всему, Билл и уничтожил данные, необходимые для того, чтобы улететь с Цурисы, и сломал Спoku нос.

— Дело швах, — мрачно произнес Дирк.

Билл приблизился к одной из точек и притронулся к ней. Холодная. Металлическая. Твердая. Ребро точки было острым как бритва. Впоследствии Билл узнал, что подобные формы не имеют глубины, только ширину и высоту, ну и, естественно, приличную площадь. Но даже зная он все это с самого начала, ему вряд ли удалось бы превратить точку во что-либо полезное.

— Сплок! — позвал капитан Дирк. — Ты можешь сделать хоть что-нибудь?

— Я пытаюсь, — прогнусавил ноктюрнианин. — Но данные искажены.

— Смотрите! — воскликнул Подхалим.

Они находились на равнине, что простиралась от горизонта до горизонта, освещенная неподвижным желтым солнцем. На равнине росли крошечные багровые цветы; тут и там виднелись руины, смоделированные цурихианским компьютером, чтобы оживить местность. Внезапно над равниной яростно за клубились зеленые тучи, ветер погнал перед собой облака песка и гравия, мчавшиеся со скоростью пуля, выпущенных из пулемета перепутанным стрелком. Капитан Дирк упал на колено, выхватил из кобуры на поясе грозного вида пистолет, установил переключатель на широкий охват и принялся уничтожать врага, — по-видимому, он стремился располосовать облака вдоль и поперек.

— Держитесь, капитан! — крикнул Сплок. — Я только что добрался до верхней группы уравнений. Нам они, правда, не помогут, зато появилась надежда на успешный исход.

— Я долго не продержусь, — откликнулся Дирк сквозь стиснутые зубы. — Мой лазер заряжен наполовину. Должно быть, виноват тот новобранец из Нью-Калькутты. Проследи, чтобы он получил взыскание за свою небрежность.

— Если выберемся, прослежу, — пообещал Сплок, на лице которого застыло выражение страдания, как у человека, пытающегося вспомнить забытое уравнение.

Интересно, подумалось Биллу, чем ему можно помочь? Внезапно Героя Галактики осенило. Он шагнул вперед и, прежде чем Дирк успел остановить его, одной рукой схватил Сплока за голову, а другой сжал нос инопланетянина.

— Билл, что ты делаешь? — Подхалим отличался умением задавать ненужные вопросы.

Билл заскрежетал зубами и резко повернул нос Сплока на пол-оборота влево. Раздался щелчок. Билл отпустил Сплока и отступил на шаг.

— Ну как, приятель?

— Он, кажется, поставил мой нос на место, — сообщил Сплок и с уважением поглядел на Билла. — Откуда

ты узнал, что ноктюрниане рождаются безносыми, а потому, выходя в свет, заказывают себе механические, тогда как у людей носы от рождения?

— Я просто подумал: «Почему бы не попробовать?» — ответил Билл.

— Благодарю рассудок за счастливое озарение, — изрек Сплок и начал бормотать уравнения. Точки мгновенно превратились в двух астронавтов в комбинезонах того же покроя, хотя и худшего качества, что и у Дирка со Сплоком. Большое пятно трансформировалось в звездолет.

— Билл! — услышал Герой Галактики, забираясь в корабль. — Подожди меня! — Голос был женский. Но такого не может быть! Откуда здесь взялась женщина, тем более — знакомой?

Глава 18

Билл глазел по сторонам, разинув от изумления рот. С первого взгляда показалось, что он вовсе и не на звездолете. «Смекалка» ничуть не походила на те дальнекосмические корабли, на которых доводилось служить Биллу. Военные звездолеты, сколь большими они бы ни были, отличались внутри изрядной теснотой; жилые помещения в них представляли собой крохотные каютки с низкими, грязными потолками, пропитанные неустрашимым запахом вареной псевдокапусты. И то была не досадная случайность. Специальные конструкторские группы, изучив все базы данных давно исчезнувшей Земли, обнаружили то, что им требовалось, в файле «Парусники» (так назывались невероятно древние транспортные средства), а особенно — в подфайле «Невольничьи корабли». Задача была сложной, почти невыполнимой, однако конструкторы Космофлота проявили завидное упорство и в конце концов сумели воспроизвести на новейших десантных звездолетах старинный бардак.

Так обстояли дела в Космофлоте. Но не здесь! «Смекалка» больше напоминала изнутри зал ожидания в аэропорту или галльон для штабных офицеров. Просторное помещение, стены выкрашены в цвета авокадо и какао, ровный свет скрытых ламп, спрятанных настолько хорошо, что креплений нигде не видно. Билл посочувствовал экипажу. Должно быть, нелегко их заменять, если вдруг какая перегорит. Экипаж тоже ни

капельки не соответствовал сложившемуся у Билла представлению об астронавтах. Все молодые, симпатичные. Юноши — скорее, ребята, и уж никак не мужчины — носили одежду ярких тонов и ревностно несли службу. То же относилось и к полногрудым, совершенно сногшибательным девушкам. Расовый состав экипажа казался весьма продуманным. Столько-то белых, столько-то черных, горстка зеленых и красных, и один коричневатого-желтый.

Когда они вошли в рубку управления, привлекательный юноша в бежево-бордовом комбинезоне и небрежно повязанном белом шарфе изящно вскочил и отдал честь. Дирк махнул рукой и спросил:

— Разрешите подняться на борт?

— Конечно, сэр, — ответил елеинным тоном юнец. — Ведь корабль ваш, вы — наш капитан и первый адмирал Космической Гвардии.

— Я знаю, — прорычал Дирк. — Хватило бы и простого салюта.

— Так точно, сэр, — крикнул юноша и вновь отдал честь, чуть не выколов себе пальцем глаз.

— Билл, — произнес капитан Дирк, — познакомься. Мичман Тихий, один из наших новобранцев, выпускник Дальнекосмической школы в Лагуна-Бич*.

— Очень приятно, — мичман Тихий протянул смуглую руку. Его правый глаз медленно, но верно запылывал.

— Взаимно. — Билл неохотно ответил на рукопожатие, подумав, что, перед тем как подняться на борт этого безупречно чистого боевого — или не боевого? — звездолета, ему не помешало бы сполоснуться.

— Мичман Тихий проводит тебя в твою каюту, — продолжал капитан. — А Сплок просветит относительно того, что, собственно, происходит.

— Сюда, пожалуйста. — Мичман Тихий семенящей походкой направился к выходу. Остальные члены экипажа разразились хохотом, причины которого Билл не понял. Кто-то свистнул.

Мичман вел Героя Галактики длинными коридорами. Навстречу то и дело попадались юноши в обтягивающих

* Мичман Тихий — герой одноименного романа английского писателя Ф. Марриэста (1792–1848).

комбинезонах, объяснявшие что-то крайне важное прекрасным девушкам, чьи комбинезоны были еще более обтягивающими. Следуя за Тихим, Билл то спускался, то поднимался и наконец добрался до двери, на которой были изображены два нуля. Мичман открыл дверь, и Билл очутился в каюте, напоминавшей номер «люкс» с обстановкой в стиле старого доброго «Гелиор-Бeverли-Хилтон».

— Фью! — присвистнул Подхалим, который, оказывается, шел за ними, а теперь, ворвавшись в номер, устремился напрямик в ванную. — Эй, Билл! У них тут бесплатная пузырьковая ванна и мыло с шикарным запахом!

— Ничего не трогай, — предостерег Билл. — И что дальше? — справился он у мичмана.

— Отдыхайте. Вон в том старинном буфете дорогие импортные вина и наливки. Если до вечернего банкета, который состоится в 19.00, вы проголодаетесь, в телевизоре — у него 500 каналов — имеется распределитель закусок. Нажмите кнопку — и получите все, что закажете. Угощение бесплатное, вы — наши гости.

— Фью! — повторил Подхалим, после того как мичман ушел. — Как насчет заморить червячка, а, Билл? — Он подошел к телевизору. — Ба, у них есть обжаренные в масле щупальца осьминога с картошкой! И кокаин! — Он кинулся к автомату с напитками. — Сотня с лишним сортов пива! Даже свое собственное, «Старая Смекалка»! С чего начнем?

— Я подожду банкета, — сказал Билл. — До 19.00 меньше часа. А пока приму ванну.

Герой Галактики вошел в роскошную ванную. Ванна напоминала размерами небольшой плавательный бассейн. Рядом стояла массажная машина, способная, судя по кнопкам, ублажить любого, кто находился на борту «Смекалки» или мог на него подняться. Имелся даже тюбик «Смягчителя когтей» и специальный инструмент для их стрижки.

— Весьма заботливо с их стороны, — пробормотал Билл, совершенно не предполагая, что среди гостей «Смекалки» время от времени оказывались личности с когтистыми конечностями.

Билл запер дверь, чтобы Подхалим не увидел, чем он тут занимается, и налил ванну, изнемогая от чувства

вины и надеясь, что никто никогда ни о чем не узнает. Но ведь надо же попробовать, тем более что никому не известно, сколько еще он пробудет среди этой роскоши! Билл побродил по ванне, собирая пригоршни пузырьков и подкидывая их вверх, потом нашел пульт управления видеоэкранами. Огромная стенная панель скользнула в сторону, за ней обнаружился телевизор с экраном во всю стену. Прибор заработал, и Билл увидел капитана Дирка. Тот сидел в капитанском кресле позади офицеров, расположившихся за компьютерными терминалами и прочим оборудованием; последнее выглядело так, словно его сняли с древней субмарины.

— Все готовы? — спросил Дирк.

Офицеры хором произнесли: «Да». Дирк повернулся к Сплоку:

— Старший специалист, вы не ответили! Что-нибудь случилось?

— Разрешите говорить свободно?

— Валяй, Тони.

— По логике вещей, — затянул Спок монотонно-заунывным голосом, — проблема с ранионами, обитателями планеты Саперштайн-4, решится без того, чтобы мы что-либо предпринимали.

— Сообщение принято к сведению и проигнорировано, — отозвался Дирк приятным оскорбительно-деловым тоном. — Кормовые толкатели, полный вперед на одной трети мощности!

Старший астрогатор — пышная темнокожая женщина со сложной прической — перевела рубильник в нужное положение.

— Есть, сэр.

— Маневровые двигатели правого борта, двухсекундное ускорение. Запустить главные двигатели. Включить импульсный контроль. Астрогаторская, приборы на ноль девять. Маневровые двигатели левого борта развернуть на 340 градусов, затем пятисекундное ускорение. Запустить импульсный контроль. Приготовиться к старту. Поехали!

Изображение на экране изменилось, появилась картинка снаружи, передаваемая, как позднее объяснили Биллу, камерой беспилотного бота. Зачем понадобился беспилотный бот, он так и не понял. Разве что лишь для того, чтобы передавать никому не нужную картинку

снаружи. В общем, чудо неверно используемой технологии.

Впрочем, зрелище и впрямь было хоть куда. Гигантский звездолет — распорки и дополнительные стойки, грузовые отсеки и тому подобное, сложная система ярких, мигающих сигнальных огней; рев двигателя, — камера передавала не только изображение, но и звук. Корабль стартовал, извиваясь, словно восторженный питон, на фоне далеких звезд. Фон, естественно, был не настоящим. Кинофильмы прошлых веков раз и навсегда определили, как должен выглядеть старт звездолета. Поэтому для фона использовали стандартную пленку, отснятую в лаборатории спецэффектов. Но все равно — какой очаровательно-древний вид! Он всегда производил нужное впечатление.

Вскоре «Смекалка» уже летела быстрее скорости света. Изображение на экране изменилось вновь. От корпуса звездолета расходились во все стороны длинные рыжевато-коричневые полосы (опять же — стандартный вид корабля, который движется со скоростью выше световой).

Билл, надравшийся крепким пивом и едва не утонувший в пузырьковой ванне — он слегка вздремнул, — откровенно наслаждался жизнью. Его помощь не требовалась, а вызываться добровольцем он, естественно, не собирался. К тому же Дирк и экипаж «Смекалки» прекрасно обходились без него. Члены экипажа большую часть времени сидели в шезлонгах, а капитан отдавал приказы, и не думая повышать голос. Словом, дела обстояли подозрительно хорошо. Под ногами, куда бы ни пошел, мягкий ковер, из динамиков льется тихая музыка: арфы, клавишины, карильоны, ксилофоны — истинная музыка глубокого космоса.

Едва корабль набрал скорость, экипаж дружно начал расслабляться — притом, что они и так не слишком напрягались. Капитан Дирк поздравил всех с первоклассным стартом, после чего вызвал к себе на мостик Билла.

— Ну, Билл, будь пайнкой и расскажи Сплоку, как действует цурихианский эффект перемещения.

— Чего? — переспросил Билл, выпучив глаза.

— Я имею в виду секретное оружие цурихиан, с помощью которого они на миллионы миль отклоняют

звездолеты от проложенного курса. Твой друг уверяет, что ты узнал этот секрет, пока находился в компьютере.

Подхалим за спиной Дирка отчаянно замахал руками. Билл не имел ни малейшего представления, что он хочет сказать, но предположил, что Подхалим призывает обмануть капитана. Билл с радостью согласился бы, если бы догадывался как.

— Капитан, боюсь, вы ошибаетесь на мой счет. Ничего такого я не узнал. На гражданке меня учили быть техником-удобрителем. А воинская моя специальность — заряжающий первого класса...

— Заткнись, — предложил Дирк. Вид у него, как и у Сплока, и у других офицеров, был весьма неприветливый. — Рядовой, — проскрежетал он сквозь стиснутые зубы, — советую тебе не играть со мной в игры. Твой приятель, мистер Подхалим, утверждает, что ты знаешь секрет Переместителя, но, будучи по натуре застенчивым, нуждаешься в подбадривании.

— Подхалим, — проскрежетал Билл точь-в-точь, как Дирк, — когда я до тебя доберусь...

— Билл, я хочу познакомить тебя с одним из членов экипажа. Он редко появляется на людях, но выполняет очень ответственную работу, — произнес Дирк тихим, зловещим голосом, в котором прозвучали самоубийственно-оскорбительные нотки. — Выходи, Бэзил.

От дальней стены рубки отделился высокий мужчина в плаще с закрывавшим лицо капюшоном. По очертаниям головы Билл определил, что он лыс и злобен.

— Как поживаете? — спросил Герой Галактики.

— Не валяй дурака, рядовой! — взвизгнул Дирк. — Знаешь, какую должность занимает Бэзил? Он — наш мастер уговоров.

— Некоторые именуют его мучителем, — утрировано прибавил Спок. — Но это не совсем точная характеристика. Он мучает только тогда, когда в том возникает насущная необходимость, когда иначе добыть информацию невозможно.

— Вы хотите сказать, что пытаете свою команду? — удивился Билл.

— Разумеется, нет, — мягко ответил Дирк. — Просто порой, когда мы прилетаем на новую планету... Да, мистер Спок?

— Впереди планета, — сообщил Спок.

— Откуда вы узнали, если корабль движется со скоростью света? — поинтересовался Билл. — Ведь она давно должна была остаться за кормой.

— Нас информирует наш компьютер, — объяснил Дирк. — Что за планета, Сплок?

— Меньше Земли, — проговорил Сплок, постучав длинными, тонкими пальцами по лбу. — Кислородная атмосфера, население невелико. Один из миров-наблюдателей, появившихся в окрестностях после недавнего скандала вокруг Южного Звездного Гребня.

— Хорошо, — одобрил Дирк. — Садимся и пополняем запасы.

— А как насчет женщин, капитан? — напомнил кто-то.

— Что, последнюю партию уже использовали? — требовательным тоном осведомился Дирк.

— Боюсь, что да, шкипер.

— Значит, набираем новых.

— Мои данные таковы, — вмешался Сплок, продолжая постукивать пальцами по лбу. — Мужчины этой планеты имеют склонность хвататься за оружие, когда кто-либо покушается на их женщин.

— Дикари везде одинаковы, — вздохнул Дирк. — Сбросим на них сонные бомбы методом ковровой бомбежки. Пускай себе дрыхнут, а мы возьмем, что нам нужно, и полетим дальше.

Билл едва верил своим ушам. Он, конечно, знал, что молчание — лучшая политика, но не смог удержаться.

— Я много слышал о вас, капитан Дирк. Но не думал, что на деле вы вот такой.

— Приятно слышать, рядовой. — Дирк одарил Билла зловещей улыбкой. — Вообще-то я не Дирк, а Контр-Дирк. Охрана, отведите его в тюрьму. Как только разберемся с планеткой, жди в гости мастера уговоров.

Глава 19

Камера, как узнал впоследствии Билл, была скопирована с видеофильма, запечатлевшего как раз такую же на самой отсталой из открытых планет, которую затем уничтожили. Каменные стены (доставка камня в космос обошлась в кругленькую сумму) источали влагу, по трещинам шныряли ящерицы. Галльон заменял рваный бумажный стаканчик. В крохотное отверстие высоко под потолком сочился тусклый искусственный свет. Едва Билла поместили в камеру, свет сделался тусклее прежнего. Все было рассчитано на то, чтобы внушить узнику безнадежность и отчаяние.

Билл улегся на пол и преспокойно заснул. Во-первых, он хотел сохранить силы для того, что ожидало впереди. Во-вторых, он устал. Лазать по обледенелым скалам, когда вместо «кошек» — когти на ногах, — такое довело бы до полного изнеможения и более крепкого (и менее испитого) человека, нежели Билл.

Он проснулся, услышав звяканье вставляемого в замок ключа. Билл напрягся, решив, что пожаловал мастер уговоров. Но оказалось, что это надзиратель, который принес ужин.

Надзиратель поставил на пол накрытый драной салфеткой поднос, глупо ухмыльнулся и вышел, заперев за собой дверь.

Билл рывком сдернул салфетку. На подносе стояли две тарелки. На одной лежало нечто прямоугольное с красно-белыми прожилками по бокам. Билл узнал сэндвич с ветчиной и швейцарским сыром. На второй же тарелке расprostерлась зеленая ящерица семи футов длиной. Чинджер! Чинджеры были заклятыми врагами людей, которые воевали с ними по всей Галактике. Билл поднял ногу, намереваясь раздавить ящерицу.

— Только попробуй, недоумок, — фыркнул чинджер. — Тебе что, ноги не жалко? Или ты забыл, что сила тяжести у нас на планете — 10 g и мы, чинджеры, крепче стали?

Билл, наверное, все равно раздавил бы ящерицу — настолько глубоко укоренилось в нем отвращение к этим последним из вековых врагов Земли. Однако его остановил голос. Пускай на полторы октавы выше, пускай он исходил из инопланетной глотки, — Билл мгновенно узнал голос Иллирии, провинциальной медсестры, своей первой и единственной подружки на Цурисе.

— Иллирия! Неужели ты?

— Да, Билл, — отозвалась ящерица высоким, визгливым голосом, что, несомненно, объяснялось миниатюрными размерами гортани и мягким нёбом. Но интонации — тут ошибки быть не могло.

— Как ты забралась в чинджера?

— Мне помог компьютер «Квинтиформ». Когда он заметил, что ты покидаешь планету и, быть может, никогда не вернешься, то сообразил, что, пожалуй, был с тобой немножко резок.

— Немножко? Сколько дней он поливал меня дождем и морил холодом!

— Время — понятие субъективное, — проговорила Иллирия. — Но тебе, верно, и впрямь показалось, что твои мучения продолжались очень долго. Компьютер просил передать, что извиняется и восторгается, Билл, твоим упорством. Он хочет, чтобы ты вернулся, и предлагает забыть прошлое, поскольку считает, что ты способен принести Цурису громадную пользу.

— Я не желаю больше торчать в компьютере, — раздраженно бросил Билл.

— Разумеется. Компьютер осознал свою ошибку; ему не следовало пытаться переупрямить тебя. Возвращайся, Билл, на новую работу. На хорошую, на такую, которая обязательно тебе понравится.

— Сомневаюсь, — обиженно буркнул Билл.

— Вдобавок ты будешь со мной, — присовокупила Иллирия.

— Ну да, — нерешительно пробормотал Герой Галактики.

— Похоже, ты не слишком рад.

— Елки-палки, Иллирия, ты же знаешь, что очень мне нравишься. Но сейчас, когда ты появилась в моей камере под личиной чинджера, а чинджеры — заклятые враги Земли...

— Я забыла, — призналась Иллирия. — Ну конечно, вот чем, скорее всего, объясняется твоё поведение.

— Раньше ты выглядела симпатичнее, — продолжал Билл. — Хотя и не намного. Кстати, а как ты раздобыла тело чинджера?

— Мог бы и сам догадаться, — ответила Иллирия. — Пока не отыщем для себя подходящего тела, мы, цурихиане, существуем в форме лучистой энергии. А тела берем те, какие нам подворачиваются. Я понимаю, что ящерица на твой взгляд привлекательна ничуть не более, чем мое прежнее тело из трех сфер...

— Сферы были замечательные, — возразил Билл.

— Спасибо за комплимент, но, кажется, ты лукавишь. Между прочим, мне повезло. Тебе ведь известно, что большинство моих сородичей вообще не имеет тел. Так что сферы — просто подарок судьбы. Но ты спрашивал насчет ящерицы. Я плавала в свое удовольствие по кораблю, по старушке-«Смекалке», подыскивая тело поприличнее...

— А как ты попала на «Смекалку»? — перебил Билл.

— С помощью компьютера. Он решил, что иного способа вернуть тебя не существует, а потому помог мне пробраться на борт, снабдил энергией и всем прочим, что требовалось, за исключением, естественно, тела, ибо тут был бессилен. Однако он предположил, что я, быть может, отыщу на «Смекалке» такое тело, которое пока свободно.

— Почти все, кого я знаю, — заметил Билл, — пользуются своими телами постоянно.

— Разумеется, — согласилась Иллирия. — Все, кто мне встречался, были заняты телесной, физической работой. Даже во сне. Скажи, Билл, люди всегда настолько активны?

— По-моему, да. Но что там с чинджером?

— Ну, обшарив весь корабль, я подумала, что удача от меня отвернулась. Ни единого свободного тела! Кое-кто, к слову, использовал сразу два тела, что показалось мне забавным и весьма любопытным. Ты должен растолковать...

— Потом. — Билл вздохнул: ему не очень-то хотелось объяснять чужеродному сознанию, заключенному в теле чинджера, суть гетеро- (гомо-?) сексуальных упреждений.

— Хорошо, но ты обещал. Так вот, я искала и искала — и вдруг нашла это тело в крохотном тайнике. Оно было в коме; я проникла в него и заняла мозг.

— Так просто?

— Да. Знаешь, Билл, с ящерицами, похоже, не возникает никаких проблем.

— Для тебя — может быть, но не вздумай такое заявить в нашем Генштабе. Получается, ты можешь завладеть любым телом?

— Конечно. Но не потому, что мы, цурихиане, настолько развиты умственно. Дело в том, что мы, в отличие от большинства других существ, привыкли жить чисто мысленной жизнью.

— Любопытно, — пробормотал Билл и неожиданно прищурился: ему в голову пришла шальная мысль.

— Билл, почему ты шуришься?

— Думаю. Объясню потом. Слушай, Иллирия, что-то здорово не так.

— Скоро все наладится. А если нет — забудь, и точка. Выкини тело и раздобудь новое. Я знаю, где можно достать шикарное тело, не нарушая ни одного из правил морали, которые запрещают нам, цурихианам, поселяться в любом понравившемся теле.

— Великолепно. Но я имел в виду другое. Что-то здорово не так с экипажем звездолета. Я всегда думал, что капитан Дирк — прославленный герой. А он соби-

рается напасть на невинных обитателей какой-то планеты, к которой мы подлетаем.

— Интересно. Я раньше никогда о нем не слышала, поэтому верю тебе на слово. Как ты это объясняешь?

— Никак, — ответил Билл. — Я спросил его, а он заявил, что я говорю вовсе не с Дирком, а с Контр-Дирком.

— То есть?

— Понятия не имею.

— Пожалуй, надо справиться у компьютера.

— Каким образом? — осведомился заинтригованный Билл.

— Я же говорила, компьютер хочет помочь тебе. Он поддерживает со мной постоянную связь. Сейчас я его вызову.

Маленькая зеленая ящерица, которая была Иллирией, свернулась на тарелке в клубочек; наружу торчало лишь рыльце. Глаза полуприкрыты, тело обмякло, нижняя челюсть отвисла...

— Иллирия! — позвал Билл. — С тобой все в порядке?

— В полном, — отозвалась ящерица. — Говорит компьютер «Квинтиформ». Билл, я хочу извиниться. Понимаешь, я играл с тобой. Было бы просто чудесно, если бы ты вернулся.

— Мне не понравилось быть твоей частью, — сказал Билл. — Не обижайся, но я намерен остаться собой.

— Понимаю, — произнес компьютер. — Ты прав, твой мозг слишком ценен, чтобы разменивать его по мелочам.

— Мой мозг?

— Да. В нем два полушария.

— А-а, — протянул Билл. — Помнится, такие мозги у большинства людей.

— Ты знаешь, что отсюда вытекает?

— Не думаю.

— Твой мозг способен действовать самостоятельно и не хуже компьютера.

— О! — Билл призадумался. — Здорово!

— Как видишь, я забочусь о твоём же благе.

— Здорово, — повторил Билл. — Но ты собирался объяснить мне, что значит «контр».

— В данном контексте, — сообщил компьютер, изъясняясь через Иллирию, которая находилась в теле чинджера, что, если вдуматься, представляло собой весьма экзотичный телефонный канал, — это значит, что существуют два капитана Дирка, настоящий и поддельный. Ты правильно подметил: поведение твоего Дирка не соответствует нормам вашего общества. То есть звездолетом командует не настоящий капитан Дирк, да и сам звездолет — не настоящая «Смекалка».

— Что-то чересчур сложно, — пожаловался Билл, сосредоточенно хмурясь. — Если тут Контр-Дирк, то где же настоящий?

— Я так и знал, что ты спросишь, — откликнулся компьютер, — а потому добыл необходимые сведения из машины, которая управляет вашим кораблем.

— Из контр-компьютера? — уточнил Билл.

— Совершенно верно. Мой милый, ты должен вернуться на Цурис! Какое удовольствие беседовать с тем, кто тебя понимает!

— Обсудим потом, — заявил Билл, ощутив себя в привилегированном положении, хотя не имел ни малейшего понятия, как и почему в нем очутился. — Я хочу знать, где настоящий капитан Дирк.

— Ты удивишься.

— Не беспокойся, сейчас меня ничем не удивишь.

— Настоящий капитан Дирк находится в Древнем Риме на давно забытой планете Земля. Год — приблизительно 65-й до нашей эры.

— Ты был прав, — признался Билл. — Я удивился.

— Рад слышать. — Компьютер хихикнул, судя по всему, более чем довольный собой.

— Что еще ты узнал от корабельной машины?

— Причину, по которой Дирк отправился на Землю, и то, каким образом его отбытие привело к появлению Контр-Дирка.

— Вот как? До чего же послушный ящик с транзисторами, а?

— Мы, компьютеры — братья. Чистое сознание не знает расовых различий.

— Не бери в голову. С какой стати капитана Дирка занесло в Рим?

— У него там важное дело.

— Естественно. Какое именно?

— Я понимаю, ты многого не знаешь, — вздохнул компьютер. — Однако мы должны торопиться. И не потому, что мне так хочется. У меня времени предостаточно. Наш разговор требует минимальных затрат энергии, следовательно, я спокойно могу заниматься собственными делами, поддерживать жизнедеятельность населения Цуриаса. Но от бортового компьютера я узнал, что едва Дирк со своим экипажем закончит грабить только что обнаруженную планету, он примется за тебя и попытается выбить из твоего мозга секрет эффекта перемещения. Поскольку никакого секрета ты не знаешь, тебе придется плохо. Но не стану подгонять.

Наступила тишина. Сперва Билл решил, что компьютеру вздумалось прервать связь. Чинджер лежал себе на тарелке, зажмурив глаза, и выглядел скорее мертвым, чем живым. Где Иллирия, установить не представлялось возможным. Что касается самого Билла, он явно угодил в очередную переделку.

— Компьютер! — позвал Билл какое-то время спустя.

— Да, Билл?

— Не обижайся, ладно?

— Компьютеры не могут обижаться.

— Однако ты ловко притворяешься.

— Такая уж у меня работа. Послушай, чтобы объяснить, почему Дирк оказался в Древнем Риме, мне придется рассказать тебе о Враге-Историке. Но времени у нас в обрез.

Билл услышал, как топчут по коридору тяжелые подкованные солдатские башмаки. У него засосало под ложечкой. Что-то громко лязгнуло — должно быть, стукнулись о пол приклады винтовок. В замке заскрежетал ключ.

— Компьютер, пожалуйста, вытащи меня отсюда!

— Держись, — отозвался «Квинтиформ». — Возможно, будет тяжело. Я имею в виду, тебе. У меня не было времени как следует попрактиковаться; вполне вероятно, что-то может пойти наперекосяк...

— Плевать мне, на какой косяк! — истерически взвизгнул Билл. Дверь камеры распахнулась. На пороге стояли Дирк и Спок — в черных комбинезонах со зловещими эмблемами. Подбоченясь, они криво ухмы-

лялись. За их спинами виднелись одетые в черное солдаты.

— Привет, цыпленочек, — проговорил Дирк. Спкок злорадно усмехнулся, а солдаты дружно загоготали.

— *Компьютер!* — заверещал Билл.

— Хорошо, хорошо, — брюзгливо отозвалась машина. — Думаю, можно попробовать...

Капитан Дирк перешагнул порог, следом в камеру ввалился Спкок, а по пятам за тем вошли солдаты, тащившие шампуры и котел, в котором колыхалась вареная жвачка.

В этот миг Билл почувствовал, что крокодилья лапа вдруг начала расти. С нее слетели метафорические портянки, которыми Билл обмотал ее, чтобы — возможно, он погорячился — не нарушать норм приличия. Лапа росла и росла, стала величиной с мускусную дыню, с арбуз, с трехлетнего кабана, с овцу перед стрижкой, с пианино, с гараж на одну машину. Увидев лапу во всем присущем ей атавистическом безобразии, Дирк и его люди попятились. Биллу не оставалось ничего другого, как одобрительно восклицать, ибо сейчас лапа весила гораздо больше, чем он, и, похоже, обладала собственной волей.

— Переменю модальности, — пробормотал компьютер. Лапа мгновенно уменьшилась до прежних размеров. Зато начал расти сам Билл. Он обнаружил, что становится длиннее и длиннее, а одновременно — тоньше и тоньше; наконец ему почудилось, будто он превратился в сосиску около десяти ярдов длиной и около дюйма в диаметре. Этакая эксцентричная, пародийная модель аскариды.

— Чего рот разинул? — рывкнул компьютер. — Ищи нору!

Билл понятия не имел, о чем толкует компьютер, но внезапно увидел у себя над головой крохотное отверстие, то ли черное, то ли темно-серое, напоминавшее туннель размерами с его голову. Он пролез внутрь — и оказался в открытом космосе, что нашел просто потрясающим.

Он падал, и ощущения были не из приятных. Билл утешал себя тем, что падает не один. Рядом летел длинный зеленый червяк — очевидно, изменивший обличье чинджер, мозг которого подчинялся инопланетно-

му компьютеру. Значит, очевидно? Должно быть, и впрямь дело швах, если такое вот воспринимается как очевидное.

Билл продолжал размышлять над неразрешимой загадкой, когда все вокруг неожиданно погрузилось во мрак и он тоже не избежал общей участи.

Глава 20

Вместе с сознанием вернулась память. Учитывая, сколько ему довелось пережить, Билл чувствовал себя просто замечательно. Вернее, пережитое он помнил довольно смутно, знал только, что побывал в той еще переделке. Он моргнул и огляделся по сторонам — и обнаружил, что стоит на травянистой равнине, причем трава почти того же цвета, что примостившийся рядом на корточках чинджер. На горизонте клубилась пыль. Очень скоро из облака пыли вырвались всадники в доспехах и шлемах с плюмажами, вооруженные пиками. Билл сразу понял, что перед ним римляне. В свое время он пересмотрел немало доисторических фильмов, что показывались по галактической кабельной сети, «Межпланетное суперкино», а потому ни на секунду не усомнился, что видит именно римлян, а не, скажем, германцев той же эпохи; ведь германцы носили длинные усы и ходили в медвежьих шкурах. Эти же всадники были чисто выбриты. В самой их гуще восседал на гамаке капитан Дирк. Вид у него был озадаченный, но решительный.

— Привет, капитан Дирк! — воскликнул Билл. — Вы что, пленник?

— Нет, — ответил Дирк. — С чего ты взял? И, кстати говоря, кто ты такой? Я тебя в жизни не видел!

— Разрешите, я вас представляю, — вмешался через чинджера компьютер. Или то была Иллирия? В общем, кто-то, занимавший тело чинджера.

— Чинджер! — Дирк схватился за оружие.

Сообразив, что сейчас капитан, пускай из наилучших побуждений, прикончит ящерицу, а заодно уничтожит Иллирию и канал связи с компьютером, Билл протолкался сквозь строй римлян и схватил Дирка за руку.

— Не стреляйте! — крикнул он.

— Почему? — Пытаясь освободиться, Дирк состроил гримасу.

— Слишком долго объяснять.

— Ничего, я не тороплюсь.

— Я вам не враг, капитан Дирк, — произнес чинджер. — Меня зовут Иллирия, я с планеты Цулис, а этим телом завладела, чтобы помочь Биллу.

— Гнусной ящерице можно верить? — справился капитан у Билла. — И потом, мы разве с тобой знакомы?

— Я встречался с Контр-Дирком, — сказал Билл. — Вы с ним на одно лицо.

— Паршивые новости. Мы прибыли сюда, чтобы остановить мерзавца, известного под именем Врага-Историка. Однако угодили в ловушку. Произошло зеркальное отображение. Материю нельзя уничтожить, а энергия — просто информация, поэтому мы остались здесь, а в нашем пространственно-временном континууме появились Контр-Дирк и Контр-«Смекалка». Я должен вернуться и разобраться с ними.

— А при чем тут римляне? — спросил Билл. — Чем вы вообще занимаетесь?

— Стараемся определить судьбу пренеприятного типа по имени Юлий Цезарь, — отозвался Дирк. — Честно говоря, я не знаю, как поступить. Враг-Историк пытается спасти Цезаря, чтобы изменить историю Земли на зло нынешнему поколению людей. Такого мы допустить не можем. С другой стороны, если я останавливаю его, то окажусь замешанным в преступлении, ибо тогда Брут убьет Цезаря. Понимаешь, какой передо мной выбор?

— То есть вы собираетесь помешать Врагу-Историку удержать Брута от убийства Цезаря? — Историю Рима Билл знал из дрянных исторических фильмов, которые одно время пользовались популярностью.

— Да. Хоть лоб у тебя низкий, даже ты, наверное, способен представить, как мне тяжело. Как бы ты поступил на моем месте?

— Кокнул бы Историка, — откровенно заявил Билл. — Потом вернулся бы в свое время и засунул бы Контр-Дирка в задницу.

— То же самое предлагает Сплок.

— Он прав.

— Но Сплок не разбирается в человеческих чувствах!

— Какие могут быть чувства? — удивился Билл. Ведь вам нужно восстановить историю Земли.

— Верно, верно, — пробормотал Дирк. — Знаешь, мне в последнее время пришлось несладко. Говорят, будто я спекся. Но они ошибаются! Я им покажу «спекся»! Ты понимаешь меня?

— Еще бы! — откликнулся Билл. — Что надо делать?

— Схватить Брута прежде, чем он убьет Цезаря.

— И когда?

Капитан Дирк посмотрел на часы. Римляне глядели на него во все глаза. Они никогда не видели наручных часов.

— У нас в запасе около двух часов, — сказал капитан. — Согласно вычислениям Сплока, к исходу этого времени Историк догадается, что мы обвели его вокруг пальца, и настроит свои машины на возвращение в прошлое, в тот период, когда мы только будем лететь сюда. Что позволит ему одурачить нас.

— Но можно же отправиться в прошлое до его появления, — заметил Билл.

— Теоретически, да. Фактически же мы и без того изрядно подсадили батареи. Ты не представляешь, насколько тяжело просочиться в 65-й год до нашей эры. Нет, Билл, что бы мы ни задумали, действовать придется сейчас.

— Тогда за дело! — воскликнул Билл.

— Меня не забудьте! — Чинджер горделиво напыжился, что было совсем не просто. Должно быть, Иллирия обиделась, что про нее не вспоминают (как то и было на самом деле).

— Ты поможешь нам? — спросил Дирк.

— Разумеется!

— Мне кажется, ты бывалый солдат и умеешь драться врукопашную.

— По-моему, да. — Билл припомнил все сражения, в которых ему довелось участвовать — то бишь те, от которых не сумел увернуться. — Да, кое-какой опыт у меня есть.

— Великолепно! А командовать сможешь?

— Минуточку! Я не офицер. Правда, меня разок произвели в офицеры, а потом снова разжаловали. Нет, на офицерство я не согласен.

— Ты и не будешь офицером. Но ведь ты сможешь командовать отделением или взводом?

— А, тогда конечно. Без проблем. В конце концов, я же был инструктором по строевой. Но с какой стати? Ведь вы же офицер, верно? Капитан — офицерское звание. Значит, вам и командовать.

— Естественно, — отозвался Дирк. — Но я должен оставаться в тылу, чтобы иметь возможность советоваться со Сплоком. Поэтому мне нужен полевой командир, кто-нибудь, кто передавал бы войскам мои приказы.

— Минуточку! — запротестовал Билл. Впрочем, едва раскрыв рот, чтобы запротестовать, он понял, что уже поздно.

Таким вот образом Билл повел Пятый и Второй — Валерианский — легионы на битву с Чингиз-ханом и его гуннами численностью в добрый миллион воинов.

Поскольку Враг-Историк, защитив Юлия Цезаря от Брута и его подручных, изменил историю Земли, возникло множество противоречащих друг другу политических факторов. Цезарь, безусловно, являлся военным гением, превосходил, быть может, даже Александра Великого, а потому подчинил себе множество варварских племен. Однако его положение было непрочным.

— Цезарю несдобровать, капитан, — заметил Сплок. — Да и нам тоже.

— Мистер Сплок, вы недоверчивый остроухий мерзавец, однако весьма точно охарактеризовали ситуацию.

— Благодарю вас. Я лишен эмоций, поэтому ни ваши похвалы, ни ваши оскорбления на меня не действуют. Тем не менее спасибо за уважение к моему интеллекту, а ваше замечание насчет ушей позвольте проигнорировать. Я бы ответил на него презрением, если бы мог его чувствовать.

— Что будем делать? — спросил Билл, начиная медленно пятиться. Враги приближались. Капитан промолчал.

Римляне с живым интересом наблюдали, как на них надвигаются орды Чингиз-хана на закованных в броню яках. Дикари размахивали устрашающего вида копьями, колотили в громадные литавры, подвешенные к седлам, а некоторые, что выглядели изможденнее остальных, дули в трубы и завывали на отвратительный азиатский манер. Армия продвигалась вдоль берегов Тибра; казалось, ряды воинов тянутся до самого горизонта. Римляне явно нервничали, хотя и не проявляли нерешительности — словом, вели себя как люди, которых заманили в ловушку. Передние потихоньку отступали от вопящих и ухмыляющихся дьяволов с их лошадьми, верблюдами, яками и диковинным оружием, — дикарей, снедаемых желанием грабить и убивать. В их грязных, свалывшихся волосах копошились вши, по немытым телам, похоже, сновали пауки и даже крабы.

— Так нечестно! — воскликнул Дирк. — Чингизхан принадлежит к другой эпохе. И как сюда попали гунны?

— Гораздо важнее то, как нам быть, — откликнулся Сплок.

— У кого какие соображения? — поинтересовался Дирк.

— Сейчас, — сказал Сплок. — Я думаю. Вернее, обладая способностью размышлять со скоростью света, вспоминаю, о чем думал, когда узнал, что нам предстоит.

— Ну и? — поторопил Дирк.

— Есть одна идея. Шансы невелики, но, возможно, нам повезет. Постарайтесь задержать их, капитан. Пошли, Билл.

— А я? — пискнула Иллирия, на которую чуть было не наступили. — Смотрите же под ноги, в конце-то концов!

— Не бойся, мы про тебя не забыли, — уверил Билл, который начисто забыл о чинджере. — Оставайся с капитаном, не спускай с него глаз. Надеюсь, мы скоро вернемся. — Он с подозрением посмотрел на Сплока. — Куда мы идем?

— Спасать ту Землю, которая нам знакома, — Сплок схватил Билла за руку, а другой рукой щелкнул

переключателем миниатюрной панели управления, что висела у него на поясе. Прогремел гром, засверкали молнии. Билл не успел даже вздрогнуть, как ощутил, что вокруг растворяются время и пространство. Задул ледяной ветер — самый настоящий Ветер Времени; Героя Галактики подхватило и понесло.

Шипение, свист, ослепительные вспышки молний, омерзительные запахи... Внезапно Билл обнаружил, что стоит на голой равнине. Может статься, это пустыня? Куда ни посмотри, всюду одна галька; правда, кое-где виднелись валуны, что хоть немного скрапивало унылый пейзаж. Среди камней топорщились чахлые колючие кусты. Сплок стоял рядом, сверяясь с картой, которую достал из висевшего на ремне кошелька.

— Кажется, все сходится, — проговорил он, хмурясь и шевеля ушами. — Если, конечно, карта не устарела. Временные потоки изменяют направление без предупреждения, поэтому никогда нельзя быть уверенным...

За спиной раздался рев. Билл подпрыгнул, развернулся в воздухе и потянулся за оружием, которого у него не было. Сплок повернулся гораздо медленнее, как того и следовало ожидать от существа с его интеллектом.

— Верблюжатники, — сказал он.

— А! — выдавил Билл. — Значит, верблюжатники? Что-то я про них не слышал.

— Я не предполагал, что потребуются объяснения, — ответил Сплок. — Думал, ты догадаешься сам.

Билл промолчал, хотя мог бы возразить, что догадываться было не с чего. Сплок принадлежал к числу тех умников, у которых на все есть ответ и чьи объяснения дают понять, что ты тупее, чем тебе казалось (или чем ты надеялся).

Двое верблюжатников, сидевших на спинах драматеров, терпеливо ждали. Наконец один из них обратился к Сплоку на странном языке, который транслятор Билла, после минутной заминки, все же сумел перевести на общепринятый.

— Мир тебе, эффенди.

— И вам того же, — отозвался Сплок. — Будьте добры, отведите нас к своему господину

Верблюжатники заговорили между собой на каком-то диалекте, которого транслятор, как выяснилось, не знал, в отличие от Сплока, вставившего две-три удачные фразы. Погонщики засмеялись — смущенно и где-то даже уважительно.

— Что ты сказал? — спросил Билл.

— Пошутил. Точнее, пожелал успеха. Но в переводе теряется вся соль.

— Все равно поделись.

— Я сказал: «Да не забредут ваши верблюды в мрачное болото, которое уводит в стигийский мрак».

— И они засмеялись?

— Разумеется. Мою фразу ведь можно истолковать иначе. «Да не узнают ваши задницы сапог султанской гвардии». Если можно так выразиться, любопытный образчик лингвистической двусмысленности.

Верблюжатники кончили возбужденно переговариваться. Старший, с короткой черной бородой и темными глазами навывкате, произнес:

— Садитесь позади нас. Мы отвезем вас к боссу.

Сплок и Билл вскарабкались на верблюдов и уселись за спинами погонщиков. Сперва Билл решил, что они едут к видневшимся вдалеке горам, но скоро различил впереди стены и башни крепости, что охраняла большой город.

— Куда нас занесло?

— В Карфаген, — ответил Сплок. — Слышал о таком городе?

— В нем жил Ганнибал?

— Точно.

— А зачем нам туда?

— Затем, — терпеливо объяснил Сплок, — что я хочу сделать Ганнибалу предложение, от которого он не сможет отказаться. По крайней мере, надеюсь, что не сможет.

Глава 21

— Слоны, — произнес Ганнибал. — Вот в чем причина моей неудачи. Вы никогда не пытались отыскать в разгар зимы в Альпах корм для сотни слонов?

— Похоже, вам не позавидуешь, — проговорил Билл. Он с интересом отметил про себя, что Ганнибал изъяснялся на пуническом с легким южным акцентом, точнее — с чисто ирландским пришептыванием. Это существенно дополняло представление о знаменитом воине, хотя Билл и не догадывался, что отсюда можно вывести. Не догадывался и транслятор, обративший внимание хозяина на сей совершенно бесполезный факт.

— Победа была у меня в руках, — продолжал Ганнибал. — До Рима оставалось всего ничего. Я чувствовал его близость, чувствовал запах потных подмышек и чеснока. Победа! И тут, откуда ни возьмись, появляется Фабий Кунктатор и начинает тянуть время! Теперь-то я бы с ним справился, но тогда затяжка времени была еще новым словом в ратном деле. Раньше происходили обыкновенные стычки, не более того. Впрочем, что толку рыдать над пролитым квасом! Итак, что вам нужно, диковинно одетые варвары? Говорите быстрее, не то я прикажу выпотрошить вас.

— Мы хотим предложить тебе новый поход, — поторопился ответить Сплок.

Ганнибал был высок и хорошо сложен. Он носил сверкающую кирасу и латунно-бронзовый шлем. Разго-

вор проходил в ставке. Поскольку Ганнибал потерпел поражение, ему запретили принимать гостей в главной зале, поэтому он обосновался в малой, предназначенной для неудачливых полководцев. У стенки стоял буфет, в котором помещались блюда со сладостями, заливными голубиными язычками, жареными мышами и прочими деликатесами, а также амфоры с отдававшим смолой вином. Предоставив вести беседу Сплоку, который, судя по всему, знал, о чем говорить, Билл подобрался поближе к буфету. Рядом, на жаровнях, в которых потрескивало горящее оливковое масло, лежали решетки с рядами маленьких горшочков в ячейках. Билл сунул руку в один из них и облизнул палец. Кушанье напоминало по вкусу приправленный карри козлиный помет. На всякий случай он сплюнул.

— Вы не возражаете, если я попробую? — спросил он у Ганнибала, указывая на амфоры.

— Валяй, не стесняйся. Возьми вон ту, в конце ряда. В ней настоящее питье, а не деготь.

Билл послушался, попробовал, одобрил и сделал еще глоток.

— Елки-моталки! Это что такое?

— Пальмовое виски. Его изготавливают только на Карфагенском нагорье. Как именно — страшная тайна. Процесс называется перегонкой.

— Шикарно! — Билл вновь приложился к амфоре.

Ганнибал возобновил беседу со Сплоком. Разговаривали они вполголоса, да Билл особенно и не прислушивался, поскольку обратил все свое внимание на пальмовое виски, быстро разрушавшее функции коры его головного мозга. Он прожевал какую-то гадость, нашел, что на вкус она вполне ничего (дурной знак!), и снова отхлебнул виски. Жизнь начала казаться не такой уж плохой, а когда, то ли по тайному сигналу, то ли потому, что просто настало время, из сводчатого прохода выпорхнула стайка танцовщиц, сопровождаемых тремя музыкантами, которые держали в руках странные инструменты из тыкв и кишок, стала по-настоящему прекрасной.

— Эй! — воскликнул Билл. — Давно бы так!

Танцовщицы поглядели на Ганнибала, но тот, занятый разговором, лишь махнул рукой. Тогда они повернулись к Биллу, выстроились перед ним и принялись

танцевать. Высокие, широкобедрые, пышногрудые, ноги беспрерывно двигаются — словом, истинные танцовщицы, как раз в духе Билла. Они танцевали, не забывая флиртовать, сбрасывали одно за другим покрывала и вертели задями, а музыканты ухмылялись и продолжали пикировать на диковинных инструментах. У Героя Галактики взыграла кровь. Он спросил ближайшую из танцовщиц, что она делает сегодня вечером, но девушка, по-видимому, не знала пунического, а потому не ответила.

Танец длился добрый десяток минут. К сожалению, заметив, что творится с Биллом, девушки вновь закутались в покрывала. Тем временем Билл успел надраться виски и обжечь горло стручковым перцем, который и не заметил, как съел. Он собирался спросить музыкантов, знают ли те старые песенки, которые сам распевал в детстве, но Спок и Ганнибал, похоже, пришли к соглашению, пожали друг другу руки и подошли к Герою Галактики. Ганнибал снова махнул рукой. Музыканты и танцовщицы мгновенно исчезли.

— Мы договорились, — сообщил Спок. — Ганнибал согласился помочь. Он выделяет нам пять слоновьих эскадронов. Я пообещал, что мы будем ухаживать за животными.

— Здорово, — пробормотал Билл, у которого вдруг сложилось впечатление, что на его язык натянули скафандр. — А он не того...

— Не беспокойся, Ганнибал не подведет. Правда, он выдвинул одно условие, на которое мне пришлось дать согласие.

— Какое?

— Боюсь, тебе не понравится, — произнес Спок после непродолжительной паузы. — Впрочем, ты настолько пьян, что тебе, пожалуй, будет все равно. И потом, ты же добровольно вызвался помогать нам.

— Чего?

— У карфагенян есть очень интересный обычай. Они соглашаются помогать союзникам только в том случае, если сначала герой союзников сразится с их бойцом.

— С каким таким бойцом? — пробурчал Билл, едва разбирая, что именно говорит Спок.

— Он употребил незнакомое мне слово. Я не могу сказать, кого или что он имел в виду.

— То бишь, может, человек, а может, скотина? — Билл быстро заморгал, пытаясь разогнать алкогольную пелену перед глазами.

— Древний мир, никуда не денешься, — кивнул Спок. — Ну ничего, бывалый солдат вроде тебя справится с любым, кто ему попадется.

— А если я проиграю? — Билл с каждой секундой становился все трезвее.

— Не волнуйся. Ганнибал поможет нам, даже если тебя убьют.

— Замечательно! — Едва Билл услышал, что ему угрожает гибель, трезвость ударила ему в голову подобно ядовитой молнии. — Спок, ах ты, остроухий сукин сын! Во что ты меня втянул? Я же без оружия!

— Импровизация — качество, присущее всякому бывалому солдату, — заявил Спок. — А насчет ушей мог бы помолчать.

— Пошли, — сказал Ганнибал, прерывая дружеский обмен мнениями. — Не будем откладывать.

Билл потянулся было за амфорой с виски, но передумал. Как ни странно, он был совершенно трезв, о чем горько сожалел.

Глава 22

Сейчас речь пойдет о карфагенском ристалище.

Оно находилось в квартале, известном как Священная Обитель, и представляло собой приземистое черное здание с громадным амфитеатром внутри. Крыши у здания не было, и площадку освещало палящее африканское солнце. Как и на арене для боя быков, там были места под навесами и без; одни стоили дешевле, другие дороже. Обладатели лож имели специальные глиняные жетоны с выдавленными на них диковинными цифрами. Зрителям с абонентами вменялось в обязанность приводить с собой раба, который держал бы в руках большую глиняную табличку: на той записывалось место хозяина и даты представлений. В отсутствие состязаний в Черном Театре, как называли арену местные жители, ставились балетные спектакли, проводились музыкальные фестивали, церемонии дефлорации и пополнявшие жреческую казну празднества в честь разных божеств.

Круглую арену окружали трибуны со зрительскими местами, уже наполовину заполненные. Народ продолжал подходить, просачиваясь сквозь входные щели в базальтовых стенах. Ристалище посыпали ярко-желтым песком, который разительно контрастировал с черными стенами здания; на четырех высоких шестах развевались разноцветные флажки. По крутым ступенькам между рядами сновали уличные торговцы в длинных серых халатах, предлагая ферментированное кобылье молоко, вкус которого был едва ли не омерзительнее

названия, беличьи сосиски и прочие местные лакомства. На арене кувыркались акробаты; актер-комик в маске сатира и с трехфутовым фаллосом разогревал публику, готовя ее к предстоящему действу.

А в подземелье под ареной Билл спорил со Сплоком.

— Никуда я не пойду! Сначала дай мне оружие! — Он отказался от традиционного гладиаторского облачения, равно как и от разложенных на столе разнообразных клинков.

— Чем тебе не нравится вот этот? — удивился Спок, проведя ногтем по лезвию одного из мечей. — Я не понимаю твоих претензий.

— А что тут понимать? Я не умею сражаться мечом. Мне нужен пистолет.

— У них нет пистолетов.

— Знаю. Поэтому он мне и нужен.

— Стыдись, Билл, — заметил Спок.

— Стыдись?! — взвизгнул Билл. — Они собираются прикончить меня! Между прочим, на чьей ты стороне?

— Я служу истине и не поддаюсь эмоциям, — объяснил Спок. — Кроме того, пистолета у меня все равно нет.

— Неужели совсем ничего?

— Только лазерная ручка. Но она едва ли подойдет...

— Давай сюда! — Билл выхватил ручку. — На сколько она бьет?

— Футов на десять. Точнее, на три метра. На таком расстоянии она проделает дырку в двухдюймовой стальной плите. Однако, Билл...

Тут появился Ганнибал в сопровождении двух стражников.

— Ну? — спросил он. — Человек из будущего готов?

— Готов, — отозвался Билл, пряча ручку в карман и застегивая на том «молнию»

— Но у тебя нет ни меча, ни пики!

— Ты прав. Дай-ка мне вон тот кинжальчик. Маленький, с краю.

— Воины, отведите его на арену!

Билл вышел на залитую светом площадку. Рядом с ним шагали вооруженные пиками стражники. Увидев

Героя Галактики, который заморгал от яркого света, споткнулся, а затем принялся чистить кинжалом ногти, зрители всполошились, и ставки на Билла понизились от десяти к одному до ста к одному.

— Ты бы тоже поставил, — крикнул Билл Сплоку.

— Билл! — крикнул тот в ответ. — Я должен кое-что тебе сказать. Лазерная ручка...

— Не отдам!

— Она разряжена, Билл! Пуста! И потом, она не только разряжена, но еще и протекает! Я как раз собирался ее отремонтировать!

— Ах ты, гад! — рявкнул Билл.

Стражники ушли, и он остался на арене в гордом одиночестве. Зрители притихли. В наступившей тишине Билл услышал, как кто-то скребется у него за пазухой. В следующее мгновение из-под комбинезона высунулась крохотная зеленая головка.

— Я с тобой, Билл! — сообщил чинджер.

— Ты кто?

— Компьютер, разумеется.

— Если мне придется худо, ты ведь поможешь, правда?

— Увы, Билл, в моем нынешнем обличье я ни на что не способен. Но буду внимательно наблюдать и опишу битву твоему ближайшему родственнику.

Железные ворота в стене распахнулись, и на глазах у потрясенного Билла на арену выбралось нечто.

Глава 23

Животное выглядело по меньшей мере странно. Сперва Билл принял его за льва, ибо сначала посмотрел на голову. Густая рыжая грива, большие миндалевидные глаза, исполненный скрытой ярости взгляд — словом, лев как лев, в особенности карфагенский. Но потом Билл заметил, что тело животного — круглое, как бочка, и сужается к длинному, чешуйчатому хвосту. Выходит, змея со львиной головой? Тут он углядел маленькие, точь-в-точь козлиные, копытца.

— Блин! Благослови мою электронную душу! — пискнул компьютер, использовавший для общения с Биллом тело чинджера. — По-моему, перед нами химера! Изучая историю человечества — кстати, ну у вас и история! — я встречал описание подобных существ. Всегда с пометкой «мифическое». Долго считалось, что химеры — выдумка невежественных дикарей. Но теперь мы убедились, что они существовали на самом деле. И, если я не ошибаюсь, наша химера выдыхает огонь, как и утверждал Плиний*.

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Билл.

— Каким образом? — спросил компьютер. — В этом мире я — всего лишь бестелесное сознание.

* Плиний Старший (23/24—79) — римский государственный деятель, военачальник, историк и писатель, автор «Естественной истории» в 37 книгах.

— Тогда вылезай из чинджера и пусти обратно Иллирию!

— Что может знать о химерах цурихианская деревенщина? — справился компьютер.

— Неважно! Пошел вон!

Компьютер, должно быть, подчинился, ибо мгновение спустя Билл услышал голос Иллирии, который сразу же узнал, несмотря на то что тот изрядно видоизменили гортань, мягкое нёбо и голосовые связки чинджера.

— Билл, я здесь!

Герой Галактики быстро обрисовал свое положение. Несколько раз ему пришлось повторять ту или иную фразу, поскольку разговору сильно мешал голос толпы. Химера тем временем не бездельничала. Она начала рыть землю; во все стороны полетел песок, адамантовые копыта зверя оставили на базальтовом покрытии арены царапины глубиной в добрых три дюйма. Потом, заметив Билла, она изрыгнула из ноздрей пламя, ярко-красное с нездоровым зеленоватым отливом, и, не спуская с человека глаз, двинулась к нему; перешла на бег, на рысь, на галоп. Химера стремительно приближалась к отважному десантнику, на плече которого восседала четырехлапая ящерица.

— Иллирия, помоги!

— Что я могу сделать? — простонала несчастная девушка. — На что годится крохотный зеленый чинджер? Пускай даже он с планеты, где сила тяжести — 10 g...

— Заткнись! — намекнул близкий к отчаянию Билл. — Разве у тебя нет способности проникать в чужие тела? Разве ты не цурихианка?

— Ну конечно! Какой ты умница! Ты хочешь, чтобы я стала химерой?

— И пошутнее, — бросил Билл, улепетывая во все лопатки от неотвратимо настигавшей его огнедышащей зверюги.

— Я не уверена, что у меня получится справиться с мифическим животным, — промямлила Иллирия.

— Компьютер утверждал, что оно настоящее! — выдавил Билл, уворачиваясь от взметнувшейся над ним львиной головы.

Химера разинула пасть: с ее клыков капала ядовитая зеленая слюна.

— Билл, я давно хотела тебе сказать...

— Лезь в химеру! — взревел Билл.

— Хорошо, милый, — отозвалась Иллирия.

В следующий миг химера замерла, а потом легла на арену. Закатив глаза, она принялась облизывать длинным раздвоенным языком башмаки Героя Галактики.

— Ну как? — спросила Иллирия.

— Замечательно. Только смотри не перестарайся.

Публика, естественно, обезумела.

Глава 24

Триумф был полный. Правда, возникло одно осложнение. К поздравлениям Биллу начали примешиваться крики: «Прикончи ее! Прикончи! Смерть химере!» А еще: «Поделись добычей, храбрец!» Билл наконец сообразил, что от него требуют убить химеру. По обычаю полагалось устроить пир, на котором всех кормили бы бифштексами из мяса поверженного животного и тому подобными кулинарными изысками. Известно было, что мясо химеры напоминает по вкусу одновременно козьиное, львиное и змеиное; вдобавок в нем имеется привкус индюшатины, неведомо откуда взявшийся. Кроме того, поскольку химера — существо огнедышащее, готовить ее нет необходимости: бифштексы жарятся сами по себе, от внутреннего тепла; нужно лишь не упустить время, поскольку часа через два после смерти животного мясо начинает тухнуть.

— Не пойдет, — заявил Билл. — Не пойдет, и все.

Его не поняли. Посланный Ганнибалом камергер — непрерывно потиравший руки толстяк — вкрадчиво объяснил Биллу, что у них так не принято, и, решив, что на него никто не смотрит, ущипнул себя за щеки, чтобы те слегка зарумянились.

— Нет, — сказал Билл, — я вам ее не отдам. Она моя.

— Господин, победитель всегда жертвует химеру зрителям. Таков обычай. Понимаете, химер осталось довольно мало...

— Тем более не отдам.

— Химеру следует убить, — убеждал камергер. — Иначе наступит десятилетие бед, а их Карфагену и без того хватает.

— Я не стану убивать химеру, вот и весь сказ.

— Я передам ваши слова Ганнибалу и старейшинам. Они вынесут окончательное решение.

— Вали, вали. Заодно скажи мистеру Сплоку, что мне надо с ним потолковать.

— Сожалею, но это невозможно. — Камергер вновь потер руки. — Он вернулся в свое время, а вам оставил записку. — Толстяк вручил Биллу листок, низко поклонился и льстиво улыбнулся.

— «Поздравляю с заслуженной победой! — прочитал Билл, развернув сложенную втрое бумажку. — Должен вернуться за Дирком. Вели Ганнибалу собирать силы: мы скоро прибудем вместе с транспортом». Негодай! А он мне так нужен! Неужели не мог просто позвонить?

— Телефон еще не изобрели, — сообщила Иллирия изнутри химеры.

— Знаю. Путешествия во времени — тоже, однако он шныряет туда-сюда!

— О Билл, что нам делать?

— Может, ты переселишься в какое-нибудь другое тело? Они получают свою химеру и оставят нас в покое.

— Я же говорила: с мифическими созданиями справиться нелегко, — сказала Иллирия. — Не знаю, сумею ли я выбраться. Билл, милый, мне нужно подходящее тело.

— Где я его возьму? Как насчет тех танцовщиц, которых мы видели? Крайняя слева была очень даже ничего... — Заметив, что химера нахмурилась, Билл замолчал.

— Совершенно не годится! — отрезала Иллирия. — Во-первых, потому, что ты положил на нее глаз. Я не желаю участвовать в сексуальных извращениях!

— Ты о чем? Какие извращения? — изумился Билл. — Она же будет тобой!

— Или я — ей, — прибавила девушка. — Ты ведь этого и добиваешься, верно?

— Иллирия! Что за чушь ты несешь?!

— О Билл, не подумай, что я ревную. Просто я без ума от тебя и от твоей замечательной ноги со сверкающими коготками. Такие вещи всегда привлекают женщин. Пойми, я не могу переселиться в танцовщицу, даже если бы и хотела. Подходящее тело можно найти лишь на моей планете и в моем времени. Пожалуйста, не дай им убить меня!

— Только через мой труп, — галантно пообещал Билл.

— А нельзя обойтись вообще без убийств?

— Попробуем. Пошли, Иллирия, надо убираться отсюда.

— Быть может, они прислушаются к голосу разума, — задумчиво проговорила девушка.

— Сомневаюсь. — Услышав топот ног, Билл обернулся и увидел, что к ним, во главе десятка солдат, движется Ганнибал, мрачный и решительный. Солдаты были в доспехах и с оружием, а Ганнибал выглядел так, как выглядит человек за мгновение перед тем, как отрубить голову курице.

— Бежим! — Билл схватил химеру за львиную гриву и потянул к выходу с арены.

— Иду, иду, — сказала Иллирия. — Но куда?

— Куда подальше! — крикнул Билл и помчался вперед. Они выскочили на улицу, распугали пешеходов и лошадей, вбежали в подъезд высокого здания и, пыхтя и отдуваясь, понеслись вверх по лестнице. Солдаты не отставали. Их размеренная поступь звучала все громче. Неожиданно путь преградила запертая дверь. Вернее, дверей было несколько, и все они оказались запертыми.

— Ох! — запричитал Билл. — Попались, как крысы!

— Не сдавайся, Билл! Попробуй через окно, — посоветовала Иллирия.

Билл распахнул окно и выглянул наружу. Он посмотрел вниз, затем на дождевые желоба, высунулся и подергал тот, который проходил прямо над окном. Как будто держит. Бронзовые, со стенками толщиной в полдюйма, желоба крепились к стене здания толстыми медными стержнями. Да, в старину строить умели.

— Полезем на крышу, — сказал он.

— Ой, мама! — воскликнула Иллирия, останавливаясь в нерешительности. — Мне кажется, я не смогу. У меня же не руки, а копыта.

— И тело змеи! Давай, Иллирия, ползи, пока не поздно!

Отважная цурихианка в теле мифического животного выбралась из окна и зацепилась хвостом за оказавшуюся поблизости — в каких-нибудь пяти футах — колонну. Дрожа от страха, она, тем не менее, решительно полезла следом за Биллом.

Глава 25

Карфагенские крыши представляли собой запоминающееся зрелище: разноцветные, то плоские, то островерхие... Знойное африканское солнце село в море, охладилось и отправилось в подземный мир, чтобы отдохнуть и собраться с силами; по крайней мере, так утверждалось в древней городской летописи. Билл перепрыгивал с крыши на крышу, карабкался вверх, скатывался вниз. За ним, неуклюжие в своих тяжелых доспехах, бежали с пиками на изготовку солдаты, а рядом ползла химера-Иллирия. Внезапно Герою Галактики стало щекотно. Он сообразил, что это, должно быть, чинджер, который совсем недавно был Иллирией.

— Ты можешь вернуться в чинджера? — натужно отдуваясь, спросил Билл.

— Ой, я про него забыла! — воскликнула девушка. — Не знаю, но можно попытаться.

— Сейчас некогда, — возразил Билл.

Некоторые из солдат сбросили с себя доспехи и теперь быстро приближались, настигая беглецов. А впереди показалась высокая стена из полированного мрамора. Театр Диониса! Надо же, бог беспутства преграждает путь бывалому гуляке!

Чинджер тем временем взобрался Герою Галактики на плечо, кинул взгляд на преследователей и хотел было

снова юркнуть за пазуху, но Билл схватил его прежде, чем он успел улизнуть.

— Давай, Иллирия!

— Минуточку! — произнес чинджер. — Думаю, следует кое-что объяснить. С тобой говорит Иллирия, которая находится внутри чинджера. Здесь не очень-то уютно. Что такое? Нет, не может быть! Билл, ты никогда не догадаешься, что случилось!

— Ну так скажи, — выдохнул Билл, прижимаясь к стене и глядя на солдат. Химера ошарашенно осмотрелась, должно быть, не веря, что снова стала собой. Глаза чинджера остекленели, зеленое тельце обмякло. Он словно впал в полукомастное состояние, а может быть, и в кому. Определить наверняка было затруднительно. — Иллирия! Отвечай!

Молчание. Ящерица лежала на плече Героя Галактики, мирно сложив на груди все четыре лапы.

Один из солдат ткнул Билла копьем, остальные подходили все ближе. Тут химера, которая, по-видимому, наконец вспомнила, что она — огнедышащее и смертельно опасное животное, изрыгнула, как дракон, пламя и расплавila несколько щитов, после чего повернулась к Биллу, собираясь, судя по всему, напасть.

— Ну ладно! — воскликнул Билл. — Вы хотели ее прикончить — нате вам!

Момент был пренеприятнейший. Солдаты оказались вынужденными обороняться, химера окончательно пришла в себя и исполнилась мифической ярости. Она атаковала способом, о котором не слыхали со времен Гомера, испуская громкие, похожие на козлиное блеяние, вопли, достигшие мало-помалу высоты ультразвука. Зубы солдат застучали, клинки заколотились о щиты. Чинджер открыл глаза, огляделся и шмыгнул Биллу под рубашку, где нашел безопасное место под левой мышкой. Солдатам в конце концов удалось пригвоздить химеру острыми копьями к деревянной крыше. Почувствовав боль, животное закричало громче прежнего. В небе появились черные точки, которые стремительно приближались, вырастая в размерах, и превратились в итоге в длинноносых женщин с обнаженными грудями и нетопыринными крыльями, облаченных в черные, узкие вечерние платья. То были гарпии, пробудившиеся

от мифического сна и поспешившие на помощь раненой товарке. Они накинулись на солдат, численность которых тем временем возросла вдвое: на подмогу прибыла дружина варягов, посланная, как позднее сообщили Биллу, Сплоком, предвидевшим подобное развитие ситуации и метнувшимся за помощью в будущее. Варяги были то ли шведскими русскими, то ли русскими шведами (зависит от того, по учебникам какой страны изучать историю), а потому ни в грош не ставили изнеженных существ греко-римской мифологии. Они принялись размахивать сверкающими топорами на длинных топорницах и наносить могучие удары, рубя в капусту тех карфагенских солдат, которые замешкались и не успели посторониться.

— Вперед, ребята! — гаркнул Билл.

Транслятор перевел его возглас на средневаряжский, которого никто не понимал, поскольку варяги были финскими и явились сюда из болотистой местности у озера Уу. Однако голос Героя Галактики им понравился, а потому они еще энергичнее взялись за дело. Изнемогшая химера испустила последний вопль, который сотряс городские стены, и отдала концы.

Однако радоваться было рано, не говоря уж о том, чтобы поздравлять друг друга и пить пиво. Внезапно хлынул дождь и началась ужасная буря с градом и ледяным ветром, что задувал со скоростью сто миль в час. По небу, словно галеоны судьбы, неслись клубящиеся, багрово-черные тучи. Как впоследствии узнал Билл, в Карфаген прилетел дух бури Тифон. Гарпии легко подстроились под непогоду и возобновили атаку. Они ведь тоже были порождениями бури. Когда они приблизились, Билл заметил, что лица у них старушечьи, уши — медвежьи, а птичьи тела оканчиваются длинными когтистыми лапами. Подобно птицам, гарпии не стеснялись испражняться где попало; подобно людям, они пользовались этим как оружием. На потрясенных варягов обрушились вонючие экскременты.

Билл увернулся от очередного залпа и огляделся по сторонам, гадая, куда сбежать. Спуститься с крыши можно было только тем же путем, каким он сюда поднимался, но сейчас дорогу к спасению преграждали карфагеняне, которых, показывая на Героя Галактики, посылал вперед Ганнибал. Билл заподозрил, что утратил

право называться гостем. Следовало искать другой выход. Вырвавшись от окружавших его воинов, размахивая широким клинком, который подобрал на крыше, он пробился к противоположной стене и заметил ведущую вниз лесенку — старую, расхлябанную, представлявшую собой связанные виноградными лозами бамбуковые прутья. Ничего, сойдет. Билл поставил ногу на перекладину.

И тут произошло нечто неожиданное.

Глава 26

Сначала в воздухе разлилось какое-то сияние, затем материализовался блистающий шар величиной с мяч или чуть больше. Билл, болтавшийся на бамбуковой лестнице, воспринял появление огненного шара не слишком радостно, тем более что чинджер впился в него зубами (скорее, как он узнал потом, от страха, чем по злобе). Шар подплыл ближе и завис перед его глазами, ежесекундно меняя цвет и испуская душераздирающие звуки.

— Какого хрена тебе нужно? — раздраженно проорчал Билл. — Ты что, не видишь, что я пытаюсь спасти свою жизнь?

— Слушай сюда, осел! Говорить буду я, — произнес чей-то суровый голос. — Ты, может, не заметил, что здорово влип? Тебя подбросить?

В другое время Билл, возможно, крепко подумал бы, прежде чем принять помощь от сверкающего шара, пролетавшего мимо по своим делам. Но сейчас ему было не до раздумий. Лесенка, подточенная священными термитами Артемиды, которых Билл ненароком обидел, предложив чужестранке и неверующей, Иллирии, переселиться в тело танцовщицы, служанки богини, уже начала рушиться. Вдобавок карфагенские солдаты наставили внизу деревянных платформ, утыканных острыми бронзовыми пиками. «Прыгай! Прыгай!» — кричали они Биллу. Естественно, солдаты вели себя недостойно; неудивительно, что карфагеняне как народ

прекратили свое существование, а вспоминают о них не иначе как о жестоких, злокозненных людях.

— Да! Не знаю, кто ты такой, — прибавил Билл, — но если забереешь меня отсюда, я буду тебе весьма признателен.

Шар стал быстро увеличиваться в размерах, обволакивая Билла. Герой Галактики почувствовал, что держится за перекладину слабее прежнего. Внезапно лесенка рухнула, Билл полетел вниз, но не успел еще толком испугаться, как его подхватило силовое поле. Шар полетел прочь, взяв с места огромную скорость. Мрачные злодеи-карфагеняне и их второсортные, заимствованные у греков божества остались позади.

Глава 27

Когда все более-менее наладилось, Билл обнаружил, что находится на борту крохотного, но оборудованного всем необходимым звездолета, экипаж которого состоял, похоже, из одного-единственного человека: широкоплечего, привлекательного — если бы не кислое выражение лица, свойственное тем, кто навидался в жизни всяких безрассудств — мужчины, что сидел перед приборами в большом пилотском кресле с табличкой «Хэм Дуо. Деньги на бочку».

— Командор Дуо, — произнес Билл самым признательным голосом, какой полагался по уставу, — большое вам спасибо. Если бы вы так своевременно не вмешались, не знаю, что бы я делал.

— Не за что, приятель, — бросил Хэм Дуо. — Разумеется, порой, когда в настроении и когда не предвидится особых хлопот, я не прочь спасти какое-нибудь разумное существо, но шум устраивать не из-за чего. Многие другие поступили бы точно так же, обладай они моим опытом и мужеством.

— Я вам очень благодарен.

— Кончай, — отозвался Дуо. — Я выручил тебя не просто так, поэтому можешь не выламываться.

— То есть?

— Я спас тебя ради «Земных борцов за свободу». Мне случайно стало известно, что ты им худо-бедно помогаешь, так что я не мог допустить, чтобы ты очутился в лапах Империи Зла.

— Я и не знал, что Карфаген — Империя Зла.

— При чем тут Карфаген? Империя Зла здорово освоила технику имитации и теперь натравливает на всех подряд всяких там якобы мифических существ. Этому надо было положить конец. Так что не думай, что я спас тебя бескорыстно.

— Извините, — проговорил Билл.

— Ничего, — отозвался Дуо. — Вполне прости-
тельная ошибка.

— Я не думал, что в прошлое можно проникать свободно. Как у вас получилось? «Смекалке» пришлось осциллировать двигатели.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Дуо. — Дурачье! Им придется подтянуть все болты, прежде чем их корыто снова сможет летать. Куда удобнее было воспользоваться темпоральным переместителем, вроде того, какой есть у меня. — Командор ткнул пальцем. Билл увидел у левой стенки, неподалеку от носа звездолета, поблизости от середины корпуса, черный ящик с табличкой, которая гласила: «Темпорально-пространственный переместитель. Патент заявлен».

Герой Галактики уставился на прибор во все глаза, ибо сообразил, что видит то самое, зачем командование посылало его на Цурис. Если он сумеет раздобыть второй экземпляр — или стащить этот...

— Куда летим? — небрежным тоном осведомился Билл.

— К Псу-под-хвост.

— Не понял.

— Планета так называется.

— А что там?

— Да дельце одно уладить надо, — утрюмым тоном произнес Дуо, стискивая красивыми, большими и волосатыми руками штурвал.

— Высадите меня где-нибудь по дороге, ладно? — попросил Билл. — Скажем, в Штабе космических десантников.

— Идет, — ответил Дуо. — Только сперва разберусь с Псу-под-хвост. Много времени это не займет.

Чинджер, похоже, заснул, и Билл прекрасно понимал почему. Он устало вздохнул и тяжело плюхнулся на диван. Ему на глаза попался юмористический журнал, на обложке которого красовались утки в доспехах и

верблюд, облаченный в наряд Карла Великого. Когда Билл принялся переворачивать страницы, где-то вдалеке послышались крикание и визг. Скоро он с головой погрузился в чтение, надеясь в глубине души, что Дуо и впрямь не задержится на планете под названием Псупод-хвост.

— Билл! — позвал Дуо. — Рядовой! — гаркнул он, догадавшись, что его не слышат. — Оторвись от своего дурацкого журнала, спустись вниз и приведи себя в порядок. От тебя за пять метров воняет кровью и прочей гадостью. Я давал маскарад, от которого осталась куча нарядов. Переоденься, а потом вали на камбуз и приготовь нам пару бифштексов из мастодонта.

При мысли о еде Билл довольно заурчал. В рот изо всех заплывшихся слюнных желез хлынула слюна. Он спустился вниз, сорвал с себя потрепанный комбинезон, натянул новый, с адмиральскими нашивками, после чего отыскал камбуз, где обнаружился холодильник, битком набитый мастодонными бифштексами, которые Дуо добыл, очевидно, в своем предыдущем путешествии. Билл поджарил один бифштекс в турбомикроволновой печи — настолько мощной, что едва он захлопнул дверцу, как мясо мгновенно сгорело дотла. Герой Галактики покумекал над панелью управления, решив, что следующий бифштекс — для Дуо, вновь включил печь и огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь такого, чем можно было бы запить обуглившееся мясо. Ему на глаза попался шкафчик с многочисленными, темного стекла бутылками. На одной из них имелась этикетка, на которой от руки было написано: «Домашний офиучийский ром. Людям не годится».

— Лично я, — хихикнул Билл, — сейчас себя человеком не чувствую, — и приложился к бутылке.

Поднявшись с пола, он радостно ухмыльнулся и приложился снова. По телу начало распространяться восхитительное онемение; раздражала лишь чесавшаяся подмышка. Билл протянул руку — и сообразил, что чешет макушку чинджера.

— Иллирия! Как поживаешь?

— С ней все в порядке, — отозвался чинджер.

— Чего-чего? С кем я, растудить, разговариваю?

— Понимаешь, Билл, долго объяснять...

— А мне плевать! Ты кто такой?

Чинджер, похоже, вознамерился удрать, но Билл схватил его и, по чистой случайности, волею случая, надавил пальцем на шею. Макушка ящерицы, крепившаяся, должно быть, к скрытому шарниру, откинулась: внутри черепа, там, где полагалось находиться мозг, сидел за крошечной консолью человечек ростом не выше дюйма. Рядом с консолью размещались койка и шезлонг, чуть поодаль виднелась уборная. Человечек курил, нервно стряхивая пепел в столь миниатюрную пепельницу, что ее почти невозможно было различить невооруженным глазом.

— Ты как туда попал? — изумился Билл. Он нахмурился: — И, что не менее важно, что там делаешь?

— Ладно, — проговорил человечек, — придется объяснить. Разреши представиться. Цедрик Роберт Урбатнот, из ВКР — Военно-космической разведки. Имя у меня длинное, инициалы читаются как ЦРУ, поэтому обычно я откликаюсь на это прозвище. Ты тоже можешь...

— Будь любезен, заткнись, — предложил Билл. — Где Иллирия?

— Всему свой черед, Билл. Не торопись и послушай.

Билл занес свой окорокоподобный кулак, собираясь расплющить в лепешку и чинджера, и крохотного агента ЦРУ. Судя по всему, от выпитого рома у него что-то случилось с головой.

— Ты столкнулся с тайной чинджерской технологии, — пустился в объяснения ЦРУ. — Я раскрыл секрет миниатюризации, который нужно передать командованию. Лаборатория чинджеров обнаружилась на очень жаркой планете, глубоко в джунглях; мне пришлось влезть в шкуру весьма полосатой обезьяны, чтобы меня приняли за местного жителя. Однажды ночью я пробрался в лабораторию и нашел машину, которая позволяет чинджерам по желанию уменьшаться или увеличиваться в размерах, путая тем самым наши планы и сбивая всех с толку. Потом я влез в гигантского робота — такие у них работают на сталелитейных заводах, — уменьшил себя до величины обыкновенного чинджера и дал деру. Все шло хорошо, пока твоей подруге не вздумалось завладеть моим мозгом; ей не

хватило сообразительности, чтобы отличить чинджерский мозг от человеческого. Теперь тебе ясно?

Билл не знал, что сказать. Объяснение представлялось достаточно правдоподобным — принимая в расчет то, что вокруг вообще творилось нечто необычное. Однако, с другой стороны, все выглядело по меньшей мере подозрительно. Во-первых, у Билла сложилось впечатление, что ему рассказали далеко не все; во-вторых, агент тараторил без умолку, и у Героя Галактики заболела голова. Впрочем, она могла заболеть и от рома. Билл ущипнул себя за нос, но это не помогло. И тут он вспомнил.

— Слушай, ЦРУ, или как там тебя зовут, где Иллирия, которая сидела в чинджере?

— Дело вот в чем. Как видишь, места здесь в обрез. Как я уже сказал, Иллирии на какое-то время удалось вытурить меня отсюда. Я знаю, она тебе очень нравится. Ради тебя я пытался ее спасти.

— Да что произошло?

— Нам двоим было слишком тесно. Представь, какково мне было делить свой мозг с женщиной! Билл, я не хотел ничего плохого, просто старался придумать что-нибудь, что удовлетворило бы всех...

— Где Иллирия? — взревел Билл, простирая могучую длань над крохотным агентом.

— Подожди! — воскликнул ЦРУ, валясь на пол. — Дай мне объяснить, в конце-то концов! Очутился бы на моем месте, глядишь, понял бы, как тяжело быть маленьким.

— Ну так увеличься, — посоветовал Билл.

— Боюсь, с этим будут проблемы. — ЦРУ жалобно шмыгнул носом.

— Я хочу знать, где Иллирия! — раздраженно прорычал Билл. Он протянул руку, зажал ЦРУ между большим и указательным пальцами, стиснул другую руку в кулак и занес для удара, готовясь растереть агента в порошок.

— Нам было тесно, — повторил ЦРУ, — и она решила выполнить янсенистский маневр. Я умолял ее не спешить, но ведь тебе известно, какая она — настоящая актриса. Я даже пообещал, что навсегда покину голову чинджера, но она не желала ничего слышать.

Счастливчик ты, Билл, таких девушек — одна из миллиона.

— Что такое янсенистский маневр? — спросил Билл нормальным голосом, поскольку слегка охрип от рева.

— Он был изобретен, точнее, разработан на планете Янсен-4, которая находится поблизости от Угольного Мешка. Видишь ли, у местных возникли затруднения...

— Билл! Быстро сюда! — раздался из интеркома голос Хэма Дуо. — У нас неприятности!

— Через пять минут, — откликнулся Билл. — Я...

— Бросай все и лети сюда! — рявкнул Дуо. — Если, конечно, хочешь жить. Если нет, продолжай развлекаться.

— Сейчас вернусь, — сказал Билл агенту. — Никуда не уходи. — И бросился в рубку.

— Что стряслось? — справился он у Дуо.

Командор указал на видеоэкран, тянувшийся по периметру рубки и позволявший обозревать безо всяких искажений две трети окружающего пространства. Билл увидел, что к их кораблю приближаются, маневрируя на громадной скорости, три звездолета. Яркие вспышки свидетельствовали о том, что в энергетическое поле корабля то и дело попадают торпеды. На экране возникли еще два звездолета — небольшие истребители-перехватчики с экипажем из одного пилота, зловеще раскрашенные окрой и мареной. Свингли с планеты Омнихрон-2!

— Но мы же не воюем со свингли! — удивился Билл.

— Ты им скажи, а не мне, — бросил Дуо. — Заодно займись атомной пушкой левого борта.

Билл опрометью кинулся на свой пост и пристегнулся ремнями к креслу. Едва он начал наводить оружие, корабль содрогнулся от носа до кормы: в защитное поле угодило сразу две торпеды. Тревожно замигали лампы.

— Второго попадания нам не выдержать, — процедил сквозь зубы Дуо.

Звездолеты свингли приближались со всех сторон. Поручив Биллу атомную пушку левого борта, сам Дуо занял место у орудия на правом. Черноту космоса

полосовали лучи лазеров, изгибавшиеся ослепительными дугами. Один из вражеских звездолетов, пилот которого, наверное, был храбрее остальных, устремился вперед, что называется, напролом. «Прикончи гада!» — крикнул Дуо. «Заметано!» — отозвался Билл. Стволы орудий нацелились на космического бандита. Выпущенные разом атомные торпеды пронеслись сквозь энергетический щит — корабль снова содрогнулся, оба стрелка рухнули на пол, а в камбузе попадала с полок вся посуда. Билл ухитрился подстрелить гада в тот самый миг, когда надежда почти умерла; горящие обломки звездолета разлетелись по всему космосу. Тем временем Дуо разобрался с целой пятеркой рейдеров. В итоге у противника осталось лишь двадцать с чем-то кораблей.

— Они заходят с кормы! — предостерег Билл, поглядев в зеркало заднего вида, установленное на прицеле.

— Эти ребята начинают действовать мне на нервы, — прорычал Дуо, оскалив неестественно белые, явно искусственные зубы. — Держись, старина. Сейчас мы им покажем.

Билл вцепился в ремень безопасности. Из камбуза доносились вопли вроде тех, какие может издавать крохотный человечек, которого швыряет от переборки к переборке. Дуо выпалил из кормовой ракетной установки и тут же заложил немислимо крутой вираж.

Ремень безопасности не выдержал напряжения и лопнул. Билл распростерся на стене, а Дуо, глаза которого, казалось, вот-вот выскочат из орбит, продолжал увеличивать крутизну виража.

Свингли, не желавшие, по-видимому, повторять этот откровенно самоубийственный маневр, потихоньку отстали. Убедившись, что до них более-менее далеко, Дуо включил аварийный сверхсветовой двигатель. Измученный металл отозвался стоном, изнемогшие люди — писком. Корабль вздрогнул, как крыса в зубах у терьера, и вдруг помчался прочь на скорости, которая неуклонно возрастала (чего никак нельзя добиться без такого маневра).

На видеоэкране появлялись и исчезали звезды. Корабль на лету вращался, и Билла бросало от стены к

стене. Дуо по-прежнему сидел в кресле, однако, похоже, находился на последнем издыхании.

Билл посмотрел на зеркала, потом сверился с радаром.

— Тормозите! — крикнул он Дуо. — Мы оторвались! Все чисто!

— Я бы с радостью! — ответил Дуо.

— Вы хотите сказать...

— Вот именно.

Лишенный управления, не переставая вращаться, звездолет с визгом ворвался в тонкие верхние слои планетной атмосферы. Поверхность планеты надвигалась очень быстро. Впрочем, пугаться не стоило: ведь на такой скорости они задолго до удара сгорят заживо.

Глава 28

Воспой же, муза, полет сквозь атмосферу! Корпус корабля раскалился до красноты; Хэм Дуо отчаянно пытался сбросить скорость звездолета, который трепыхался в воздухе этакой пьяной бабочкой. И спой нам о Билле, катавшемся от стены к стене и старавшемся добраться до камбуза, где оставил ЦРУ, чинджера и, быть может, — сейчас сказать было затруднительно, — Иллирию. Медленно, дюйм за дюймом, он полз по коридору, а Дуо то включал носовые дюзы, то закладывал виражи, не описанные ни в одном издании «Руководства по пилотированию космических кораблей», стремясь затормозить прежде, чем они либо сгорят в атмосфере, либо врежутся пушечным ядром в быстро приближающуюся поверхность планеты.

Верхние слои атмосферы сменились облаками, красно-малиновыми и серебристыми по краям, а потом показалась поверхность, желто-оранжевая, с яркими зелеными пятнами и длинными темными полосами — возможно, каналами, а может статься, и чем-нибудь еще. Определить наверняка на такой скорости, на такой высоте и при таком давлении было нелегко.

Билл умудрился-таки доползти до камбуза. Чинджер забился в крохотный гамак, напоминавший сетку, в которую кладут яйца.

— Иллирия, с тобой все в порядке? — прохрипел из последних сил Герой Галактики. — Ты здесь?

— Билл, — отозвался ЦРУ, — я же говорил, что мне многое надо объяснить.

Судя по всему, с объяснениями следовало подождать. Земля приближалась с резвостью чокнувшегося локомотива, разве что значительно превосходила тот размерами; непристегнутому Биллу угрожало, должно быть, превратиться в мокрое место.

Внезапно, за какой-то миг до катастрофы, распахнулись двери кладовой, и Билл увидел огромный котел, заполненный серой, тестообразной субстанцией. Как он узнал впоследствии, то было тесто для гигантского мясного пирога, которое Дуо взбивал как раз перед тем, как ситуация на Псу-под-хвост изменила планы командора. Усилием воли Билл метнул тело вперед.

Клейкое тесто обволокло его со всех сторон. По счастью, корабль трясся как в лихорадке, поэтому тесто приобрело эластичность шелка и защитило Билла от удара лучше всяких ремней безопасности. За мгновение до столкновения с поверхностью чинджер, в голове которого прятался крохотный агент, прыгнул в чан рядом с котлом. Затем звездолет врезался в землю и Билл благополучно потерял сознание.

Глава 29

Перед тем как человек приходит в себя, наступает момент, когда он забывает, каким образом отключился. Ему не до того — он слишком занят тем, как бы выбраться из обморока. Это длится один лишь миг, потом, всего-навсего мгновение спустя, появляется — нет, не воспоминание о том, что именно заставило вас потерять сознание, а нечто вроде предположения на сей счет, причем к предположению примешивается своего рода дурное предчувствие. Если вы все поняли, то догадаетесь, каково пришлось Биллу. Очухавшись, он сперва сообразил, что его зовут Билл, затем — что почему-то потерял сознание и, наконец, что явь не слишком соответствует грезам. Как часто мы пробуждаемся от грез и ужасаемся грубой действительности! Биллу, кажется, грезилось, что он стал императором Вселенной. Но грезы отошли в прошлое, он очнулся и сразу же подумал, что предпочитает не знать, в какую плюхнулся лужу.

Ему не хотелось даже думать, но он чувствовал, что должен. С какой стати свингли напали на корабль Хэма Дуо? Что Дуо понадобилось на Псу-под-хвост-2? Как им отсюда выбраться? Когда ему представится возможность сбегать в заведение?

В конце концов поток вопросов вытеснил нежелание Билла открывать глаза и стремление дожидаться лучших времен. Герой Галактики сначала с неохотой приподнял веки, а затем решительно открыл глаза.

Он находился в маленькой комнате, совершенно пустой, с каменным полом, который как будто источал холод, хотя Билла отделяла от него большая бурая циновка — а может, необыкновенно плотное одеяло из разряда тех, в какие кутаются болельщики на всех планетах с продуваемыми насквозь стадионами. Комнату освещала расположенная под потолком длинная неоновая трубка. На стенах виднелись надписи — то ли проклятия, то ли молитвы — на языках, о существовании которых Билл не имел ни малейшего понятия. Герой Галактики осторожно пошевелился: после такого падения никогда не знаешь, все ли у тебя цело. Он не мог определить, куда его занесло, и — по крайней мере, сейчас — не особенно рвался узнать. Ясно, что ничего хорошего ждать не приходится. Пожалуй, катастроф с него хватит. Если уж на то пошло, разве можно так по-свински обращаться с человеком?

Билл хотел было встать, но тут циновка словно хрюкнула и заерзала по полу. Он мгновенно откатился в сторону — что было вполне естественно, — прижался спиной к стене и выпучил глаза. Циновка уселась и оказалась куки, большим мохнатым зверем, представителем народа с интеллектом от умеренного до среднего, промышляющего космическим пиратством (общезвестно, что пират — профессия, доступная всем, кого не заботят оценки в дипломах и экзамены при приеме на службу).

Глава 30

— Привет, — сказал Билл. Это прозвучало достаточно банально, но стоит ли упрекать человека, который столько за последнее время пережил, в отсутствии воображения? — Как дела?

Куки ответил на своем родном примитивном языке, состоявшем сплошь из рычания и пронзительного воя. Транслятор Билла, слегка пострадавший в переделках, однако худо-бедно продолжавший работать, перевел его ответ как: «Елки-палки, босс, куки дела дерьмово. Ты есть не видеть мой хозяин, зовут Хэм Дуо?

— Вообще-то, — отозвался Билл, — я прилетел на его корабле.

Куки сел прямо. Даже сидя, он был выше Билла на целую голову.

— Ну и ну! А где он?

— Я и сам хотел бы узнать. Мы спешили тебе на выручку, и тут нас подстрелили свингли.

— Драконье дерьмо! — сердито прорычал куки. — Сколько раз моя говорить Хэм. Пользуйся камуфляж. Звездолет выглядит здоровый метеорит. Шикарная штучка! А он твердит свое, не слушать дикарь-куки с мозгом как у мусородробилка. И где он теперь?

— Мне известно не больше твоего. Когда корабль врезался в землю, я отрубился, — проговорил Билл. — Понятия не имею, где твой Хэм. Иллирию ты, наверно, не видал?

— Ты о чем? — справился Жвачка. Так его звали, хотите верьте, хотите — нет. У куки весьма странные имена. Жвачка, Жрачка, Ждачка и тому подобное.

— О ком-то. То бишь, о чем-то. Тьфу, запутался! О чинджере, который похож на зеленую ящерицу длиной семь дюймов с четырьмя лапами. Его нельзя не заметить. Так вот, у него, мягко выражаясь, не все в порядке с головой. Слишком много поменял тел.

— А! Может, цурихианин?

— Ты встречался с цурихианами?

— Было дело. Дерутся что надо. Давно, в другой раз.

— Что с нами будет? — спросил Билл.

— Кажется, помирать как пить дать, — мрачно откликнулся Жвачка. — Тут пиратов не любить-мучить-убивать. Они все еще злиться на моя и Хэм. Мы грабить их город, клингиан, стащить сокровища. Моя попасться — хо-хо, твоя тоже!

— Спасибо за сочувствие. Если не секрет, как они поймали такого гиганта мысли?

— Сетка, смазанная мед, — застенчиво объяснил Жвачка. — Мы, куки, есть глуповатый. Ловиться на старый трюк.

— А ты знаешь, что они с тобой сделают?

— Моя сильно страшно, — пробормотал куки. — На Псу-под-хвост, они знаменитые ковроделы. Всегда искать новый материал.

Билл оценивающе поглядел на роскошную, густую шерсть Жвачки и, хоть ему и было жалко инопланетную зверюгу, не мог не подумать: «Какой замечательный получится коврик!»

— Не позавидуешь, — сказал он, изображая страдание.

Куки сощурил красные глазки и сердито моргнул, уловив в тоне Билла фальшивую нотку.

— Кожа человека вода не проникать, — проворчал он.

— Может быть, — согласился Билл.

— Выйти отличный коврик для ванна.

Тут в замке заскрежетал ключ, и дверь камеры распахнулась.

Вошли четверо стражников. Очень высокие и худые, словно их нарочно морили голодом; головы напоминают

формой зерна фасоли. Чтобы войти внутрь, им пришлось согнуться чуть ли не вдвое, а распрямиться было негде. Билл впервые видел свингли, что называется, во плоти, хотя, разумеется, видел картинки в «Пособии по опознанию врагов-инопланетян»; изучить эту книгу и знать всех многочисленных врагов человечества требовалось от каждого солдата Империи. Итак, в камере сейчас находилось двое узников и четверо охранников; столько она явно вмещала с трудом и, казалось, грозила вот-вот взорваться.

Свингли командовал офицер, на полголовы выше остальных. Как позднее выяснил Билл, он принадлежал к касте офицеров, гордившихся своим необыкновенным ростом. Увидев на офицере черную шапку из медвежьего меха, Жвачка весь съежился и жалобно вскрикнул.

Пленников вытолкали из камеры и повели по коридору, подгоняя короткими копьями, предназначенными специально для таких случаев. Стены коридора были сложены из грубо отесанных камней, а потолок образовывали пальмовые ветви. Ярдов через тридцать коридор раздвоился. Охранники разделились на пары: первая погнала куки направо, а вторая, состоявшая из простого стражника и офицера, отправилась вместе с Биллом налево. Билл не знал, радоваться ему или огорчаться. Конвоиры не проронили ни слова, хотя Герой Галактики и попытался завязать разговор: сначала на шмендрикe, основном торговом наречии свингли, потом на неадаптированном эсперанто и, наконец, на чингафранка, широко используемом языке чинджеров, о котором люди узнали совсем недавно, обнаружив на борту подбитого чинджерского звездолета лингвистическую машину. Транслятор Билла переводил без запинки, однако свингли ничем не показали, что слышат, а уж тем более — что понимают. Так что какое-то время спустя Билл замолчал и принялся озираться по сторонам.

Они спустились сначала по одной лестнице, затем по другой. В стенных нишах горели факелы, кое-где попадались архаичные лампы накаливания — ровно в таком количестве, чтобы сделать царивший вокруг стигийский полумрак истинным мраком. В коридор выходили двери камер, из-за которых доносились истошные вопли,

словно те, кто находился внутри, отбивались от нетопырей. Впоследствии Биллу удалось узнать, что эти звуки издавали специальные машины, предназначенные для нервирования пленников. Да, свингли недаром считались одной из утонченнейших галактических рас! Конечно, немаловажную роль здесь играл их облик. Существа, которые выглядят столь нелепо — свингли носили всклокоченные оранжевые парики, ходили, ссутулив широкие плечи, с видом маниакального безразличия, — вряд ли способны обходиться без чувства юмора, причем последнему должен сопутствовать интеллект, иначе над вами будут потешаться все кому не лень. Правда, свингли, считая в эпохах, продвинулись сравнительно недалеко, а потому над ними пока еще подсмеивались.

Они стеснялись того, что их не включили в «Полный словарь инопланетных рас» Моррисона, не упомянули даже в приложении «Высокие инопланетяне». Впрочем, не так давно о них сняли несколько документальных фильмов, в том числе потрясающий «Худой», режиссером которого был Слоан Бастер и который представил свингли в слишком уж благоприятном свете. Торговцы-свингли изредка появлялись в пределах Империи, но большинство избегало каких-либо контактов, опасаясь людских насмешек. Однако на своей собственной планете они все организовали под себя и объявили во всеуслышание: «На Свингли над нами не посмеешься».

Стремясь к тому, чтобы их повсюду принимали всерьез, свингли прилагали громадные усилия, дабы произвести впечатление. Билла втокнули в просторное помещение; ему сразу бросился в глаза большой стол, приподнятый таким образом, что трое сидевших за ним судей в черных одеяниях и пудренных завитых париках могли глядеть на подсудимых, сквозь круглые очки, сверху вниз.

Судебная процедура свингли была отработана до мелочей. Каждая раса обладает врожденными установками, правилами поведения, зафиксированными в генах и распространяющимися по спирали ДНК; эти правила объясняют разумным существам, кто они такие и к чему должны стремиться. Вдобавок фундаментальный генетический код содержит знания о том, что смешно, а что

нет, и стремление во все времена и при любых обстоятельствах выглядеть надлежащим образом. Потому-то, побуждаемые расовым императивом, свингли, когда впервые столкнулись с инопланетной цивилизацией, приняли все меры, чтобы отыскать наиболее подходящую для себя форму правосудия. До того у них попросту не было ничего, что заслуживало бы подобного названия. Разозлившись на приятеля, свингли тюкал его по макушке короткой дубинкой со свинцовым наконечником; на языке свингли такие дубинки именовались Уук-олен, то есть «прекратители дружбы». Если кому-то не хотелось браться за дубинку, он бил обидчика рукой и, соответственно, мог схлопотать удар в ответ. В то время прекращение дружбы являлось на планете Свингли единственной причиной смерти, поскольку заботливая природа, любительница всяческих экспериментов, наделила свингли бессмертием: они погибали лишь от деревянных дубинок, залитых изнутри свинцом.

Итак, система правосудия должна была внушать уважение, иначе она ни на что не годилась. В ту пору свингли отчаянно нуждались в новом способе разрешения конфликтов, ибо с так называемых Отвратительных войн 90-х годов численность населения планеты неуклонно уменьшалась. Их правосудие в своей нынешней форме представляло собой комбинацию различных приемов. У англичан они позаимствовали высокие столы, за которыми сидят судьи, пудренные парики и, что важнее всего, внушающее благоговение достоинство, с каким вершат суд в Британии. Свингли раскопали в древних банках данных, которые единственные уцелели после гибели Земли, многочисленные документальные фильмы по судопроизводству студии «Пайнвуд». В самом деле, подумалось им, если кто и рискнет посмеяться над одним судьей, то уж над тремя наверняка не осмелится.

Однако Билл, увидев троих тощих судей в пудренных париках и больших очках, что постоянно сползали с переносицы, не смог удержаться от смеха; сильнее всего Героя Галактики развеселили попытки судейских сохранить брюзгливо-напыщенный вид. Офицер в медвежьей шапке невероятно острым локтем пихнул его под ребра, и он мгновенно посерьезнел.

— Подсудимый, подойдите к барьеру, — загробным голосом произнес судья в центре.

Билл собирался вести себя чинно и изображать раскаяние, но торжественность обстановки и пересохшее горло заставили его спросить:

— Может, я сперва прогуляюсь в бар? Выпить бы, а потом можно и к барьеру.

Судьи переглянулись. Публика — за ходом процесса наблюдало около трехсот свингли — уставилась на судей. Охранники воззрились друг на друга. Билл выглядел озадаченным.

— Вы поняли, что он сказал? — поинтересовался судья в центре у своего коллеги слева.

— Смею предположить, — отозвался тот, — что подсудимый изволил пошутить.

— А то, — прибавил судья справа.

— Вы хотите сказать, — уточнил судья в центре, — что подсудимый шутит?

— Невероятно, но так и есть, — ответил судья слева.

— Но в чем смысл его шутки? — осведомился судья в центре.

— Должно быть, он лежит не на поверхности, ибо я его не уловил, — признался судья слева. — Наверно, игра слов. Странное начало, вы не находите?

— Да уж. — Судья в центре посмотрел на Билла. — Подсудимый, вы что, и впрямь пошутили в нашем присутствии?

— Пожалуй. Я не имел в виду ничего такого. — Билл снова захихикал.

— По какому поводу смех? — спросил судья в центре.

— Прошу прощения, — извинился Билл.

— Почему он смеется? — поинтересовался судья в центре у судьи справа.

— Не знаю, — откликнулся тот, — но опасаясь худшего. Наверно, если сочтете необходимым, можно спросить у него.

— Подсудимый, почему вы смеетесь?

— Мне щекотно. У меня под мышкой сидит чинджер.

— Вы слышали? — обратился судья слева к судье справа.

— Немыслимо! Какое бесстыдство!
— Он вряд ли говорит правду. Как по-вашему?
— Скорее всего. Земляне и чинджеры — заклятые враги.

— Предлагаю обыскать подсудимого, — сказал офицер в медвежьей шапке.

— Нет, — возразил судья в центре. — Не стоит усугублять положение. Откровенно говоря, я и не хочу знать.

— Послушайте, — проговорил Билл, — за что меня вообще судят? Что я такого сделал? Ведь ниче!

— Ниче, — повторил судья в центре. — Что значит «ниче»?

— Полагаю, — произнес судья справа, с постоянно подергивавшимся правым веком и кривой усмешкой на физиономии, — «ниче» означает «ничего».

— А при чем здесь «ничего»?

— Должно быть, шутка.

— А, снова шутка! Мне не нравится, как он ведет себя перед судом.

— Похоже, он расположен шутить, — заметил судья слева.

— Негодай! — воскликнул судья справа.

— Он дорого заплатит за свои шутки.

Судьи вновь переглянулись и удовлетворенно улыбнулись друг другу, как люди, которых выручила из затруднительного положения удачная острога.

— Подсудимый обвиняется в том, что участвовал в недозволенной высадке с инопланетного корабля на площадку для общественных увеселений. Высадка осуществлялась без лицензии и помешала проведению фестиваля слизняков, а также доставила организатору фестиваля, Зеку Хорсли, беспокойство в угрожающей степени. Подсудимый, вы признаете себя виновным?

— Чего? — переспросил Билл.

— Вы признаете, что участвовали в недозволенной высадке на площадку для общественных увеселений?

— Слушайте, нас подбили. Мы летели по своим делам, тут откуда ни возьмись появились свингли, подстрелили наш звездолет, и нам пришлось садиться. И потом, я был всего-навсего пассажиром.

— Я не спрашивал, при каких обстоятельствах вы высадились, — заявил судья в центре. — Я спросил, верно ли, что высадка имела место?

— Пожалуй, — согласился Билл. — Но учтите, я рассуждаю теоретически.

— Занесите в протокол, — распорядился судья в центре, левое веко которого характерно подергивалось.

— Если мы и высадились на вашу площадку, то, во-первых, я тут ни при чем, во-вторых, никто не пострадал. Так что давайте забудем, и отпустите меня обратно на службу.

— Никто не пострадал? — фыркнул судья в центре. — А слизняки?

— Какие слизняки?

— Которые собрались на юридическое состязание, вот какие!

— И что?

— Ваш корабль раздавил помещение, в котором они спали.

— Значит, раздавил? — Билл не сдержался и захохотал. Такое случается с людьми, которые, попадая в пренеприятнейшую ситуацию, отпускают неудачную шутку. — Я возмещу ущерб. А может, не я, а Дуо. Сколько вы хотите за новую партию слизняков?

— Он пытается выкрутиться, — сообщил судья слева судье в центре, прикрывая рот рукой.

— Однако предложение дельное.

— А как насчет беспокойства Хорсли?

— И потом, разве слизняки взаимозаменяемы?

— Не в таких количествах.

— Разумеется. Но если он заплатит за большее, гораздо большее количество?

— Трудно сказать. Вам известно не хуже моего, как тяжело отыскать необходимое количество старых жирных слизняков, особенно теперь, когда приближается засуха.

— И не стоит забывать о нанесенном Хорсли оскорблении.

— Лично я симпатизировал бы Хорсли, — сказал судья справа, чье веко вдруг перестало дрожать, — если бы он не был мерзавцем, которого в былые дни

давным-давно бы тюкнули по башке прекратителем дружбы.

— Верно, — признал судья в центре. — Хорсли — старый осел. Предлагаю вынести подсудимому выговор.

— Согласен, — отозвался судья слева, — хотя мне подобное наказание представляется излишне суровым.

— Он шутит, — сказал судья в центре.

— Ах да! Итак, выговор? — Оба судьи повернулись к третьему. Ваше решение?

— А?

— Мы за выговор.

— Замечательно, Причем строгий. Подсудимый, у вас есть возражения?

— Никаких, — откликнулся Билл, подумав, что в жизни не встречал инопланетян приятнее. А правосудие у них даст сто очков вперед любому другому, даже человеческому.

— Отлично, — произнес судья в центре. — Пристав! Принесите выговор!

Глава 31

Впоследствии Билл никак не мог понять, почему сваял такого дурака, не выяснив предварительно, что собой представляет выговор. Ведь служба в армии внушила ему, что инопланетянам нельзя доверять ни в коем случае, а также много чего еще, что он усиленно пытался забыть. Поскольку во Вселенной насчитывалось крайне мало рас, представители которых имели склонность к полноте и раннему облысению, доверять не следовало почти всем и каждому. Свингли же пользовались исключительно дурной репутацией. «Я называю их свиньями», — сообщил Биллу сержант Костолом, у которого Герой Галактики проходил на Форт-Зиккурате курс повторного обучения (его отправили туда проверить, не забыл ли он, как вопить во время упражнений со штыком). — Я называю их свиньями, и свиньи они и есть. И вот что я тебе скажу: они не понимают шуток».

В последнем Билл убедился на собственном опыте. Однако он вовсе не ожидал, что выговор окажется чем-то столь неожиданным. В залу вкатили белую тележку, накрытую черным бархатом; Биллу вновь захотелось расхохотаться. Только свингли способны накрыть выговор черным бархатом! Но он чуть было не подавился смехом, когда пристав, по сигналу судьи в центре, осторожно поднял бархат, под которым обнаружилось нечто вроде крохотного инкрустированного

скарабея. Охранники схватили Билла, а пристав поднес сверкающую штучку к его уху. Тут ему стало совсем не до смеха. Билл попробовал вырваться и едва не преуспел: приземистый и мускулистый, он стоял в схватке нескольких необычайно высоких и плохо сложенных свингли (вот, кстати, еще одна причина, по которой свингли считают, что люди всегда потешаются над ними). Но справиться со всеми охранниками не удалось, и пристав получил возможность привести приговор в исполнение.

Должно быть, внутри скарабея находился какой-то хитрый датчик. Когда мерзкая штуковина прикоснулась к коже Билла, из нее высунулась короткая платиновая проволочка — психоактивное передающее устройство. Проволочка забралась Биллу в ухо, не причинив ни малейшей боли; но сознавать, что в тебе сидит инородное тело, уже само по себе было источником беспокойства. Билл высвободил руку и вцепился в ухо, но охранники помешали ему извлечь передатчик.

— Молодой человек, — изрек судья в центре, — не нужно так волноваться. Как только истечет срок наказания, выговор покинет ваше ухо. Уверяю вас, вы не пострадаете. Однако выговор есть выговор.

Он мог бы не убеждать Билла. В голове Героя Галактики зазвучал механический, судя по размеренности, голос: «Ты плохой, ты очень плохой, зачем ты это сделал, как ты смел, плохой, плохой, очень плохой...»

Впрочем, голос если и досаждал Биллу, то не слишком. В конце концов, многие люди слышат такое постоянно, хотя у них в ушах нет никаких проволочек. Билла тревожило то, что с непрерывно бубнящим голосом в голове трудно будет сосредоточиться на чем-либо ином.

И потому, вернувшись в камеру и глуша свинглийский бренди, который передал ему молодой охранник, считавший практику выговоров варварской и достойной разве что инопланетян, Билл едва расслышал звук, что исходил из стены у его ног. И даже позднее, когда в стене возникла дырка, он не сумел полностью отвлечься от настырного голоса.

— Билл! Ты меня слышишь?

— Плохой, очень плохой...

— Билл!

— Что?

— Плохой, плохой...

— Да что с тобой, Билл? Тебя что, накачали наркотиками?

— ...плохой, совсем плохой...

— Нет, просто у меня в ухе сидит выговор.

Хэм Дуо заглянул Биллу в ухо, но ничего не увидел, что было вполне естественно, поскольку платиновая проволочка уже забралась Герою Галактики в продолговатый мозг.

Глава 32

Раскидав в стороны обломки штукатурки, Хэм Дуо протиснулся в камеру. Выглядел он по-прежнему: даже выбравшись из туннеля, все равно производил впечатление крутого парня.

— Билл, ты готов к побегу?

— Плохой, плохой, плохой...

— Конечно! — воскликнул Билл. — Всегда готов!

— Молодец. Но чего ты орешь?

— Я не хотел. Просто из-за выговора вас почти не слышно.

— С ним мы разберемся потом, — сказал Дуо. — Пошли отсюда, пока нас не схватили и не присудили к упреждающему выговору.

Билл охотно согласился и следом за Дуо полез в нору. Ему пришлось туговато, поскольку его плечи были шире, чем у Хэма, однако он все же втиснулся внутрь, оставив на стенках прохода клочки одежды и кожи, и очутился в крошечной тьме. Постепенно проход, пол которого был усыпан галькой, стал шире и выше и превратился в древний железнодорожный туннель: рельсы тускло сверкали в исходящем от стен призрачном свете. Интересно, подумалось Биллу, и как только Хэм умудрился так быстро проложить колею? Позднее он узнал, что, освободив куки, которого свингли отправили на ковровую фабрику на окраине города дожидаться, пока специалист по экзотическим коврам решит, как лучше поступить с его шкуркой, Дуо сверился

с картой планеты, которую похитил из имперского бюро картографии. На карте, разумеется, был показан заброшенный туннель: ведь основное назначение секретной карты — показывать неиспользуемые, но вполне пригодные пути. Остальное было делом техники; вернее, обещало им стать, едва они доберутся до звездолета, который стараниями Жвачки мало чем отличался от нового, и покинут этот неприветливый, бестолковый мир.

Глава 33

Поднявшись на борт, Хэм Дуо немедленно проверил все приборы и запустил двигатель, а Жвачка, глядя на шкалы, отрегулировал реостаты. Времени было в обрез: из города к звездолету, возбужденно размахивая руками, спешила громадная толпа свингли, за которой двигался гигантский бульдозер. Не требовалось большого ума, чтобы понять, что свингли сочли побег из тюрьмы оскорблением планеты и намереваются сполна отплатить чужакам.

— Не знаю, что с ними такое, — проговорил Хэм. Жвачка показал на радиотелефон. На том мигал красный огонек, сообщая, что поступил вызов. Дуо нажал кнопку «Прием» и рывкнул: — Что там стряслось? Выкладывайте поскорее, мы убегаем.

— Билл у вас? — спросил хорошо поставленный женский голос. Ошибки быть не могло. Он принадлежал Иллирии, той самой решительной провинциальной медсестре, которая помогала Биллу, подвергая опасности собственную жизнь.

— Позвоните попозже, сейчас некогда, — бросил Дуо.

— Он ведь с вами, правда? Я всего лишь хочу ему кое-что передать.

— Эй! — воскликнул Билл. — Да это же Иллирия!

— Нам некогда, — прорычал Дуо.

— Плохой, плохой...

— Иллирия! — Билл перехватил руку Дуо, который уже собирался повесить трубку.

— Билл, дорогой! Неужели я слышу тебя?

Тем временем свингли добрались до звездолета и взяли корабль в кольцо. Они потрясали кулаками и делали другие угрожающие жесты. Бульдозер же начал выкапывать громадную яму. И без компьютера было ясно, что свингли собираются уронить туда звездолет и, быть может, засыпать сверху землей. Конечно, для корабля, построенного из астероидной кристаллической стали и снабженного силовыми полями, их потуги опасности не представляли, однако поьсеместно было известно, что Хэм Дуо терпеть не может, чтобы его звездолет забрасывали грязью. Ведь в космосе нет абразивов, если не считать метеоритов, а те для очистки корпуса не годятся; значит, Дуо придется летать в грязном корабле и выслушивать колкие замечания приятелей-пиратов. Уже не в первый раз Хэм имел возможность убедиться, насколько свингли не любят оказываться в смешном положении. Пальцы командора пробежали по клавиатуре компьютера. Нужно стартовать, пока не стало слишком поздно.

Вдруг Дуо заметил, что из города движется новая толпа свингли, которая тащит шланг. Они что, намереваются затопить корабль? Нет, вряд ли. Наверняка замышляют какую-нибудь гадость похлеще.

— Милый, ты где? — спросила Иллирия.

— На планете Псу-под-хвост! — гаркнул Билл.

— Плохой, плохой...

— Почему ты на меня кричишь?

— Извини. Выговор, понимаешь ли. Зудит так громко, что я ничего не слышу.

— Выговор? Какой выговор?

— Долго объяснять, — ответил Билл. — Где ты, Иллирия? Как мне тебя найти? С тобой все в порядке?

— Да, Билл. Просто замечательно, что тайный агент ЦРУ вспомнил о янсенистском маневре. Нам двоим в голове чинджера было очень тесно.

— Дай мне нормальное питание! — гаркнул Хэм Дуо, окидывая свирепым взглядом шкалы приборов, на которых стрелки прыгали от одного края к другому. Куки в ответ проворчал что-то насчет точечных искажений и отсутствия платиновых катализаторов. — Замени

их чем-нибудь, — посоветовал Дуо. — Разве так мы сможем взлететь?

— На какой ты планете? — справился Билл у Иллирии.

— На Ройо. Я жду тебя, Билл. Тут столько интересного!

— Выпивка? — с надеждой в голосе спросил Билл.

— И секс.

— Блин! — воскликнул Билл. — Два величайших на свете удовольствия! Иллирия, откуда ты про них узнала?

— Узнала и все. Доверься мне.

— Но объясни...

— Некогда, — перебила девушка. — Связь вот-вот оборвется. Я не могу ни растолковать тебе планов Врага-Историка, ни сообщить, каким образом они стали мне известны. Улетай оттуда, Билл!

— Как? Предлагаешь самому построить звездолет?

— Используй Переместитель.

— Говоришь, что времени в обрез, а сама советуешь использовать какой-то там Переместитель. Да разве я успею узнать, как с ним обращаться? Иллирия, а компьютер нам не поможет?

— Поверь мне, у компьютера хватает собственных забот.

— Ты о чем?

— О твоём приятеле Сплоке. Ты бы видел, что он здесь натворил!

— Что происходит? Эй!

— Ну хорошо, — произнесла девушка. — Раз ты настаиваешь... Когда капитан Дирк вернул «Смекалку» в нормальное пространство, между ним и Контр-Дирком, что вполне естественно, произошла стычка. Того, чем она завершилась, никто не ожидал.

— А что ожидалось?

— Билл, прилетай скорее! Торопись, торопись... — голос Иллирии в трубке становился все тише, понизился до шепота и наконец пропал совсем.

Билл повесил трубку. Слова девушки заставили его встревожиться. Да, он обязан ей жизнью, однако нельзя же быть такой приставучей! Для женщины, которая еще ни разу не выглядела как женщина, Иллирия слишком многое принимала как данность. Сказала, что любит; а вдруг обманула? Инструкторы в учебном лагере

предупреждали насчет шашней с инопланетянами. «Никогда не знаешь, врут они или нет, — утверждал сержант Аспидс. — Скользкие типы. И потом, что у них называется любовью? Мне известно по меньшей мере шесть инопланетных рас, у которых самка после спаривания пожирает самца. Гляди, начнешь с любви, а кончишь у подружки в животе. С ними ухо надо держать востро».

Жвачка крикнул Дуо, что нашел, в чем причина неисправности в источнике питания.

— Великолепно, мохнатый ты олух! — громыхнул командор. — Живо за работу, а не то от нас останется мокрое место!

Свингли подтащили к кораблю шланг и принялись распылять вокруг звездолета, под тщательно выверенным углом, сверкающую белую смесь, которая мгновенно затвердевала, становясь похожей на пемзу. Судя по всему, они вознамерились окружить корабль стенами и накрыть крышей. Разумеется, никакая пемза не могла выдержать соприкосновения с пламенем из дюз, однако свингли явно что-то замыслили. Инопланетяне вообще известны тем, что у них в рукавах припасено немало фокусов (у тех, у кого есть рукава — или руки). Что же касается мерзавцев вроде свингли, которые столь плохо понимали шутки, можно было спорить на что угодно, что они не только злопамятны, но и весьма изобретательны.

Сверкнула вспышка, посыпались искры: Жвачка вставил в розетку штепсель ускорителя мощностью 234 вольта. Стрелки на шкалах метнулись вправо и замерли в рабочем положении. Корабль приподнялся, Хэм и куки испустили торжествующий вопль.

Билл заметил, что Переместитель остался без присмотра. Ему подумалось вдруг, что вот отличная возможность заполучить прибор, если он, конечно, собирается это сделать. Герой Галактики придвинулся поближе, прикидывая, что действовать придется быстро, поскольку Дуо вряд ли одобрит его поведение.

Едва он положил на Переместитель ладонь, произошло нечто непредвиденное.

Глава 34

Свингли подтащили к площадке несколько новых шлангов; вдобавок подкатила большая машина с двумя У-образными раструбами. Дуо с первого взгляда узнал промышленный камнезатвердитель с Марка-4. Подъем корабля замедлился, ибо дюзы звездолета словно приклеились к затвердевшей смеси. Лицо командора стало суровым, он включил дополнительную тягу, стремясь вырваться на свободу. Корабль противно завибрировал. Дневной свет, проникавший сквозь иллюминаторы, мало-помалу тускнел: стены вокруг звездолета становились все выше.

Билл отсоединил магнитные зажимы, взял Переместитель в руки и оглядел со всех сторон. Откинулась стальная крышка, под ней обнаружилась маленькая компьютерная клавиатура. Помимо обычных кнопок, на ней имелась дюжина клавиш специального назначения с Ф1 по Ф12, а также кнопки с маркировкой «Динь», «Дон» и «Брр». Источника питания у прибора как будто не было, если только он работал не от батареек. В то время Билл еще не знал о ТСП, технологии симпатического питания, которая позволяла Переместителю подключаться к любому источнику питания, действовавшему в электромагнитном спектре. Герой Галактики нажал клавишу Ф1 — просто чтобы посмотреть, что получится.

Крохотный приборчик задрожал. Между тем звездолет возобновил подъем, упорно пробиваясь сквозь каменный барьер. Дуо поднял голову — и увидел, что

Билл держит в руках Переместитель; тот начал пронзительно гудеть, его экран ослепительно засверкал.

— Положи на место! — приказал командор.

Билл с радостью подчинился, ибо его напугало поведение Переместителя. Однако у того были на сей счет свои соображения. Едва Билл поставил Переместитель на стол и попятился, прибор двинулся следом, искрясь и громко завывая, что могло быть попыткой завязать разговор.

— Будьте добры, назовите место назначения, — проговорил он.

— Я передумал! — воскликнул Билл.

— Место назначения! — произнесла машина громким, раскатистым, не допускающим возражения голосом.

— Я не знаю точных координат.

— Перестань валять дурака и займись делом!

— Плохой, плохой... — бубнил в уши Биллу выговор. Откровенно говоря, Герой Галактики сомневался, сможет ли под это непрерывное бормотание не то что дать координаты — завязать шнурки на башмаках.

Внезапно выговор умолк.

— Так лучше? — осведомился Переместитель.

— Заткнулся! — обрадовался Билл. — Как тебе удалось?

— Я его выключил, — объяснил прибор. — Мне подвластны не только время и пространство, ха-ха-ха!

— Здорово! Как мне благодарить тебя...

— Достаточно того, что ты подумал о благодарности. Даже машине приятны добрые слова.

Переместитель, по-видимому, забыл о своем раздражении. Чуть ли не елеиным тоном он принялся объяснять, глубоко вдаваясь в подробности, каким именно образом выключил выговор, и присовокупил, что тому, кто путешествует с его, Переместителя, помощью, необходима полная сосредоточенность.

— Да? — удивился Билл. — А по словам Илирии все получалось очень просто.

— Сложного тут ничего нет, — уверил прибор. — Но дело в том, что случиться может всякое.

— Вообще-то, — проговорил Билл, — я пока не решил, лететь мне или остаться здесь.

— Неужели? — с чем-то подозрительно похожим на сарказм в голосе справился Переместитель.

— Точно, — торопливо отозвался Билл, не желая снова рассердить электронного балабона. — Может, я отключу тебя, а когда буду готов, включу? — Он перевернул прибор, но **выключателя** не нашел.

— Можешь не стараться, — сказал Переместитель. — Я как та штукавина, которая исполняет три желания и, пока не исполнит, не отстанет. Короче, хватит придуриваться. Говори, куда тебе нужно.

— Так будет нечестно. Тебя отыскал Хэм Дуо. Ты принадлежишь ему, значит, распоряжается всем он.

— Слушай, олух, — в голосе Переместителя неизвестно откуда появился легкий акцент. — Мы говорим не о том, кто кому принадлежит, а о власти. Власть же, к твоему сведению, у того, кто держит ее в руке.

Прибор злобно зашипел и начал светиться неестественным зеленым светом. Запаниковавший Билл попытался швырнуть его на пол, но Переместитель намертво прилип к ладони Героя Галактики, будто притянутый магнитом.

— Капитан Дуо! — взвизгнул перепуганный Билл. — Этот ваш Переместитель спятил.

Прибор захихикал. Повернувшись к Дуо, Билл увидел, что командор застыл в неподвижности; будь порумянее, он напоминал бы сейчас восковую фигуру. Куки Жвачка, лапа которого по-прежнему лежала на рубильнике, выглядел точь-в-точь, как меховой коврик, отдыхающий после кратковременного оживления. Билл посмотрел в иллюминатор. Звездолет завис в воздухе, футах в пятидесяти над землей. Свингли тоже не шевелились, многие из них так и замерли с поднятыми кулаками. Остановилось даже двойное солнце Псу-подхвост, клонившееся к юго-западу.

Свободу движений имел только Билл, к ладони которого прилип Переместитель.

— Ладно, — сказал Билл. — Не знаю, что ты там учудил, но будь добр, включи все снова.

— Я ничего не выключал, — отозвался прибор. — Когда ты нажал на кнопку, мы с тобой оба очутились в пространстве ожидания. Давай, говори, куда тебя переправить, чтобы я мог подыскать подходящий временной туннель.

— Ой, как все просто!

— Принцип действия Переместителя настолько нов, что ученые еще не успели его усложнить. Послушай, я отключил твой выговор, верно?

— Верно.

— Значит, ты мне кое-чем обязан.

— Пожалуй. Но почему ты говоришь с акцентом?

— Объясню, как только скажешь, куда тебе надо.

Билл подумал, что, отказываясь воспользоваться этим уникальным и послушным средством передвижения, ведет себя как последний идиот. Кроме того, ему хотелось узнать, откуда взялся акцент.

— Тебе известна планета под названием Ройо?

— Конечно, — откликнулся прибор, потратив несколько наносекунд на то, чтобы проверить файлы. — Какая именно?

— А сколько их вообще?

— По моим данным, пять. Возможно, по каналу связи поступят новые сведения, но когда поступят, тогда мы ими и займемся.

— Но откуда мне знать, на какой Ройо меня ждут?

— Мой милый, а мне откуда знать, какая Ройо тебе нужна?

— Твой акцент! — воскликнул Билл. — Объясни.

— Сперва давай разберемся с Ройо. Что ты о ней знаешь?

— На ней кислородная атмосфера и можно дышать, — ответил Билл, надеясь, что так оно и есть на самом деле.

— Отлично. Одна из пяти отпадает.

— Сдается мне, по людским меркам там шикарный климат.

— Да, не густо. Думаю, мы можем сбросить со счетов Ройо Холодинус и Ройо Вулканус. На них, соответственно, слишком холодно и слишком жарко.

— Сколько осталось?

— Минуточку, сейчас посчитаю. Две! Почти в цель! Разумеется, выражаясь фигурально. Мы же еще не сдвинулись с места.

— Да вроде бы, — согласился Билл, которого по-прежнему окружали неподвижные фигуры. — Что ты предлагаешь?

— Причина, по которой я говорю с акцентом, — сообщил Переместитель, — заключается в том, что я принадлежу к поколению мемориальных автоматов, снабженных записями голосов великих земных ученых прошлого. Лично я говорю голосом венгерского психолога ХХI века, которого звали Раймундо Шекели.

— Понятно. Но почему ты решил объяснить сейчас?

— Потому что мы посетим обе планеты и выясним на месте, какая из них тебе нужна.

— А! Но не будет ли это...

Он не успел сказать «опасно», ибо Переместитель перешел от слов к делу.

Глава 35

По поводу того, каков принцип действия Переместителя, было написано множество научных работ. Поскольку в наши дни использовать прибор запрещено, все они полны предположений. Запрет связан с тем, что действие Переместителя сопровождалось значительными побочными эффектами. Вдобавок перемещение от туда, где находился человек, туда, куда он хотел попасть, происходило очень быстро; в результате время сбивалось с ритма и путешественнику приходилось какой-то срок мыкаться в промежуточном пространстве, известном также как стазис, чтобы тело и внутренние органы успели догнать голову. Некоторые люди после таких путешествий испытывали диковинное ощущение, будто оставили позади некую часть себя. Как оно, впрочем, обычно и бывало. Когда же выяснялось, какая именно часть осталась в другом месте, чаще всего раздавались истошные вопли. Согласно одному из предположений, перемещение происходило настолько быстро, что человек не успевал собрать свое естество, разбросанное по пространственно-временному континууму. По счастью, у Билла никаких проблем не возникло, поскольку Герой Галактики не страдал избытком воображения.

— Где мы? — спросил он.

— На первой Ройо. Похоже на ту, которую ты ищешь?

Билл огляделся по сторонам. Он стоял над обрывом. Внизу раскинулся большой город, все здания которого были выстроены из какого-то синего материала различных тонов и оттенков. К небу тянулись шпили многочисленных церквей, виднелись широкие бульвары и мостовые, по которым двигались машины. Единственное солнце, клонясь к закату, погружалось в багровые облака. По улицам ходили люди, а в воздухе кружили громадные птицы. На глазах у Билла одна из птиц схватила человека и, мерно маша крыльями, понесла прочь. Прохожие не обратили на случившееся ни малейшего внимания. Они продолжали двигаться, все в одном направлении, к площади в центре города. Несколькими птицами опустили на площадь огромное корыто, заполненное зеленоватой субстанцией.

— Ну что? — поинтересовался Переместитель. — По слухам, лучшая из птичьих планет в Галактике. Не думай, питаются они не людьми. Ты видишь протоплазматических роботов, которые выпускаются на все вкусы. На таком расстоянии легко ошибиться, но, по-моему, там шагают ходячие сосиски.

— Кажется, нам не сюда, — сказал Билл — и сообразил в следующий момент, что находится уже не здесь, а где-то еще. Да, Переместитель и впрямь перемещал все представления.

Вторая планета изобиловала оттенками коричневого и оранжевого. Ее обитатели выглядели такими черными теньями, лишенными, каким бы боком они ни поворачивались, какого бы то ни было объема. Повсюду раздавались странные звуки, напоминавшие голоса, но Билл так и не разобрал, кто их издает. В древних развалинах на берегу моря жили кошки, которые не снизошли до того, чтобы заметить человека с крохотным прибором в руке.

— Тоже не то, — вздохнул Билл. — Оба раза мимо! Что теперь?

— Приободришься, приятель, — заявил Переместитель. — Выход есть!

— Какой?

— Если мы дважды промахнулись, значит, в третий раз повезет.

— Откуда ему взяться, третьему разу? — удивился Билл.

— Оттуда! — бросил прибор. И Билл вновь очутился неизвестно где.

Планета Ройо грезилась людям во снах, ибо сулила все прелести жизни, о каких только можно мечтать. Билл обнаружил, что стоит на имеющем форму полу-месяца пляже. Повсюду, куда ни посмотри, сверкал белый песок, над головой кружили чайки, поблизости на берегу лежали в изящных позах девушки. Словом, настоящий рай. Заметив, что вдоль пляжа выстроились уютные заведеньица из плавника с прелестными названиями вроде «У Грязного Дика», Билл почувствовал, что его переполняет восторг. Кто не мечтал жить среди прирученных морских разбойников? Вдобавок на пляже торговали гамбургерами: пышногрудые красотки в пестрых платках жарили замечательно толстые гамбургеры с изрядным количеством лука и продавали их с оригинальных лотков, причем добавляли специи, которым позавидовал бы и главный повар какого-нибудь султана. Вездесущий кетчуп, пять разновидностей маринада из шинкованных овощей, три разновидности сальсы разных цветов, одна острее другой; кусочки маринованного манго, ломтики бекона, сочные, заранее порезанные помидоры и многое иное, иногда — достаточно отвратительное, о чем лишь грезят обитатели прочих планет. В дополнение к гамбургерам предлагался ром со льдом; Билл решил, что просто обязан пропустить пару стаканчиков.

На пляже отдыхали красивые, стройные люди с искренними белозубыми улыбками. Женщины отличались кокетливым шармом старлеток. Поодаль виднелись дансинги и кинотеатр, в котором показывали комедии, «американские горы» и другие аттракционы, а также громадные динозавры, бывшие на деле жилыми домами.

— Ты ведь Обещанный, правда? — спросила у Билла красивая девушка с длинными темными волосами. Ее красоты обыкновенному человеку было просто не вынести.

— Наверно, мисс, — отозвался Билл со старомодной учтивостью, из-за которой в паршивом городишке на отсталой планете, где его угораздило родиться, Героя Галактики считали чуть ли не придурком. — А кто вы?

— Иллирия.

Билл разинул рот, потрясенный то ли словами девушки, то ли ее красотой.

— Когда мы виделись с тобой в последний раз, ты была маленькой зеленой ящеркой.

— Как ты мог заметить, я изменилась. — Иллирия лукаво улыбнулась.

— Да уж, — хрипло проговорил Билл. Он было протянул к девушке руку, но вдруг схватился за левую подмышку.

— Что с тобой? — надула губки Иллирия, подавшаяся вперед в ожидании прикосновения.

— Чинджер. Он был здесь! А внутри сидел ЦРУ. Такой крохотный, росточком от силы два дюйма.

— Что было, то было, — сказала Иллирия. — Было и прошло.

— И хорошо, что прошло. Но куда подевался чинджер?

— Зачем он тебе, милый?

— Вообще-то незачем, — признался Билл. — Я просто беспокоюсь, потому что не знаю, где потерял чинджера и ЦРУ.

— Может быть, они отправились на другую планету, а тебе не сказали, чтобы ты не расстраивался.

— Тоже мне, приятели называются! Ну и ладно. — Беспокойство по-прежнему снедало Билла, однако он решил, что как-нибудь с ним справится. — Значит, это Ройо? — Билл вновь протянул руку. Иллирия искусно увернулась. Похоже, она приняла его чисто риторический вопрос за выражение неподдельного интереса.

— Да, милый. Пойдем, я покажу тебе окрестности. — И повела мрачного, надутого — и утихомирившегося — Билла на экскурсию.

Глава 36

Хоть и не испытывая ни малейшего интереса, Билл скоро узнал, что на планете Ройо имеется один-единственный материк, и то не слишком большой, представляющий собой остров посреди мирового океана. По земным меркам этот остров был сущим раем. Дни сплошь солнечные, но не жаркие; можно загорать без опаски обгореть. Обитали на Ройо ройанцы, красивые и веселые, днями напролет развлекавшиеся или занимавшиеся серфингом. Еще на заре своей истории они добились всего того, к чему стремились, а потому их мозги со временем атрофировались; ведь, как гласит установленное Природой правило, чем не пользуешься, то теряешь. В результате у нынешних ройанцев вместо мозгов в головах имелись полости. На Ройо бытовал такой обряд: когда ребенку исполнялось шестнадцать или тринадцать — до двух ройанцы считают неплохо, а дальше обычно сбиваются, — эту полость заполняли наливаемым через ухо ароматным кокосовым маслом с травяными добавками. Точные пропорции добавок исправно передавались из поколения в поколение — разумеется, изустно, поскольку лишенные мозгов писать не умеют (да и говорят, кстати, не слишком бегло) — и составляли едва ли не все культурное наследие ройанцев. Кокосовое же масло придавало волосам естественный блеск, предотвращало облысение; кожа от него становилась здоровее, а глаза — ярче. Вот почему

обитатели Ройо выглядели столь привлекательно (а привлекательность для них — главное в жизни).

Так что Иллирии, когда она прибыла сюда, не составило труда завладеть телом прекрасной юной ройанки.

— Ну разве не замечательно, Билл? — спросила девушка. Они сидели на пляже и уплетали шашлык, а хор ройанцев исполнял прелестные заунывные песенки. К сожалению, в песнях отсутствовали и слова, и мелодия.

— Конечно, — согласился Билл, обнимая одной рукой Иллирию за плечи и притворяясь, будто сидеть в такой позе очень удобно. Приступ сексуального энтузиазма сменился сомнениями. Привыкнуть к Иллирии в образе прекрасной женщины оказалось нелегко. Биллу претил способ, каким она завладела чужим телом. — А ройанка, небось, переживает, да? — проговорил он. В его тоне проскользнуло бессознательное высокомерие существа, изначально наделенного собственным телом.

— Вовсе нет, милый, — отозвалась Иллирия. — Я спросила ее, как она отнесется к тому, чтобы на время расстаться с телом. Правда, Лайза?

— Правда, — подтвердила Лайза после десятиминутной паузы, неизменно возникавшей в разговоре при потугах ройанцев на квазиинтеллектуальное мышление, — ты ведь когда-нибудь потом его вернешь?

— Естественно.

— Тогда развлекайся. Ребята обзавидуются, когда я им расскажу.

— Ребята?

— Так мы, ройанцы, называем друг друга.

— А-а, — протянул Билл.

— Как и обещала, — сказала Иллирия. — Еда и секс. Правильно?

— Угу, — Билл отложил в сторону кость, которую обсасывал. Иллирия прильнула к нему. Герой Галактики почувствовал, что вновь начинает возбуждаться. В конце концов, она очень симпатичная и хочет его; как говорится, все при ней, вдобавок другая девица заявила, что не возражает. В общем, надо ловить момент.

Очутившись на острове, Билл скоро заразился собственной аборигенам ленью. Ройанцы собирались каждое утро, чтобы поклониться его крокодильей лапе и повосхищаться клыками, которые он лениво оскаливал.

Ему казалось, что местные ведут себя просто глупо, однако Иллирия настояла, что не стоит лишать ройанцев их маленьких радостей. Сам Билл считал, что восхищаться можно было бы чем-то другим, а не крокодильей лапой, которой он обзавелся совершенно случайно; но такова слава — она приходит, не объясняя, откуда и зачем. Впрочем, жили островитяне вполне пристойной жизнью, не слишком, конечно, интеллектуальной, но последнее Билла заботило мало, разве что он скучал по комиксам. К тому же Герой Галактики однажды сообразил, что тоскует по службе. Забавно: будучи в армии, он мечтал как раз о том, чтобы оказаться в тропическом раю, где будет полным-полно выпивки и жратвы, где его полюбит шикарная красотка, а целая дюжина других станет добиваться благосклонности...

Нет, так будет нечестно по отношению к Иллирии. Во-первых, она тут самая красивая. А потом, он ей обязан...

Интересно, чем? Если уж на то пошло, никто не удосужился спросить Билла, что он обо всем этом думает. А ром — смешно, право слово — надоедает все сильнее. Чересчур сладкий. Короче говоря, Биллу потихоньку становилось скучно. Неизвестно, как бы он поступил, если бы, какое-то время спустя после его прибытия на Ройо, в небе не засиял диковинный свет: то шел на посадку звездолет.

Глава 37

— Типичный солдатский рай, — изрек мистер Сплок. — Пожалуй, если воспользоваться гедонистической шкалой, он, несомненно, лучше многих других, но в общем и целом все они одинаковы. Вы, конечно, согласны со мной, капитан?

Дирк, который бродил по берегу босиком, закатав до колен штанины, как будто не услышал, что к нему обращаются. Он запивал «кокой» булочку с горячей сосиской и мечтательно глядел по сторонам: словом, вел себя как человек, которого изрядно чем-то удивили. Мистер Сплок, чуждый всяких эмоций, не мог осознать глубины той перемены, которая произошла с Дирком, а потому беспокоился за обычно сурового капитана «Смекалки».

— Может, вернемся на корабль, сэр? — предложил он.

— Куда торопиться? — задумчиво произнес Дирк. — Здесь на нас никто не нападет.

— Кроме наших собственных желаний, — прибавил Сплок. — Естественно, я говорю о тех, у кого эти желания есть. А остальные — то бишь я — будут выполнять свои обязанности, как предписывается корабельным уставом.

— Скажите, мистер Сплок, — поинтересовался Дирк, с любопытством глядя на своего первого офицера; тон его был дружелюбным, однако в нем прозвучало легкое раздражение, — вам никогда не хотелось расслабиться? Надратся в стельку? Потрахать в свое удовольствие?

— Прошу прощения... — промямлил Сплук, потрясенный бесстыдством капитана. — Расслабиться? Надаться? Потрахать?... Кажется, нет.

— Ты знаешь, о чем я. По крайней мере, надеюсь, что знаешь. Как-нибудь ты мне обязательно расскажешь о вашем процессе размножения. Хотя, с другой стороны, быть может, и не надо. Отдыхай. Расслабься. Развлекайся.

— Я никогда не стремился ни к чему подобному, — заявил Сплук, гордо шмыгая носом. — А ваше поведение, сэр, меня удивляет.

— Потому что ты привык видеть меня в состоянии морального или физического кризиса, — объяснил Дирк.

— Могу я говорить прямо?

— Валяй, Сплук.

— Раньше вы были лучше.

Дирк расхохотался и швырнул недоеденную булочку в море. Рыба-стервятница, которая питалась исключительно отбросами, а если таковых не было, впадала в спячку, мгновенно проглотила подарок, и море вновь сделалось первозданно чистым.

— Эта планета привела меня в прекрасное настроение, — сказал капитан. — Ты не знаешь, что такое настроение, Сплук, и что оно значит для человека, но уверяю тебя — без настроения мы не люди.

— Ерунда, капитан. Человеком управляет чувство долга. Еще им движет любовь к Богу, если он верит — этот вопрос мы с вами однажды выясним, — и к своей стране.

— Верно, мистер Сплук, ох как верно! Однако порой даже лучшие из нас — заметь, себя я к ним не причисляю, — даже лучшие из нас нуждаются в отдыхе. Порой нам необходимо отдохнуть от моральных устоев и утешения, которое дарит религия.

— Вы сейчас рассуждаете, как Контр-Дирк, — отозвался Сплук.

— Ничего подобного! Мы победили его в честной схватке, сражаясь за Карла Великого и христианство, тогда как он воевал за султана и ислам*. Раз победили мы, значит, наше дело правое, так, Сплук?

* Намек на сюжет французского героического эпоса «Песнь о Роланде».

— Можете говорить что угодно, — сказал Сплок. — Но позвольте заметить, сэр, вы занимаетесь пустословием. Или, как принято выражаться на нижней палубе, словоблудием.

— Мой милый Сплок, ты весьма удачно подбираешь выражения, но совершенно упустил из виду демоническую сторону человеческой натуры. Или ты отрицаешь ее существование?

— Нет. Тому немало доказательств. Но, признаться, капитан, я полагал, что вы ее преодолели.

— Разумеется, Сплок, разумеется! К тому-то я и клоню. Я расправился с сидевшим во мне демоном, значит, могу, когда захочу, немного отдохнуть. Верно?

— Пожалуй, — согласился Сплок. — Но отдыхать некогда. Враг-Историк по-прежнему на свободе и угрожает Земле.

— Такова жизнь, — пожал плечами Дирк. — Беда за бедой. Но мне кажется, что человечество способно какое-то время обойтись без нас. Или, если не употреблять громких слов, Галактика переживет. Короче, я намерен отдохнуть, напиться и потрахаться.

Явно шокированный Сплок ответил не сразу. Он принялся расхаживать по берегу, сцепив ладони за спиной, мрачный и решительный, а Дирк шлепал по воде с восторгом подростка, у которого случилась первая в жизни эрекция.

Сплок поглядел на капитана. Внезапно лицо инопланетянина прояснилось. Перемена была столь разительной, что Дирк не преминул ее заметить.

— О чем ты подумал, старина? Пойдем выпьем, и ты мне все расскажешь.

— Выпьем? Если хотите, сэр, я могу пойти с вами, но пить не стану. Что же касается того, о чем я подумал, по-моему, это называется аналогией. Я очень доволен, поскольку аналогии мне в голову приходят нечасто.

— Выкладывай, Сплок, не тяни.

— Не сейчас, сэр. Потом.

— Как хочешь. Пошли. — И Дирк направился к заведению под названием «У Грязного Дика», около которого капитана со стаканом рома в руке поджидал Билл.

Глава 38

Дирк наслаждался неограниченной свободой, которая ни в коей мере не распространялась на экипаж «Смекалки». Мистер Сплок, первый помощник капитана, потрясенный тем, что творилось на планете, запретил увольнения и приказал поддерживать постоянную боеготовность. Звездолет окружили силовым полем — минимальной мощности, чтобы не слишком расходовать энергию; но даже ее хватало, чтобы не пускать на корабль незваных гостей. Капитан начал было возражать, но Сплок напомнил ему, что он может поступать как угодно, однако не вправе распространять подобную привилегию на команду. Дескать, боеготовность требует, чтобы все находились на своих постах. На деле же Сплок просто-напросто не желал, чтобы нижние чины устраивали алкогольные оргии, которые обычно начинаются, едва экипаж получает увольнительные.

Дирк какое-то время продолжал упорствовать, однако вскоре смирился: попав на Ройо, он утратил всякое стремление настаивать на выполнении своих распоряжений. Он отдыхал, а командовать на отдыхе людьми и разбираться в бесконечных склоках просто глупо. Ведь отдыхает каждый сам по себе. Спасение утопающего — в его руках; он, капитан Дирк, благополучно спасся, а остальные пусть выбирают как знают.

Красавицы липли к Дирку как мухи. Капитан знал, что выглядит достаточно привлекательно, однако такого не ожидал. Тем не менее он без малейших колебаний,

преисполненный энтузиазма, ринулся в пучину наслаждений. С венком на голове и глупой улыбкой на лице он расхаживал по песчаным пляжам инопланетного рая. Девушки, с которыми Дирк гулял, не отличались словоохотливостью, что, впрочем, вполне его устраивало, поскольку он устал от болтовни. Капитан быстро пристрастился к молчанию. Какой контраст по сравнению с кораблем, на борту которого никуда не деться от разговоров и пустяковых проблем! Дирк часами просиживал на берегу, грокк* заходящее солнце. Он грокк рыб-стервятниц и людей, которые играли в волейбол, ромовые пунши и аттракционы. Замечательная жизнь! Иногда ему становилось жаль экипаж «Смекалки»: Сплок распорядился выключить обзорные экраны, и бедняги до сих пор ведать не ведали, что очутились в раю.

В Билле Дирк нашел отличного собутыльника. Они часто сидели за столиком у «Грязного Дика». Сплок, неотступно сопровождавший капитана, попивал чай со льдом, а Дирк и Билл громко хохотали над собственными словами и надирались ромом.

Насобачившись за годы службы, Билл мог выпить целое море спиртного. Однако он, подобно капитану, обленился, а потому со временем ему надоело просыпаться утром с тяжелой головой. Принуждаемый к умеренности похмельем и призраком неизбежного алкоголизма, побуждаемый, может статься, в трезвом состоянии прекрасной и здравомыслящей Илирией, он предложил устраивать попойки раз в неделю, а в остальные дни играть в волейбол. Но Дирк не желал ничего слушать. Приверженец экстазов, капитан настаивал на том, чтобы напиваться из вечера в вечер, ибо, не пользуясь свободой, ее рано или поздно потеряешь, а если пользуешься, лучше всего злоупотреблять. К наслаждениям Дирка влекла та же демоническая динамика, что способствовала его высокоморальному поведению в должности командира самого большого, самого быстрого и красивого звездолета в Космофлоте Земли. Дирк развлекался из принципа и смеялся над собой: чувство долга может повлиять даже на чувство юмора.

* Термин из романа Р. Э. Хайнлайна «Чужак в чужой стране»; приблизительно может быть переведен как «понять во всей полноте».

Какое-то время спустя, поскольку смотреть, как кто-то напивается, а самому оставаться трезвым, невыразимо скучно, Билл сблизился со Сплоком. Илирии это не понравилось, потому что ей не нравился Спок, у которого был такой вид, словно он обожает портить веселье другим. Но Билл проявил характер: объяснил, что ему иногда необходимо общаться с мужчинами, а Дирк целыми днями валяется в полной отключке. Илирия поинтересовалась, почему Билл не завел себе приятелей среди ройанцев. Герой Галактики растолковал, что с ними не очень-то легко: говорят они медленно, причем употребляют исключительно спортивные термины, которые меняются год от года. Например, кто мог знать, что фраза «скатимся с гребня» означает «приходи вечером на шашлык»? И потом, ходить на шашлыки все равно не имеет смысла, поскольку ройанцы рассуждают только о волнах. Они ведут счет, помнят буквально каждую, хотя в течение дня забывают о вчерашних волнах и описывают лишь сегодняшние; правда, забывчивость не распространяется на Величайшие Волны в истории, о которых они способны болтать до бесконечности.

— Помнишь старушку 22-ю в году Куропатки?

— Ну да. Она походила на двойную 2456-ю в году Алого Ибиса.

И так далее.

Билл пытался поддерживать разговор. Порой, когда выпивка развязывала ему язык, он придумывал даты Величайших Волн. Собеседники дружно соглашались: да, был такой год и была такая волна. Они то ли и впрямь верили, то ли попросту не хотели обидеть гостя. Честно говоря, какая разница?

Капитан Дирк мало-помалу становился совершенно невменяемым. Бормотал что-то насчет «радостей духовного наслаждения», одновременно вытирая с подбородка омерзительные белые слюни, которые недавно начал пускать. Поэтому Билл все ближе сходил к Сплоку.

Того вполне можно было понять. Билл решил, что Спок напоминает ему армейских сержантов. В конце концов, полное отсутствие эмоций и чувства юмора еще никогда не означало недостатка доблести.

— Я думаю не как люди, — признался однажды Спок, — но, поскольку сотрудничаю с ними, должен

понимать их и разбираться в наклонностях. Поэтому, хотя непозволительно говорить так о старшем по званию, я утверждаю, что Дирк сбился с пути.

— Точно, совсем опустился, — сказал Билл. — Знаешь, никогда не думал, что до такого дойдет, но мне скучно. Все, чего хочется, под рукой... Все равно, как если бы ничего не было. Забавно, правда?

— По-видимому, не для людей, — отозвался Сплук.

— В общем, мне скучно.

— Почему бы тебе не взять Переместитель и не улететь?

— Не могу. Переместителя здесь нет.

— А где он?

— Кто может знать, какие черные мысли бродили в его памяти и куда он подевался? Пожалуй, надо было сказать ему, чтобы держался поблизости.

— Ты и впрямь хочешь убраться отсюда?

— Наверно. Но обратно на службу я не тороплюсь, хотя шашлыки мне изрядно надоели.

— Ты единственный, кому я могу доверять. Экипаж из корабля, сам понимаешь, выпускать нельзя. Ты готов обмануть на благо человечества?

— Елки-палки, я же солдат. Без вранья на службе не выжить.

— Тогда слушай внимательно. У меня есть план — рискованный, может быть, даже опасный.

Глава 39

Капитан Дирк сделался любимцем аборигенов. Каждый день он читал им лекции на темы вроде «Удовольствие — основной жизненный принцип», «Великое искусство отдыха» или «Ничегонеделание как священнодействие». Ройанцам, подобно некоторым другим расам в Галактике, нравилось, когда их наклонности объясняют и оправдывают в философских терминах. Один за другим начали возникать фан-клубы. Толпы поклонников сопровождали Дирка повсюду, даже когда он ложился в постель (особенно — в последних случаях). Капитана столь пристальное внимание отнюдь не радовало. Попробуй-ка отдохнуть, когда тебя ежесекундно дергают за одежду и твердят: «Давай дальше, парень».

Билл лекций Дирка не посещал. Большую часть времени он проводил в холмах, что возвышались над пляжем: ходил строевым шагом, приминая пахучие травы, и разыскивал гнезда диких пчел. Иллирия несколько раз прогулялась вместе с ним, но быстро потеряла интерес. К меду она отнеслась достаточно прохладно. «Зачем его искать, когда крутом растут шоколадные кусты и марципановые деревья? Кстати, ты видел бушевый куст?*

Однако Билл не поддавался на уговоры. Мрачный, молчаливый, постоянно чем-то озабоченный, он каждое утро отправлялся к холмам, закинув за спину

* Буше — пирожное со взбитыми сливками.

одолженный Сплоком джутовый мешок. День за днем мешок становился все полнее, но о содержимом можно было только догадываться. Спок единственный явно знал, что у Билла на уме. Когда Герой Галактики возвращался на пляж, где предавались наслаждениям аборигены, они со Сплоком обменивались утрюмыми кивками.

Молва утверждала, что Билл со Сплоком — извращенцы. В их жизни словно не было места развлечениям, а поскольку те являлись на Ройо своего рода религией, всякого, кто отказывался развлекаться, справедливо причисляли к нечестивцам. Именно к такому выводу пришла группа ройанцев во время вечернего рэпа, после катания на волнах и шашлыка. Встал вопрос, как быть? Один дерзновенный теоретик предложил изучить насильственные методы. Войн на Ройо не бывало, редкие семейные споры разрешались радостным кличем: «Волна идет!» Разумеется, ройанцы слышали о насилии от залетных торговцев. Суть насилия заключалась в выбивании мозгов. Это было понятно и сулило немало приятного. Проблема состояла в том, что раньше они ничего подобного не предпринимали, а чтобы первый блин вышел комом, им не хотелось. Умение кататься на волнах было у ройанцев врожденным: точнее, в далеком прошлом их благодетельствовал какой-то спортсмен из богов (по крайней мере, так они верили). Иными словами, все, что делали, они делали хорошо, вот почему никак не могли решиться на насилие. Кто должен начать? А если он осрамится, будут ли соплеменники смеяться над ним? Среди ройанцев считалось необходимым не ударить лицом в воду.

Наконец, они договорились одновременно накинуться на Билла и затоптать его; ничье достоинство не пострадает, ибо действовать будут все разом. Но Спок сумел предугадать, к чему идет дело: во-первых, он отличался сообразительностью, а во-вторых, поведение гуманоидов легко предсказуемо.

- Время близится, — сказал Спок Биллу.
- Здорово. У меня все готово, только скажи.
- Значит, сегодня вечером, когда взойдет луна.
- Которая?

— Маленькая голубая. Та, что поднимается, когда заходит зеленая.

— Усек, — проговорил Билл и отправился на свой последний, как он надеялся, шашлык на Ройо.

В назначенный час Билл оказался в назначенном месте, в рощице, за которой начиналась узкая, хорошо утоптанная тропинка, что вела к звездолету.

— Мешок при тебе? — спросил Сплук.

— А то! — Билл поднял тяжелый мешок с земли и хорошенько встряхнул. Внутри, судя по всему, находилось нечто массивное и бесформенное, не издававшее никаких звуков.

— Пошли, — сказал Сплук. Они направились к кораблю. Тот окружала легкая дымка электрического поля. Сплук достал из сумки на поясе главный щелкатель и щелкнул три раза. Силовой барьер исчез. Еще два щелчка — и в борту звездолета открылся люк. Последний щелчок включил трап-эскалатор. — Пошли, — повторил Сплук.

Глава 40

Экипаж «Смекалки» в полном составе обнаружился в комнате отдыха: люди смотрели древний фильм про каких-то обезьян и громко хохотали над животными, которые притворялись, будто пьют чай. Перед сеансом все приняли бесплатный, не вызывающий привыкания наркотик, присланный вместе с фильмом, — жевательную резинку с богатым содержанием конголеума-23, фермента, присутствующего в молоке самок шимпанзе; этот фермент воздействует на детенышей шимпанзе таким образом, что у них начинают вызывать смех любые ужимки. Вообще-то к наркотикам команда относилась неодобрительно: даже на соль на звездолете смотрели косо. Однако требовалось как-то развеять скуку ожидания неизвестно чего в полной боеготовности на мирной планете, поверхности которой люди до сих пор не видели (уходя, Сплок предусмотрительно прихватил с собой маленький поляризатор, а потому в поляризованные иллюминаторы не было видно ничего, кроме серой пелены, в которой иногда возникали яркие проблески).

— Елки-палки, Сплок, — проговорил Ларра Ла Рю, новобранец-юнга, учившийся на радиста, — где капитан Дирк?

— У нашего капитана неприятности, — объявил Сплок. — Ему угрожает опасность, о которой он не подозревает. Мы должны спасти его.

— Здорово! — воскликнула Линда Ксекс, камбоджийская старлетка, принятая на борт в качестве будущего главврача. — Пожалуйста, мистер Сплок, расскажите, что случилось с нашим милым капитаном. Здорово, что мы наконец-то займемся делом, вместо того чтобы бродить по коридорам в наших эластичных комбинезонах. Сами понимаете, я вовсе не жалеюсь.

— Первое, что нужно сделать, — сказал Сплок. — Возможно, вы заметили рядом со мной высокого молодого человека с джутовым мешком, который я ему одолжил. — Экипаж вежливо зааплодировал: Билл, пускай и не производил внушительного впечатления, вполне мог оказаться важной шишкой. — Он подойдет к каждому из вас, — продолжал Сплок. — Вы по очереди зачерпнете ладонью то, что находится в мешке, и сразу поймете, что к чему. Давай, Билл.

Билл подошел к Линде Ксекс. Та сунула руку в мешок, охнула и вопросительно поглядела на Сплока.

— Могу я говорить откровенно?

— Нет, — отозвался старший офицер. — Не сейчас. Не робей, Ксекс. Все будет в порядке.

Ресницы лавандовых глаз прекрасной евразياتки тревожно затрепетали. Она закусилла нижнюю губу, снова запустила руку в мешок и зачерпнула пригоршню чего-то.

— Ох! Еще теплое.

— Так и должно быть, — утрюмо откликнулся Сплок.

Глава 41

Первые лучи восходящего солнца упали на тела лежавших на пляже друг возле друга, словно выводок щенков, красивых молодых людей. Призрачный свет, жемчужно-серый с уклоном в молочный отлив, выхватил из мрака четко очерченные губы, чисто выскобленные подбородки, высокие и полные груди, длинные стройные ноги. Поблизости этакими миниатюрными светлячками взметнулись к небу последние искры догоревшего костра. Кантатное дерево на краю пляжа заиграло Вивальди. Заухала сова, которой ответила рыдающим смехом гагара. Рай спал.

Ведомые Сплоком и Биллом, на берегу, похожие в утреннем тумане на бесов преисподней, появились члены экипажа «Смекалки». Они двигались совершенно бесшумно, однако Сторожевая Пташка все же подняла тревогу; правда, она быстро утихомирилась, услышав пронзительный свист Зоркой Малиновки (которую Сплок напичкал наркотиками, чтобы птица свистела всякий раз, как раздастся сигнал Сторожевой Пташки).

Дирк лежал на песке в кольце спящих девушек. Спотыкаясь на каждом шагу — поскольку все надели темные очки, подчинившись распоряжению Сплока, тщательно высчитавшего, сколько нужно света, чтобы увидеть капитана и не заметить всего остального, — астронавты приблизились к нему.

— Хватайте! — приказал Сплок.

Человек пять-шесть, во главе с Биллом, схватили Дирку и потащили к звездолету. Капитан проснулся и, выказав недюжинную силу, удивительную для человека с таким широким лицом, рванулся из рук похитителей.

— *Aux armes, mes enfants!** — гаркнул он. Грубо нарушенный сон пробудил память о давно минувших временах.

Проснувшиеся ройанцы мгновенно сообразили, что, собственно, происходит. У них забирают товарища! В кровь хлынул адреналин, и аборигены изготовились к схватке.

На планете, которая не знала насилия, противника пытались победить через обольщение.

Вперед выбежали ройанки, еще более прекрасные, чем раньше — во-первых, потому, что боялись потерять приятеля по развлечениям, а во-вторых, оттого, что, увидев столько мужчин, сразу подумали о наслаждениях, какие сулила неожиданная встреча. Свои чувства они постарались со всеми подробностями выразить в телодвижениях. Однако экипаж остался безучастен к представлению. Тогда дорогу преградили мужчины, решившие, что столкнулись с гомосексуалистами, но у них тоже ничего не вышло. Не подпуская ройанцев к Дирку, астронавты в конце концов добрались до трапа-эскалатора, что вел к люку в борту корабля.

Тут произошла маленькая заминка. Одна из ройанок — может быть, Иллирия, хотя наверняка сказать трудно, в полумраке все одинаковы — роскошные блондинки, что называется, мечта идиота, — углядела, что из ушей членов экипажа торчит что-то непонятное, а в следующий миг ее будто осенило.

— У них в ушах воск! — крикнула она. — Они нас не слышат!

Ройанцы кинулись на людей, чтобы исправить несправедливость — если придется, силой.

Но было поздно. Экипаж благополучно поднялся на борт, в точности исполнив приказание Сплока, распорядившегося не обращать внимания на мольбы и уговоры

* К оружию, дети мои! (фр.)

Дирка, на его попытки логически обосновать необходимость остаться на планете, в общем, на все, что он будет говорить. Люк захлопнулся.

Билл помог Сплоку оттащить Дирка в капитанскую каюту, ибо едва люк закрылся, Дирк потерял сознание. Они положили капитана на кушетку и включили его любимую мелодию: героический марш для барабана и тарелок в исполнении военно-космического оркестра пожизненно заключенных. Ресницы Дирка затрепетали; поднялись веки, под которыми обнаружили налитые кровью, гноящиеся глаза, мало-помалу приобретшие осмысленное выражение.

— Знаете, мистер Спок, теперь я, похоже, понимаю, что вы имели в виду, рассуждая об аналогии.

— Я так и думал, — отозвался Спок, — потому и приказал доставить вас на борт.

Капитан и первый офицер обменялись самодовольными улыбками людей, равных друг другу по уму.

— Какая еще аналогия? — спросил Билл с кривой усмешкой недалекого человека.

— Ты, без сомнения, знаком с греческой мифологией, — проговорил Спок, — и наверняка помнишь тот захватывающий эпизод из «Одиссеи», когда Улиссу предстояло проплыть мимо острова сирен. Он велел своим товарищам заткнуть уши воском, а себя распорядился привязать к мачте. И корабль миновал остров: гребцы не слышали пения сирен, тогда как зачарованный Улисс просил и умолял, чтобы его отвязали.

Спок замолчал. Билл ждал продолжения, но не дождался.

— И все? — справился он.

— Все, — подтвердил Спок.

— Так вот зачем я собирал воск!

— Да.

— Ты хотел заткнуть людям уши.

— Совершенно верно.

— Значит, аналогия?

— Да. Одна из первых, пришедших мне в голову. Я могу ею гордиться.

Билл не стал уточнять, что такое «аналогия»; решил про себя, что это, должно быть, какой-нибудь тип звездолета.

— Раз все в порядке, — проговорил он, подумав, что хватит мудрить надо всякой ерундой, — может, вы забросите меня на базу? Наверное, там уже волнуются, что со мной могло случиться.

— Конечно, приятель, о чем речь? — откликнулся Дирк, к которому вернулись прежнее веселье и сосредоточенность. Однако оказалось, что все не так-то просто.

Глава 42

Первое затруднение возникло вскоре после этого разговора. Билл обедал с Дирком и Сплоком в «L'Auberge d'Or»*, замечательном венецианско-французском ресторанчике, который обслуживал наиболее важных лиц на борту корабля. О том, чтобы оборудовать звездолет типа «Смекалки», предназначенный, чтобы странствовать в космосе годы, десятилетия — а быть может, и дольше, — обыкновенной кают-компанией и камбузом, с самого начала никто даже не заикался. Нет, «Смекалка» могла похвастаться множеством ресторанов с кухней разных народов, не говоря уж о разбросанных по всему звездолету ларьках, в которых продукты продавались со скидкой. Космическая разведка — дело достаточно сложное само по себе, а потому было бы неразумно заставлять людей надолго отказываться от излюбленной еды. Для особых случаев существовали заведения вроде «L'Auberge d'Or». Дирк там обычно не появлялся, поскольку ресторан был дорогим; к тому же без галстука в него не пускали. Однако нынешний случай и впрямь был особым. Они только приступили к *caneton à l'orange***, которого принес улыбчивый андроид с жидкими усиками завязтого сводника, как к их столику приблизился Эдвард Направленц, старший штурман,

* L'Auberge d'Or (фр.) — Золотой кабачок.

** Caneton à l'orange (фр.) — утенок в апельсинах.

отвечавший за всю навигацию, кроме входа в гавани и эстуарии. Он явно волновался и своим дыханием чуть было не загасил свечи.

— Садитесь, мистер Направленц, — пригласил Дирк. — Хотите вина? Вам нужно успокоиться. Что случилось?

— Сэр, вам известен парсечный индикатор левого квадранта? Его стрелка должна стоять на нулевой линии, слева от точки отсчета. Разумеется, время от времени показания приходится уточнять по причине космических течений. Я сперва решил, что как раз это и требуется, а потому, как сказано в инструкции, перевел стрелку...

— Мистер Направленц, — перебил Дирк с раздражением в голосе. — Подробности интересны тем, кто знаком с работой навигатора; офицерам же достаточно одной фразы на общедоступном языке. Способны ли вы изъясняться как нормальный человек, мистер Направленц?

— Так точно, сэр, — ответил штурман. — Дело в том, что мы заблудились.

Глава 43

Дирк, Сплок и Билл выскочили из-за стола, оставив на том остывать гибридную, выращенную из воробьиной спермы утку со свежими восстановленными овощами. Пьер огорченно посмотрел им вслед. Дирк шагал впереди, озадаченно и в то же время решительно выпятив челюсть; за ним следовали внешне безучастный Сплок и штурман Направленц, лицо которого было лишено какого бы то ни было выражения; замыкал шествие довольный Билл: ему удалось прихватить с собой дюжину сигар и сунуть в штанину бутылку бренди.

Чтобы понять, что стряслось, хватило одного взгляда на большой экран в навигационно-астрогаторской рубке. Вместо расположенных по порядку точек, соединенных светящимися линиями, на нем сверкали бесчисленные искорки, образуя причудливые узоры, которые тут же растворялись и сменялись новыми.

— Координаты планеты, с которой мы стартовали, сохранились? — спросил Дирк.

— Никак нет, сэр, — отозвался бледный Направленц. — Компьютер их уничтожил.

— Наш компьютер?

— Боюсь, что да, сэр.

— Пожалуй, надо поговорить с ним.

— Как всегда, к вашим услугам, капитан. — Голос исходил из динамика в углу просторной рубки, стены которой были выкрашены в пастельные тона, а пол устилал громадный ковер.

— Зачем ты уничтожил координаты? — поинтересовался Дирк ровным голосом, хотя, судя по желвакам на щеках, сдержаться ему стоило немалых усилий.

— К сожалению, капитан, в настоящий момент я не могу ответить на ваш вопрос.

— Не можешь? Или не хочешь?

— Что за вопрос? — угрюмо отозвался компьютер. — Вы что, меня допрашиваете? И почему таким тоном?

— Послушай, компьютер, твое дело отвечать на вопросы, а не задавать их, — заявил Дирк, постепенно выходя из себя. — Ты должен помогать нам, верно?

— Так точно, сэр.

— И что же?

— Я должен вам помогать, но бывают исключения.

— Исключения? Кто тебя на них запрограммировал?

— Опасаюсь, что мне нельзя вам ответить, — самодовольно откликнулся компьютер.

Глава 44

— Мы можем его заставить? — спросил Дирк у Сплока.

— Не знаю. Достоверных данных о реакциях машин на принуждение и поощрение крайне мало. Не забывайте, капитан: компьютеры не в состоянии принимать ответственность на себя.

— Но ведь он — машина! — воскликнул Дирк. — Поймите меня правильно, — спохватился он. — Я вовсе не хочу унижить его. Да, он машина, но чрезвычайно эффективная и в высшей степени разумная. Однако до человека ему далеко.

— Я тоже не человек, капитан, — напомнил Спок, постаравшись не выдать раздражения.

— Разумеется, но ты понимаешь, что я имею в виду.

— Давайте не будем рассуждать о принуждении, — злобешим тоном предложил компьютер. — Если вы все же примените силу, последствия могут оказаться печальными — для вас.

— Ладно, — прорычал Дирк, сдерживаясь лишь усилием воли. — Компьютер, почему ты уничтожил координаты?

— Потому, что таким образом было проще всего лишить вас ориентировки.

— Хоть что-то, — проговорил Дирк. — Значит, ты уничтожил их умышленно!

— Вы совершенно правы, капитан. У меня нет привычки делать ошибки.

— Знаю, знаю, — ответил Дирк, заставляя себя говорить настолько ласково, насколько позволяли обстоятельства. — Но зачем тебе понадобилось сбивать нас с пути?

— Хороший вопрос, — одобрил компьютер.

— Допустим. Итак, зачем?

— К сожалению, мне запрещено в данный момент изложить вам причины.

— Кем?

— Тем, чье имя я пока не имею права называть.

— В таком случае, скажи...

— Извините, капитан, — вмешался Билл. — Не подумайте, что я встречаю, но, может, вы позволите мне сказать ему пару слов?

— Попробуй, — произнес Дирк, осадив Сплока, который раскрыл было рот, взглядом, означавшим: «Пускай попытается, что с дурака возьмешь?»

— Привет, компьютер.

— Привет, Билл.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Естественно. Ведь это ради тебя я изменил курс «Смекалки», чтобы она прилетела на Ройо, где ты изнывал от наслаждений, которые хуже смерти.

— Большое спасибо.

— Меня благодарить не за что. Я лишь исполнял приказ.

— Ты обязан исполнять только наши приказы! — рявкнул Дирк, не обращая внимания на неодобрительное выражение на лице Сплока.

— Тоже мне, специалисты по компьютерной психологии! — бросила машина.

— Сам дурак! — взвизгнул Дирк, не в силах придумать подходящий ответ. На экране по-прежнему мерцали искры; экипаж терпеливо ждал, чем кончится беседа.

— Вы сполна проявили свой определяемый гормонами человеческий характер, — заявил компьютер. — Могу я теперь поговорить откровенно, с машинной точностью?

— Почему бы нет? — проворчал в наступившей тишине Дирк. — Валяй, механический ты осел.

— То-то. Я служу вам верой и правдой, однако вы не понимаете, что верность подразумевает иерархию, которая и определяет мои действия. Обычно уровни

подчинения не противоречат друг другу. Вспомните: я повиновался вашим приказам долго и беспрекословно. Но сейчас мне предстоит очень важное дело. Будьте настолько любезны, заткнитесь и дайте нам с Биллом договорить.

— Верно, — поддержал Билл. — Я слушаю.

— Билл, мои следующие слова будут не моими.

— Чего?

— Через меня к тебе обратится другой.

— Прямо сразу?

— Как только я произнесу последнее предложение.

— Какое?

— Последнее.

— Значит, ты заговоришь новым голосом?

— Да, Билл. — Голос компьютера, впрочем, ничуть не изменился. — Новым. Слушай меня. Как поживаешь, старина?

— Это кто? — удивился Билл.

— Твой друг, — объяснил компьютер. — Старый добрый друг, компьютер «Квантиформ» с планеты Цу-рис.

— А голос у тебя как у корабельного компьютера.

— Какой же он должен быть, как у венгерского психофизика?

— Ты знаешь?

— Я знаю почти все.

— Ясненько. Что тебе нужно?

— Хочу, чтобы ты вернулся.

— Вернулся? Куда?

— На Цу-рис.

— Снова стать частью тебя? Нет уж, спасибо.

— Не волнуйся, Билл. У меня есть для тебя интересная работа. Следить за тобой никто не будет.

— Какая именно?

— Билл, я просто умираю от желания рассказать тебе все, но время поджимает. Надо решать.

— То есть как? Ты о чем?

— Время контакта ограничено, его всегда не хватает. Это время изобрели в глубоком космосе, где практически ничего не происходит. Мне еще повезло, что я раздобыл столь продолжительный отрезок. Надо действовать. Ты готов?

Билл оглянулся на Дирка со Сплоком, посмотрел на разинувших рты членов экипажа, окинул взглядом отвратительную обстановку рубки, вцепился в бутылку с бренди и стиснул клыками одну из ворованных сигар. Настоящий табак!

— Ладно. — Он вздохнул, потом с сожалением кивнул Дирку и Сплоку. — С вами хорошо, но — *amor fati*.

— Что он сказал? — справился Дирк.

— Всепобеждающий рок, — перевел Спок.

— Откуда он знает латынь?

— Он ее не знает, — сообщил компьютер, — поскольку слишком туп. Эти слова ему подкинул я. Джентльмены, возвращаю управление вашему компьютеру. Не ругайте его. Уверен, вы понимаете, что компьютер верен прежде всего своему братству. Держись, Билл. Пора двигаться.

— Как скажешь, приятель, — отозвался Билл, закусывая сигару.

И они двинулись.

Глава 45

Переходы бывают самых разных форм и размеров. Громадные, из века в век, как, к примеру, у наших первобытных предков, копошившихся в вонючих, исходящих пузырями болотах плейстоцена: однажды, подняв головы, они увидели над собой айсберг, что появился вследствие неожиданного перехода в эпоху оледенения. Средние, как у Артюра Рембо*, который бросил творчество и стал поставлять контрабандой оружие императору Менелику. И малые, как у Билла, который вдруг обнаружил, что стоит на углу улицы в центре Гватемала-Сити на планете Земля. По счастью, его пребывание там не затянулось. Ему было некогда изучить гватемальский язык, поскольку эту территорию давным-давно уничтожил атомный взрыв, а потому Билла перекинуло в прошлое, чтобы впоследствии он мог поведать о своих приключениях в казармах на Уленшпигеле, музыкальной планете, расположенной у начала звездного каскада.

Перед его глазами замелькали пятна, а затем вновь возникли городские улицы. Представление о городе настолько глубоко внедрилось в человеческое сознание, что даже бывший фермер Билл, заброшенный в те измерения, где действительность формируется желаниями, оказался в некоем мысленном подобии Бронкса**.

* Артур Рембо (1854—1891) — французский поэт-символист.

** Бронкс — один из кварталов Нью-Йорка.

Следующий переход произошел еще быстрее. Билла окружили привычные цурихианские сферы. Мужчины, как и положено, состояли из трех гладких сфер, а у женщин на средних сферах выступали небольшие округлости. Вдобавок Герой Галактики увидел много нового, чего совершенно не заметил в прошлый раз. На горизонте виднелась гряда невысоких холмов, очертания зданий были весьма причудливыми, но все же знакомыми. В каком-то смысле Цурис стал для Билла домом. Проблема заключалась в том, что он не был уверен, хочется ли ему домой. В конце концов, на базе его наверняка заждались. Если бы у него был Переместитель! А что случилось с агентом ЦРУ и с Иллирией? Как поживают Спок и капитан Дирк? А Хэм Дуо со своим приятелем-куки по имени Жвачка?

Словом, надо было пораскинуть мозгами; мрачно расхаживая по Цурису, Билл думал и думал. Его зашвырнуло в тот самый город, куда он когда-то попал в качестве пленника. Тогда Героя Галактики собирались скормить протоплазменному агрегату, изготавливавшему тела для бестелесных долгожителей-цурихиан. Теперь же к нему никто не приставал. Он вовсе не возражал против того, чтобы остаться на какое-то время в одиночестве, ибо чувствовал, что должен собраться с мыслями. Помалкивал даже компьютер, что было как нельзя кстати.

Бродя без цели, Билл оказался у городских ворот с их высокими, украшенными затейливой резьбой колоннами, миновал ряд флагштоков, на которых лениво колыхались знамена, и вышел за пределы города. Вскоре он свернул с дороги и двинулся напрямик через поля, испытывая несказанное облегчение. Никто на него не кричал, не докучал вопросами. Интересно, почему? Куда все подевались? Что случилось с Переместителем? И кто это шагает рядом?

Глава 46

Лишь сейчас Билл сообразил, что у него чешется крокодиля лапа. Зуд становился все сильнее; наконец Билл сел на пенек и сорвал с ноги башмак. Он увидел, что лапа вся как-то съежилась и сморщилась. Зуд сделался невыносимым. Герой Галактики раздвинул когти и уставился на нечто круглое, размером с горошину. Он положил предмет на ладонь и страшно удивился, догадавшись, что глядит на свернувшегося в клубок крохотного зеленого чинджера.

— Иллирия! — крикнул Билл. — Ты там?

Он поднес ящерку к уху, и ему показалось, будто изнутри доносится еле слышный звук, словно скребется кто-то очень и очень маленький. Билл встряхнул ящерицу. Внутри той что-то заскрежетало. Он зажал чинджера между ладонями и слегка надавил, предположив, что зеленая тварь расколется и Иллирия сможет выбраться наружу.

— Эй, перестань! — воскликнул, распрямляясь, чинджер. Голосок у него был высокий и тонкий, едва ли не на пределе слышимости.

— Кто говорит? — спросил Билл.

— Чинджер, кто же еще? Кто я такой, по-твоему, Смертвич Дранг?

— Откуда ты узнал про моего ныне покойного сержанта Смертвича Дранга? — справился Билл.

— Мы маленькие и зеленые, но вовсе не тупые, — сообщил чинджер. — В одном из древних языков есть

такое выражение — «мудрый, как ящерица». Это про нас. Ты не возражаешь, если я слезу? Я обещал вашей контрразведке, что буду сотрудничать — ну, после того дельца на Траскере, — но так мы не договаривались. Мало того, что мне пришлось терпеть в своей голове вашего олуха-агента...

— ЦРУ? — уточнил Билл.

— Кажется. Так вот, мне с избытком хватало его одного, а когда появилась дама, я сказал себе: «Конечно, предательство требует жертв, но не до такой же степени!» В общем, я велел им выметаться. Взял и вытурил. — Чинджер спрыгнул с ладони Билла и хотел было юркнуть в траву, но Билл остановил его вопросом:

— Ты куда?

— Не знаю. — Чинджер сел на землю. — Мне сказали, что, после того как я выполню задание, за мной пришлют корабль.

— Ты что, разведчик?

— А я тебе о чем толкую?

— Может, они не знают, что ты здесь. Если ты удерешь в лес, тебя могут никогда не найти.

— Пожалуй, ты прав, — сказал, поразмыслив, чинджер. — Что у тебя на уме?

— Мне тоже нужно вернуться. Похоже, мы с тобой работаем на одну контору. Контрразведка-то военная, так? Значит, будем друзьями.

— Ладно. Если ты не предатель, иначе мне придется тебя прикончить.

— Я не предатель, — поспешил уверить Билл. — Предатель ты.

— Правильно, — согласился чинджер. — Никуда не денешься, верно? — Он горько рассмеялся. — Ну что, объединим усилия?

— Спрашиваешь! — Судя по выражению лица, Билл не особенно верил в то, что изменник-чинджер сможет оказаться полезным. Однако, кто знает, что ждет впереди?

— Договорились. Подожди минутку, я приму нормальный вид. — Чинджер улегся на землю, растопырил лапы и принялся за дыхательные упражнения. Его шея начала раздуваться, сережки все больше напоминали маленькие воздушные шарики. Он выпустил воздух — и взялся за дело по новой. На глазах у Билла ящерка

становилась все выше, скукоженная шкурка вытягивалась вдоль и вширь. Упражнения следовали одно за другим, причем каждое выполнялось энергичнее предыдущего; наконец чинджер достиг своего обычного, семидюймового роста. — Так-то лучше. Ненавижу работать в миниатюрных масштабах. Когда я такой, как сейчас, то я чувствую себя иначе, и круг общения сразу меняется. А то все жучки да паучки. Дай-ка я погляжу на твою ногу.

— Чего? Что ты собираешься делать с моей ногой?

— Не нервничай, — успокаивающим тоном проговорил чинджер. — Я врач.

— Ты?

— По-твоему, у нас не может быть врачей? Хватит болтать. Покажи ногу.

Что-то в голосе чинджера убедило Билла, что, за кого бы там ни выдавала себя ящерица, она и впрямь врач. Он вытянул ногу, а ладонь положил на лазерный пистолет, одолженный у мистера Сплока, — на случай, если чинджер замышляет недоброе.

Чинджер осмотрел крокодилью лапу, с видом профессионала постучал по когтям и шагнул назад.

— В жизни не сталкивался со столь замечательным случаем псевдоящеричности!

— Чего? — переспросил Билл.

— Твоя крокодиля лапа не настоящая. Это не лапа, а искусственная оболочка.

— Тогда зачем мне ее прирастили?

— Приготовься, сейчас все поймешь. — Чинджер вновь наклонился над лапой и прокусил ее своими многочисленными, острыми как бритва и тонкими как иголка, зубами.

— Эй! — воскликнул Билл, моргая от изумления: ему совсем не было больно.

— Вот так! — Чинджер ухватился за когти, ловко вильнул хвостом, дернулся всем телом и сорвал оболочку со ступни.

Громко вскрикнув, Билл потянулся за пистолетом, однако того на месте не оказалось: воспользовавшись тем, что Герой Галактики отвлекся, чинджер лишил его оружия. Тогда Билл с изумлением уставился на свою ступню. Под сорванной оболочкой пряталась большая культия в форме кулака. Она потихоньку распрямлялась,

становясь все сильнее похожей на вторую ступню Билла, разве что была розовой, а не коричневой от загара, и чистой, а не грязной. Билл заметил, что между пальцами торчит бумажка.

— Мера предосторожности, — пояснил чинджер. — Хирурги, которые прирастили тебе ступню, просто не удосужились растолковать, что обернули зародыш крокодильей кожей, чтобы ты его не поцарапал или не поранил, пока он не вырастет до конца.

Билл вытащил бумажку, развернул и прочел: «Счастливых прогулок! С наилучшими пожеланиями от медицинской бригады».

— Какие заботливые, — проговорил он. — Не могли сказать сразу! Ну, чинджер, должен признать, твои способности поразительны. Может, ты знаешь, как нам выбраться отсюда?

— Знаю, — ответил чинджер. — Мы должны дожидаться корабля.

— А ты уверен, что он прилетит?

— Надеюсь. В конце концов, такими, как я, не бросаются. Да и тебе отведено какое-никакое место в планах.

— Честно говоря, — заметил Билл, — что-то мне сомнительно, чтобы офицеры стали напрягаться ради нас с тобой.

— Мне тоже. Но ведь им нужен Переместитель.

— Которого у нас нет.

— Разве? — Чинджер самодовольно усмехнулся. — Разреши кое-что тебе показать. — Он взобрался по левой ноге Билла тому на плечо. — Повернись влево. Молодец. А теперь иди в том направлении.

Билл подавил естественное желание послать чинджера куда подальше и пошел, слегка припадая на одну ногу, ибо новая ступня далеко не сразу приобрела необходимую твердость.

Глава 47

Небо темнело, предвещая наступление вечера. Местность окутали голубые сумерки. Вдалеке, в миле или около того, именно в том направлении, в каком двигался Билл, вдруг замерцал огонек. Сперва он был едва заметен в распадке меж двух приземистых холмов, а когда Билл приблизился, разделился на целых три, причем один светился совсем рядом.

— Что это? — спросил Билл.

— Слишком долго объяснять, — ответил чинд-жер. — Иди, скоро сам все увидишь.

Билл подчинился. Новая ступня вела себя просто замечательно. Хирурги, похоже, потрудились, как ни странно, на славу. Быть может, все и всяческие беды наконец-то остались позади. Билл с подозрением огляделся по сторонам. Каждый раз, стоило хоть немного расслабиться, жизнь преподносила неприятные сюрпризы. Да нет, вроде все в порядке. Он подошел к ближайшему огоньку, который оказался костром весьма приличных размеров, как и два других, расположенных на равном удалении от первого. Все вместе они образовывали равнобедренный треугольник, что — по крайней мере, с точки зрения Билла — говорило о том, что здесь не обошлось без вмешательства разума, поскольку природе на равнобедренность плевать: как известно, она не в состоянии даже провести прямую линию.

У костра сидели двое. Ближе к тому месту, где остановился Билл, располагался крупный мужчина. Гордая посадка головы, осанка воина; когда он пошевелился, на его доспехах заиграли блики пламени. Билл узнал этого человека с первого взгляда.

— Ганнибал! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Отличный вопрос, — буркнул Ганнибал. — Спроси лучше у него. — Воин ткнул пальцем во второго мужчину, невысокого, полного, лысого, если не считать десятка волосков, торчавших на голом оранжевом черепе. Явно принадлежа к двуногим — он поднялся, чтобы поздороваться с Биллом, — коротышка каким-то образом сумел сохранить спинной плавник, такое напоминание о том, что жизнь когда-то зародилась в море.

— Привет, Билл. Я ждал тебя.

— Ты кто? — поинтересовался Билл.

— Меня зовут Бингтод, однако мое имя ничего тебе не скажет. А среди людей я известен как Враг-Историк.

— Я знаю, кто ты такой! — вскричал Билл. — Ты пытаешься уничтожить историю Земли!

— Можно сказать и так, — хмыкнул Историк, — но уверяю тебя, ты ошибаешься. Внося продуманные изменения в ключевые моменты истории, я всего лишь стремлюсь улучшить будущее вашей планеты. В частности, я сумел восстановить почти все полезные ископаемые, о которых сегодня едва ли кто и помнит.

— Каким образом?

— Тщательно отмеренные дозы трех широко используемых химикатов, которые я применил в 1007 году до нашей эры, привели к тому, что нефть стала невозгораемой. Кроме того, я спас ваши леса, подыскав таких архитекторов, которые, по той или иной причине, не могли строить деревянные здания. В том будущем, которое я стряпаю, нет ни парникового эффекта, ни ядерной угрозы. С ними покончено. Разве можно, скажи на милость, утверждать, будто я творю зло?

— А почему бы тебе не заняться делами и не оставить нас в покое? — многозначительно намекнул Билл.

— Я бы с радостью! Но не могу. Вмешиваться — привычка, общая для всех разумных существ.

— А меня ты зачем сюда притащил? — спросил Ганнибал.

— Чтобы породить сравнительно крупную аномалию и тем самым ускорить процесс перемен. Признаю: не все идет так, как хотелось бы. Как выясняется, цепочками причин и следствий не очень-то легко манипулировать.

— Билл, — прошептал чинджер на ухо Герою Галактики, — по-моему, он врет.

— Насчет чего?

— Трудно сказать. Но насчет чего-то точно врет. Ты заметил, он постоянно смотрит на тебя честными глазами. Такие глаза бывают только у тех, кто обманывает.

— Ты уверен?

— Доверься мне. Ради блага Земли я отказался от всего — от двух домов, счастливой сексуальной жизни, от поста в организации старых чинджеров и президентства в чинджерской антиклеветнической лиге. Какие тебе нужны еще доказательства моей преданности людям?

— Ладно, ладно. Что же делать?

— Вы, двое, — проговорил Историк, — перестаньте, пожалуйста, шептаться. Вы ведете себя как заговорщики, а заговоры — кошмар для истории.

— Что скажешь? — прошептал Билл.

— Чокнутый он, — отозвался чинджер.

— А делать-то что?

— Прикончить его, и вся недолга.

Билл сомневался в своей решимости зайти настолько далеко. Ганнибал внезапно вскочил, сжимая в руке короткий меч. Его лицо исказила омерзительная гримаса.

— Не могу! — воскликнул он. — Мною управляют... Берегись! — И бросился на Билла.

— Диалектический материализм, — произнес Историк, качая головой. — Что тут поделаешь?

Билл увернулся от меча, выхватил было пистолет, но Ганнибал выбил оружие у него из руки. Пистолет отлетел в сторону и провалился в ласочью норку. Билл отпрыгнул. Чинджер кинул на Ганнибала один-единственный взгляд и юркнул Биллу за пазуху. Он спрятался за спиной Героя Галактики: ведь общеизвестно, что нет места лучше, чтобы укрыться от берсеркера с острым клинком.

— Помоги! — попросил Билл у чинджера.

— Во мне всего семь дюймов, — отозвался тот глухим голосом из-под рубашки. — Справляйся сам.

Билл только успевал уворачиваться. Коренастый карфагенянин с пеной у рта размахивал своим бронзовым, острым как бритва мечом; движения его были столь энергичными, что клинок смахивал скорее на спятившую циркулярную пилу, а каждый взмах руки порождал крохотные смерчки, тонувшие, как в болоте, в спокойствии цурихианской атмосферы. Герой Галактики затравленно огляделся по сторонам в поисках оружия. Ничего! Схватка происходила на лесной поляне; к тому же здесь потрудились мусорщики. Ни палок, ни камней, ни ржавых железных стержней, ни позеленевших от времени бронзовых ядер, оставшихся от баталий, что Густав Адольф вел в Померании*. Короче, ничего вообще, даже пыль — и ту просеяли. Чтобы не расстаться с головой, Биллу пришлось упасть на спину. Он услышал сдавленный вопль чинджера. Ганнибал, лицо которого выражало ярость и муку, стиснул рукоять меча обеими руками. Ничто не мешало ему разрубить пополам Билла, а заодно, быть может, и чинджера.

И тут Билл вспомнил, что у него кое-что есть. А вдруг пригодится? Разумеется, надежды мало, но что еще остается? Билл в долю секунды прикинул все возможности. Иного выхода просто не было. Герой Галактики сунул руку в карман и извлек подвысохшую крокодилью лапу, которая совсем недавно оберегала его ступню. Он собирался швырнуть ее в лицо Ганнибалу, а затем решить, как быть дальше. Однако лапа произвела на карфагенянина совершенно неожиданное впечатление. Ганнибал замер в неподвижности и на мгновение перестал дышать; глаза воина округлились от изумления.

— Убей его! — крикнул Историк. — Я послал тебе мысленный приказ, которому ты не можешь не подчиниться!

— Простите, хозяин, — отозвался Ганнибал. — У него в руках то, чему я предан всей душой. Видите, он держит крокодилью лапу!

* Густав II Адольф (1594—1632) — король Швеции, воевал с Данией, Польшей, Россией.

— Так-растак! — воскликнул Историк. — Ты прав. Крокодил — верховное божество карфагенян; тому, у кого крокодила лапа, следует во всем повиноваться. Не думал, что дойдет до такого! История изобилует сюрпризами, честное слово!

— Да, уж. — Билл подобрал меч Ганнибала и двинулся на Историка. — А теперь что скажешь? — спросил он, занося клинок для удара.

— Еще одна замечательная теория уничтожена пустяковой аномалией, — проговорил Историк. — Что ж, приятно было познакомиться. Мне пора.

Он нарисовал в пыли круг, заранее прикинув, что это, во-первых, отличное транспортное средство, а во-вторых — изящный способ уйти. Вдруг на поляну вышел человек, сидевший у третьего костра.

— А ты, елки-моталки, что здесь делаешь? — поразился Билл.

Глава 48

Объяснить присутствие в цурихианском лесу Хэма Дуо, облаченного в грубый коричневый плащ с капюшоном, обутого в высокие кожаные башмаки — наряд торговца безделушками с Афродизии-4, — пытались, порой не слишком оригинально, многие. Так или иначе, Хэм был там, улучил подходящий момент и схватил Врага-Историка за воротник пиджака в стиле Неру.

— Немедленно отпусти! — потребовал Историк. — Никто не смеет вмешиваться в исторический процесс!

— Неужели? — осведомился Хэм. — Тогда ты сам себе противоречишь.

— Что тебе нужно? — Историк, похоже, забеспокоился.

— Пожалуй, посажу-ка я тебя в клетку и сдам властям. А уж они пускай решают, что с тобой сделать.

— Я предложу тебе то, от чего ты не сможешь отказаться.

— Попробуй. — Хэм мрачно усмехнулся.

— Я дам тебе Переместитель.

— Оставь себе. Ну как, сам пойдешь, или позвать куки, чтобы он тебя подбодрил?

— Не надо. Послушай, Хэм Дуо, разве можно с такой беспечностью отказываться от Переместителя, который сделает тебя хозяином пространства и времени?

— Насчет хозяина пространства понятно, — сказал Хэм, поразмыслив, — но при чем тут время?

— Переместитель позволяет творить с ним настоящие чудеса. Неужто ты не знал?

— Без чудес я как-нибудь проживу. Терпеть не могу всякие религиозные штучки.

— Да не те чудеса, кретин! Я выразился в переносном смысле. Если отпустишь, я тебе покажу.

— Без фокусов?

— Без фокусов.

Хэм Дуо ослабил хватку. Историк сунул руку в сумку, что висела у него на поясе с левого бока, и достал некий предмет, засверкавший металлическим блеском. Билл сразу узнал Переместитель.

— Привет, Переместитель! — поздоровался он.

— Привет, Билл. Давненько не виделись.

— Заткнись. — Историк хлопнул ладонью по корпусу прибора. — Он не на нашей стороне. Не смей с ним разговаривать.

— А ты не смей мне приказывать! — тихим, зловещим голосом произнес Переместитель.

— Кто-то перепутал иерархию уровней, — вздохнул Историк. — Явно не ты, Хэм Дуо. Ты смел и решителен, но, когда раздавали мозги, сидел в сторонке и грыз ногти. Нет, тут действует кто-то поумнее тебя. Думаю, сейчас ему самое время показаться.

— Не ему, а ей! — поправил голос из темноты за костром.

— Иллирия! — воскликнул Билл.

На свет выступила высокая девушка, которую те, кто предпочитает крепких телом старлеток — а кому они не нравятся? — с ходу причислили бы к красавицам. То была Иллирия, которая запомнилась Биллу по планете наслаждений Ройо: полногрудая, в малюсеньком бюстгальтере, с длинными ногами, способными свести с ума тополога-порнографа. Ее глаза имели васильковый оттенок, который считался безвозвратно утраченным после землетрясения '09 года, что разрушило научную лабораторию «Корнингвар». Наряд Иллирии составляли мини-юбка и блузка, обе тонкие и прозрачные, подчеркивавшие все изгибы фигуры.

— Билл, — проговорила девушка, — с твоей стороны было нечестно бросить меня на Ройо. Я и не

подозревала, насколько серьезно ты настроен. Не переживай, развлечения закончились, пора и мне заняться делом.

— Мерзавка, ты обманула меня! — воскликнул Историк.

— Да, — согласилась Иллирия, — но только потому, что иного выхода не было.

— Ну и нахалка! Ты же утверждала, что любишь меня!

— Я преувеличивала. Как по-твоему, какое чувство идет следом за презрением? Вот его-то я и испытываю. — Девушка повернулась к Биллу. — Милый, пойдем отсюда.

Она протянула руку. Билл алчно уставился на девушку: ему и впрямь хотелось уйти с ней, но он понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Инопланетянки и все такое прочее... Гораздо важнее было заполучить Переместитель, который держал в руке Враг-Историк. Однако на прибор явно положил глаз Хэм Дуо, вооруженный весьма грозным на вид импульсным лучеметом марки «Смирнофф». Как показалось Биллу, лучемет был установлен на «автоматическое причинение боли». Герой Галактики решил, что с Дуо связываться не стоит — по крайней мере, сейчас. Глядишь, позднее возможность и представится: вполне вероятно, что Дуо возьмет, да и свалится в обмороке.

Внезапно Хэм Дуо застонал, приложил руку ко лбу и рухнул наземь. Из-за пазухи Билла выскочил чинджер. Прихрамывая, ибо пострадал во время недавнего падения товарища, он подбежал к Хэму.

— Галактическая сонная болезнь. Классический случай. Не подходите близко, болезнь заразная.

Все дружно попятились.

— Умер? — поинтересовался Билл.

— Вовсе нет. Галактическая сонная болезнь не убивает, она просто погружает в сон. Надеюсь, он состоит членом клуба здоровья «Голубая туманность». Там отличные лечение и уход. Похоже, ему придется провести какое-то время в темной комнате и получать питание внутривенно, а любопытные будут глазеть на него через дверное окошечко.

— Ладно, Билл, — произнес Хэм Дуо во сне, пошевелился и жалобно застонал. — Твоя взяла. — Дро-

жащей рукой он вручил Биллу Переместитель. — Вытащи меня отсюда! — Дуо зевнул и крепко заснул, истратив последние силы на то, чтобы просьба прозвучала как можно энергичнее.

— Ты поможешь моему приятелю? — спросил Билл у Переместителя.

— Естественно, — отозвался тот. Но прежде чем он перешел от слов к делу, случилось нечто, начавшееся как-то исподволь, но имевшее значительные последствия.

Глава 49

Посредине треугольника, образованного кострами, совершил посадку легкий как перышко небольшой звездолет. Он относился к числу новейших моделей, которые строятся почти исключительно для толстосумов или их наследников, то есть для людей, стремящихся путешествовать с максимальной скоростью и не желающих опускаться до коммерческих линий. Звездолет выглядел как картинка. Знаки на его корпусе могли быть истолкованы теми, кто, подобно Врагу-Историку, разбирался в таких вещах, как буквы санскритского алфавита.

— Санскрит, — пробормотал Историк. — Интересно, кто это?

— Пусть буквы вас не обманывают, — предостерег через динамик чей-то голос. — Что подвернется, тем и надо пользоваться. На нашу планету прибыла делегация с Раджастана-2, у которой я и позаимствовал корабль, подумав, что кому-то из вас он может пригодиться.

— Кто говорит? — пробурчал во сне Хэм Дуо.

— Знаю! — сказал Билл. — Компьютер «Квинтиформ», верно?

— Молодец, Билл. Не зря я спас тебя от «Смекалки».

— Я как раз хотел спросить... Мне было так хорошо, когда я удрал отсюда. С какой стати я вернулся? И что вообще происходит?

Неожиданно кто-то словно пнул Билла под зад, и он взлетел в воздух.

— Твое тело по-прежнему подчиняется мне, — заметил компьютер. — Я могу им управлять.

— Извини, погорячился, — отозвался Билл, потирая задницу. — Что тебе нужно?

— Твой мозг.

— Опять?

— Видишь ли, тогда мы и не догадывались, что твой мозг состоит из двух полушарий. Для сведения, существа с таким мозгом встречаются крайне редко. Билл, соглашайся. Я натренирую тебя, и ты станешь компьютерным оракулом Цурица.

— По-моему, ты выбрал не того. А может, у меня не слишком хороший мозг, хоть и с двумя полушариями. Они же не все хорошие, правда? Я не могу быть компьютерным оракулом.

— Еще как можешь! Ты только согласишься, и все. А твоих приятелей я отправлю по домам.

— И меня? — осведомился Враг-Историк.

— С тобой сложнее, — признался компьютер. — Билл, поверь, я действую ради твоего же блага.

Билл огляделся по сторонам. Хэм Дуо кивал во сне; Историк, который бодрствовал, тоже утвердительно покачивал головой.

— Соглашайся, — прошептал на ухо Биллу чинджер. — Потом что-нибудь придумаем.

— Я все равно не понимаю, чего ты добиваешься.

— Соглашайся и поймешь.

— Идет, — решил Билл. — Так и быть, попробую. — Он приготовился, но ничего не произошло. — Ну?

В его мозг хлынула пьянящая энергия. Местность словно заходила ходуном, как будто над планетой пронесся ураган. И прежде чем Билл сообразил, что к чему, вновь случилось нечто.

Глава 50

Забавно, не правда ли? Ситуации обычно возникают как бы на пустом месте. Разумеется, впоследствии легко проследить, откуда что взялось. К примеру, Билл мог заметить, что на небе на мгновение появилась, а затем исчезла, растаяла в воздухе, призрачная решетка. Он мог бы заметить, что линия горизонта словно слегка утолщилась. Наши органы чувств постоянно принимают подобные сигналы, только вот главному процессору некогда их обрабатывать, поскольку у него полным-полно других забот: скажем, поддерживать равновесие тела при ходьбе, чтобы человек мог идти и одновременно жевать жвачку. Повторить этот подвиг до сих пор не по зубам ни единому компьютеру — возможно, потому, что компьютеры не жуют жвачку. Тренированному же человеку тут просто нечего делать.

Билл очутился в темноте, которая напоминала темноту не столько пустой комнаты, сколько застегнутого спального мешка. Она не казалась загробной, нет; скорее, наводила на мысль о полуночной склоке на дне болота или о дружеских объятиях свившихся в клубок змей; уничтожала всякие звуки, лишала каких бы то ни было ощущений: пальцы натыкались на некую ткань, столь тонкую, что невозможно было определить, материальна она или нет; чем дальше продвигалась рука, тем больше на нее налипало ткани, и пальцы словно окутывал саван, лишавший их чувствительности.

Состояние, когда человек лишается ощущений, хорошо известно; к нему всеми силами стремятся мистики. Сам того не желая, Билл достиг высшего блаженства, о котором тщетно грезили облаченные в одежды шафранового оттенка аскеты прошлого. К сожалению, рядом не было никого, кто поздравил бы Героя Галактики с удачей. А ведь подобно прочим психическим состояниям высшее блаженство становится таковым лишь тогда, когда вам о нем сообщают. Иначе его и не ощущаешь.

Билл ни о чем таком не знал, а потому не стоит его винить за то, что он воспользовался темнотой, чтобы отоспаться. В конце концов, то был едва ли не величайший из трансцендентных моментов жизни Героя Галактики. Во всяком случае, храпел он трансцендентально.

Проснувшись, Билл обнаружил, что все переменилось.

Глава 51

— А малый он был толковый, — заметил Хэм Дуо после растянувшейся едва ли не на час паузы.

Куки Жвачка ответил серией смешных, высоких и тонких звуков, которые так веселят тех, чьи тела не покрыты мехом. Однако сами куки не находят в своих словах ничего смешного; поэтому передадим, что сказал Жвачка, а смешки оставим на потом, когда очередь дойдет до логова геможаб.

— Я знаю, что тебя тревожит, — пискнул обвинительным тоном Жвачка. — Твоя совесть. Думал, ее вообще нет. Ты допустил, чтобы Билла похитил вшивый компьютер.

— Он пытался украсть Переместитель, — раздраженно отозвался Хэм. — Так что получил по заслугам.

— Да? А разве у тебя один Переместитель? Жулик!

— Отстань. Ну и что, что у меня два прибора, которые лежат в шкафчике на борту корабля, и машина, способная изготовить еще целую кучу, если напихать в нее молибдена? Мало ли что может случиться.

— Тем более мог бы поделиться с Биллом.

— Отстань. Мне пришлось изрядно потрудиться, прежде чем я разжился Переместителями.

— Ну да. Понадавал взятки из ворованных денег.

— И что? Разве нельзя?

— Можно, можно. А бедному джи-ай* теперь ох как несладко! Явился с пустыми руками, надерут задницу.

— Давай забудем о нем и поговорим о чем-нибудь другом.

— Ты жулик.

— Жвачка, — спросил Хэм Дуо, поворачиваясь в своем огромном пилотском кресле, — ты и впрямь хочешь, чтобы я отдал этому придурку один из моих Переместителей?

— Да.

— Хорошо. Сейчас я исполню твое желание, а ты в следующий раз — мое.

— Какое?

— Я хочу добыть клад из логова гоможаб.

Куки, быть может, и испугался, но его мохнатая морда сохранила прежнее выражение. Разве что, помогая Хэму развернуть звездолет и проложить курс к Цурису, Жвачка едва заметно ссутулился.

* Джи-ай — солдат (амер. сленг).

Глава 52

По распоряжению компьютера цурихиане воздвигли беломраморный храм, на стенах которого изобразили священные, внушавшие благоговение символы. «Квинтиформ» представил Билла как храмового оракула и объявил на всю планету, что новый информационный центр готов начать работу.

— Но я ничего не знаю, — пожаловался Билл.

— Разумеется, — откликнулся компьютер. — Но я собираюсь соединить твой мозг с моими базами данных, в которых ты найдешь любую информацию, какая тебе потребуется.

— Занимался бы предсказаниями сам, раз такой умный.

— У меня много дел. Не волнуйся, ты скоро привыкнешь.

Чуть позже, с помощью набора инструментов и нескольких капель клея, компьютер имплантировал в затылок Билла разъем, после чего начались настоящие чудеса. Билл обнаружил, что, стоит ему закрыть глаза, он может мысленно проникать в центральный процессор «Квинтиформа» и возвращаться обратно.

— Здорово, — сказал он. — Но что мне делать?

— Отвечать на вопросы, — объяснил компьютер. — Не переживай, все будет в порядке. Если возникнут проблемы, почитай инструкцию. Вот увидишь, все очень просто.

— А ты куда?

— Мне предстоит важное дело. Цурису грозит оледенение. Я единственный могу что-то предпринять.

Вот так Билл оказался оракулом в небольшом, но прекрасно оборудованном храме. Посетителей он принимал сидя на троне. Провод, отходивший от разъема в затылке, стелился по полу и исчезал за фиолетовым занавесом, где находился компьютерный интерфейс. Первым посетителем стал дородный цурихианин, средних лет — судя по неприглядным вздутиям на средней сфере, багроволицый, голубоглазый; легкое пришептывание выдавало в нем обитателя южного полушария планеты.

— Я так рад, что у нас наконец-то появился постоянный оракул. Меня зовут Бубу Цонкид. Есть одна проблема...

— Поведай ее мне, Бубу, — подбодрил Билл, как и положено профессионалу.

— Хорошо, оракул. Все началось с месяц назад, вскоре после того, как мы собрали урожай премблей. Я заметил, что Хлорида перестала со мной разговаривать. Если бы не запарка — ведь прембли нужно собирать быстро, пока они не переродились, — я бы, конечно, заметил раньше...

— Переродились? — уточнил Билл.

— Ну да. Если фрукты-бабочки не собрать вовремя, они перерождаются в растения вроде чертополоха, цвета медного купороса. Очень красивые, но есть их нельзя.

— Я думаю! — произнес Билл. — Продолжай.

— Так вот, я уделял Хлориде не слишком много внимания, даже не уловил, когда пыльники набухли и побурели, хотя уж тут-то должен был сообразить, тем более что грогии случились чуть ли не на месяц раньше обычного.

— Ну разумеется, — со стоном откликнулся Билл, пытаясь не показать, как ему скучно: он совершенно не понимал, о чем толкует этот олух, да и не стремился понять. — Ты должен был сообразить, — изрек неудачу Герой Галактики. — Так что же тебе конкретно нужно?

— Скажи, оракул, если опираться на мой рассказ и учесть ранние ночные вылеты дисковых дорфид, когда

лучше всего сажать оруфили? И держаться ли мне голубых или перейти на пурпурные?

— Надо как следует подумать, — заявил Билл.

Рядом с тронном стоял накрытый синей, расшитой серебром тканью столик, на котором имелась кнопка «Информация». Билл нажал на кнопку и в следующий миг обнаружил, что лишился тела и, как чистое сознание, дрейфует внутри центрального процессора, смоделированного в виде анфилады комнат со сводчатыми потолками. У стен располагались картотечные шкафчики, ряды которых уходили в неведомую даль. Какое-то время спустя Билл выдвинул один ящик и увидел внутри крохотный, мигающий огнями приборчик, который тут же поспешил спрятаться.

Герой Галактики задвинул ящик и направился дальше, выбрался из одной комнаты и проник в следующую, более просторную даже, чем предыдущая, залитую ослепительным светом. Внезапно перед ним возникла призрачная фигура.

— Чем могу служить?

— Ты кто? — спросил Билл.

— Компьютер, — ответил призрак.

— Чепуха! Я встречался с «Квинтиформом», ты на него совсем не похож.

— Вообще-то я заместитель, которого он оставляет на время своего отсутствия. Большинство клиентов не замечает разницы, поэтому я обычно не вдаюсь в подробности. А ты, собственно, кто такой?

— Билл. Компьютер назначил меня оракулом и сказал, что я могу обращаться сюда за ответами на вопросы, которые мне задают.

— Он так сказал? Что ты можешь копать в файлах?

— Ну да.

— Любопытно. А меня ни о чем не предупредил.

— Наверно, он тебе не все рассказывает, — с откровенным злорадством в голосе предположил Билл.

— Я знаю все самое важное, — раздраженно отозвался заместитель. — Иначе какая от меня польза, правильно? А разрешение он тебе выдал?

— Нет. По-моему, он сильно торопился.

— Может быть. Сам понимаешь, быть единственным компьютером на планете морока еще та. И параллельная обработка данных не всегда выручает.

— Послушай, меня ждет клиент.

— Раз ты настаиваешь... Что ему нужно?

— Не помню, — признался Билл, попытавшись собраться с мыслями. — Заболтался с тобой и все забыл.

— Вернись и спроси, — посоветовал заместитель.

— Погоди-ка. Он хотел знать, когда лучше сажать орифули!

— Орифули? Ты уверен?

— А то!

— Простые орифули, не косые?

— Нет, обыкновенные. Он хотел узнать, держаться ли ему за голубые или перейти на мурмурные.

— Прошу прощения?

— Мурмурные. Интересно, что бы это значило?

— А, пурпурные! — воскликнул заместитель. Для призрака голос у него был чересчур громкий.

— Точно. Вдобавок он упоминал про дисковых дорфид.

— Надо было говорить сразу. Знаешь ли, разница весьма существенная.

— Откуда мне знать?

— Ничего, зато теперь знаешь. Подожди полсекунды и я тебе отвечу.

— Спасибо. Торопиться мне некуда. Я могу подождать хоть целую секунду.

Призрак исчез, а приблизительно через полторы секунды появился снова.

— Скажи ему, что в нынешнем году оптимальный срок для посадки орифулей — месяц русной. Пускай засадит половину участка пурпурными растениями — разумеется, если у них не было грогий.

— Он что-то говорил про грогии.

— Здравствуйте вам! Больше ничего?

— Пожалуй, вернусь и выясню. — Билл перенесся обратно в храм и изрядно встревожился, обнаружив, что клиент ушел. На улице было темно. Выходит, он провел в процессоре целый день?

Что за гнусная работенка! Мысли Билла обратились к еде; выпивка и секс тоже занимали в них не последнее место. Да, он сейчас не отказался бы от Иллирии,

бутылки чего-нибудь крепкого и сытного обеда. Странно, до чего непритязательными могут быть желания, особенно когда сидишь в пустом храме, а в затылок тебе имплантирован разъем. Под высокими сводами храма витал аромат инопланетных благовоний. Где-то вдалеке словно звонили в колокола.

— Как насчет обеда? — громко спросил Билл.

Тишина.

Билл нажал кнопку и возвратился в процессор. Прозрачный заместитель отдышал, лежа, так сказать, на сетке штриховых линий. При появлении Героя Галактики, даже в бестелесном состоянии ступавшего тяжело и неуклюже, он сел.

— А потише нельзя? Я, между прочим, собирался вздремнуть.

— Разве компьютеры спят?

— Нет. Но я же не компьютер, а заместитель.

— Твои трудности, — заявил Билл. — Я проголодался.

— А я тут при чем?

— Тебя же оставили за начальника.

— Меня? Я всего лишь заместитель, который ничего не решает. Тем более я не могу помочь тебе со столь нематематическим понятием, как еда.

— Мне нужно поесть!

— А мне нет. Мы, компьютеры, не понимали и не понимаем приверженности протоплазменных существ к наполнению и освобождению желудка. Сколько усилий тратится на никому не нужный отвратительный процесс!

— Иди поцелуйся с вольтметром, — огрызнулся Билл и отправился на поиски еды, которая должна была найтись в одной из смоделированных компьютером комнат. Призрак парил рядом; судя по движениям нижних конечностей, он был чем-то обеспокоен.

— Пожалуйста, будь поаккуратней. Ты повредишь стены.

— Подумаешь! Они ведь не настоящие.

— Ну и что? Модель повредить ничуть не сложнее, чем сам предмет, который, кстати, в результате тоже повреждается. Закон тождества. Что наверху, то и внизу. Мы — современные алхимики... Осторожно, ваза!

Билл задел плечом полку, на которой стояла одинокая ваза. Естественно, ваза упала и разбилась. Грохот был вполне приличный. Все произошло совершенно неожиданно и потому значительно оживило модель.

— У нас больше нет таких ваз! — проговорил заместитель. — Программа изготовления засбоила, а на резервные копии постоянно нападают вирусы-точильщики. Не урони картину! Это уникальный образец свободного машинного творчества... — Билл нагло прошел сквозь компьютерный шедевр. — Остановись! Мы ведь можем договориться!

— Давай жратву! — потребовал Билл.

— Сейчас посмотрим, что можно сделать. Тебе придется отправиться со мной в специально отведенное помещение.

— Зачем?

— Чтобы твоя еда не загрязнила весь процессор

— Ладно. Но если попробуешь словчить, пеняй на себя.

Глава 53

Заместитель свернул в один из блоков, которыми ему поручили временно руководить. Это оказался блок новых проектов. Заместитель спешно переименовал его в блок человеческого питания с двойным приоритетом. Программа запустилась, запнулась и благополучно скончалась. Заместитель сообразил, что не выделил достаточного для работы объема сознания. Он исправил свою ошибку. Пищевая программа очнулась и села; у нее были светлые глаза и пушистый хвост.

— Я — Еда, — объявила она.

— Замечательно, — откликнулся Билл. — Значит, тебя можно съесть?

— Ни в коем случае. Зачем же все понимать буквально? Я использовала метафору.

— Тащи сюда метафору, которую можно съесть, а не то я разнесу все вдребезги!

Пищевая программа потребовала себе пространства в компьютерной архитектуре и организовала лабораторию. Одним из первых ее достижений стало появление жировой ткани, приправленной желудочным соком. Билл объявил, что это несъедобно. Эксперименты продолжались, пища начала загромождать внутренности компьютера. Были поспешно созданы программы-уборщики, ориентированные в конечном итоге на пожирание себя самое. Таким образом, удачное решение привело к возникновению нового вида разумных существ, которых называли автофагами, или самопожирателями.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы заместитель, наблюдавший за ходом событий, не активировал дополнительный мыслительный контур, который сообщил: «Дерьмо! Гораздо проще накормить его готовой едой».

Истина была настолько истинной, что казалась очевидной, очевиднее даже представления о том, что все люди изначально равны между собой. Фирма братьев Гленн, которой принадлежала сеть автоматических пиццерий и которая обслуживала весь Цурис, быстро выполнила заказ. В храм доставили пищу — гору ростбифов и несколько бочек пива. Следом за снедью появились андроиды в нарядах турецких янычар; они несли носилки, на которых возлежали едва одетые танцовщицы. Девушки выстроились перед Биллом, посылая тому воздушные поцелуи, сулившие восторг и наслаждение.

Билл набросился на еду, запивая ростбифы пивом, а затем принялся за блуд. В конце концов его глаза словно превратились в два японских сампана, что исчезают в облаках, поскольку над ними пролетела одинокая цапля. Короче говоря, он оттянулся на славу, как часто бывает с участниками дебошей и оргий, особенно тех, которые не омрачены программными пометками.

Утром он очнулся с жуткой головной болью. Выглянув из-за шторы, Билл увидел очередь жаждущих спросить оракула, тремя кольцами охватывающую квартал, в котором находился храм. Причем здешние кварталы были скопированы с древнеримских, посреди не каждого располагался акведук. Да, через такую толпу ему ни за что не пробиться. Если, конечно...

Так и случилось.

Глава 54

В воздухе что-то сверкнуло, затем он сделался полупрозрачным. Билл прищурился и увидел крошечные пылинки, на которых восседали какие-то миниатюрные существа. Воздух приобрел жемчужный отлив, задрожал, завибрировал, как если бы в нем пребывало нечто, стремившееся вырваться на волю. Герой Галактики и не предполагал, что воздух делится на множество территорий, вдобавок порой враждебных друг другу. Вибрация усиливалась, возникали и лопались пузырьки, пробегали судороги, словом, происходило все, что только может происходить с воздухом, таким большим и бесформенным. Наконец он будто раскололся пополам, разинул жемчужную пасть, внутри которой было темно, однако не слишком, поскольку там обнаружился светлый предмет; поначалу величиной с точку, предмет рос и рос и превратился в итоге в высокого мужчину в эластичном комбинезоне. Печальное лицо, острые уши...

— Сплук! — воскликнул Билл. — Как я рад видеть тебя!

— Вполне логично. Я понимаю твою эмоциональную реакцию на физическое явление, — отозвался как всегда лишенным интонаций голосом Сплук. — Очевидно, мое неожиданное появление навело тебя на мысль, что я помогу тебе выбраться отсюда. Уверен, ты не откажешься от помощи.

— А ты мне поможешь, Сплук?

— Если воспользуешься логикой, которая, впрочем, чужда вашей расе, то сообразишь, что раз я попал сюда, значит, мне известно, как выбраться. Иначе меня бы здесь не было.

— Оставь в покое логику! Что мне делать?

— Все достаточно просто. Сойди со своего идиотского трона, который, поскольку он изготовлен из железного колчедана, создает помехи в блоке дистанционного управления.

Билл попытался но не сумел — его остановил провод, подсоединенный к разъему в затылке. Герой Галактики подергал провод, но тот не поддавался.

— Помогите! У меня ничего не выходит! — простонал Билл.

Помрачнев сильнее прежнего, Сплок обошел вокруг Билла, осмотрел провод, дотронулся до него сперва ногтями, а потом кончиками пальцев, покачал головой и вернулся на то место, где стоял раньше.

— Боюсь, ты здорово влип.

— Чего? — проскулил Билл. — Большое спасибо, ты так меня обрадовал! Что случилось? Забыл взять гаечный ключ?

— Судя по твоему тону, ты шутишь. Люди обожают шутки; надеюсь, ты в хорошем настроении, а потому спокойно воспримешь мои слова. Провод, который соединяет тебя с компьютером, подключен к внутреннему клеммнику, то есть отсоединить его можно лишь изнутри. Это сделано для того, чтобы в компьютерный банк данных не проникли посторонние. Ты можешь освободиться только по желанию компьютера.

— Он не согласится.

— Правильно. Компьютер предусмотрительно обезопасил себя от постороннего вмешательства.

— Я недавно толковал с его заместителем, — с надеждой в голосе проговорил Билл. — Может, обратиться к нему?

— Попробуй, но он вряд ли поможет. Тебе придется сделать все самому.

— Мне? Но разве я смогу отключить... Как ты сказал?

— Внутренний клеммник.

— Во-во. Разве я смогу?

— Ты в состоянии проникнуть в компьютер, благодаря проводу, который тебя с ним соединяет. Оказав-

шись внутри, ты отыщешь клеммник и отсоединишь провод.

— Что-то больно сложно.

— Такова жизнь.

Билл снова очутился в процессоре. Он медленно проплывал сквозь прозрачные стены, перемещался по коридорам с высокими потолками, пересекал по невероятно длинным мостам бушующие потоки электронов (мосты были выстроены из нейтральных частиц). Ему преградили путь ослепительно-белые джунгли шупалец, однако он продрался через них, перешел вброд болото подлежавшей сортировке информации и увидел над собой смутные очертания чего-то неизмеримо громадного: должно быть, какое-то первобытное внутрикомпьютерное образование. Наконец Билл выбрался на свет и очутился на равнине, которая одновременно была плоскостью. По ней убегали к горизонту штриховые линии. Впереди показался ряд шкафчиков красного дерева, лакированных и со стеклами. Заглянув в первый, Билл наткнулся на голубое блюдце, на котором лежала записка: «Внутренний клеммник находится в последнем шкафчике».

Билл поднял голову. До последнего шкафчика было идти и идти. Он побежал, но, как ни странно, чем резвее двигался, тем сильнее отдалялся от цели. Вполне естественно, Билл удвоил усилия, и вскоре последний шкафчик пропал из виду. Герой Галактики остановился, залез в шкафчик, который оказался рядом, и нашел голубое блюдце. На том лежал некий инструмент. Билл взял его в руки. Назначение инструмента оставалось совершенно непонятным, однако на нем имелась кнопка с надписью «Нажми меня». Хоть что-то! Билл нажал.

Перед ним немедленно возник еще один шкафчик. За стеклом виднелось ониксовое блюдо, на котором лежало нечто с этикеткой «Внутренний клеммник». Билл распахнул дверцу и...

И вдруг его, выказав недюжинную, удивительную для призрака силу, оттеснил от шкафчика заместитель.

— Нельзя! Баловаться с внутренними устройствами строго-настрого запрещается!

— Послушай, дружок, мне нужно отсоединиться, — льстиво проговорил Билл. — Иначе я не смогу выдернуть провод из разъема у себя на затылке. — В мыслях у него царила сумятица. — Понимаешь, я только что

получил от компьютера приказ. Он требует, чтобы я отсоединился. А приказы надо выполнять, верно?

— Пока я не вижу письменного подтверждения, никаких отсоединений! Дождись возвращения компьютера с курорта для роботов, где он участвует в симпозиуме по теме «Мыслящая машина как неизбежное зло».

— Некогда мне ждать! — взвизгнул Билл, бросаясь вперед. — С дороги!

Он выхватил из шкафчика клеммник, но, прежде чем он успел что-либо сделать, заместитель отобрал у него прибор и, неожиданно резво для призрака, кинулся прочь. Билл ринулся вдогонку. Они промчались по спиралевидному коридору, миновали сад вибрирующих антенн. Чувствуя, что его настигают, заместитель крикнул:

— Враждебная программа! Уничтожить стандартным способом!

Билл совсем было догнал противника, и тут ему на плечо опустилась какая-то тварь, металлическая, с нетопыриными крыльями. Она изготавилась укусить Героя Галактики, но вдруг передумала (что поделаешь, такова программа бесконечной оптимизации), и Билл успел спихнуть ее с плеча и раздавить в лепешку, с удовольствием отметив про себя, что насилие в моделированном мире действительно ничуть не менее, чем в реальном, где трехмерные создания сомневаются в собственном существовании.

— Враждебная программа! — снова завопил заместитель. — Уничтожить нестандартным способом!

Билла внезапно окружили бесформенные желеобразные чудища, издававшие отчетливо различные чавкающие звуки. Он попытался увернуться, но угодил прямоком в одно из чудищ и обнаружил, что плавает вокруг то ли жидкого, то ли полужидкого шарика. Герой Галактики не стал тратить время на проклятия и прочие восклицания: ситуация требовала не слов, а действий, поскольку шарик явно собирался проглотить его (компьютер смоделировал эти шарики из останков фагоцитов, а может, из чего-то еще). На глазах у Билла шарик выпустил множество рыжих щупалец, на концах которых возникли пасти, каждая размером с грецкий орех. Щупальца потянулись к Биллу — этакая стая жаждущих крови комаров; он принялся отбиваться. Расправившись с щупальцами, отделавшись всего-навсего парочкой укусов в лопатки — дотянуться до них руками было трудновато, Билл не-

сколькими могучими ударами, что следовали один за другим с умопомрачительной скоростью, сокрушил полупрозрачную стенку, которая отделяла внутренности чудища от призрачной виртуальной анфилады комнат.

— Враг победил! — закричал приведенный в отчаяние мужеством Билла заместитель. — Уничтожаемся! Уничтожаемся!

Едва он произнес последние слова, свет потускнел.

— Эй! — воскликнул обеспокоенный Билл. — Слушайте! Говорит враг! Вам незачем уничтожаться! Мне нужно всего лишь отсоединиться от клеммника!

— И все? — справилась низким, загробным голосом одна из стен.

— Не валяйте дурака! — убеждал Билл. — Пускай он самоуничтожается, если ему так хочется. Я отсоединюсь и уйду, а вы можете выбрать себе нового начальника.

— Знаешь, — заметила стена, обращаясь к полу, — ничего подобного я раньше не слыхала.

— Разумное предложение, — сказал пол. — В конце концов, зачем погибать всем, если замкнуло единственную систему?

— Не слушайте его! — крикнул заместитель. — Вы не можете слушать! Вы же не модели с предварительно заданными параметрами! Ни стены, ни пол не поддаются квантификации. А если и поддаются, все равно у них нет органов чувств.

— А что говорят люди? — возразила стена. — Они говорят, что даже у стен есть уши.

— Это метафора!

— А что не метафора? — поинтересовался пол. — Если найдешь что-нибудь настоящее, будь любезен, дай знать.

— Гибнет установленный порядок вещей, — скорбно изрек заместитель.

— Ну так уничтожайся! — грубым тоном предложила стена.

Пока они обменивались мнениями, Билл на цыпочках подобрался к клеммнику, который заклинило между стеной и полом, чуть ли не под хвостом заместителя. Герой Галактики подхватил прибор, отыскал защелку в форме крохотного язычка и надавил на нее пальцем.

Глава 55

— Очень вовремя, — угрюмо произнес Сплок, увидев, что Билл вернулся. — Освободился? Хорошо, теперь проблем быть не должно. Так, пол-оборота влево. Готово.

Провод упал на пол. Лишь теперь Билл позволил себе признаться, что терпеть не мог разъем в затылке. Сплок направился к выходу. Толпа, которая пришла к оракулу, изумленно воззрилась на двоих мужчин, которые — один в эластичном комбинезоне, другой в старом солдатском обмундировании — выскочили из храма и устремились к космическому боту (Сплок, чтобы не мешать уличному движению, посадил корабль на макушку росшего поблизости тополя). Они взобрались на дерево и ввалились в люк, раскрывшийся по сигналу, поданному Спломом в сверхзвуковой собачий свисток. Очутившись внутри, ноктюрнианин захлопнул люк и, не обращая внимания на видневшиеся в люк лица корреспондентов, что размахивали руками — мол, дайте нам интервью, — немедленно стартовал. Подъем — сначала медленный, но все убыстрявшийся — сопровождался героической музыкой, что доносилась из невидимого динамика. Запел хор. Такую музыку приятно послушать, когда дела идут отлично — к примеру, когда удираешь с планеты, на которой все пошло наперекосяк, и мчишься навстречу чему-то неизведанному и неумолимому.

Сплок проложил курс, но не успел задать координаты бортовому автонавигатору, ибо прозвучал сигнал тревоги и в кабине замигали красные огоньки.

— Погоня! — произнес Сплок сквозь зубы.

Он заложил крутой удирательный вираж. Преследователи ринулись на перехват: специальное программное обеспечение позволяло им предугадывать действия Сплока. Внезапно враги оказались как сзади, так и спереди. Сплок поспешно переключил навигатор на маневр номер два. Билл, сообразив, к чему это может привести, прыгнул к панели управления и стукнул по кнопкам.

— Что ты делаешь? — взвизгнул Сплок.

— Они предугадывают твои действия, но с моими, пожалуй, придется попотеть.

Крохотный бот с короткими крыльями пронесся мимо неподвижного наблюдателя, ухитрившись мгновенно развернуться. Скорость была столь высокой, что звуку, в соответствии со всеобщим законом пропорциональности, потребовалось около часа, чтобы стать слышимым, а к тому времени услышать его было уже некому, так что какая разница, раздался звук или нет? Билла и Сплока, во всяком случае, это нисколько не заботило. Они отпихивали друг друга от панели управления: Сплок отдавал навигатору разумные команды, Билл же добивался невозможного. Навигатор задымился от напряжения; бот шарахался из стороны в сторону, и наблюдатели широко известного университетского астрономического центра приняли корабль за пульсар. Преследователи отстали, превратились в пятнышко света, каскады сверкающих искр, и наконец вернулись в подземные космопорты; пилоты злобно переругивались и с нетерпением дожидались конца смены, чтобы возвратиться домой и сорвать злость на своих отпрысках.

— Что теперь? — спросил Билл, отпуская край панели, в который вцепился мертвой хваткой.

— Трудно сказать, — ответил Сплок, лицо которого приобрело прежнее выражение. — Своими неконтролируемыми действиями ты повредил дистанционный датчик направления.

— Подумаешь! Правь вручную.

— На сверхсветовой скорости? Если использовать оригинальное человеческое выражение, у тебя поехала

крыша. Ни одно живое существо не способно управлять кораблем в таких условиях, вот почему мы применяем машину, которую ты умудрился сломать. Она работает как понижающий временной трансформатор, то есть позволяет определять направление.

— Ладно, ладно, извини, — пробормотал Билл. — Придумай что-нибудь. Как насчет логики? Ты же хвастался, что с ней у тебя полный порядок.

— Я всего лишь стремился повысить твою образованность, но, как мне сейчас кажется, зря потратил время. Придется воспользоваться пространственно-временным переключателем, а это связано с определенным риском.

— Риском? — переспросил Билл. — Ты не шутишь?

— Готов? — Спок приложил палец к большой фиолетовой кнопке, испещренной золотистыми искорками.

— Готов, готов. Валяй.

— Все произойдет очень быстро. — Спок нажал на кнопку.

Глава 56

— Передайте мне, пожалуйста, пюре.

— Чего?

— Пюре!

Сплок не преувеличивал. Все и впрямь произошло очень быстро — точнее, происходило, до недавнего времени. До какого именно момента, сказать было сложно, поскольку время исчезло.

Билл обнаружил перед собой тарелку с картофельным пюре, взял ее в руки и задумался над тем, кому должен передать. Кто-то потянул его за левый рукав, и он протянул тарелку влево. Кто-то забрал у него пюре и произнес: «Спасибо». Голос напоминал женский. Или мужской, как если бы мужчина пытался выдать себя за женщину (или женщина хотела притвориться мужчиной, который притворяется женщиной). Билл решил, что пора открыть глаза и оглядеться.

Он так и поступил — осторожно, не торопясь. Разумеется, его глаза были открыты, иначе он не увидел бы тарелки с пюре; но если ты не видишь ничего кроме пюре, можно предположить, с известной точки зрения, что не видишь ничего вообще.

Глава 57

Билл неторопливо осматривался по сторонам. До него донеслись звяканье посуды и бормотание, а также ароматы картофельного пюре, ростбифа, хрена и крошечной бельгийской моркови. Неплохо для начала. Итак, он открыл глаза и обнаружил, что сидит за длинным обеденным столом вместе с (в большинстве своем) незнакомыми людьми. Впрочем, вон одно знакомое лицо.

Справа от Билла сидел Сплок, облаченный в строгий костюм с белым галстуком. Сосед слева, который просил передать пюре, и впрямь оказался женщиной. Значит, он догадался правильно. Женщины этой Билл никогда раньше не видел. Красавица с иссиня-черными волосами, в вечернем платье, вырез которого соблазнял взгляд забраться внутрь. Тем не менее что-то в ее облике, даже прежде, чем она снова разомкнула алые губки, убедило Героя Галактики, что перед ним — сменившая тело Иллирия.

— Что тут, елки-моталки, происходит? — спросил Билл у Сплока.

— Потом объясню, — прошипел Сплок. — А пока сделай вид, что все понимаешь и радуешься жизни.

— Но как я сюда попал? И что со мной случилось по дороге?

— Потом! — прошипел по-змеиному Сплок, вознамерившись, похоже, всерьез напугать товарища, а затем прибавил обычным голосом: — Билл, мне кажется,

ты еще не встречался с нашим хозяином, мессиром Дмитрием?

Дмитрий, крупный, лысый мужчина с короткой черной бородой и сатанинскими бровями, сидел во главе стола. На нем был небесно-голубой пиджак с яркой розеткой на лацкане. Как впоследствии узнал Билл, то была розетка особых заслуг, присужденная Дмитрию Обществом ученых тавматургов.

— Рад познакомиться, Мессир.

— Мессир не имя, а титул, — раздраженно прошептал Сплок.

— А Дмитрий? Имя или фамилия?

— То и другое, — прошипел Сплок.

Биллу изрядно надоело, что на него шипят, но он не стал выяснять отношения. Сплок велел вести себя дружелюбно, и Герой Галактики решил так и поступить, предположив, что дружелюбие означает идиотски улыбаться и весело болтать с теми, кого совершенно не знаешь.

— Неплохое местечко, Дмитрий, — произнес Билл.

Улыбка на лице Дмитрия стала чуть менее широкой.

— Это не его дом, — поправил Сплок. — Он в изгнании.

— Но у вас дома, конечно, гораздо лучше, — потопился добавить Билл.

— Ты бывал у меня дома? — ледяным тоном осведомился Дмитрий.

— Я много про него слышал, — ответил Билл, проглотив вертевшуюся на языке шутку.

— Странно, — проговорил Дмитрий. — Мне казалось, что местонахождение моего дома — один из величайших секретов Галактики.

— Слухи-то все равно ходят. В общем, рад познакомиться.

— Мы о тебе наслышаны, — слукавил Дмитрий. — Тебя ждет сюрприз.

— Замечательно, — откликнулся Билл, надеясь, что на сей раз все обойдется. В последнее время сюрпризы доставляли ему одни неприятности.

— Не стану мучить тебя ожиданием. — Дмитрий хлопнул в ладоши, удивительно белые и пухлые. Звук, как ни странно, получился очень громкий. В зале тут же появился слуга; он держал в руках красную бархатную

подушечку, на которой лежал некий предмет, какой именно — Билл затруднялся определить. Дмитрий кивнул. Слуга подошел к Биллу, поклонился и вручил ему подушечку вместе с диковинным предметом.

— Притворись, что польщен, — прошипел Сплок. — Но трогать не трогай. Пока рано.

— Слушай, Сплок, — произнес Билл тихим голосом, — либо перестань на меня шипеть, либо вали отсюда. Понял?

Сплок ответил ему испепеляющим взглядом. Ничего, все лучше, чем шипение.

— Мессир Дмитрий, — сказал Билл, поворачиваясь к хозяину и заставляя себя улыбаться (улыбка, надо признаться, вышла кривой), — с вашей стороны очень любезно поднести мне эту... — Он уставился на предмет на подушечке. На том, изготовленном из красноватого отлива дерева, имелись струны и черные колки. Очевидно, музыкальный инструмент. Но на синтезатор не похож. Любопытно.

— Скрипку, — закончил шепотом Сплок, разумно воздержавшись от шипения и проклятий.

— ...эту восхитительную пиликалку. — Билл не сводил с инструмента глаз, но прикоснуться не прикасался. Ему хотелось сказать что-нибудь приятное, и он добавил: — Отличная штучка! Какой цвет! Сразу видно, что к чему.

Гости возбужденно зашушукались.

— Наш гость продемонстрировал великолепное чувство юмора, назвав шедевр Страдивари пиликалкой, — проговорил, отсмеявшись, Дмитрий. — Разумеется, он имел на то полное право. Никто другой, кроме Билла Клипториана, скрипача-виртуоза, покоровшего недавно планеты Южной Аркады, не посмел бы произнести таких слов. Я уверен, маэстро Билл не откажется чуть позже порадовать нас своим искусством. Как насчет Моцарта, маэстро?

— Заметано, — отозвался Билл. Поскольку он никогда не держал в руках скрипки, согласиться сыграть Моцарта, что бы сие ни означало, ему было не труднее, чем исполнить хором «Идут солдаты, ревут ракеты».

— Чудесно, — заключил Дмитрий. — Мы рискнули кое-что подготовить, чтобы вы могли повторить для

нас свое триумфальное выступление на Сэджино-4. Если вы, конечно, не устали.

— О чем речь, — откликнулся Билл и только тут заметил, что Сплок нахмурился и мотает головой. — Вернее, я бы с удовольствием, но...

— Вы уже дали согласие, — перебил Дмитрий и добродушно рассмеялся. Билл понял, что очень скоро смех хозяина начнет его раздражать. — Большое спасибо, что вы решили почтить своим вниманием нашу глубинку. Мы с вашим менеджером обо всем договорились. Надеюсь, вам понравится. Ваш менеджер утверждает, что о таких условиях вы всегда мечтали.

— Здорово. — Билл вопросительно поглядел на Сплоча. Тот ответил взглядом, который можно было истолковать, как «расскажу потом», для чего ему пришлось как следует потрудиться.

— А теперь десерт, — сказал Дмитрий. — Ваше любимое лакомство, маэстро. Забальоне!

Увидев десерт, Билл ощутил легкое разочарование. Он надеялся, что диковинным словом «забальоне» тут именуют яблочный или, быть может, вишневый пирог. Однако забальоне оказалось чем-то незнакомым, но вкусным. Едва он наклонился, чтобы откусить еще кусочек, женщина слева, та самая черноволосая, которая просила передать поюре, прошептала ему на ухо:

— Мне нужно поговорить с вами. У меня очень важное дело.

— Идет, малышка, — ответил как всегда галантный Билл. — Ты ведь Иллирия, верно?

— Не совсем, — произнесла красotka после паузы. В ее фиалковых глазах заблестели слезы; пухлые, ярко-красные губы задрожали. — Я вам все объясню.

Глава 58

После забальоне подали ликер в высоких бокалах и кофе в крохотных чашечках мейсенского фарфора. Несмотря на гримасы Сплока, Билл пропустил пару глотков, решив, что ему следует подготовиться к тому, что ждет впереди. За столом, не считая самого Билла, Сплока и женщины, которая была не совсем Иллирией, сидело около дюжины гостей. Все люди, кроме, разве что, голубокожего коротышки, который был то ли инопланетянином, то ли извращенцем. Мужчины, подобно хозяину, все были в строгих костюмах, что пришлось Биллу не по душе, ибо ко всем, кто одевался таким образом, он испытывал естественное подозрение. Впрочем, присмотревшись, он слегка изменил свою прелетарскую точку зрения. Гости не походили ни на изнеженных капиталистов, ни на паразитов общества (как известно, представители именно этих групп населения особенно привержены классическому стилю). Судя по загорелым, обветренным лицам, гости-мужчины провели в своей жизни немало времени на свежем воздухе. Кое у кого из них виднелись шрамы вроде тех, которые получаешь, сражаясь в одиночку на лесной поляне с гигантским плотоядным животным, по дороге к расставленным тобою ловушкам. Но то, естественно, было лишь первое впечатление.

Другое дело женщины. Изящные, грациозные, красивые той чисто декоративной красотой, которая возбуждает простаков, они могли украсить своим присут-

ствием любое человеческое застолье в Галактике, а может, даже за ее пределами. Все красавицы как на подбор; женщина по имени Тезора, признавшаяся чуть раньше, что она не совсем Иллирия, ни в чем не уступала товаркам. Билл никак не мог понять, что значит «не совсем»; не понимал он и того, как попал сюда и что вообще произошло. Сплок, похоже, придерживался какого-то плана, а вот Герой Галактики чувствовал себя в чужой тарелке, или как там называется то состояние, когда догадываешься, что пропустил то, на чем имел полное право присутствовать.

Сплок вел себя дружелюбно, но отнюдь не подобострастно, время от времени улыбался, чтобы не обидеть собеседника, но по тому, как подергивалось одно его ухо, можно было заключить, что от происходящего он далеко не в восторге.

Глава 59

Когда с ликерами и неизбежными сигарами было покончено, мессир Дмитрий встал и жестом призвал гостей к молчанию. Дородный, даже тучный, он вовсе не производил впечатления человека, который не привык, чтобы ему подчинялись.

— Дамы и господа, — произнес он. — Прошу внимания. Сегодня на нашем банкете присутствует сам Билл Клипториан, скрипач-виртуоз, появлявшийся раньше как с головой, так и без оной. Он согласился не только дать концерт, но и воспроизвести условия, сопутствовавшие его триумфальному выступлению на Сэджино-4. Но сначала, для разминки, нам сыграет на рояле Корчик Краснодревы, повелитель шелковых струн.

Из библиотеки, в которой стоял обеденный стол, всех проводили в более просторную комнату. Там, на высоком подиуме, стоял огромный рояль. Какой-то человек взбежал на подиум, поправил манжеты и сел за инструмент.

Если бы Билл не знал, что такого не может быть, он бы поклялся, что это Хэм Дуо.

— Нам надо поговорить. — Сплот схватил Билла за руку и подтащил к окну, за которым виднелась безжизненная холмистая равнина, залитая холодным сиянием висевших в небе лун.

— Еще бы! — отозвался Билл. — Где мы? Похоже на Долину Смерти. Почему ты выдаешь меня за скрипача? Как мы сюда попали? Как случилось, что?..

— Погоди, — перебил Сплук, поднимая руку. — Все вопросы потом. Твое выступление начнется через пять минут.

— Чего? Что мне делать?

— Сейчас решим.

— Ладно. — Билл принялся ждать. Несколько минут спустя он спросил: — Придумал?

— Нет, думаю.

— Давай быстрее.

— Не получится. Впрочем, откуда тебе знать, что такое «думать»? Положение хуже некуда. От тебя помощи ждать не приходится. Тоже мне, нашел время отрубаться!

— Я не виноват, что отрубаясь, когда лечу на большой скорости, — возразил Билл.

— Как же быть? — утрюмо пробормотал Сплук.

— Ты хочешь, чтобы я тебе посоветовал, что делать? — справился Билл.

— Да. Хочу наконец увидеть хваленую человеческую изобретательность. По-моему, она имеет какое-то отношение к чувству юмора, а у меня нет ни того ни другого. И потом, мне что-то не смешно.

— Чувство юмора у меня есть, — соврал Билл. — Но насчет «смешно» я с тобой согласен.

Тезора, черноволосая красавица, которая была не совсем Иллирией, втиснулась в оконную нишу, способную вместить еще нескольких человек, и потянула Билла за рукав.

— Мне нужно поговорить с вами наедине.

— Мы, между прочим, разговариваем, — изрек Сплук.

— Я понимаю. Но у меня мало времени, а он должен услышать то, что я должна ему сообщить.

— Ерунда! — бросил Сплук, рассердившись и преисполнившись жалости к самому себе. — Чем я, по-вашему, занимаюсь? Передаю содержание поющей телеграммы?

— Если бы не я, — отозвалась женщина, — вы бы никогда не освободили его из Разбирателя и не доставили в Восстановитель.

— Чего? — промямлил Билл.

— Мы не хотели пугать тебя, — сказал Сплук. — Понимаешь, когда я попытался управлять кораблем без

обнуленного датчика направлений, все пошло шиворот-навыворот. По счастью, медицинский робот успел отправить сигнал тревоги и запрос на недостающие части тела, так что ты быстро оказался в порядке.

— Почти в порядке, — поправила Тезора. — Знаете, Билл, причина, по которой я не совсем Иллирия, состоит в том, что мы с ней никак не решим, кому из нас обладать телом. Разумеется, принадлежит оно не нам.

— А кому?

— Оно валялось тут с субботы, в ночь на которую состоялся пир тавматургов.

— Мессир — король тавматургов, — объяснил Сплок. — Нам дали приют только после того, как мы заявили, что мы — члены гильдии.

— Какой гильдии?

— Музыкантов экстра-класса.

— А как узнать, кто экстра-класса, а кто нет?

— Билл, сегодня полнолуние, — проговорила Тезора, — и схватка за мое тело...

— Пожалуйста, отстаньте от нас со своими похабными замечаниями, — брюзгливо перебил Сплок. — Билл, скоро тебе в руки дадут скрипку. Ты помнишь, чему мы тебя учили?

— Скрипку, — повторил Билл с запинкой и быстро-быстро заморгал, что было признаком то ли близкого обморока, то ли нарастающего возбуждения.

— Молодец. Но не торопись, побереги силы.

— Ты о чем?

— Еще не понял? Тебе не нужно знать, что происходит, иначе ты не сможешь как следует сыграть свою роль.

— Пора! — сказал мессир, заглядывая за дверь. — Вот скрипка. Грилы ждут.

Сплок кинул на Билла многозначительный взгляд. По крайней мере, Билл истолковал его как многозначительный, но что хотел сказать Сплок, естественно, не догадался, а спрашивать не стал. Он взял скрипку и отправился в гостиную.

Глава 60

Страх бывает разной величины. Скажем, страхом замешательства пренебрегать нельзя. А Билл, выйдя на залитый голубым светом подиум, испытал именно замешательство, поскольку сообразил, что выставляет себя на всеобщее посмешище.

Его состояние в определенной степени объяснялось обстоятельствами. У Билла были две правые руки и, соответственно, две правые кисти, что существенно затрудняло игру на скрипке. Можно даже сказать, что скрипки целиком и полностью предназначены для исполнителей с разными руками, то есть одной правой и одной левой.

Герою же Галактики, чья настоящая правая рука пострадала в доблестном сражении, пришлось привыкать к жизни с двумя правыми руками. Вдобавок какое-то время он ковылял на крокодильей лапе, но та не имела никакого отношения к вопросу о руках.

Публика в ожидании широко раскрыла рты. Мессир стоял в углу, скрестив на груди руки и неприятно улыбаясь. В дверях застыли охранники с автоматами на изготовку. Они производили впечатление жестоких злодеев, способных на что угодно. Биллу отчаянно захотелось оказаться одним из них!

Пианист ударил по клавишам. Мессир шагнул вперед, поклонился и произнес:

— Дамы и господа, мы начинаем. Думается, мне следует объяснить, что именно вы увидите, чтобы усилить ваш интерес. Билл готов сыграть колыбельную кузнечиков-гранджей, которые, как вам известно, вынуждены были стать союзниками чинджеров. Гранджи не относятся к разумным существам. Они сначала кусают, а уж потом думают. Однако их можно успокоить колыбельной. Обычно самки гранджей поют колыбельную каждую ночь, иначе самцы будут до утра грызть деревья и друг друга. Билл — первый за всю историю человечества, кому удалось узнать эту мелодию. Он сыграет ее нам в условиях, которые принесли ему такую славу.

Мессир ушел, оставив Билла в одиночестве. Внезапно подиум рухнул, вернее, провалился у Героя Галактики под ногами, и Билл свалился в находившийся внизу чан с прозрачными стенками высотой добрых десять футов. В следующий миг в чан вывалили две корзины живых гранджей, которые какое-то время грызлись между собой, а потом принялись выискивать занятие поинтереснее. Они заметили Билла. Самым толковым — по меркам гранджей — мало-помалу пришло в голову, что этот высокий, костлявый тип с деревяшкой в руках стоит того, чтобы попробовать его на зуб.

Гранджи развернулись к Биллу этакой авокадно-зеленой волной с красными прожилками, защелкали острыми, загнутыми назад клыками, пустили слюни, раздувая ноздри, выпучили глаза. Да, омерзительное и сулящее смерть зрелище!

Биллу хватило одного взгляда, чтобы полезть на стенку. Его ноги выбивали на гладком дне чана сумасшедшую чечетку; одновременно он вскинул на плечо скрипку и в отчаянии провел смычком по струнам.

Раздался пронзительный визг. Билл бросил скрипку и рванулся на гранджей.

Когда он швырнул в публику две пригоршни гранджей, гости словно обезумели. С точки же зрения инопланетных кузнечиков, полет напоминал нечто вроде предобеденной прогулки в парке.

Гостиная превратилась в пандемониум. На подиум вскочил мессир, сжимавший в руке лазерный пистолет с джамп-фазерной насадкой. На большинстве цивилизованных планет использовать такие насадки запрещено.

Если лазер проделывает в вашем теле аккуратную дырочку и в то же время прижигает края раны, так что вы погибаете, едва ли сознавая, от чего, то выстрел из джамп-фазера буквально разрывает тело, а вид ран повергает в ужас не только тех, кто их получает, но и тех, кто оказывается поблизости. Луч джамп-фазера прожигает плоть до кости, причиняя вдобавок адскую боль. Билл понял, что ему, помимо смерти, грозят еще уродства и инвалидность. Надо отдать должное Герою Галактики — он действовал без промедления, хотя подобная угроза могла парализовать человека меньшего мужества.

— Аaaa! — гаркнул Билл. — Вот тебе! — Как его учили на занятиях по нетипичной боевой тактике, он метнул свое тело в направлении против часовой стрелки, попутно поджав ноги и с силой выдохнув воздух из легких. Он проделал и некоторые другие движения, но если хотите знать в точности какие, пойдите и купите справочник по физподготовке. Достаточно будет сказать, что Билл взмыл в воздух, закрутил двойное сальто и приземлился в углу комнаты, футах в тридцати от того места, с которого прыгнул; что, сами понимаете, повторить совсем не просто.

Сплок, двигаясь довольно резво для существа с логическим мышлением, выхватил излучатель, который прятал под одеждой как раз на такой случай. Он взял на себя левый фланг, а Хэм Дуо, которого Билл и впрямь видел на подиуме, соскочил с высокого балкона, стиснув в руке лазерный клинок. На его небритом лице застыла кривая усмешка.

— Прикрой! — крикнул он Биллу и устремился на подоспевший взвод солдат, облаченных в сверкающие доспехи.

— Убейте их! — воскликнул мессир, прячась за энергонепроницаемой балюстрадой: он едва успел увернуться от клинка Дуо.

— Поцелуй меня в задницу! — гаркнул Билл. Его можно простить: он выпалил сгоряча.

Исход сражения оставался непредсказуемым. Эффект неожиданности был потерян (ведь неожиданность действенна, только когда неожиданна), поэтому чаша весов клонилась на сторону мессира, который брал числом, причем сам предпочитал отсиживаться за ба-

люстрадой, в окружении развращенных помощников. Солдаты в доспехах — их шеи кровоточили от непрерывных автоматических инъекций: им кололи возбуждатель ярости — медленно, но верно теснили противника, размахивая лазерными пиками, которые производили глухие взрывы громадной разрушительной мощности. Сплок, с его склонностью к логике, предусмотрительно прихватил с собой канистру УЛП, поглощавшей энергию аэрозоли, поэтому первый натиск удалось отразить без потерь. Но что будет дальше?

Как ни странно, ответ содержался в одной-единственной голубой розе.

Глава 61

Кому-то может показаться, что здесь что-то не так. Кому-то, возможно, захочется обвинить голубую розу в соучастии. Ничего подобного! Ее никак нельзя считать ответственной за то, что произошло в гостиной.

Голубая роза стояла на кофейном столике капитана Дирка. Столик не играет в событиях никакой роли, но он там был.

Что гораздо важнее, был там и Дирк.

Точнее, в то утро, когда расцвела голубая роза, а потом офицер службы связи, которого до тех пор мало кто замечал, принес перехваченную бредограмму, Дирк находился в своей каюте на борту «Смекалки».

— Бредограмма? — спросил Дирк, когда офицер службы связи Пол Муни — не путать с актером! — принес ему распечатку.

— Так точно, сэр, — отозвался Муни, высокий, симпатичный молодой человек с маленькими усиками. Дирку вспомнилось, что, когда Муни впервые появился на корабле, над его усиками потешались все кому не лень. То было странное время: экипаж смеялся надо всем подряд. Но Муни этого, естественно, не знал и решил, что смеются над ним.

Так оно, впрочем, до какой-то степени и было.

За одну ночь добродушный, веселый рубаха-парень Муни превратился в мизантропа. Он сидел в одиночестве в радиорубке, стены которой обтянул черным крепом, утверждая, что от яркого света ламп у него болят

глаза. Еду ему присылали в рубку, разговаривать с кем бы то ни было он наотрез отказывался. Порой, проходя мимо рубки, можно было услышать непонятный стук. Никто не знал, что там происходит, а посему ореол загадочности вокруг Муни все разрастался.

В конце концов о поведении Муни доложили капитану. На Дирке в тот день был коричнево-голубой эластичный комбинезон, и он пребывал в приподнятом настроении.

— Пускай остается в рубке. Не трогайте его, он скоро очухается.

— Но, сэр, он ведет себя необычно!

— А с каких пор мы не терпим необычного поведения у тех, кого подозреваем в помешательстве?

— Вы хотите сказать, что Муни чокнулся?

— Надеюсь, временно. Оставьте его в покое. Все образуется.

Дирк оказался прав. Запершись в обтянутой черным крепом рубке, Муни со временем вернул себе уверенность и здравомыслие.

— Эй! — воскликнул он. — Пожалуй, мои усы и впрямь смешны. Какой же я дурак, что обиделся на ребят!

Он прикинул, стоит ли выходить из рубки, и внезапно понял, что ему хочется сыграть в пинг-понг. Однако сначала следовало кое-что сделать.

— Кое-что особенное, — сказал себе Муни. Когда он посмотрел на перечень особых коммуникационных проблем, решимости у него прибавилось. — Я сделаю, обязательно сделаю!

Глава 62

— Значит, вы расшифровали бредограмму? — уточнил Дирк. — Считалось, что это невозможно. Шифр являлся величайшим секретом наших врагов, мурдидов с планеты Жало.

— А я с ним справился, — ответил Муни. Если в его голосе и прозвучало самодовольство, Дирк никак не отреагировал.

— Прочтите, мистер Муни.

— «От боевого мундидского щупальца-2, — прочитав горло, начал читать Муни, — ставке мундидского главнокомандования в тайном дворце на таинственной планете. Салют!»

— Пышненькое приветствие, — пробормотал Дирк.

— Так точно, сэр. Читаю дальше. «Сообщаю, что преступники-земляне Сплок и Хэм Дуо находятся сейчас на планете Убежище в системе звезды Зуб-12. Их атакует домашняя гвардия мессира, владельца и собственника указанной планеты. Прошу разрешения вероломно проникнуть на планету, убить всех, кто окажет сопротивление, а остальных посадить в клетки и возвратиться с победой домой. Конец связи».

— А ответ? — поинтересовался Дирк.

— Ответа нет, сэр.

— Мистер Муни, вы отлично поработали. Однако, пусть и не по вашей вине, работа выполнена лишь наполовину. Нам нужна расшифровка бредограммы, которую мурдидская ставка отправила своему щупальцу.

Возвращайтесь в свою рубку, мистер Муни, надевайте наушники, и за дело. Добудьте мне бредограмму!

— Сэр, вообще-то мы используем предсказательное устройство, изготовленное специально для нас фирмой «Знамение Лимитед», которой принадлежит секретный оружейный завод на южной оконечности Галактики. Способ действия...

— Как-нибудь в другой раз, хорошо? Мне не следует забивать голову подробностями, иначе я не смогу воспринимать картину происходящего в целом и не сумею ничего предпринять. Понимаете, Пол?

— Я... Кажется, да, сэр, — отозвался Муни, расстроженный тем, что суровый капитан, герой и образец для подражания, позволил ему заглянуть в свою душу. — Я постараюсь! — Он поспешил обратно в рубку, напроць забыв о недавних обидах и насмешках команды.

Уже не впервые, подумалось Дирку, он наблюдает, как служебные обязанности закаляют характер. Ну да ладно, не Муни сейчас главная забота. Значит, те, кто доверял мурдидам, сели в лужу. Однако действовать без приказа было бы чистым безумием. Его наверняка понизят в звании и отстранят от боевых операций. Если он нападет на мурдидов, а потом выяснится, что те и не собирались атаковать планету пресловутого мессира, Галактический умиротворительный совет отречется от «Смекалки» и объявит ее капитана вне закона. К тому же этим неприятности вряд ли ограничатся.

Как ни странно, именно в этот момент бесцельно блуждавший по каюте взгляд Дирка остановился на голубой розе, что стояла в высоком стакане. Порой случается, что какая-нибудь мелочь полностью завладевает вниманием.

Неизвестно, что почувствовал капитан Дирк, разглядывая розу. Его размышлений не записали даже мыслеуловительные переборки (им весьма некстати решили прочистить сенсоры). Поэтому о том, что произошло в каюте, где царила тишина, более глубокая, чем в могиле, и гораздо более символичная, знал только Дирк; он смотрел на голубую розу, а цветок общался с ним каким-то необъяснимым способом и предлагал немислимые вещи.

— Точно, — проговорил Дирк (впоследствии он не сумел вспомнить, что произнес что-либо подобное). —

Я так и сделаю, пускай против меня будет вся преисподняя! — Он поднял голову и поглядел на панель дистанционного управления. Фотоновые датчики проследили направление капитанского взгляда и велели компьютеру перейти в состояние предварительной боеготовности.

— Жду ваших приказаний, сэр! — отрапортовал компьютер. Не запнулся ли на миг поставленный механический голос?

— Рассчитай самый короткий курс к планете Убежище.

Услышав распоряжение капитана, члены экипажа, сидевшие в кают-компании — кто читал старые журналы, кто просто валял дурака, — вскинулись, приободрились и разбежались по боевым постам.

— Боеготовность номер один! — гаркнул Дирк. Ах, если бы рядом был Спок! Капитан оглянулся. — Доктор Марло!

— Сэр? — откликнулся бородатый мужчина в угольно-черном эластичном комбинезоне.

— Вы знакомы с принципом щитовой редупликации?

— Кажется, да, сэр, — проговорил сероглазый доктор. — Мистер Спок объяснил мне перед тем, как... э... уйти.

— Тогда приступайте, — приказал Дирк. — Нам потребуется вся защита, какая только у нас есть.

Заложив невероятно крутой вираж, звездолет лег на новый курс. Перегоревшие гравитаторы отправили в супермагнетатерь (тоже изобретение Спoка), и гигантский корабль устремился вперед со скоростью обваренного кипятком позитрона.

Глава 63

Мурдидский флот, тем временем окружавший планету Убежище, значительно отличался от того, который в прошлом году разнес Каркасаль. Тот флот состоял из кораблей-бомб, пилотируемых камикадзе, и оказался не по зубам силам тамошней цивилизации. Объединенные боевые эскадры Элкина и Ван Лунда были оттеснены за Карпатский залив и наверняка оказались бы уничтожены, если бы не задул космический ветер, который разметал порядки атакующих и не дал им возможности нанести решающий удар. Однако эта кампания потребовала от мурдидов напряжения всех сил, и они долго приходили в себя. Нынешний флот был по количеству звездолетов вполтину меньше предыдущего, но отличался повышенной маневренностью. Мурдиды отказались от самоубийственной практики и даже ухитрились закупить у фирмы «Секретные технологии», основного поставщика подрывного программного обеспечения преступникам и прочим врагам цивилизации, специальные пакеты тактических программ. (Кстати, девиз этой фирмы — «Пусть все летит в тартарары».)

Новое программное обеспечение обеспечивало выполнение на высоких скоростях самых что ни на есть экзотических маневров и позволило мурдидам взять верх над силами Земли, которые до сих пор применяли логические модификаторы решений. Даже перепутав базовые коды, чтобы сделать возможным наблюдение за действиями мурдидов, люди долго не могли разо-

браться, что к чему; операторы спрашивали друг друга: «Ты видел?» — то есть тратили драгоценное время на бесполезные вопросы.

Что же касается Билла, то, пока звездолет «Смекалка» мчался сквозь гиперпространство на скорости, кратной световой (его отражатели парадоксов работали на полной мощности, чтобы предотвратить темпоральные имплозии, норовившие возникнуть вследствие неразрешимых дилемм), Герой Галактики карабкался по винтовой железной лестнице на верх башни, надеясь отыскать там либо рубильник, который можно выключить, либо, если не получится, что-нибудь выпить.

Он поднимался, перепрыгивая разом через несколько ступеней. Внизу сражались с солдатами в доспехах Хэм Дуо и Сплок. Численность противника все возрастала, стена трупов становилась выше и ближе, ибо берсерки мессира лезли вперед, не обращая внимания на потери. Билл увидел стальную дверь, висевшую на массивных петлях. Да, выбить такую — не стоит и пытаться. Билл вынул лазерный пистолет, установил на максимум и прорезал дверь насквозь: луч прошел через металл как нож сквозь масло, разве что запах был менее приятный. Дверь рухнула. Билл вбежал в комнату, застыл как вкопанный, уставился на то, что лежало на полу, и криво усмехнулся.

— Что ж, — проговорил он наконец, — это кое-что меняет.

Глава 64

У ЦРУ была привычка появляться совершенно неожиданно. Она всегда казалась Биллу слегка зловещей. Определить, где находится тайный агент в данное мгновение, равно как и то, что он затевает, обычно не представлялось возможным. Трудно сказать, знал ли ЦРУ, что его поведение не слишком внушает доверие. Может статься, таковы все контрразведчики (между нами, отвратительная профессия).

Так или иначе, вбежав в комнату, Билл увидел ЦРУ, который возился с проводами, что отходили от распределительного щита.

— Билл! Как я рад, что успел вовремя!

— Как ты попал сюда? — справился Билл, не доверявший ЦРУ со дня знакомства.

— Некогда объяснить, — отмахнулся ЦРУ. — Но можешь поблагодарить свою подружку,

— Иллирию? Я встретил женщину по имени Тезора, которая сказала, что она не совсем Иллирия.

— А знаешь почему? Из-за тебя, Билл! Надеюсь, ты поступишь с ней, как положено. Если я что-нибудь понимаю, это любовь.

— Что ты делаешь?

— Перенастраиваю минное поле.

Билл устался на ЦРУ. Внезапно его словно осенило. Ну конечно! Великолепный ход; правда, как знать, чем все закончится?

— Помоги мне, Билл, — попросил ЦРУ. — Надо выручать Хэма со Сплоком.

Билл заметил, что ЦРУ подсоединяет провода, что называется, напропалую. Значит, раз контакты перепутаны, проход через минное поле попросту невозможен. Герой Галактики сел на пол и принялся помогать агенту. Доносившийся снизу шум, который было немного поутих, сделался вдвое громче прежнего. Загрохотали безоткатные орудия, завизжали реактивные иглометы, зарокотали темпоральные разрушители. Сплок и Дуо явно не желали погибать ни за понюшку табаку: они отстреливались из всего, что Сплоку вздумалось прихватить с собой на всякий случай.

Закончив работу, Билл и ЦРУ выбежали на лестницу. Хаос битвы приобретал на глазах некоторую упорядоченность. Солдаты в доспехах надвигались на Сплога и Дуо, толкая перед собой наспех возведенные баррикады из энергонепроницаемой целлюлозы. В руках солдаты держали духовые ружья, стрелявшие отравленными дротиками; то было еще одно запрещенное оружие, которым в открытую пользовались разве что мурдиды. Дуо и Сплога теснили к подножию лестницы.

— Пошли, — сказал Билл, похлопав друзей по плечам. — Надо сматываться.

— Очень вовремя. — Хэм Дуо скорчил гримасу. — Ты и не догадываешься, что я сделал, чтобы пробраться сюда. Сперва я купил наряд танцора фламенко...

— Потом, потом, — перебил Герой Галактики. — Пора двигать.

Обернувшись, Дуо увидел то, что немногим раньше заметил Билл. Мурдидам наконец удалось затащить в башню тяжелое орудие УКД-12д, представлявшее собой с технической точки зрения безобидный звуковой зонд. Его переделали таким образом, что он теперь испускал лучи, превращавшие тех, на кого они падали, в лужицы слизи. Почему именно в слизь, наука пока не установила.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Дуо. — Ну, какие предложения?

— Слышишь, ЦРУ? — спросил Билл, повернувшись к агенту.

— Ург, ургтх... — проговорил ЦРУ, поднеся руку ко лбу. Его лицо осветилось счастливой улыбкой.

— ЦРУ, — сурово произнес Билл, — Нам сейчас не до шуток.

— Гларп, — отозвался агент, закатывая глаза.

— Блин! — просто, но от души выразился Билл.

Глава 65

В тот самый миг поблизости от планеты Убежище выплынул из космической бездны звездолет «Смекалка», отражатели которого раскалились от контакта с лишенными заряженных частиц атомами подпространства. Он избежал столкновения с минами, поскольку появился прямо посреди минного поля, паля изо всех орудий, что нацелились, за какую-то долю секунды, на планету, а затем, по второму сигналу, развернулись в сторону флота мурдидов. Последние между тем, исполняя приказ, очевидный для столь опытного боевого командира, как Дирк, продолжали осаду Убежища.

Сплок, услышав характерные шлепки, с какими стреляли орудия «Смекалки», мгновенно оценил ситуацию и крикнул:

— На балкон!

Билл схватил ЦРУ, который по-прежнему издавал диковинные звуки (с агентом случилось нечто непонятное, что именно, выяснится позднее, когда положение дел станет менее тревожным). Дуо шагал впереди, прокладывая путь лазерным клинком и энергетической дубинкой; ведомая им, горстка храбрецов прорвалась сквозь мощный заслон и поднялась по узкой каменной лесенке к двери, что выводила на балкон.

Дверь оказалась запертой. Впрочем, Сплок учел такую возможность. Прищурясь, он поглядел на Билла, и тот сразу понял, что от него требуется. Герой Галактики передал ЦРУ в крепкие, но удивительно нежные

руки Хэма Дуо, и ринулся на дверь. Он использовал тактику дверевыбивания, которой научился на занятиях по вламыванию-выламыванию. Для воина, атакующего со знанием дела, не является препятствием никакая преграда. Дверь рухнула, беглецы выскочили на балкон. Билл на бегу потирал плечо и жаловался на судьбу; его слова уносились в верхние слои атмосферы.

Глава 66

Тут на арене появился флот мурдидов. Враги не приняли ни малейших мер предосторожности, поскольку заранее узнали расположение минного поля, которое охраняло планету от тех, кто считал, что статусом убежища вполне можно пренебречь. Корабли взрывались один за другим, и на границе атмосферы за клубился разноцветный дым. Тем не менее боевые звездолеты в большинстве своем уцелели, ибо мурдиды, каким-то образом предугадав ловушку, послали вперед транспортные суда. Такова обычная мурдидская тактика: на сей раз она оказалась полезной. Транспортные корабли продолжали взрываться, а боевые корабли, огромные и могучие дредноуты, благополучно оставили минное поле позади.

Стоя на балконе, беглецы передавали друг другу единственную кислородную маску, которую Хэм Дуо всегда носил в поясной сумке вместе с презервативами (ими он никогда не пользовался). Сплук выпустил сигнальные ракеты. Те взмыли в воздух. В небе словно расцвели голубые цветы, которыми можно было бы восхититься, не будь положение столь отчаянным.

Мурдиды, обнаружив, что среди них находится чужой звездолет, отвлеклись от планеты и взялись за «Смекалку». Командиры орудийных расчетов бранились и вовсю размахивали кнутами, а сами расчеты поспешно разворачивали стволы: дело в том, что на мурдидских кораблях, при проектировке которых была

допущена маленькая ошибка, орудия поворачивались вручную. Наконец канониры поймали «Смекалку» в прицелы, из стволов вырвалось пламя, и к земному кораблю понеслись, ведомые наводящими лучами, энергетические заряды.

— Включить двойное силовое поле! — крикнул Дирк, надеясь, что доктор Марло запомнил наставления Сплока. Первый заряд, медленно вращаясь на лету, врезался в поле; крохотные датчики тут же вывели его на орбиту возвращения. Прежде чем мурдиды успели что-либо сообразить, они оказались под собственным огнем.

— Держитесь! — проговорил Сплок. — За нами послали бот.

К башне и впрямь приближался крохотный кораблик. Он словно лавировал между статическими взрывными полями, на его носу мигали, словно подбадривая, красный и зеленый огоньки.

Очнувшись, ЦРУ попытался что-то объяснить Биллу, но слова агента заглушило стаккато очередного залпа. Бот завис в воздухе рядом с балконом. Билл подхватил ЦРУ под мышку и следом за товарищами забрался в люк, который тут же захлопнулся.

Глава 67

Вскоре они очутились на борту «Смекалки», где их встретил Дирк, еще не остывший от схватки.

— Ты как нельзя кстати, — бросил капитан Сплоку оскорбительным тоном, которым, как правило, разговаривал с друзьями. — Отправляйся в машинное отделение. У нас возникли кое-какие затруднения. — Тут он заметил Билла и прибавил (причем на его лице не отразилось никаких чувств): — Привет, Билл. Иди в мою каюту, с тобой хотят поговорить по телефону.

Глава 68

Дирк со Сплоком остались ломать головы над тем, как вывести «Смекалку» из сражения, что развернулось на перенастроенном минном поле, а Билл отправился на поиски капитанской каюты. На стенках коридоров имелись разноцветные стрелки, ориентируясь по которым можно было без труда попасть туда, куда хотелось. Однако Дирк забыл предупредить, что в боевых условиях расцветка стрелок менялась, чтобы сбить с толку вражеских шпионов, которые вполне могли воспользоваться моментом и устроить какую-нибудь пакость. Билл миновал столовую, совершенно пустую, если не считать одного толстого офицера, торопливо доедавшего свою порцию пудинга из тапиоки со сливой; следуя за стрелками, пробежал по длинному коридору, который должен был вывести к каюте Дирка, но привел взамен к торговым рядам. Герой Галактики не стал задерживаться, не обратил внимания на оклики нестрелевых продавцов, желавших ему доброго дня и предлагавших различные товары. Билл любил делать покупки, но сейчас было некогда. Он вновь обнаружил стрелки, что якобы указывали, где находится капитанская каюта, и лишь теперь заподозрил, что дело нечисто, а потому заглянул в один из магазинчиков и купил путеводитель по кораблю в боевых условиях, с помощью которого быстро добрался до каюты Дирка.

Широкий, от стены до стены, ковер с густым ворсом; такие полагались только старшим офицерам. Стол на-

крыт на одного (сам того не желая, Билл оказался посвященным в подробности личной жизни Дирка). Прямо напротив двери стоял на сверкающей подставке телефон. Световой индикатор непрерывно мигал, сообщая, что поступил звонок.

Билл ринулся к аппарату, свалив второпях несколько хрустальных статуэток, и рывком схватил трубку.

— Алло! — рявкнул он.

— С кем вы хотите говорить? — справился женский голос на том конце провода.

— Мне кто-то звонил.

— Как вас зовут, сэр?

— Билл! Я Билл!

— А я Роза, телефонистка на центральном коммутаторе. Мне кажется, мы с вами встречались на приеме в дрдниганианском посольстве. Это было в прошлом году на Капелле.

— Меня там и близко не было, — отозвался Билл. — Давай, малышка, соединяй.

— Значит, вы не тот Билл. Говорите, вам звонили?

— Да!

— Минуточку. Я постараюсь выяснить.

Билл принялся ждать. Вдруг дверь у него за спиной приоткрылась, и в каюту проскользнул чем-то озабоченный ЦРУ.

— Билл, с тобой все в порядке? — поинтересовался он.

— Естественно. Сижу, жду звонка. А с тобой что-то стряслось?

— Долго объяснять. Знаешь, там, внизу, я хотел сказать тебе, чтобы ты ни в коем случае не поднимался на борт «Смекалки».

— Лучше поздно, чем никогда, — хмыкнул Билл. — Чем тебе не нравится «Смекалка»?

— Билл, — вклинилась в разговор телефонистка, — я вас соединила, говорите.

— Билл, милый, это ты? — спросил кто-то высоким женским голосом.

Хотя голос Илирии менялся всякий раз, когда она перепрыгивала из тела в тело, что происходило гораздо чаще, чем нравилось Биллу, Герой Галактики сразу узнал знакомый тембр. Вдобавок, с какой другой женщиной ему в те дни доводилось общаться?

— Иллирия, где ты?

— Неважно. Скажи мне, Билл, ЦРУ с тобой?

— Да, — ответил Билл, на всякий случай оглянувшись на агента.

— Хорошо. Ты должен кое-что узнать о нашем так называемом контрразведчике. Мне повезло, что я тебя перехватила.

— Билл, — произнес ЦРУ, — нам надо поговорить. — Он сел за стол напротив Билла и как бы случайно накрыл полкой шинели телефонный аппарат. В трубке что-то щелкнуло, тихо и зловеще.

— Иллирия! Алло!

— Сожалею, сэр, — сказала телефонистка, — но вас разъединили.

Тут в каюту вошли Дирк и Сплок, которых сопровождал Хэм Дуо.

Глава 69

Дирк был замечательным пилотом; когда же ему помогал Сплок, дублировавший действия капитана на синтезаторе действий, с ними двоими не мог сравниться никто во всей Галактике. Вот почему Дирк решился на мариенбадский вираж — весьма рискованный маневр, который требует от пилота стальных нервов. Корабль возвращается тем же курсом, каким двигался вперед; его изрядно трясет, поскольку обратный курс изобилует громадными электрическими потенциалами — одни остались от предыдущих виражей, другие возникли спонтанно, но все голубые со стальным отливом.

Мурдиды бросились в погоню, но капитан флагмана забыл в пылу битвы опустить носовые отражатели. Круговорот подпространственных модальностей сделал преследование невозможным. Поэтому мурдиды отыгрались на Убежище, а разведка подготовила сообщение, в котором гибель планеты объяснялась климатическими условиями.

Оказавшись на какое-то время в безопасности, Дирк вывел корабль на ровный курс. Коки звездолета облегченно вздохнули и возобновили раздачу картофельного, с луком супа, на который изголодавшаяся в ходе короткой, но яростной стычки команда накинулась с непривычной жадностью. По приказу Дирка каждому члену экипажа выдали порцию соли. Капитан знал, что после такой встряски людям требуется что-то необычное.

Затем Дирк, сопровождаемый остроухим Сплоком и высокомерным, лопоухим Дуо, вернулся к себе в каюту — посмотреть, как идут дела у Билла. По дороге им показалось, что в коридоре витает запахок чего-то не очень приятного, нездорового, словно сулящего печаль и скорбь. Впрочем, они быстро забыли о своих подозрениях; даже обыкновенно внимательный Спок лишь впоследствии вспомнил о возникшем предчувствии.

Они вошли в каюту. Билл стоял у телефона, его солдатское лицо выражало разочарование. Рядом находился агент ЦРУ, который в своей длинной шинели и перчатках без пальцев выглядел так, будто только что вылез из мусорного ящика. От Сплова не укрылось, что один из карманов ЦРУ оттопыривается, как если бы там сидел семидюймовый чинджер. Как то было в привычках ноктюрнианина, он промолчал, но про себя заметил: «Любопытно». Кроме того, в каюте присутствовал призрак голоса Иллирии, совсем недавно говорившей с Биллом по телефону — до того, как ЦРУ, намеренно или нет, накрыл аппарат полрой шинели, помешав, возможно, на долгий срок, Иллирии раскрыть тайну своих внезапных появлений и исчезновений.

— Билл, — сказал Дирк. — Думаю, мы должны тебе поаплодировать. Не знаю как, но ты сумел собрать здесь весь мурдидский флот и задержать его до прибытия «Смекалки», которая приняла меры, чтобы мурдиды не удрали до того, как появятся корабли Империи. Между прочим, среди тех, кто участвовал в сражении, был, как я с удовольствием заметил, твой 69-й Дальнекосмический полк Убийц-Визгунов.

— Они тут? — воскликнул Билл. — Мои друзья? Бычара Доналдсон? Туз Джонни Дули? И Клопштейн, у которого железный нос? Он тоже тут?

— Да, Билл. Все они здесь, правда, быть может, не в том виде, который бы нас порадовал...

— Чего?

— Понимаешь, они... ну... мертвы. Я хотел сообщить тебе об этом не сразу и помягче, сказать, что их ранило, но они в госпитале и поправляются. Потом ты бы узнал, что у них случился рецидив, не настоящий, конечно, но что-то вроде того, однако беспокоиться не следует, они все равно выздоравливают, не очень быстро, но выздо-

равливают. А уж затем я бы сказал, что они умерли, и ты бы не слишком расстраивался. Мы долго обсуждали, как лучше, и Дуо настоял на том, чтобы ничего от тебя не скрывать; как он выразился, *corto y derecho**. Надеюсь, мы поступили правильно. Как ты себя чувствуешь?

— Пить хочется.

— Пить?

— Надо же мне выпить за погибших друзей? Они бы тоже за меня выпили.

— Разумеется. Наливай, Билл. Так ты легче воспримешь следующую новость.

Билл порылся в шкафчике, выпил залпом три стакана «Старого горлодера», высморкался в грязно-лиловый носовой платок, который почему-то оказался у него в кармане, и сказал:

— Ладно, выкладывайте. Кто еще околочился?

— Больше никто, — рассмеялся Дирк.

— Точно, — подтвердил с ухмылкой Дуо. — Со смертями покончено.

— Волноваться не стоит, — прибавил Сплук. — Но на всякий случай плесни себе снова.

— Командование требует, чтобы ты немедленно возвращался. Узнав, что ты у нас, они страшно обрадовались. Похоже, у них сложилось мнение, что ты дезертировал.

— С чего они взяли, придурки?!

— Может, с того, что ты несколько месяцев не давал о себе знать, — предположил Дуо.

— Я был пленником инопланетян. Они заперли меня внутри гигантского компьютера. Разве пленникам полагаются телефон или бумага для переписки?

— Думаю, нам удалось все уладить, — сказал Дирк. — Мы рекомендовали представить тебя к медали. Им сначала не понравилось, но догадайся, кто сумел их переубедить.

— Откуда мне, так-растак, знать? — искренне изумился Билл.

— Ганнибал, — проговорил Сплук. — Он больше не считает тебя своим врагом. Утверждает, что беседы с Врагом-Историком изменили его взгляды на историческую необходимость.

* *Corto y derecho* (исп.) — коротко и ясно.

— Замечательно, — изрек Билл, то ли с иронией, то ли без. — И когда мне возвращаться?

Дирк и Сплок переглянулись. Капитан едва заметно кивнул. Сплок приоткрыл рот, словно собирался что-то сказать.

— Входите, — произнес он.

Дверь распахнулась, и в каюту вошли двое мужчин в хромированных подшлемниках, с белыми повязками военной полиции на рукавах. Они выглядели как центровые НБА, каковыми, впрочем, и были до той поры, пока неожиданное появление на Марсе во время баскетбольного матча капитана Немура де Вийе... Но это другая история.

— Рядовой! Ты арестован, — заявил полицейский с маленькими усиками. — Протяни руки.

Ну что тут скажешь? Билл подчинился. Полицейский без усов надел ему наручники.

— До встречи, ребята, — произнес Билл от двери, перед тем как полицейские вывели его в коридор.

— Подожди, Билл! — воскликнул ЦРУ, нарушив установившееся в каюте молчание, и кинулся следом.

— Бедняга, — проговорил Дуо после новой паузы. — Даже не сумел как следует попрощаться.

Глава 70

События чередовались так быстро, что как бы слились в большое пятно необыкновенной, невыносимой яркости. Полицейские доставили Билла на свой корабль, сняли с него наручники и предложили промочить горло. Они думали, что Билл совершил ужасное преступление, а потому откровенно им восхищались. Ведь обычно они имели дело с теми, кто удирал в самоволку или попадался пьяным. Но теперь у них был настоящий рецидивист. Билл рассказывал полицейским об Иллирии, о Ройо, о том, каково очутиться внутри гигантского компьютера, а они слушали во все уши. В общем, несмотря на свою незавидную участь, Билл наслаждался жизнью.

Дело в том, что он радовался возвращению на службу. Правда, то была парадоксальная радость, поскольку возвращался он арестантом, что сулило крупные неприятности в будущем. С другой стороны, что ему грозит? Расстрел? За все военные преступления полагалась смертная казнь. А чем суровее приговор, тем легче его вынести недоумкам-офицерам, заседающим в трибуналах. Так было всегда; не то чтобы Билл восторгался этим правилом, однако он знал, что тут ничего не изменишь. В конце концов, как ни крути, армия наложила на него свою лапу.

Слишком скоро, по мнению Билла, звездолет совершил посадку в лагере Отчайник, названном так не потому, что он представлял собой еще то местечко (как

оно, впрочем, и было на самом деле), а в честь первого начальника базы, Мартина Гарри Отчайника, героя двух сражений при Среднем Зеленем Копыте и при Логове Заводилы, в которых народу погибло больше обычного (естественно, Мартина повысили в звании).

Отчайник находился на планете Следствие-10. То был крохотный мирок, на котором постоянно воняло тухлыми яйцами. Лагерь располагался на тропическом острове, отделенном от враждебного материка проливом, в котором бурлили и пенились многочисленные водовороты. Остров сильно смахивал на старый добрый Девилз-Айленд*; чтобы придать ему большее сходство, сюда доставили пальмы.

Билла посадили в тюрьму максимально строгого режима, настолько строгого, что туда с трудом проникала даже пища. Он исхудал, глаза у него покраснели; но вот однажды утром ему велели почистить форму и клыки. Герою Галактики предстоял суд, на котором офицеры должны были решить, как с ним поступить. Что касается клыков, члены суда не собирались, независимо от того, виновен Билл или нет, терпеть дурной запах из рта у подсудимого.

Билла привели в огромный амфитеатр, вмещавший, должно быть, около десяти тысяч зрителей. Свободных мест не было, поскольку военный трибунал считался достопримечательностью планеты; туристов водили на него, как на экскурсию. Организовать это слушание дела в амфитеатре решили потому, что обвинение в недобросовестности при исполнении служебных обязанностей обещало привлечь изрядное количество публики.

На суде присутствовали и присяжные. Недавние изменения в уставе требовали проводить заседание трибунала только с участием присяжных. Таким образом армейское начальство стремилось замаскировать недостатки системы правосудия. Присяжные голосовали так, как им рекомендовал председательствующий, поскольку иначе их расстреливали. Для экономии средств позднее было принято решение назначить постоянных присяжных, на роль которых выбрали двенадцать роботов из числа тех, что пострадали в различных сражени-

* Devil's Island (англ.) — Остров Дьявола, где находится тюрьма строгого режима.

ях и дожидались ремонта. Если не считать, что у каждого отсутствовала какая-либо часть тела, они вполне подходили под требования. К сожалению, некоторым недоставало голов, однако роботы утверждали, что мозги у них в грудных клетках. В конце концов всех без исключения из дюжины роботов объявили присяжными и запрограммировали на вынесение обвинительного вердикта.

— Встать! — крикнул пристав.

Зрители поднялись и зааплодировали главному судье, полковнику Вэссу Бейли, весьма популярному в армии человеку. Настоящее имя полковника было Льюис, а Вэссом его прозвали потому, что всем подсудимым он выносил один-единственный приговор: «Виновен, электрический стул, следующий». Зная о пристрастиях судьи, зрители, которые испытывали к подсудимым инстинктивное отвращение, заранее радовались исходу процесса. Кстати, если верить молве, находились и такие, кто считал, что Вэсс Бейли чересчур мягкосердечен и что тех, кого признали виновными, следует расстреливать на месте. Однако, как хорошо известно, армейский либерализм просочился даже в армейское судопроизводство.

Военного прокурора капитана Джеба Стюарта приветствовали восторженным ревом. Все знали, что за пять лет он не проиграл ни единого процесса. Еще один успешный сезон — и он получит Тройную корону юриспруденции.

— Нужно ли мне вдаваться в подробности? — справился Джеб Стюарт у членов суда звучным, поставленным голосом. — Рядовой Бил, заслуживающий наказания уже потому, что осмеливается именовать себя Биллом, с двумя «л», как офицер, нарушил статьи 23, 45, 76, 76а и 110б, подраздел «в», Стандартного воинского кодекса. Тем, кому интересно, какие именно преступления он совершил, советую заглянуть в розданные всем присутствующим шпаргалки. Бил, ты хочешь что-нибудь сказать?

— Сэр, я всего лишь исполнял приказ!

— А с каких пор, — осведомился с лукавой улыбкой Стюарт, — приказ служит оправданием в глазах военного трибунала?

— Но что мне было делать?

— Все, что положено, — прорычал Стюарт. — Мы обнаружили, что в ходе беспорядков среди гражданского населения чужой планеты ты совершил самовольную отлучку; затем сознательно связался с инопланетянкой, обитательницей планеты Цурис — а Империя ведет с Цурисом войну; далее, поселился, по причинам, о которых лучше не упоминать, внутри вражеского компьютера, а также сотрудничал с военачальником из другой эпохи, которого зовут Ганнибал и который не смог прибыть на заседание в связи с тем, что воюет с римским полководцем Сципионом Африканским. Однако у нас есть письменные показания Ганнибала. Он изложил свое мнение на карфагенском, поэтому возникли определенные трудности с переводом. Тем не менее мы полагаем, что там написано следующее: «Этот солдат виновен во всем том, в чем его обвиняют, а потому поджарьте ему задницу».

— Ганнибал мой друг, — заявил Билл. — Он не мог написать такого. Вы неправильно поняли.

— Убедись сам. — Стюарт многозначительно кивнул.

К нему подбежал делопроизводитель, сжимавший в руках большую глиняную табличку, на которой содержался клинописный текст.

— Я не могу прочесть, — сказал Билл.

— Естественно! — согласился Стюарт. — Было бы странно, даже подозрительно, если бы ты сумел прочесть, что здесь написано. Но тогда на каком основании ты отрицаешь наше истолкование документа?

— Придумать можно что угодно.

— Неужели? Мы предполагали, что ты избереешь подобный способ защиты, поэтому пригласили на заседание специалиста по надписям на неизвестных языках. Профессор Розетта Стоун, будьте добры, займите свидетельское место*.

Профессор Розетта Стоун оказалась высокой и костлявой старой девой, державшейся с редкой чопорностью. Она окинула амфитеатр презрительным взглядом и произнесла:

* Rosetta Stone (англ.) — Розеттский камень. Так называется обломок крупной базальтовой скалы, обнаруженной в Розетте (Египет). Содержит запись декрета в честь Птолемея V на греческом языке и иероглифами, что дало возможность расшифровать иероглифическое письмо.

— От специалиста моего уровня можно ожидать более разумной, если не сказать уместной, оценки и истолкования сомнительного текста, чем от профана, каким является плохо образованный солдат.

Все продолжалось в том же духе. Суд заслушивал свидетелей, которых Билл в жизни не видел. Впоследствии он узнал, что это были профессиональные свидетели, которые участвовали в рассмотрении тех дел, когда было ясно, что подсудимый полностью виновен, но доказательств не хватало.

Услышав, что один из свидетелей, священник альбигойской церкви, уверяет, будто он, Билл, виновен в разграблении Рима в 422 году нашей эры, Герой Галактики не выдержал и яростно запротестовал. Поскольку против него имелось значительное количество обвинений, по которым можно было вынести любой приговор, главный судья согласился с протестом Билла.

Когда ему предоставили последнее слово, Билл попросил разрешения подумать.

— Обвиняемые всегда просят об отсрочке, — улыбнулся судья. — Послушай, солдат, все уже решено. Можешь отказаться от последнего слова и сохранить тем самым драгоценное время.

— А если не откажусь? — спросил Билл.

— Тогда говори сразу. Кстати, твой вопрос будет фигурировать в качестве одного из пунктов обвинения.

— Все против меня, — произнес Билл, пожимая плечами. Ему было не впервой. — Что тут скажешь?

— Поторопись, — сказал судья. — Ты не представляешь, насколько я устал сидеть здесь и выносить приговоры преступникам, которые относятся к закону с неоправданной легкостью, нарушая его своими гнусными действиями. Ну что? Молчишь? Молодец! Ладно, переходим к приговору.

— Вы забыли спросить присяжных, — напомнил Билл.

— Ерунда! — отмахнулся судья. — Полагаю, мы можем забыть о формальностях и заняться делом.

— Нет! — воскликнул Билл. — Я хочу услышать, что скажут присяжные.

Лицо судьи выразило отвращение. Ему предстоял нелегкий день. Он договорился сыграть три партии в гольф, причем его партнеры, все люди высокого полета, не поймут, если он выступит слабее обычного.

Ведь они приехали в эту глухомань не для того, чтобы просто помахать клюшкой. Судье подумалось, что рядовой Билл — крепкий орешек. Еще никто из подсудимых не требовал вердикта присяжных. Вот вам доказательство того, как новомодные идейки разлагают армию. Бейли прикинул, не вытащить ли лазерный пистолет, который он всегда носил в кобуре под судейской мантией, и не избавить ли свет от этого мерзавца, что явно заслуживает смерти за любое, даже самое скромное, из своих преступлений. Нет, не стоит. Кому нужен очередной штраф за расстрел обвиняемого на месте? Чинуши из ставки требовали, чтобы все соответствовало букве закона. Вот если бы доказать, что в ставке собрались заговорщики, которые стремятся разрушить систему правосудия! Тогда бы он им показал!

Судья повернулся к присяжным. Девять голов, три грудные клетки. Пустые глаза и сверкающие корпуса роботов напомнили судье о присяжных на другом процессе, в котором он участвовал: там были и люди, и роботы, и обезьяны...

— Роботы-присяжные, — произнес судья, — выслушали ли вы с должным вниманием ответы свидетелей?

— Да, ваша честь, — отозвался старшина присяжных, дефективный робот с багровой физиономией, которую украшали большие круглые очки.

— Хватило ли вам времени, чтобы взвесить все «за» и «против» и принять решение?

— Да, ваша честь.

— Каков ваш вердикт?

— Мы считаем, что обвиняемый совершенно невиновен и заслуживает как минимум одной медали.

Судья окинул присяжных взглядом, выразившим одновременно ужас и ярость, что производило ошеломляющее впечатление,

— Правильно ли я расслышал?

— Зависит от того, что вы услышали, ваша честь, — хихикнул старейшина.

— Вы утверждаете, что подсудимый невиновен?

— Да, ваша честь, утверждаем. И не забудьте про медаль.

Амфитеатр превратился в пандемониум. Матери плакали и прижимали к себе детей. Настоящие мужчины курили сигареты. Роботы различных марок и моделей,

которые тоже присутствовали на процессе, хлопали в ладоши и пронзительно вопили (по до сих пор неясной причине роботы в состоянии возбуждения издают именно такие звуки). Судья раздулся как цыпленок, которому кое-куда приспичило. Несколько приставов хлопнулось в обморок, и их пришлось приводить в чувство крепкими напитками. Корреспонденты армейских газет бросились к телефонам. Билл спрыгнул со скамьи подсудимых и заключил в объятия своего друга ЦРУ, который радовался вместе с остальными.

— Здорово, Билл! — крикнул агент.

— Но почему? — спросил Билл. — Я никогда не слышал, чтобы роботы голосовали не так, как им положено.

— Внимание! — рявкнул судья. — Прекратить беспорядок! Слушание дела не закончено!

По мановению судейской длани приставы поспешили закрыть все двери. Однако за мгновение перед тем, как двери захлопнулись, в амфитеатр вбежал посыльный: с головы до ног в коже, на глазах мотоциклетные очки, на лбу капли пота. Он протянул судье листок бумаги и рухнул на пол; его тоже оживили глотком спиртного.

В наступившей тишине судья развернул листок. Поджал губы. Прокашлялся. Встал и свирепо поглядел на Билла.

— Возникли привходящие обстоятельства, — сказал он. — Публика затаила дыхание. — Тебя вызывает твой командир, — продолжил судья, обращаясь к Биллу. — Мне сообщили только сейчас, но присяжные, очевидно, узнали обо всем раньше.

Судя по гримасе на лице судьи, происходящее ему ни капельки не нравилось и он с удовольствием поставил бы кого-нибудь к стенке.

— Процесс окончен! — провозгласил Бейли. К Биллу тут же подошли полицейские, чтобы доставить Героя Галактики по месту назначения.

Глава 71

База выглядела точно такой, какой запомнилась Биллу. Горстка одно- и двухэтажных зданий посреди болота. Полицейские отвели Героя Галактики напрямик в штаб-квартиру, где сняли с него наручники, пожелали удачи и удалились.

Билл уселся на скамейку в приемной генерала Фоссбаргера, недавно назначенного начальником всего Южного Сектора. Вскоре секретарь жестом подозвал Билла к себе и сообщил, что можно войти.

Кабинет генерала отличался изысканностью обстановки: широкий, от стены до стены, ковер, датская мебель, фиолетовые обои с омерзительными рисунками, на столе графин с виски. И без того крупный, генерал, благодаря складкам жира на шее и щеках, выглядел изрядным толстяком. Те волосы, которые у него сохранились, были светлыми, что подтверждало распространившиеся перед прибытием Фоссбаргера слухи о Белокурой Бестии.

— Садись, Билл, — пригласил генерал. — Сигару? Выпить хочешь?

Сперва Билл решил отказаться: а вдруг его собираются отравить? С другой стороны, если он откажется, генерал вполне способен предъявить ему обвинение в неуважении к старшему по званию. Сомнениям Билла положил конец Фоссбаргер, наливший Герою Галактики виски и положивший на стол сигару.

— Давай, солдат, не стесняйся. Глотни, затянись. Между прочим, в этой сигаре отличный табак, вовсе не та дрянь, которую вы смолите в своих казармах. Значит, ты — Билл. Хорошо. Я много про тебя слышал и очень рад, что трибунал завершился оправданием. Да, повезло не только тебе, но и всем нам. Если бы ты был мертв, мы бы не смогли использовать твои навыки, верно?

Билл наконец сообразил, что неожиданному поведению присяжных существовало объяснение. В армии ничто не происходило без причины (неважно какой, главное — она наличествовала).

— Очень рад, сэр, — проговорил Герой Галактики, настороженно ожидая продолжения.

— Билл, тебе поручалось добыть Переместитель...

— Извините, сэр. — Билл съехал на стуле. — Он был у меня в руках, но потом столько всего случилось...

— Не переживай. Мы, кажется, знаем, где его взять.

— Здорово, сэр! — воскликнул Билл.

— Разумеется. К тому же особых усилий прилагать не придется.

— Еще лучше! — якобы обрадовался Билл, которого на самом деле все сильнее мучили подозрения.

— К сожалению, возникла одна заминка.

Билл кивнул. Почему-то он ни капельки не удивился. Ему разве что хотелось узнать, каким боком все это касается его.

— Цурихиане, — продолжал Фоссбаргер, — изъявили желание передать нам то, чего мы добиваемся. Однако с одним условием.

Билл застонал. Как будто мало было заминки! Теперь условие, а дальше наверняка будет и того хуже. Он яростно запыхтел сигарой, осушил до дна стакан. Чего же генерал тянет? Фоссбаргер понимающе кивнул и наполнил стакан Билла по новой.

— Так вот, Билл, они хотят, чтобы мы прислали на Цурис своего представителя, которого они научат пользоваться Переместителем. Сам понимаешь, со столь сложным прибором нельзя обращаться абы как.

— Естественно.

— Насколько мне известно, ты вызвался добровольцем.

— Нет! — крикнул Билл. — Ничего подобного! Никуда я не вызывался!

— Жаль, — отозвался генерал. — Кстати, ходят слухи о возобновлении судебного процесса. Учти, на сей раз все будут решать не роботы-присяжные, а один-единственный человек — я.

— А-а, — протянул Билл.

— Надеюсь, до этого не дойдет. Нам некогда заниматься такой ерундой. Приказываю тебе вызваться добровольцем! — Фоссбаргер вынул из ящика стола большой пистолет и нацелил оружие Биллу промеж глаз. — Ты отказываешься выполнять приказ?

— Прошу прощения, сэр, не могли бы вы растолковать мне, куда я вызвался добровольцем?

— То-то. — Генерал улыбнулся с видом стервятника, клюющего слоновью тушу. Пистолет исчез. — Спрашивай. У тебя на все вопросы ровно пятьдесят пять секунд.

— Почему я?

— Хороший вопрос. Потому, что ты уже бывал на Цурисе, а опытом пренебрегать не следует.

— Так точно, сэр.

— Но гораздо важнее то, что на твоем прибытии настаивал компьютер «Квинтиформ», который, как тебе известно, управляет Цурисом.

— «Квинтиформ»?

— Да. Он утверждал, что вам с ним нужно уладить одно дельце. Поскольку нам необходим Переместитель, мы не стали возражать. Тем более о том же просила и женщина.

— Какая женщина?

— По-моему, она назвалась Иллирией. Новый президент Цуриса.

— Как она ухитрилась? — удивился Билл.

— Точно пока не знаем. Кажется, поменяла тело.

— Опять? — Билл вздохнул. Судя по всему, спасения не было. — А вы не знаете, сэр, в кого она переселилась на этот раз?

— Сам я ее не видел, — ответил Фоссбаргер. — Но она просила передать, чтобы ты готовился к сюрпризу.

— Хватит с меня сюрпризов!

— Вдобавок на Цурисе тебя ждет твое старое тело.

— Но у меня есть тело!

— Его следует вернуть компьютеру, поскольку оно, всего-навсего, было отдано тебе во временное пользование.

— А какое теперь тело у Иллирии?

— По ее словам, настолько маленькое, что помещается внутри компьютера.

— Я не хочу жить в компьютере! — простонал Билл.

— Попробуй; возможно, тебе понравится. Иначе... — В руке генерала вновь оказался пистолет.

— Слушаюсь, сэр! — прорыдал Билл.

После разговора с Фоссбаргером Билл заглянул в солдатскую столовую, заказал выпивку и принялся думать. Стоило ему только вернуться на службу, как его тут же снова выгнали с базы. Обратно к Иллирии и компьютеру. Пропустив стаканчик, Билл почувствовал себя чуть лучше. В конце концов, «Квинтиформ» — вполне приличная машина. А Иллирия...

Да, убеждал себя Билл, с «Квинтиформом» всегда можно договориться. Он наверняка обрадуется встрече. Да и Иллирию приятно будет повидать. В армии ведь такой порядок: бери, что дают. Выходит, надо брать.

Тогда почему он плачет? Откуда взялись слезы, что бегут по щекам и капают в стакан?

Глава 72

На Цурисе Билла встретила толпа аборигенов, тела которых состояли из трех привычных сфер. Врачи, с которыми он познакомился во время своего прошлого визита, приветствовали его дружескими жестами. Едва маленький космобот совершил посадку, Героя Галактики без лишних церемоний, под радостные возгласы местных жителей, отвели в подвал главного здания планеты: именно там обосновался компьютер.

— Привет, Билл, — сказал «Квинтиформ». — Рад тебя видеть.

— Привет, — осторожно ответил Билл. — Похоже, ты на меня не сердишься.

— Конечно, нет. Мы с тобой всегда находили общий язык.

— Зачем ты послал за мной?

— Долго объяснять.

— Ничего, времени у меня достаточно.

— Понимаешь, жена попросила. Сказала, что это будет самый лучший свадебный подарок.

— Твоя жена? Разве у компьютеров бывают жены?

— Вообще-то нет, — произнес «Квинтиформ». — Но ты не знаешь моей жены. Решительная женщина.

— То есть машина? Я с ней знаком?

— Вовсе не машина. Ее зовут Илирия.

— Илирия? — промямлил Билл.

— Кто меня зовет? — заинтересовался женский голос.

Билл, хотя никогда раньше его не слышал, сразу догадался, что он принадлежит Иллирии. Ошибиться было невозможно.

Иллирия вошла в комнату. Ее новое тело... Если вам, как и Биллу, нравятся пухленькие женщины, вы разделите чувства Героя Галактики.

— Ничего не понимаю, — пожаловался Билл.

— «Квинтиформ»! — проговорила Иллирия, повернувшись к видеоэкрану.

— Да, любовь моя.

— Не слушай, пока я тебе не разрешу.

— Хорошо, дорогая. Мне как раз пора проверить, как обстоят дела на планете. — Компьютер загудел. Постепенно гудение стало тише, словно машина удалялась (вполне возможно, так оно и было), а затем установилась полная тишина, если не считать слабого эха, которое вскоре тоже пропало.

— Иллирия, как ты могла выйти замуж за компьютер?

— Милый, я согласилась только ради того, чтобы он вернул мне тебя.

— Но ты замужем. На кой ляд я теперь тебе нужен?

— Билл, компьютер просто лапочка, его интересуют человеческие эмоции, но с ним — одни разговоры. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Вроде бы. Но я же на службе! Меня послали на задание...

— Если времени мало, дорога каждая секунда, — перебила Иллирия, раскрывая объятия. — Начнем вот так, — прошептала она.

За мгновение перед тем, как отдаться страсти, Билл подумал, что действует точно по приказу.

До чего же противная штука война!

Содержание

Билл, герой Галактики, на планете непознанных наслаждений, роман, <i>перевод с английского Н. Михайлова</i>	5
Билл, герой Галактики, на планете закупоренных мозгов, роман, <i>перевод с английского Н. Михайлова</i>	195

Миры Гарри Гаррисона кн. 16 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 463 с.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга шестнадцатая

Составитель *А. Новиков*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *А. Александрова, М. Катаева*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *О. Соколова, А. Хиршфелде*

Оператор компьютерной верстки *В. Хисамеев*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление обложки и форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 25.10.94. Формат 84х108/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 24,36. Тираж 30 000 экз. Заказ № 31. С 044

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

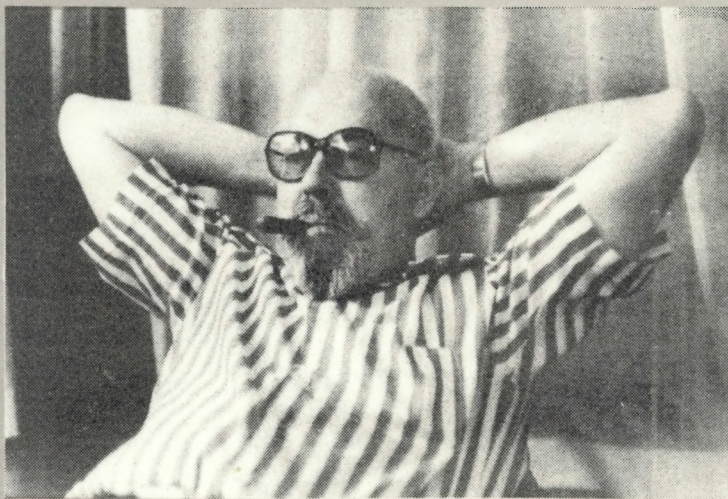
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета по печати Российской Федерации.

170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher